

*Духовное наследие
Оптиной
пустыни*

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

Житие
оптинского старца Макария

ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
2017

УДК 271.22-36

ББК 86.372

A23

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

A23 Житие оптинского старца Макария / схиархимандрит Агапит (Беловидов). — Козельск : Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2017. — 512 с. : ил. — (Духовное наследие Оптиной пустыни).

Житие оптинского старца Макария при жизни автора не было опубликовано. Этот замечательный агиографический труд схиархимандрита Агапита (Беловидова; † 1922), очевидца и собрата оптинских старцев, изложен по-монашески скромно, просто и честно и позволяет читателю непосредственно ощутить духовную атмосферу одного из лучших монастырей ушедшей эпохи.

УДК 271.22-36

ББК 86.372

ИС Р16-621-3376
ISBN 978-5-86594-215-3

© Введенский ставропигиальный
мужской монастырь Оптиная
пустынь, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Мы живем во времена, изобилующие религиозной литературой как никакие другие. Художественные произведения христианских классиков и пастырское слово известных проповедников, учебные пособия для духовных школ и научные труды на богословские и церковно-исторические темы, увлекательная мемуарная литература и брошюры, освещающие насущные духовные проблемы новейшего времени, — все это сегодня широко издается, доступно верующему человеку и способно удовлетворить любой читательский вкус. Но надо признать, что при всем изобилии, при всем разнообразии книжного ассортимента есть такие повествования, которые никогда не потеряют своего значения, благодатной силы и новизны. *Присно-юными*, читающимися каждый раз как впервые называет святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем вступлении к «Отечнику» тексты о жизни и подвигах подвижников и их мудрые поучения.

Другое дело, что современный читатель, привыкший существовать в условиях больших скоростей и информационной перенасыщенности, постепенно утрачивает интерес к работе над книгой, к неспешному и вдумчивому вхождению в ее материал, подчас непростому, требующему времени и нравственных усилий. В погоне за злободневным и увлекательным, довольствуясь яркими, но зачастую поверхностными и скороспелыми осмыслениями, мы рискуем не то что пройти мимо, но даже и не заметить те заветные тропы, которые способны приблизить нас к тонкому и прекрасному миру Православия и обогатить наши сердца.

Предлагаемое нашим издательством **«Житие оптинского старца Макария»** — книга, способная не только указать на эти потаенные тропы, но и провести по ним. Обладая неоспоримыми литературными достоинствами, данный агиографический труд является вместе с тем достоверным историческим источником своей эпохи.

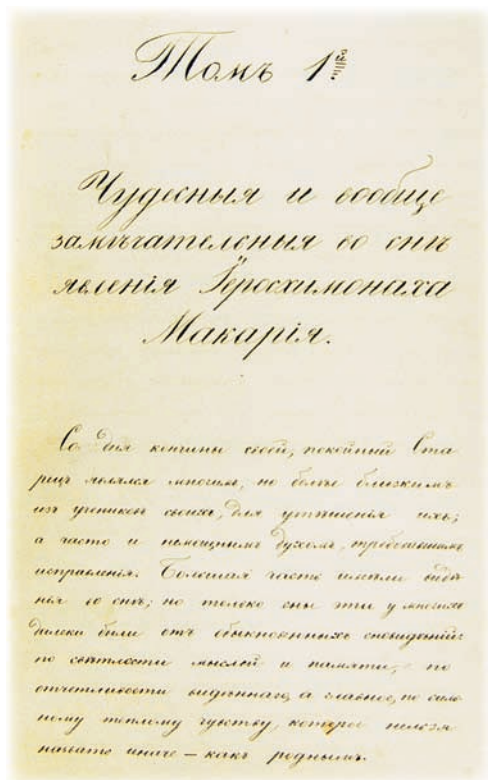
Первое жизнеописание своего великого Аввы оптинцы готовили еще при жизни старца: уже тогда было вполне очевидно, что свидетельства о подвигах и дарованиях преподобного и его обширная переписка, поражающая своей аскетической глубиной, по праву займут место в мировой сокровищнице святоотеческого наследия. С 1859 года серьезную работу над жизнеописанием и подбор необходимых материалов начинает иеромонах Леонид (Кавелин) — один из ближайших учеников старца, историк и агиограф, будущий наместник Троице-Сергиевой лавры. Уже в 1861 году было опубликовано «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария», которое впоследствии легло в основу труда схиархимандрита Агапита (Беловидова) — автора этой книги, о котором пойдет речь ниже.

Что же представляла собой Оптина пустынь в девятнадцатом столетии и какую роль в ее небывалом духовном взлете сыграл старец Макарий?

Время его старчества именуется *золотым веком* Оптины: преподобный воспитал целую плеяду учеников, составивших славу русского монашества. Можно смело предположить, что, не случись рядом с первопроходцем — преподобным Львом (Наголкиным) — равновеликого ему подвижника, традиция старческого окормления могла бы не получить своего развития. Прозорливому основателю оптинской духовной традиции предстоял тяжелый труд по преодолению внешних препятствий и немалые скорби от гонений и наветов, неизбежных при всех великих начинаниях, но все могло завершиться так, как

и во многих других монастырях: время от времени то в одной, то в другой обители появлялись отдельные выдающиеся иноки, но ни о каком духовном преемстве и расцвете монастыря речи не было. Преподобные Лев и Макарий, восприемники аскетической школы духовного гения, преподобного Паисия (Величковского), осваивали «науку из наук» под руководством его непосредственных учеников, и для оптинцев, среди которых не все вполне понимали значение старчества, приход в Оптину отца Макария оказал решающее влияние на положительную перемену в их сознании.

Преподобный Макарий поступил в Оптину уже сложившимся подвижником. До этого он свыше двадцати трех лет подвизался в Площанской пустыни, исполнял обязанности благочинного и пользовался уважением как в совершенстве знающий богослужебный устав и сведущий в святоотеческих писаниях. К тому же старец долгое время являлся духовником Севской женской обители. Его имя уже было известно, и к нему, как к опытному наставнику, обращались за духовным окормлением и монашескую, и миряне. Отец Макарий, как истинный подвижник, прежде всего отличался глубоким смирением. Сам перевод старца из Площанской пустыни в Оптину проходил в духе терпеливого и кроткого ожидания воли Божией, и когда прошение о переводе было удовлетворено, преподобный принял это с тем спокойным упованием, с каким принял бы и отказ. Желание его провести остаток своего жизненного пути в повиновении старцу Льву — свидетельство того, насколько дорожил подвижник той духовной куплей, которая совершается в аскетике только при посредстве наставника.

Рукописные материалы
к жизнеописанию
старца Макария.
1860-е годы.
ОР РГБ

Надо ли упоминать, что пример такого самоотречения оказался для оптинцев убедительнее всяких слов?

Старец Лев и сам высоко чтит преподобного Макария, подчас прямо указывал на его святость и, конечно, не считал его учеником. Жизнеописание правдиво упоминает несколько случаев достаточно сурового обращения старца Льва с преподобным Макарием, но поскольку это носило прилюдный характер и было общеизвестной смиряющей манерой преподобного Льва, то понятно, что подобное обращение преследовало дидактические цели не столько в отношении кроткого старца, сколько в отношении окружающих.

Еще при жизни старца Льва его сподвижник преподобный Макарий начал старчествовать, являлся братским духовником, а в 1839 году был поставлен скитона начальником. После кончины преподобного Льва, последовавшей в 1841 году, бремя старческого окормления монастыря, скита и множества богомольцев целиком и полностью легло на плечи его преемника, и как не жалел себя ради помощи людям великий Лев, так не жалел себя впоследствии и преподобный Макарий.

В Оптину пустынь наряду с иноками и просто-народьем за духовным назиданием шло дворянство и российская интеллигенция: литераторы и политики, философы и богословы; все они находили здесь душевную пользу и, соприкасаясь с благодатным старцем, открывали для себя красоту Православия. Именно в период старческого служения преподобного Макария началась духовно-просветительская деятельность монастыря. Выдающиеся умы своего времени, такие как И. В. Киреевский, ставили духовную мудрость отца Макария выше мудрости гениальных сынов века сего и в итоге становились апологетами веры среди соотечественников, инфицированных человекобожием — гуманистическим идеалом Запада.

*Титульный лист
первого опубликованного
жизнеописания старца
Макария. 1861*

В Оптину, поступая в число насельников обители, начали стекаться люди образованные, из которых со временем сложился костяк замечательных переводчиков, историков и агиографов. Преподобный Амвросий (Гренков), будущий архиепископ Иувеналий (Половцев), архимандрит Леонид (Кавелин), монах Порфирий (Григоров) и многие другие талантливые иноки — все они много потрудились под руководством старца Макария в деле духовного просвещения. Жизнеописание говорит, что у оптинских переводчиков «не было недостатка в усердии, но... если кто и чувствовал по временам изнеможение, то отнюдь не старец — старец был неутомим»: он трудился не жалея своих сил и трепетно боялся упустить тончайший оттенок духовного смысла переводимых текстов. В итоге Оптина познакомила русского читателя с именем преподобного Паисия (Величковского), сделала доступными многие сочинения выдающихся аскетов древности и обогатила отечественную христианскую литературу не только переведенными со славянского известными житиями святых, но и творениями собственных агиографов.

Но как бы ни был велик объем книгоиздательских трудов, сколько бы сил ни отнимало духовное окормление приходящих к нему богомольцев, основной заботой старца оставалось воспитание иноков. Этой стороне его деятельности в «Житии» посвящены, пожалуй, одни из самых интересных глав, которые, с одной стороны, дают классические для агиографических текстов нравственные уроки, а с другой — являются правдивым, неприукрашенным историческим свидетельством.

Братия открывали прозорливому наставнику свои сердца, а он, как знающий тончайшие движения души и уклонения помыслов, прилагал к внутренним язвам своих подопечных потребный каждому пластырь. Жизнеописание повествует о том, как старец прилюдно «пробрал» будущую славу Оптиной, преподобного

Анатолия — тогда еще молодого послушника Алексея Зерцалова. Начинаящий подвижник поведал старцу о похвале, какую получил от самого святителя Игнатия (Брянчанинова), и, оберегая послушника от превозношения, старец Макарий вернул его на путь спасительного смиренного мудрия через свою строгость.

Однако мудрый старец снисходил человеческой немощи, когда это было действительно необходимо. Очень показательна в этой связи история с иеросхимонахом Платоном (Покровским), поведенная в жизнеописании подробно и с любовью. Отца Платона, в ту пору еще рясофорного монаха, отличали нерешительность и слабое произволение к иноческой жизни, и старец, как «добрая богобоязненная няня», входил в его нужды и переживания, поддерживая брата то лаской, то добрым вразумлением. Надо ли говорить, какой благодарностью и любовью к своему чуткому старцу исполнялись сердца его подопечных!

Сама нравственная обстановка в обители при старце Макарии была настолько гармоничной, естественной и здоровой, что это с восхищением отмечали даже светские посетители монастыря. Так, известный в то время духовный писатель, богослов и историк А.Н. Муравьев писал в своем очерке «Оптина пустынь»: «Я не видал напряженного изъяснения монашеского послушания пред его (преподобного Макария) лицом в частых земных поклонах, не всегда искренних... напротив, все открыто смотрели ему в глаза, потому что у них не было на сердце ничего для него тайного, изъясняя, однако, глубокое перед ним уважение в каждом слове и действии... но все это было совершенно просто, так что казалось, что он обращался в кругу своего семейства...» В этой открытой, живой и лишенной подобострастия атмосфере и созидали свои душевные храмины оптинские иноки.

Когда преподобный тяжело заболел перед кончиной, страдания его явили для братии еще одно свидетельство святости старца, который продолжал,

испытывая сильные мучения, прилежно выслушивать положенное молитвенное правило и славословить Бога. Особенно показательны в связи с предсмертными страданиями преподобного Макария воспоминания многолетнего его лекаря Ивана Львовича Плетнера — человека, не принадлежавшего к Православию и, судя по всему, все восемнадцать лет знакомства со старцем воспринимавшего его как заурядного пациента. Его врачебная ошибка значительно усугубила страдания больного. И вот, потрясенный кротостью преподобного, нимало не возымевшего на него неудовольствия, потрясенный и тем, что многие годы он даже и не подозревал, какого внутреннего мужества и терпения исполнен его пациент, доктор заключает: «Только теперь могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел... Вот как трудно видеть совершенство, а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека».

Старец скончался в 1860 году накануне праздника Рождества Пресвятой Богородицы и был погребен близ могилы своего сподвижника и наставника старца Льва. В 1996 году оба старца были прославлены в лике местночтимых святых Калужской епархии, а в 2000 году — для общецерковного почитания. Мощи святых обреты в 1998 году и ныне покоятся рядом во Владимирском храме Оптиной пустыни.

Андрей Иванович Беловидов — будущий агиограф схиархимандрит Агапит — поступил в Оптину в 1867 году, уже после кончины преподобного Макария. Биографических сведений об отце Агапите сохранилось немного. Известно только, что он был выходцем из семьи канцеляриста Лебедянского духовного правления, окончил полный курс Тамбовской семинарии, а в Оптине имел родного дядю — иеросхимонаха Платона (Покровского), близкого семинарского друга

самого старца Амвросия. Мы можем предположить, что Андрей Иванович пришел в Оптину с серьезной внутренней установкой; судя по отсутствию каких-либо личных воспоминаний, переданных изустно, он не был охотником поговорить о себе и настрой имел подвижнический и самоуглубленный. Не случайно по прошествии недолгого времени его определили письмоводителем к преподобному Амвросию, и вскоре молодой инок получил благословение старца на составление жизнеописания затворника Илариона Троекуровского... Позднее выйдут в свет и другие работы отца Агапита и, конечно, жизнеописание и самого старца Амвросия — один из лучших агиографических трудов того времени, а возможно, и самый лучший.

Окормляясь у преемника и ученика старца Макария, преподобного Амвросия, питаюсь духом добрых монастырских традиций, отец Агапит в особой оптинской атмосфере развил и свою врожденную писательскую интуицию. Его перо отличают простота, скромность, духовное рассуждение, глубокое знание святоотеческого наследия и в то же время пристальный интерес к душе человека, уважение к его индивидуальным особенностям, снисходительность и терпимость, отличающие людей великодушных, мужественных и опытных.

В 2010 году издательством Оптиной пустыни был выпущен еще один труд схиархимандрита Агапита — «Жизнеописания почивших скитян» — емкие и духовно содержательные портреты усопшей братии. Составленные в начале XX века по благословению оптинского скитоначальника старца Варсонофия, сегодня эти записи представляют собой достоверный исторический источник, позволяющий лучше узнать внутренний уклад жизни насельников Иоанно-Предтеченского скита и передающий удивительный духовный аромат давно ушедшей Оптины.

Схиархимандрит Агапит прожил долгую, насыщенную трудами жизнь. Он занимал настоятельскую

должность в Лихвинском Покровском Добром монастыре, после — в Мещовском Георгиевском, являлся благочинным половины монастырей Калужской епархии, имел учеников, а в годы пребывания на покое в родной Оптине был духовником для многих братьев. Снова поселился в оптинском скиту отец Агапит в 1897 году, когда по болезни оставил должность епархиального благочинного и вернулся в родную обитель. Тем, кто знал его в эти годы, он запомнился высоким белобородым старцем, одетым в белую рясу и опирающимся на белый же костыль. Впрочем, болезнь ног не позволяла отцу Агапиту обходиться без постоянного медицинского присмотра, и в 1906 году он был вынужден покинуть скит, где создавал когда-то свои первые агиографические очерки, и перебраться в монастырскую больницу.

После известных драматических событий в Оптине в начале двадцатого столетия и отъезда старца Варсонофия в Старо-Голутвин монастырь в 1912 году выбор старшей братии пал на схиархимандрита Агапита: именно он должен был стать следующим скитона начальником и старцем. Однако отец Агапит отказался старчествовать — так же, как неоднократно отказывался перед этим от архирейства: видимо, бремя общественного служения он почитал высшим своих сил.

Примерно в начале столетия отец Агапит принялся за кропотливый труд над собранными материалами к подробному жизнеописанию старца Макария. В скитской летописи 11 сентября 1901 года рукою старца Варсонофия записано, что для составления «нового, более

Фотографий архимандрита Агапита не сохранилось. Однако с высокой степенью вероятности можно предположить, что на этой фотографии 1910 года среди братий Оптиной пустыни на самом верху в белом подряснике присутствует отец Агапит

полного жизнеописания старца отца Макария... материалы переданы отцу архимандриту Агапиту». Автор «Жития» располагал всем обилием собранных монастырем материалов, из которых, как свидетельствует архив Оптиной пустыни, использовал далеко не все. Изучение неиспользованных материалов показывает, насколько строго подходили оптинцы к подобной работе, что может служить примером для многих современных авторов. Язык жизнеописания, со всей свойственной автору-иноку сдержанностью, строгостью и отсутствием елейной стилизации, позволяет вполне ощутить веяние живой, благодатной атмосферы золотого века Оптиной пустыни, этого исключительного по своему духовному значению русского монастыря.

При подготовке публикации использовались «Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария» — совместное издание Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и издательства «Отчий дом» 1997 года; «Житие оптинского старца Макария» иеромонаха Леонида (Кавелина), изданное Оптиной пустыню в 1995 году; архивные материалы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: «Собственноручные записки скитоначальника Оптиной пустыни иеросхимонаха Анатолия» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-298), скитская летопись (ОР РГБ. Ф. 213. Опт.-359, 360, 361, 367) и другие, а также материалы из Государственного архива Калужской области.

Текст незначительно адаптирован и по возможности приближен к современной орфографии и снабжен редакторскими комментариями.

**ЖИТИЕ
ОПТИНСКОГО СТАРЦА
МАКАРИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В предисловии первого издания жизнеописания почившего о Господе оптинского старца иеросхимонаха Макария († 1860) достопочтеннейший автор оного, иеромонах (впоследствии архимандрит) Леонид (Кавелин), между прочим написал следующее: «Приняв на себя труд, по общей просьбе многочисленных учеников и особ, пользовавшихся духовными наставлениями старца, составить очерк его богоугодной жизни, близким свидетелем которой сподобил Господь быть и меня, многогрешного, — я дерзнул на сие лишь в той надежде, что исполненные духовной мудрости письма старца, помещенные в приготовленном к печати сборнике, дополнят духовную скудость моего сказания. Не излишним считаю заметить, что все собранные мною здесь сведения о покойном старце проверены свидетельством ближних учеников нашего общего отца, наставника и благодетеля».

Таким образом, главным источником для составления вновь жизнеописания старца Макария принято:

- 1) изданное в 1861 году с таким заглавием: «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария» в полном составе без изменения.

Далее к пополнению предлагаемого жизнеописания послужили:

- 2) давно напечатанные письма старца Макария;
- 3) скитская летопись;
- 4) собственноручные записки покойного скито-начальника иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), бывшего ближайшего ученика старца Макария;
- 5) записки монахинь некоторых женских монастырей, по преимуществу Белевского;
- 6) наконец, устные рассказы оптинских монахов-старожилов, которые теперь уже все отошли в жизнь вечную.

Всеблагий Господи! Помогите, за молитвы подвижавшегося Тебе ради в жизни сей временной почившего старца, приснопоминаемого иеросхимонаха Макария, совершить предпринятое дело к прославлению пресвятого имени Твоего и описываемого здесь верного раба Твоего!

ГЛАВА 1

Происхождение Михаила Николаевича Иванова, впоследствии старца иеросхимонаха Макария, и его мирская жизнь

По кончине первого великого оптинского старца, иеромонаха Леонида, в схиме Льва, положившего в Оптиной пустыни начало старчества, преемником его и вторым великим оптинским старцем был иеросхимонах Макарий. Он происходил из дворян Орловской губернии, по фамилии Ивановы. Как родители его, так и предки их отличались особенным благочестием.

Прадед старца Макария, Иоанн, был иноком Карачевского Николаевского Одрина монастыря и в монашестве переименован в Иосифа; памятен был своей строгой постнической жизнью. Сказывали, что ежегодно во всю святую Четыредесятницу он вкушал вареную пищу только по субботам и воскресным дням, а в среды и пятки съедал по одной

просфоре; остальные же дни поста проводил вовсе без пищи.

Дед и бабка старца Макария, о которых он знал из рассказов своих родственников, имели также свои добрые качества. Бабка по преимуществу отличалась делами благотворительности. Следуя словам Священного Писания *просящему у тебе дай* (Мф. 5, 42), она никому не отказывала в подаении посильной милостыни, а сверх того по субботам сама ходила тайно подавать заключенным в городской тюрьме пироги и пышки домашнего печения.

Добродетелью это однажды спасло ей с супругом жизнь. По рассказу самого старца Макария, дело было так. Дед и бабка его ехали куда-то зимой и были остановлены на дороге шайкой разбойников. Один из числа их, заглянув в повозку, узнал в сидевшей внутри женщине ту самую, из рук которой он не раз, будучи в тюремном заключении, получал милостыню, и потому уговорил своих товарищей пощадить их. Разбойники отобрали у них лошадей и большую часть поклажи, но оставили им необходимое по зимнему времени платье, повозку и одну лошадь, чтобы было на чем доехать до ближнего селения. Так милостыня, по Писанию, искупующая душу от многих грехов (Дан. 4, 24), на сей раз избавила возлюбивших ее и от смерти телесной.

Родители старца Макария, Николай Михайлович Иванов, в чине коллежского асессора, и Елизавета Алексеевна, урожденная Емельянова, сверх родового поместья господ Ивановых — сельца Щепятина Орловской губернии Дмитровского уезда — владели населенными имениями и в других губерниях, в том числе и в Калужской. В окрестностях города Калуги,

Калужский Лаврентьев монастырь. Фотография. Конец XIX — начало XX века. АОП

вблизи Лаврентьева монастыря¹, принадлежало им небольшое селцо Железники², где они и проживали. В этом селце в 1788 году 20 ноября родился у них сын-первенец (будущий старец Макарий)³ и был наречен во святом крещении Михаилом, в честь святого Михаила, князя Тверского, коего память 22 ноября.

Не лишним считаем заметить, что селцо Железники расположено в чрезвычайно живописной местности. От Лаврентьева монастыря и подмонастырской слободки Подзавалье оно отделяется глубокой луговой долиной, по которой в совершенно плоских берегах протекает излучистая речка Яченка, впадающая в Оку, а Железники раскинуты по скату покрытой лесом возвышенности, которая, окаймляя луговую долину, тянется вдоль правого берега этой речки. На самой оконечности деревенского поселка против северной стороны Лаврентьева монастыря стоял уютный сельский домик, в котором жили родители Михаила. Дом этот, по обыкновению, окружен был необходимыми службами с садом. Вблизи, по скату той же горы, росла березовая роща. Из окон дома, со двора, из сада и рощи открывались ненаглядные виды. Внизу под горою — излучистая речка Яченка, текущая в ровных берегах и окаймленная лугами. На противоположной возвышенности — мужской монастырь во имя праведного Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского чудотворца, где почивают под спудом его святые мощи. Обитель вся окружена тенистым садом, отчего верхи белых ее зданий выказываются из купы деревьев, точно белоснежная лилия в корзине зелени. Далее, вправо, на одной высоте с монастырем виднелась Крестовская часовня на Боровской дороге

¹ Лаврентьев Рождественский монастырь. Сведения о зарождении монастыря относятся ко времени кончины блаженного Лаврентия. 10/23 августа 1515 года блаженный Лаврентий преставился и был погребен в любимом им храме в честь Рождества Христова. Мощи утрачены. (Здесь и далее сноски без указания авторства принадлежат редактору. Примечания автора указаны особо.)

² Селцо это после принадлежало господину Делянову. Родитель старца Макария по доброте своей в свое время отдал это имение в поручительство за долг своего приятеля, который долга этого не уплатил, и имение господина Иванова поступило в продажу. — *Примеч. авт.*

³ Здесь и далее в круглых скобках в тексте примечания автора.

¹ Архимандрит Феофан (Некрасов; † 25.08.1817), с 1786 года настоятель Калужского Лаврентьева монастыря, с 1800-го — Можайского Лужецкого монастыря, с 1803-го — Спасо-Андроникова монастыря в Москве, где и скончался.

² В календаре 1840 года, принадлежавшем старцу Макарию, рукою его написана следующая заметка: «18 февраля 1840 года, в воскресенье, в девять часов пополудни, скончался брат мой, Алексей Николаевич Иванов, в Орле. Родился 1789 года, декабря 8-го дня; всей жизни было 50 лет, 2 месяца и 10 дней. Скончался христианскою кончиною, в вере и надежде воскресения и жизни вечной. Пред кончиною сообщался 4 и 15 февраля; а за несколько минут оборван маслом, и отходная прочитана. Сподоби его, Господи, Царствия Небесного и сотвори ему вечную память! Павел скончался в 1831 году; одна из дочерей его, Варвара Павловна, с 1849 года посвятила себя иноческой жизни и ныне находится в Севском девичьем монастыре, именуясь в рясофоре Мелания. Петр скончался еще младенцем в Карачеве». — *Примеч. авт.*

³ Андроников (Спасо-Андроников) монастырь — бывший мужской монастырь на левом берегу реки Яузы. Основан в 1357–1358 годах по обету ►

(ныне здесь церковь и богадельня епархиального ведомства), городское кладбище, усеянное многочисленными памятниками, и южная оконечность Калуги со зданиями и садами. Наконец, вдали, на самом краю горизонта, блестит зеркало многоводной Оки — там, где вливается в нее Яченка и где показывают следы древнего городища. Позади дома с хозяйственными заведениями, гумнами и овинами продолжался лес, а за ним начинались обрабатываемые поля.

Среди впечатлений этих приятных для зрения и отрадно мирных для сердца видов сельской природы, имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился до слуха обитателей Железников звон колоколов, призывавший иноков к молитве, возрастал малютка Михаил, будущий инок и молитвенник.

Настоятелем Лаврентьева монастыря в то время, когда близ него проживали родители Михаила, был архимандрит Феофан¹, муж благоговейный, ласковый и обходительный. Находившись в близком духовном общении с господами Ивановыми, он воспринимал у них от святой купели детей, но всех ли, утвердительно сказать нельзя. А что архимандрит Феофан был восприемным отцом сестры старца Макария Варвары, об этом сказывал сам старец. При личных воспоминаниях об обители праведного Лаврентия отец Макарий передавал из своей детской жизни такой замечательный случай. Однажды, будучи там с родителями у обедни, он, кажется во время чтения Апостола, увидев сидевшего в алтаре архимандрита Феофана, которого очень любил, стремительно вбежал к нему в алтарь через отворенные Царские врата. У господ Ивановых, кроме первенца Михаила,

было еще три сына: Алексей, Павел, Петр — и дочь Варвара².

По свидетельству оставшейся в живых некоей сверстницы Михаила, мать его, Елизавета Алексеевна, женщина смиренная и богобоязненная, из всех своих детей особенно безотчетно любила своего первенца. В объяснение этого она говорила своим близким так: «Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное». Вместе с тем Михаил с раннего детства невольно привлекал к себе общее внимание всех знавших его своими добрыми свойствами: тихостью, кротостью и молчанием. Он даже не участвовал в играх своих братьев и сверстников, а постоянно пребывал дома и почти не отходил от колен своей любимой матери, как бы в предчувствии, что всем им недолго остается пользоваться ее ласками. Так действительно и случилось. Вскоре слабое здоровье Елизаветы Алексеевны до того расстроилось, что Николай Михайлович должен был оставить свой тихий сельский приют и переехать со всем семейством в Москву для пользования больной. Старшему сыну их, Михаилу, тогда было пять лет. Через три года после того (в 1797 году, 21 января) Елизавета Алексеевна скончалась от чахотки и погребена в Андрониевом монастыре³. А Николай Михайлович с детьми своими, Михаилом, Алексеем и Павлом, переехал в Дмитровский уезд в родовое свое имение — село Щепятино. Дочь же его, Варвара Николаевна⁴, оставшись по кончине матери нескольких месяцев, взята была на воспитание родной своей теткой О. П. Голдобиной, которой именье находилось в Костромской губернии, Кинешемском уезде, близ Судиславского посада.

◀ святителем Алексием, митрополитом Московским. Назван в честь Нерукотворного Образа Спасителя и по имени первого игумена — преподобного Андроника Московского, ученика преподобного Сергия Радонежского.

⁴ В прежних изданиях жизнеописания старца Макария год рождения Варвары Николаевны означен 1793-й. Но это, должно быть, ошибка, так как по тому же жизнеописанию мать ее, Елизавета Алексеевна, скончалась в 1797 году, а дочь ее, упоминаемая здесь Варвара, осталась после нее нескольких месяцев. — *Примеч. авт.*

Калужский Лаврентьев монастырь. Фотография. Конец XIX — начало XX века. АОП

¹ Карачев — город в Брянской области, один из древнейших русских городов, впервые упоминающийся в Ипатьевской летописи под 1146 годом.

В том же 1797 году Николай Михайлович переехал из села Щепятина в город Карачев¹ для совместного жительства с родной сестрой своей Дарьей Михайловной, супруг которой, Семен Феодорович Передельский, служил тогда по выбору дворянства членом Карачевского уездного суда. Дети Николая Михайловича, Михаил, Алексей и Павел, вместе с двоюродным своим братом Алексеем, сыном Передельского, были тогда же помещены в городское приходское училище. Михаилу было тогда девять лет. Здесь-то начал и окончил свое школьное образование отрок Михаил, будущий духовный вождь и наставник.

² Авдотья Ивановна Сандулова — двоюродная сестра старца Макария, дочь Анны Михайловны Веревкиной, родной его тетки. Анна Михайловна владела частью сельца Щепятина и была очень дружна со своим братом Николаем Михайловичем Ивановым, родителем отца Макария. — *Примеч. авт.*

Когда же Николай Михайлович в летнее время по требованию хозяйства уезжал в свою деревню, сельцо Щепятино, дети его, чтобы не прерывать занятий, оставались в Карачеве на попечении своих ближайших родственников, Дарьи Михайловны Передельской и Авдотьи Ивановны Сандуловой². Около 1801 года, когда Передельские переехали в свою деревню, они взяли к себе домашнего учителя для продолжения воспитания сына. По воспоминанию сего последнего, «учителя звали Артемоном Петровичем... (фамилии, пишет он, не упомяну) из благородных, — человек благочестивый и с познаниями в науках». Тогда и Михаил со своими двумя братьями переехал в дом своей родной тетки, где они и продолжали обучаться вместе с ее сыном чистописанию, грамматике и арифметике.

В деревне у Передельских Михаил прожил не более года. В 1802 году он поступил бухгалтером в уездное казначейство в городе Льгове Курской губернии, где место казначея занимал тогда С. Я. Сандулов, родственник Михаила, а места бухгалтерских помощников заняли родной брат Михаила Алексей

и двоюродный, также Алексей, Передельский. «Три нас малолетка, — рассказывал сей последний, — управляли канцеляриею казначейства с особенною исправностию». Впоследствии старец Макарий в разговорах с близкими прибавлял к этому: «Бывало, из-за одной копейки, по случаю недочета, приходилось просиживать по целой ночи, дабы свести приход с расходом». Место бухгалтера было очень трудное, но четырнадцатилетний юноша проходил эту должность с редким усердием и с такой точностью и исправностью, что обратил на себя внимание губернского начальства. По случаю смерти начальника стола счетной экспедиции в казенной палате Цицурина Михаил Николаевич вызван был в Курск занять эту должность в 1805 году и в том же году получил первый классный чин³.

Советник казенной палаты Николай Михайлович Ленивцев так полюбил даровитого и вместе скромного юношу, что предложил ему помещение в своем доме. Это, очевидно, промыслительно устроившееся сближение с семейством просвещенного начальника, оградив молодого человека от всяких бесполезных знакомств и товарищеских компаний, вместе с сим способствовало поддержанию нравственного образования, что особенно важно в период молодости, когда, как известно, имеет столь сильное и почти неотразимое влияние среда, в которую вступает юноша по окончании воспитания домашнего или школьного. Таким образом, для хранимого Богом юноши служебное время в Курской палате прошло тихо и с пользой. От занятий должностных, любимых им по чувству долга, он переходил к занятиям, любимым по склонности сердца, —

*Калуга, ул. Никольская,
Никольская церковь.
Фотография. 1910-е годы.
Калужская областная
библиотека*

³ Коллежский
регистратор.

музыке и чтению. Но в чтении, несмотря на свои молодые лета, он искал не одного только приятного препровождения времени, а главным образом приобретения новых познаний и разрешения важнейших вопросов ума и сердца. В этих занятиях незаметно протекли три года службы Михаила Николаевича.

Калуга. Московские ворота. Фотография. Конец XIX — начало XX века. Калужская областная библиотека

В 1806 году 17 марта Михаил Николаевич лишился своего родителя. Николай Михайлович Иванов скончался после продолжительной

болезни мирной христианской кончиной с напутствием святых Таинств и погребен в селе Турищеве близ приходской своей церкви.

Между тем подросли и другие братья Михаила Николаевича, и сестре его Варваре Николаевне минуло уже тринадцать лет. На семейном совете дружных между собой братьев решено было сестру от тетки Голдобиной, у которой она доселе воспитывалась, взять домой. С этой целью один из братьев, Алексей Николаевич, ездил за ней в имение тетки и привез ее в село Щепятино, где она и оставалась, живя с братьями и двоюродной сестрой, Пелагеей Тихоновной Макаровой, до выхода в замужество в 1814 году за орловского помещика коллежского асессора Николая В. Глебова. У Глебовых было несколько сыновей и дочерей, из коих старший сын, действительный статский советник П. Н. Глебов, в свое время занимал должность генерал-аудитора Морского министерства, а одна из дочерей, Александра Николаевна, на двадцать третьем году от рождения посвятила себя иноческой жизни в Севском женском монастыре, приняв постриг в рясофор¹ с именем Афанасии. Известно также,

¹ Рясофорный послушник, иногда рясофорный монах — носящий рясу. При постриге в рясофор обеты не даются; имя, по практике XIX века, зачастую не менялось.

что у старца Макария были в том же Севском монастыре другая родная племянница и двоюродная сестра. Но о сей двоюродной сестре точных сведений не имеется. Может быть, это была та самая Макарова, о которой только что упомянуто было выше. Другая же родная племянница была дочь родного брата старца Макария, Павла Николаевича Иванова, Варвара Павловна, в рясофоре именовавшаяся Меланией. Какое близкое участие принимал старец Макарий в этих своих племянницах, увидим далее. А теперь продолжим рассказ о ранних годах его самого.

Единодушие братьев Ивановых было примерное. Все у них делалось с общего согласия. По общему братскому совету положено было доставшееся им от родителей имение не раздроблять, а принять его одному, старшему брату Михаилу, с тем, чтобы двух других братьев, Алексея и Павла, удовлетворить деньгами, которые имелись в виду по иску с господина Сенявина, простиравшемуся свыше двадцати тысяч рублей ассигнациями. Нимало не колеблясь, Михаил Николаевич принял это предложение братьев и в 1808 году вышел в отставку, получив в награду чин губернского секретаря. Можно полагать, что, приняв беспрекословно просьбу братьев, Михаил смотрел на таковое, вовсе неожиданное для него, обстоятельство как на удовлетворение своего тайного влечения, о котором он едва смел мечтать, — это желание уединенной жизни, заманчиво рисовавшее его юному воображению возможность на свободе предаться любимым занятиям — музыке и чтению.

*Калуга, ул. Смоленская.
Церковь Спас-за-верхом.
Фотография. Начало
XX века. Калужская
областная библиотека*

Михаил Николаевич прожил в деревне хозяйном только два года. По рассказу жившей в то время в их семействе двоюродной сестры его Пелагеи Тихоновны Макаровой, хозяйство шло очень плохо. Ибо оно требовало бдительного личного присмотра, иногда же и взыскания за опущение дела, а Михаил Николаевич по доброте своей не мог и не хотел следовать общепринятому порядку. Однажды мужички, видя, что нет за ними надлежащего присмотра, покрали большое количество гречихи. «Михаил Николаевич призвал их к себе и долго уговаривал и вразумлял словами Божественного Писания, а мы, домашние, — сказывала Пелагея Тихоновна, — втихомолку смеялись над ним. Но, к удивлению и стыду нашему, увещание кончилось тем, что виновные упали пред Михаилом Николаевичем на колени, сознались чистосердечно в своем проступке, просили прощения и, конечно, были прощены». Соседи

скоро узнали о доброте молодого помещика и нередко присылали просить у него то разных хозяйственных вещей, то каких-либо семян. Отказу никому не было. «Мы, — вспоминала Пелагея Тихоновна, — бывало, скажем: „Что ты, Миша? Самим надобно будет“. Ответ был один: „Бог пошлет. Как же я скажу, что нет, когда я имею? Воля ваша; а я этого не могу сделать.

Я вам говорю, что, испытавши себя, вижу, что не могу быть хозяином“».

Принимая живое участие в Михаиле Николаевиче, братья его, приехав к нему в деревню, начали уговаривать его жениться и предлагали ему многих невест; но по ближайшем рассмотрении свойств каждой должны были сознаться, что ни одна из

Калуга, ул. Одигитриевская. Фотография.

Начало XX века.

Калужская областная библиотека

известных им девиц не обладала вполне теми свойствами, которые могли бы понравиться их брату. Когда же наконец указали на одну соседку, которая действительно была девица скромная и добродетельная, Михаил Николаевич сказал: «Разве на этой жениться?» Братья обрадовались и, не предупредив Михаила, поспешили поехать к ее родителям с предложением. Но те, будучи не приготовлены к сему ни предварительным знакомством с женихом, ни строго соблюдаемыми в то время в провинциях формами сватовства, на предложение ответили: «Благодарим за честь, но так скоро нельзя; надобно подумать, ближе ознакомиться» — и прочее тому подобное. Услышав об этой неудаче своих братьев, Михаил Николаевич с радостью прибежал к сестрам и говорит: «Слава Богу! Сказали: надо подумать. Пусть думают. Я не мог отговориться, сделал послушание братьям, но теперь никто меня не уговорит».

Из этих слов очевидно, что благочестивый юноша, привыкший подчинять себя и все до него касающееся воле Божией, склонился на убеждение братьев единственно лишь для того, чтобы видеть, что речет о нем Господь (ср. Пс. 84, 9). Последовавший же нерешительный ответ принял он за явное указание Промысла Божия ко вступлению на иной, высший путь жизни, к чему от юности стремилась чистая душа его, как *елень на источники водные* (Пс. 41, 2).

Спеша удовлетворить этой спасительной жажде, Михаил Николаевич поехал на Коренную ярмарку¹, купил себе книг, преимущественно духовного содержания, и, возвратясь домой, углубился в чтение их, питая душу сродной ей пищей. Иногда же уходил он в столярную и работал до усталости за верстаком, желая таким образом приучить юную плоть свою покоряться духу.

¹ Эта ярмарка располагалась в открытом поле, занимая территорию около пятидесяти десятин (десятина — 1,45 гектара). Она была окружена с северной, западной и южной сторон невысоким валом со рвом. В северной стороне была устроена Московская застава, а в западной — Курская. Покатая восточная сторона поля пролегла к Коренному монастырю в виде просторной площади, вмещавшей до десяти тысяч человек.

В заключение всего сказанного приведем свидетельство о свойствах Михаила Николаевича товарища его детства, Алексея Семеновича Передельского. «Проведя, — писал он в свое время, — детство и часть службы с Михаилом Николаевичем, о свойствах и нравах его объясню, что ему присущи были всегда набожность, благочестие, целомудрие, кротость и нравственная чистота. Он большею частию уклонялся от наших детских игр и забав, а вместо того любил заниматься чтением и рукоделием — разумею детские клеения из картона домиков, вырезывание разных фигур — или что-нибудь выпиливал. Придя в возраст, во время мирской жизни он не чуждался светских пристойных удовольствий, но и не оказывал к ним особой склонности. Любил музыку и довольно хорошо играл на скрипке. Любил также пение. Голос у него был хотя слабый, но этот недостаток восполняло его знание и понятие о музыке».

Слабость здоровья проявлялась у Михаила Николаевича с самого малолетства. Он был очень худощав и с юных лет страдал бессонницей. Многие знакомые, по скромности и стыдливости Михаила Николаевича, еще до поступления его в монастырь в шутку называли его монахом.

ГЛАВА 2

Вступление Михаила Николаевича в Площанскую Богородицкую пустынь. Современные его поступлению старцы- подвижники и значение старчества. Местоположение Площанской пустыни

Впоследствии, когда Михаил Николаевич Иванов был старцем-наставником, он имел обыкновение при удобном случае о мирской и монастырской жизни выражаться так: «До тех пор человек упирается — не расстается с миром и нейдет в монастырь, пока мир ему ногу [не] отдавит». В миру это называется разочарованием. И эту истину Михаил Николаевич, кажется, первое всего испытал на себе. В самом деле, плохое ведение хозяйства, ощутительная неспособность быть хозяином, недовольство на него за все это домашних, к тому же еще и неудавшееся сватовство — все это, естественно, должно было ослабить в нем привязанность

*Площанская пустынь.
Литография. XIX век*

к мирской жизни, если бы она была в нем и довольно сильная. Вместе с тем в душе благочестивого юноши все более и более укреплялись другие, высшие, духовные потребности, которые заставляли его постоянно углубляться в чтение духовных книг, так что, вероятно, забывал он при сем и о музыке. Итак, что же ему оставалось теперь делать? Даже и по простому человеческому соображению оставалось одно: идти в монастырь. Михаил Николаевич так и поступил. В 1810 году, 6 октября,

когда ему было почти двадцать два года, поехал он для богомолья в Площанскую Богородицкую пустынь, отстоявшую от его имения, сельца Щепятина, в сорока верстах, но уже назад не возвратился. «Было ли это посещение Пустыни преднамеренное или случайное, — писал в свое время Алексей Семенович Передельский, сверстник и двоюродный брат его, — осталось для нас неизвестным. Но только Михаил Николаевич написал домой, что он остается в Пустыни, а имение предоставляет братьям, ничего себе не желая, исключая того, что он обязывал их, когда будет строиться в селе Турищеве (где погребен их родитель) каменная церковь, выдать на построение ее 1000 рублей ассигнациями, что и было исполнено своевременно братом его Алексеем Николаевичем, когда он сделался владельцем села Щепятина».

Не берем на себя и мы положительно решать вопрос, было ли это посещение Михаилом Николаевичем Площанской пустыни преднамеренное или нет. Скорее можно полагать, оно было преднамеренное, как следствие тайного влечения к жизни иноческой, образовавшегося незаметно под влиянием

благодатного призвания, действию которого благочестивый юноша не только не противился, но и всемерно способствовал, благоговейно сохраняя в сердце своем огонь ревности, вверженный в него благодатью Божией, по сказанному: «...яже Божия сама от себе приходят, нам не ощущающим, но аще место (сердце. — *Примеч. авт.*) будет чисто, а не скверно»¹. С другой стороны, с достаточной вероятностью можно предположить, что мысль остаться навсегда именно в этом, а не в ином месте созрела окончательно лишь под влиянием благодатных впечатлений на благочестиво настроенную душу юноши при виде иноческого чина и самой пустынно-безмолвной обители. Ибо то и другое вполне соответствовало тому образу жизни, который составил в мыслях Михаила Николаевича от чтения сказаний о подвигах преподобных отцов, просиявших в монашеском жительстве. Такое предположение оправдывается отчасти его собственными словами. Будучи в оптинском скиту старцем-наставником, он при воспоминании об обстоятельствах своего поступления в монастырь говорил, что, когда прибыл он в первый раз в Плещанскую пустынь, имел такое чувство, что не знал, где он находится, «на земле или на небе; и все монашествующие казались ему яко Ангелы Божии». А такой чистый взгляд был, конечно, особым действием благодати Божией, явственно указывающей путь тем, кои с верою вопрошают о нем словами Псалмопевца: *скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 142, 8). В ответ на сие Михаилу и возведен путь спасения, указано способствующее оному место, преподаны благопотребные средства и способы.

Но чтобы показать, к какой духовной семье принадлежал старец Макарий и кто именно имел

¹ В оригинале: «...говорят: что от Бога, то приходит само собой, а ты и не почувствуешь. Это правда, но только если место чисто, а не осквернено» (Святой Исаак Сирин. Слово 2. С. 13–14). (Для удобства современного читателя цитаты из Слов преподобного Исаака Сирина приводятся по изданию: Преподобного аввы Исаака Сирина слова подвижнические. Сергиев Посад: Троице-Сергиева лавра, 1911; М., 1998.)

влияние на его духовное воспитание, необходимо хоть вкратке указать на современных его вступлению в монастырь старцев духовной жизни.

В то время поместились в некоторых русских обителях несколько замечательных старцев-подвижников, которые утвердили в них уставы и предания святых отцов. Случилось же сие таким образом. После упразднения в отечестве нашем многих малых монастырей и пустыней вследствие учреждения духовных штатов в 1764 году многие из иноков и мирян, отрехшихся ради душевного спасения *мира и яже в мире* (1 Ин. 2, 15), отправились странствовать в Палестину, на Афонскую Гору и в Молдо-Влахийские княжества. Собирая, подобно пчелам с цветов, мед спасительных учений от обитавших в тамошних местах подвижников, они находили, особенно в обители великого старца Паисия¹, настоятеля Молдо-Влахийского Нямецкого монастыря (нашего соотечественника по происхождению), величайшую духовную пользу, научаясь примером высокой его жизни и медоточными его наставлениями подвигам монашеским и внутреннему духовному деланию.

Старец Паисий скончался в 1794 году, 15 ноября, на семьдесят втором году от рождения. Его ученики и бывшие с ним в духовном общении иноки русские, одни еще при жизни старца, вследствие благоприятных для возвращения на родину политических обстоятельств, а другие по кончине своего наставника и отца духовного, лишись с ним вещественной и нравственной опоры, разновременно возвратились в свое отечество и поселились в русских иноческих обителях, где и передавали другим, ищущим спасения, независтно²

¹ Преподобный Паисий Величковский († 1794). Память 15/28 ноября.

² Доброжелательно, обильно, щедро, без зависти (церк.-слав.).

Преподобный Паисий (Величковский). Литография. XIX век

приобретенное ими духовное сокровище, некоторые — начальствуя над обителями, а другие — находясь в числе братства.

Большая часть сих приснопамятных старцев по возвращении в Россию поселилась в монастырях Курской и Орловской епархий. Так, прежде других процвела чрез них Софрониева пустынь в Курской епархии, получив в настоятели отца Феодосия, одного из учеников иеросхимонаха Василия, мудрого старца Поляномерульского скита в Валахии³, учеником и постриженником которого был и старец Паисий Величковский. Отец Феодосий вызван был в Россию о своими учениками еще в 1787 году, во время войны с Турцией под предводительством князя Потемкина. Во все продолжение жизни своей он был другом старца Паисия и состоял с ним в духовной переписке. От Софрониевой пустыни впоследствии заняла свое благоустройство находящаяся в той же епархии пустынь Глинская, которая процвела под управлением одного из учеников Феодосия, игумена Филарета (1817–1841). Из учеников сего последнего упомянем об иеромонахе Самуиле, который, как увидим ниже, состоял в духовной дружбе с отцом Макарием.

В Орловской епархии в начале девятнадцатого столетия, также дав у себя приют старцам-пришельцам, благоустроились и процвели пустынная обитель Белобережская и монастыри Чолнский и Свенский. А впоследствии уже заимствовала от них вместе с внешним чином духовный свет и Площанская пустынь, в которой полагал начало иноческой жизни описываемый здесь старец Макарий.

*Схимонах Феодор
(Перехватов).
Литография.
XIX век. ОР РГБ*

³ Валахия — историческая область, расположенная на юге современной Румынии, между Карпатами и Дунаем.

*Иеромонах Василий
(Кишкин). Литография.
Начало XIX века*

¹ Преподобный Лев,
старец Оптинский († 1841).
Память 11/24 октября.

² Схимонах Афанасий
(Захаров; † 17.10.1825).

В Белобережскую пустынь вселился и около 1801 года был ее строителем старец духовной жизни Василий, в миру Василий Тимофеевич Кишкин, из дворян Курской губернии. Первоначально (с 1780 года) он жил с учениками своими несколько лет на Святой Афонской Горе и в Молдавии. В то же время вышли из Нямецкого монастыря от старца Паисия иеросхимонах Клеопа и схимонах Феодор, постриженные в монашество и основательно наставленные им в жизни духовной. Отец Клеопа прямо поселился в Белобережской пустыни, а отец Феодор сначала жил в Чолнском Трубчевском монастыре. Потом, когда место настоятеля и старца Василия в Белых Берегах в 1804 году занял его ученик и постриженник иеромонах Леонид¹, тогда и отец Феодор перешел в Белобережскую пустынь. Упокояемые любовью и попечением нас-

стоятеля, старцы Клеопа и Феодор жили при обители в уединенной и безмолвной келье в лесу сперва вдвоем, а потом, в 1808 году, присоединился к ним и любитель безмолвия отец Леонид, добровольно ради сего сложивший с себя бремя настоятельства. Все они совокупно занимались умным деланием, принося в то же время пользу и ближним, притекавшим к дверям их кельи, духовными советами и наставлениями, Богу их прославляюще. Впоследствии отец Леонид, сделавшись оптинским старцем, был наставником и вместе другом духовным отца Макария.

В 1806 году поселился в Белобережской пустыни ученик старца Паисия схимонах Афанасий (Захаров)², который в 1815 году перешел на жительство в Площанскую пустынь и был старцем отца

Макария до самой блаженной своей кончины. О нем сказано будет дальше.

Вышеупомянутый старец Василий, оставив настоятельство в Белобережской пустыни, перешел на жительство в Свенский монастырь, где около 1818 года был казначеем один из любимых учеников его, иеромонах Серафим, бывший впоследствии настоятелем сперва Белобережской, а с 1818 года Площанской пустыни, которая много обязана ему своим благоустройством как во внешнем, так и во внутреннем отношении, где и отец Макарий обитал.

В Свенском монастыре нашел себе приют и другой схимонах, Афанасий, также ученик старца Паисия, из сенатских секретарей³, который известен между прочим тем, что принес из Молдавии в Санкт-Петербург митрополиту Гавриилу рукопись «Добротолюбия» в переводе старца Паисия. Он скончался в 1811 году на руках вышеупомянутого старца схимонаха Афанасия (Захарова). Все эти духовные воины Христовы трудились и подвизались в жизни сей временной под руководством духовно опытных старцев в беспрекословном им послушании, а потому и достигли в свое время возможного совершенства духовного и сами сделались руководителями и наставниками в жизни духовной для искренне относившихся к ним искателей вечного спасения.

Другого благонадежного пути к спасению и нет. «Если же, — замечают преподобные иноки Каллист и Игнатий, — неким из досточтимых отцов случалось и без такого подвига послушания улучшить боготворное безмолвие и по Богу совершенство, то это бывало и бывает (если только бывает в наше слабое время) по особенному

³ Сенатский секретарь — в Российской империи гражданский чин XI класса табели о рангах.

Преподобный Лев,
старец Оптинский.
Литография. XIX век.
ЦАК МПДА

Божью откровению, и притом очень редко. Но ты, — говорят далее те же иноки, — веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообразуйся с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами. Так сподобишься ты и воздаяния, определенного для законно живущих»¹.

О важности же духовного руководства, что в обителях именуется старчеством, те же преподобные Каллист и Игнатий говорят так: «Если на случайную дорогу, неизведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника, если в море никто не пустится без искусного кормчего, если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дело учителя — то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, то есть в иноческую жизнь, подобную жизни Ангелов, с самоуверенностью достигнуть конца без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? Поистине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвизающийся; как, напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать,

¹ Добротолюбие: [сб.: в 5 т.] / пер. с греч. святителя Феофана Затворника. М., 2004. Т. V. С. 313.

Митрополит Гавриил (Петров). Неизвестный художник. Конец XVIII — начало XIX века. Холст, масло. ЦАК МПДА

как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них (без наставников) научиться отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят как бы при дверях их?

Как без них умудримся обуздывать чувства телесные и, как струны на гуслях, согласно настраивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения Божественные и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак невозможно это, никак...»²

² Добротолюбие. Т. V.
С. 313–314.

На этот незаблудный и благонадежный путь иноческой жизни с первого же раза вступил наставляемый Промыслом Божиим Михаил Николаевич и держался его во все последующее время, сам всячески при усердной молитве к Богу стараясь отыскивать для себя духовных наставников и добровольно предавая им себя в полное послушание. Площанская Богородицкая пустынь, в которую поступил двадцатидвухлетний юноша Михаил, вообще соответствовала его духовным стремлениям, так что он всегда с любовью относился к ней. Находящаяся почти в равном расстоянии от городов Дмитровска и Севска (в сорока пяти верстах), обитель эта, по словам ее описателя, хотя не заключает в себе ни огромных зданий, ни великих богатств, не поражает посетителей и дикостью или особенным величием природы, но зато все в ней просто, скромно и привлекательно этой скромной простотой своей. Удаленная от всякого живого места, окруженная со всех сторон лесами, Пустынь эта вполне соответствует характеру уединенной иноческой жизни, которой желала и искала чистая душа молодого христолюбца Михаила Николаевича.

ГЛАВА 3

Состояние Пловчанской пустыни при поступлении в нее Михаила Николаевича и его жительство под руководством старцев: сначала иеромонаха Ионы, а затем схимонаха Афанасия (Захарова)

В то время, когда прибыл на жительство в Пловчанскую пустынь Михаил Николаевич, ею управлял иеромонах Иоанникий, человек простой и добрый, но малоопытный в духовном руководстве братии и несведущий в хозяйственных распоряжениях. В его управление Пловчанская пустынь, богатая угожьями¹, изобиловала хлебом и другими произведениями сельского быта, для чего держалось в обители и довольно большое количество рогатого скота и лошадей, но от недостатка денежных средств, а отчасти и благорассудного управления, терпела нужду во всем, что приобретается покупкой со стороны. Братия нуждались в белье

¹ В 1861 году помечено было: количество монастырской земли издавна — 2645 десятин и 154 сажени, из которых пахотной 240 десятин, сенокоса 325, под строевым лесом 157 и под дровяным 1640. Остальное количество десятин может быть под неудобной землей, или тут ошибка. — *Примеч. авт.*

и необходимой одежде: вне церкви ходили в многосшвенных² рубищах и вместо сапог носили лапти. Характеризуя тогдашнее состояние Площанской пустыни, иеродиакон Палладий³, современник отца Макария, живший в то время в одной с ним обители, говаривал так: «В масле хоть купайся, а надеть было нечего».

Братство Площанской пустыни при вступлении в нее Михаила Николаевича, несмотря на ограниченный штат, состояло из пятидесяти человек. Между ними хотя и были старцы строгой жизни, да и вообще все братия проводили жизнь строгую и трудолюбивую, но, по свидетельству самого старца Макария и вышеупомянутого иеродиакона Палладия, строгость эта выражалась в одном лишь внешнем делании: братия обычно ходили неупустительно к службам церковным, соблюдали пост и исполняли молитвенное правило и сами исправляли все монастырские общие и частные послушания. Так, сверх послушания по церкви и трапезе и заготовления для себя дров в лесу они занимались еще уборкой сена, хлеба и огородных овощей. На внутреннее же делание, именно на искоренение страстей: гордости, тщеславия — весьма тонких и почти незаметных для невнимательного ока, также гнева, осуждения ближних, тонкой лжи и лицемерия в словах и поступках и других бесчестных страстей, губящих души, почти вовсе не было обращено внимания.

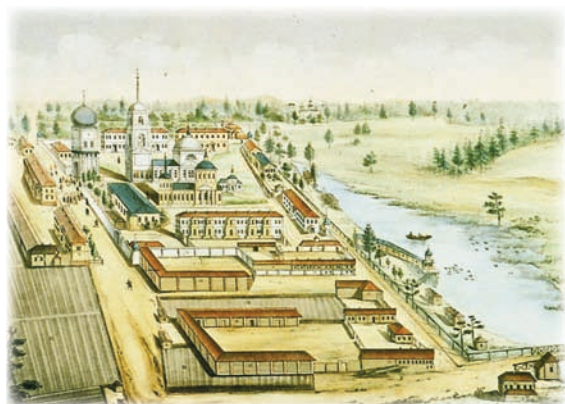
При соблюдении внешней стороны монастырского устава, то есть относительно времени и порядка церковных служб, общей трапезы и монастырских послушаний, не существовало в обители особенного порядка в управлении внутреннем, который, как известно, зависит не столько от буквального соблюдения устава, сколько от духовной

² Залатанных, исшитых (церк.-слав.).

³ Иеродиакон Палладий (Иванов; 1772–1861). Из Площанской пустыни в Оптину поступил в 1813 году. Строгий подвижник.

опытности начальствующих в руководстве душ, им Богом вверенных. Главное же, в обители не было установлено правило об откровении братией своих помыслов духовно опытным и благорассудительным старцам, которые бы во всякое время могли подать полезный и спасительный совет неопытным в неотдышной их борьбе с невидимыми и злохитрыми врагами и своими страстями. Ибо хранение совести через возможно частое откровение, или исповедание, своих помыслов и дел вследствие всецелого предания себя руководству духовно опытного и благорассудительного старца есть основание, залог и ходатай иноческого преуспевания, как то показывают свидетельства всех святых отцов-подвижников, есть причина процветания доньше киновий¹ и скитов на Святой Афонской Горе и некоторых пустынных обителей у нас в России. Но сколь велико и душеспасительно сие святое делание (то есть смиренное, с должным к себе вниманием,

¹ Здесь: монастырей.

*Площанская пустынь.
XIX век*

откровение помыслов благорассудным старцам), столько же противляется оному враг и супостат наш диавол. По словам аввы Дорофея, «не только самое наставление ненавидит лукавый, но даже и самого голоса, произносящего оное, не может слышать... И сказать ли почему? Он знает, что злодейство его обнаружится тотчас, как только станут спрашивать и говорить о полезном. И ничего он так не ненавидит и не боится, как быть узванным, потому что тогда он уже не может коварствовать как хочет»².

Но продолжим речь о юном подвижнике Михаиле. Ревность его к иноческой жизни не устранилась

лишения и трудов, встреченных им при самом вступлении в монашеский подвиг. Напротив, вследствие той же самой ревности они казались ему не только легкими, но и любезными. Живя уже в оптинском скиту и будучи старцем, батюшка Макарий с любовью вспоминал о том, как он полагал начало иноческой жизни в Площанской пустыни, рассказывая, как при искреннем его желании легкими казались ему лишения в пище и одежде и милы были самые лапти, как смиренная обувь наших смиренных крестьян, паче же христиан. «Впрочем, — сказывал он, — мне как дворянчику давали не грубые лапти, а род башмаков из лык же, но аккуратной работы, называемые бахирями».

Через месяц после поступления Михаила Николаевича в обитель, а именно 16 ноября 1810 года, он был определен указом Орловской духовной консистории³ в число послушников Площанской пустыни, а 24 декабря того же года пострижен строителем отцом Иоанникием в рясофор и наречен Мелхиседеком. В ноябре 1811 года он сопровождал своего отца строителя в его поездке за сбором подаяний на обитель в Брянский округ и Калужскую губернию. Причем, как замечено в собственноручных записках сопровождавшего отца Мелхиседека, собрано с небольшим триста рублей. А после сего отец Мелхиседек занимался постоянно в обители письмоводством⁴.

При вступлении отца Мелхиседека в монастырь он поручен был настоятелем особенному попечению братского духовника, почтенного старца иеромонаха Ионы. Старец этот родом был из болоховских мещан. По образу своей подвижнической жизни и неутомимому трудолюбию, коему помогала необычайная крепость его телесных сил,

² Преподобного аввы Дорофея Поучение 5-е. И во всем этом поучении содержатся прекрасные наставления о том, чтобы в жизни духовной во всем поступать по советам духовно опытных старцев. Более подробное понятие о духовном руководстве, или о старчестве, каждый может узнать из жизнеописания оптинского старца Леонида, в схиме Льва, насадителя в Оптиной пустыни старчества. Издание Оптиной пустыни. — *Примеч. авт.*

³ Духовная консистория — орган епархиального управления в Русской Православной Церкви в синодальный период.

⁴ То есть делопроизводством.

по суровой внешней строгости к себе и другим и по прямоте своего характера он был един от древних. Водимый верою в Промысл Божий и в указанного ему наставника, юный подвижник монахов Мелхиседек, несмотря на свое слабое здоровье и нежное воспитание, как железо ковачу¹, предал себя ему в полное послушание. И простой старец полюбил вверенного ему настоятелем послушника за его тихость и беспрекословное послушание. Он усердно принялся обучать отца Мелхиседека, как новонаначального, нотному церковному пению и вообще порядку и монашескому благочинию. При знании основных законов музыки и пения послушник легко изучил церковное пение, тон и порядок дневных церковных чтений. Впоследствии от отца же Ионы он занялся изучением церковного устава — сперва в должности канонарха, а потом и уставщика левого клироса. Нельзя при сем не заметить, что все эти столь необходимые в монастыре знания, которые, впрочем, достаются нелегко и не всякому, будучи благовременно усвоены отцом Мелхиседеком, послужили ему приготовлением к будущей его деятельности в качестве наставника монахов.

Все это, конечно, похвально. Но так как внимание старца Ионы главным образом обращено было на внешние подвиги и внешнее благочиние, то душа юного подвижника, стремившаяся к очищению от греховных помыслов и желаний, наносимых исконными невидимыми врагами, естественно, не могла удовлетворяться одной внешней стороной иночества. Ограждаясь страхом Божиим от всяких порочных действий, отец Мелхиседек не мог, однако, не иметь мысленной брани и бесовских приражений², неизбежных для духовного воина. И чем более преуспевал он во внешнем делании,

¹ Кузнецу.

² Подступов (церк.-слав.).

тем более сознавал недостаток в руководителе с даром рассуждения помыслов для преуспевания в делании внутреннем, без которого, по сказанному выше, нельзя достигнуть плода иноческой жизни, или преуспевания. Отец Мелхиседек скорбел о сем тем более, что слух о старцах духовной жизни, привитавших³ в лесах брянских и в некоторых монастырях Курской и Орловской епархий, и отголосок о их учении доходил и до Площанской пустыни, разжигая сердце юного инок жаждою их лицезрения и душеполезной с ними беседы.

В 1813 году бывший настоятель Площанской пустыни отец Иоанникий уволен был на покой в Свенский монастырь. Преемник его, иеромонах Каллист, родом из орловских купцов, встретив препятствия к исправлению укоренившихся от времени опущений во внутреннем порядке, отказался от начальствования, пробыв в звании настоятеля менее года. Место его заступил иеромонах Павел, из ростовских купцов, постриженник Святой Афонской Горы. Возвратясь оттуда, он жил в Белобережской пустыни и затем в Свенском монастыре, находясь в духовном общении с жившими в них старцами, потом определен был казначеем в Орловский монастырь, а отсюда в конце 1813 года назначен был строителем Площанской пустыни, которой и управлял до 1818 года.

Эта благая перемена для отца Мелхиседека столько же была вожделенна, сколько и полезна. В 1814 году он задумал отправиться в Киев для поклонения мощам почивающих там святых угодников Божиих. С посохом в руке, с котомкой

³ Пребывавших, обитавших (церк.-слав.).

*Площанская пустынь.
Фотография. XIX век*

за плечами и в самой убогой одежде странника пошел он пешком, имея еще в виду ознакомиться с некоторыми духовными мужами. И потому на пути заходил он в разные пустынные обители, разузнавал о старцах духовной жизни и вступал с ними в беседу, едино имея в намерении отыскать бесценный бисер — Христа.

По возвращении же отца Мелхиседека из путешествия в свою обитель новый настоятель, отец Павел, как человек духовного разума, заметив в нем спасительную ревность к иноческой жизни, понуждение себя на все монашеские добродетели, а наипаче к смирению и молчанию, и горячее усердие к прохождению возлагаемых на него послушаний, поспешил вчинить его в лик иноков вверенной ему обители. В 1815 году 7 марта он постриг отца Мелхиседека в мантию и нарек его Макарием, во имя преподобного Макария Великого, поощряя тем молодого инока к подражанию сему светильнику восточного иночества. Молодому иноку был только двадцать шестой год.

В том же году 12 марта отец Макарий по представлению отца настоятеля рукоположен был во иеродиакона преосвященным Досифеем, епископом Орловским и Севским, а в июне того же года по резолюции Преосвященного определен ризничим.

В самый год пострижения отца Макария в монашество поступил на жительство в Площанскую пустынь один из учеников старца Паисия Величковского, схимонах Афанасий, старец духовной жизни. Немедленно отец Макарий вошел в духовное с ним общение и, проживши первые шесть лет в Площанской пустыни под руководством старца Ионы, с 1817 года, по благословению настоятеля, перешел к отцу Афанасию в келью. Отец Макарий любил,

берег и почитал сего старца как своего отца и наставника и удостоился послужить ему до самой его блаженной кончины. По собственному свидетельству отца Макария, старец его, схимонах Афанасий, имел ближайшее влияние на его духовное воспитание. Потому для объяснения, в чем именно заключалось это воспитание, считаем не излишним войти в некоторые подробности о жизни сего замечательного ученика Паисиева, передав их в том виде и почти теми же словами, как они записаны были в одной рукописной тетрадке, найденной в бумагах по кончине старца Макария.

«Схимонах Афанасий, по фамилии Захаров, родом из дворян, служил на военной службе ротмистром в гусарском полку. Тридцати лет вступил в Молдавский Нямецкий монастырь, где и был пострижен в монашество старцем Паисием, и жил там семь лет. После чего приехал по своей надобности в Россию, но отсюда уже возвратиться назад ему не удалось, ради чего и понес он многие скорби. Потом был определен во Флорищеву пустынь Владимирской губернии и был там некоторое время казначеем. Жил и в Гороховском монастыре, и в обеих сих обителях имел много скорбных искушений. В 1806 году поехал на богомолье в Киев и на возвратном пути за болезнь остался в Белобережской пустыни. В 1815 году, по благословению преосвященного Досифея, приехал в Площанскую пустынь и в декабре месяце того же года сломал себе правую ногу и уже остался здесь на постоянное жительство¹.

Десятилетнее пребывание сего старца в Площанской пустыни служило примером для всей братии. Многие пользовались его жизнью, наставлением и любовью, ибо старец сей был кроток, снисходителен, смирен, милостив, сострадателен и любовен

¹ В собственноручных записках старца Макария о Площанской обители от 1815 года говорится так: «В сем году старец схимонах Афанасий, Владимирской губернии Флорищевой пустыни, живший в Белых Берегах, приехал в сию Пустынь и, бывши у строителя в келье, упал с лежанки и вывихнул ногу, кою болезнью страдал более года». От 1816 года: «В сем году, по желанию отца архимандрита Кесария, отец Афанасий переехал к нему в Чолнский монастырь; там поздоровел, но уже не мог ходить без костыля». От 1817 года: «В апреле месяце из Чолнского монастыря переехал в сию Пустынь схимонах Афанасий на жительство и жил в келье с иеродиаконном Макарием Ивановым». Разница в записках старца Макария с приведенным очерком жизни схимонаха Афанасия дает повод думать, что очерк написан не старцем Макарием, а другим лицом, знавшим схимонаха Афанасия. — *Примеч. авт.*

Паломники

ко всем. Когда, бывало, услышит, что кто-либо болен или нуждается в чем-либо, то всячески печется, как бы помочь и утешить его. Также и страннолюбив был. Редкий странный прошел, чтобы он не утешил его чем или не дал ему чего-либо на дорогу. Случалось не раз видеть, как он, сам не евши, отдавал последнее, что имел, брату, говоря: „Слава Богу! Нам присылают, а они люди немощные; где возьмут?“ Как же сей старец был милостив и к согрешавшим против него, приведем один из многих тому примеров. Некоторый брат, будучи побежден завистью дьявольскою, злословил старца, будто бы

он ходил на гостиницу для того, чтобы обирать приезжающих в обитель, разумея под сим чай, сахар и прочие недорогие вещи, подаваемые ему от усердия посетителями, получавшими духовную пользу от его назиданий и советов. Брат сей не только сам роптал, но и возбуждал к тому некоторых из братьев. Но братия не столько верили словам его, сколько соблазнялись ими, зная добродетельную жизнь старца. Я же сему свидетель (говорит жизнеописатель), с каким намерением и вместе с какою скорбью старец ходил на гостиницу. Ибо многие, как иночествующие, так и мирские люди, имели большую веру к старцу и просили настоятеля, чтобы позволил побывать им у него или ему позволил, чтобы посетил их на гостинице. А что они давали ему по усердию, то он раздавал братии и нищим, не оставляя у себя и половинной части. Отец же Афанасий, слыша злословия и клеветы на него сего брата, ублажал его всячески и многим о нем говаривал, что сей брат — весьма добрый.

Когда же он вышел из монастыря, отец Афанасий много сожалел о нем; и не только сего брата, ненавидящего его, любил так, но и других многих. Он был милостив и к бессловесной твари. Не раз случалось видеть, что зимою, соболезнуя о птицах, которые не едят обыкновенной человеческой пищи, старец заботился, чем бы их накормить.

При всей своей немощи он никогда не оставлял келейного правила и церкви. Правило же его, по преданию старца Паисия, было таково: сходявши к утрени, читывал акафист Спасителю и Божией Матери, молитвенное воспоминание страстей Христовых и из находящихся в акафистнике канонов кондаки и тропари, две главы из Апостола и одну главу из Евангелия. А потом вспоминал молитвенно Божию Матерь и святых, какие придут на память, поминая притом о здравии и о упокоении отцев и братию, сродников, знаемых и благодетелей. Это правило старец совершал вечером и утром, кладя при том сотни по две поклонов. На службах же церковных стоял всегда до отпуста и, несмотря на то что был весьма немощен, никогда не садился не только во время церковных пений и чтения Апостола и кафизм, но даже и во время положенного на утрени чтения толкового Евангелия и чтения из Пролога по шестой песни канона. В это время он, напротив, усугублял свое внимание и для сего, выходя из своего обычного места, подходил к самому чтецу. Опираясь грудью на свой костыль и опустив голову, старец задумчиво слушал чтение; и нередко, когда оно оканчивалось, забывая все окружающее, со слезами на глазах восклицал: „О слово, исполненное великой пользы! Надобно его записать“. А возвратившись в келью, спешил записать читанное, как будто слышал это в первый раз.

От усиленного стояния в ножных суставах его образовалась опухоль, как бы некий нарост. Старец же вместо лекарства мазывал ее маслом из лампы от иконы Божией Матери. К Царице Небесной он имел великую веру, так что когда совершал правило или кто, бывало, помянет при нем имя Божией Матери, он с радостию и слезами величал имя Ее и молился. Когда же мазывал ноги от лампы противу огня, тогда вспоминал будущую муку и огонь неугасимый, моля Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистую Матерь о избавлении от него.

Приходящих к нему пользы ради и совета духовного братий принимал с любовью. Беседа же его была простая. Он мало беседовал от книг. А когда и говаривал, то с крайним смирением, как бы ничего не знающий; а более говорил о добродетельных старцах и о благих монастырских уставах (обычаях). Особенно любил рассказывать нам (ученикам своим) о старце своем Паисии, архимандрите Молдо-Влахийской Нямецкой обители, что он был муж добродетельный и премудрый в слове и разуме духовном, что имел дарование слез; и когда, бывало, брат какой придет к нему пользы ради, то он станет его утешать — сам плачет и брата приведет в слезы. И о прочих добродетельных старцах сказывал.

Когда же приходили люди мирские, он говаривал о Царствии Небесном, о будущей муке и о милосердии к нищим и что сия жизнь дана на взыскание будущей, и с таким смирением и любовью говорил, что умирительно было на его лицо смотреть, и слова его касались многих сердец, а особенно кто приходил с верою. Также немало соблезновал он о раскольниках; многих из них молил и уговаривал, чтобы оставили свое заблуждение; и благодатию Божиею некоторые приходили в чувство

и обращались к Православной Церкви. В свободное же от молитвы и приема посетителей время занимался выписыванием из отеческих книг душеполезных наставлений с намерением впоследствии собрать и расположить их по предметам их содержания, как пишется, например, свод текстов об известном предмете, но за смертью не успел окончить сего предприятия»¹.

Прервав здесь очерк жизни старца Афанасия, где далее говорится уже о его кончине, присовокупим в дополнение следующее важное обстоятельство. Занимаясь в Нямецкой обители по благословению старца Паисия выписками из отеческих и церковных учительных книг — о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих христианских добродетелях, о стяжании которых он имел всегдашнее попечение, старец отец Афанасий имел у себя верные списки всех письменных трудов приснопамятного своего старца Паисия, книгу высокого учителя внутренней жизни святого Исаака Сирина, исправленные старцем Паисием древние славянские переводы писаний: преподобного Макария Великого, святого Иоанна Лествичника, святого Варсануфия, Фалассия и святого Симеона Нового Богослова (двенадцать Слов) и стихную книгу² — и им самим переведенные писания: Максима Исповедника Слово по вопросу и ответу, Огласительные слова³ Феодора Студита, жизнь Григория Синаита, Слова Григория Паламы и некоторые другие.

Сего написанного о старце схимонахе Афанасии достаточно, чтобы показать, как полезно было для отца Макария почти десятилетнее сожительство его с таким старцем. Это — добрая ветвь доброго корня, один, как выше сказано, из сонма учеников великого старца Паисия. Его кротость, смирение,

¹ Автор жизнеописания внес некоторую правку в цитируемую рукопись, написанную просто и бесхитростно, которая находится на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 213. К. 41. Ед. хр. 2).

² Речь идет о Божественных гимнах — книге преподобного Симеона Нового Богослова, написанной стихами.

³ Огласительное слово — жанр христианской святоотеческой литературы, представляющий собой краткое изложение основных догматов Православия и предназначенный для наставления в вере желающих принять Крещение (так называемых оглашенных).

детское незлобие и простота служили живым образцом для молодого иеродиакона отца Макария к подражанию, поучали без слов, а слово простое, растворенное любовью и смирением, назидало во время мира душевного и утешало во время находивших скорбей. Отеческие же писания в рукописях старца Афанасия поистине составляли пищу для боголюбивой души его ученика.

По благословению своего старца и любознательности он с горячим рвением принялся утолять свою духовную алчбу и жажду внимательным чтением и трудолюбной перепиской этих рукописей, выучившись нарочито для сего уставному письму. Глубоко печатлелись на чистом сердце и в памяти юного инока слова писаний святоотеческих, над которыми проводил он многие бессонные ночи. Все это, как показало время, было промыслительно. Приобретение верных списков с переводов старца Паисия послужило впоследствии к изданию этих переводов на пользу общую; а усвоение и сохранение восприимчивой памятью отца Макария изречений и мыслей из отеческих писаний принесло столичный плод, когда Промысл Божий вызвал своего избранника на служение душевной пользе многих.

Но чем более углублялся любомудрый юный инок в чтение святоотеческих писаний, тем более возгоралась в нем ревность достигнуть желаний края — духовного делания, научиться умной Иисусовой молитве. Так называется молитва, непрестанно совершаемая умом в сердце. Старец его, схимонах Афанасий, имея запрещение от своего великого старца Паисия касаться сего высокого делания, проходил, по его наставлению, лишь устную Иисусову молитву, а притом, как выше было замечено, по глубокому своему смирению не любил

говорить от книг. Следовательно, любознательность отца Макария не могла быть удовлетворена с этой стороны. Те же самые писания показывали, что одному, без наставника, заниматься этим делом опасно, ибо легко можно повредить себе. Оставалось ожидать благоприятного случая для сближения со старцами, которые стяжали сей дар по преемству от других опытных наставников. В 1817 году 27 мая отец Макарий был рукоположен преосвященным Досифеем во иеромонаха. Ему тогда шел двадцать седьмой год.

В 1818 году в Площанской пустыни последовала перемена. Место доброго и болезненного настоятеля отца Павла, уволенного по собственному его прошению на покой в Калужский архиерейский дом, занял ученик старца Василия Кишкина, строитель Белобережской пустыни, тоже добрый, иеромонах Серафим. Ему позволено было взять из сей Пустыни в Площанскую около десяти человек братии для улучшения в оной церковного дела и вообще порядка в обители. Отец Серафим, как человек жизни духовной, был добрым наставником и отцом для братии. Он переменял бывшее до него в Площанской пустыни при церковных богослужениях столповое, или знаменное, пение на киевское, заведенное в Белых Берегах схимонахом Феодором, и установил большее благоустройство по монастырю и по трапезе. В его время в Пустыни собралось до ста человек братий. Он вел жизнь трезвенную, в разговорах был приветлив, нравом кроток и тих. Эти благие перемены по обители и введение лучшего во всех ее частях благоустройства встретили большое сочувствие во всех благонамеренных братиях, в том числе

Паломник

*Глинская пустынь.
Литография.
Середина XIX века*

и в отце Макарии. Сложив с себя по слабости здоровья 5 августа 1818 года должность ризничего, отец Макарий продолжал помогать в письмоводстве и вообще неутомимо трудился в пользу обители, помогая то советами, то личным трудом. В храме Божиим при службах церковных он постоянно участвовал в пении и чтении и как знаток церковного пения принял деятельное участие при введении в обители киевского напева, находя его вполне соответствующим настроению своего пустыннолюбивого духа. Как за эти труды, так и вообще за усердное прохождение разных послушаний отец Макарий по представлению нового отца настоятеля в 1819 году 8 июня во время посещения обители новым Орловским архипастырем Ионою был награжден набедренником.

В то же время новонагражденный иеромонах испросил у Преосвященного дозволения и благословения еще сходить на поклонение киевской святыне. По рассказу остававшегося в живых спутника его (впоследствии доживавшего свой век в Оптиной пустыни) иеродиакона Палладия, отец Макарий совершил и этот путь в оба конца пешком, с посохом странника и в самой убогой одежде. В Киеве он пробыл десять дней, был утешен приветливостью наместника Лавры архимандрита Антония¹ и служил литургию в Дальних пещерах.

На обратном пути из Киева вместе с отцом Палладием зашли они в Глинскую пустынь. Здесь отец Макарий познакомился и вошел в близкое духовное общение с одним из учеников настоятеля сей обители игумена Филарета — иеродиакonom

¹ Архимандрит Антоний († 1846), впоследствии архиепископ Воронежский, святитель. Память 20 декабря / 2 января.

Самуилом, который был делателем умной молитвы, проходя оную под руководством некоего старца, ученика Феодосия (архимандрита Софрониевой пустыни). Три дня, сказывал отец Палладий, провели они за книгой святого Исаака Сирина, беседуя в сладость о внутренних деланиях духовной жизни. Но, судя по некоторым впоследствии намекам отца Макария, можно с достоверностью полагать, что прохождение умной молитвы по степени тогдашнего его духовного возраста было преждевременно и едва не повредило ему. Стяжав впоследствии матерь дарований духовных — смирение и оградив им высокое делание умной молитвы, старец предостерегал всех относившихся к нему от занятия этим высоким деланием прежде очищения от страстей, указывая всем как на верное оружие против врагов невидимых и собственных страстей и помыслов греховных на молитву Иисусову, только произносимую устами со вниманием и усердием, или, по выражению епископа Игнатия Брянчанинова, с участием сердца. Предостережение это, оправданное многими опытами во время продолжительной духовной деятельности старца Макария на людях, повредивших себя самочинным (без опытного руководителя) и преждевременным упражнением в умной молитве, плодов которой, по слову святого Исаака Сирина, и проходящие правильно оную достигают едва один из тысячи, побуждало старца незадолго до своей кончины составить основанное на учении святых отцов и лично известных ему опытах наставление читающим духовно-отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву.

*Игумен Филарет
(Данилевский).
Литография.
Середина XIX века*

В 1824 году иеромонах Макарий ездил в Ростов Ярославской губернии на поклонение мощам святителя Димитрия, Ростовского чудотворца. В эту же поездку он посетил в первый раз Оптину пустынь и новоустроенный при ней пустынный скит, который впоследствии приютил его в своих стенах и в свою очередь был обязан ему многим.

В 1825 году скончался старец отец Афанасий, в котором отец Макарий видел живой образец всех христианских добродетелей. «За таковое его житие, — продолжим теперь очерк его жизни словами неизвестного автора, — а паче по Своей благодати милостивый Бог удостоил старца блаженной кончины. 11 октября 1825 года он заболел и в сей болезни три раза приобщался Святых Таин. Шестнадцатого числа осoboрован маслом и приобщен, а в последний раз сообщили его в самый день кончины, семнадцатого числа. Болезнь его была грудная водяная. Скопление мокрот усиливало страдания, но пред кончиной они прекратились. И старец при конце воскресной вечерни, по прочтении отходной, мирно предал свою праведную душу в руке Божии, скончавшись на руках своего ближнего ученика, иеромонаха Макария, который с ним жил и по вере своей много воспользовался примером его богоугодной жизни, исполненной любви и смирения».

В следующем, 1826-м, году скончался и настоятель Пустыни отец Серафим. На место его преосвященный Орловский Гавриил назначил в должность строителя Площанской пустыни своего эконома (взятого в архиерейский дом из братства той же Пустыни) иеромонаха Маркеллина. Но и после сего назначенный новый настоятель более двух лет жил в Орле, правя экономскую должность, а Пустыню управлял казначей иеромонах Анатолий.

Между прочим, в год кончины строителя отца Серафима 10 июня иеромонах Макарий назначен был благочинным¹ своей обители. И в этой должности он усердно помогал новому отцу строителю Маркеллину в управлении обителью почти до самой предсмертной его болезни, которая началась в декабре 1831 года.

В 1827 году 30 января иеромонаху Макарию прибавилась еще другая должность. Он был определен духовником Севского Троицкого женского монастыря. Это назначение было началом нового периода его духовной деятельности, которая кончилась вместе с его многотрудной жизнью. С этого же времени началась и его духовная переписка, продолжавшаяся также до начала его предсмертной болезни. Итак, не сам он признал себя довлеющим к прохождению многотрудной обязанности духовного наставника, но, будучи призван к сему волей своего архипастыря, не мог не видеть в этом обстоятельстве Божия призвания. Мыслью о сем призвании свыше он укреплял себя в многообразных скорбях, соединенных с этой обязанностью.

Как высоко понимал и с каким искусством и терпением, мудрой снисходительностью и неуклонной твердостью проходил старец эту обязанность, лучше всяких слов свидетельствуют его духовные письма как к своим духовным детям, так и ко всем искавшим помощи и опоры в его духовных советах. О достоинстве этих писем будет сказано далее.

¹ Благочинный — должностное лицо, призванное наблюдать за сохранением внешнего порядка и нравственным поведением братии монастыря.

ГЛАВА 4

Прибытие в Площанскую пустынь духовного старца отца Леонида. Сближение с ним отца Макария. Деятельность сего последнего в Площанской пустыни и его переход в оптинский скит

Мы видели, что отец Макарий по своей ревности к иноческой жизни еще в начале сего спасительного пути достаточно познакомился с писаниями святых отцов-подвижников и вполне воспользовался назидательным примером благочестивой жизни покойного старца схимонаха Афанасия. Но справедливость требует заметить, что старец Афанасий, «прост сый», не мог удовлетворить вполне любознательного своего ученика разрешением вопросов, невольно возникавших в его проницательном уме, обогащенном знанием отеческих писаний. Важная обязанность духовника породила еще более вопросов, которые требовали

советов опытного старца. Скорбя о своем духовном сиротстве, отец Макарий после кончины схимонаха Афанасия усилил свои молитвы к Богу разумов, чтобы Он благоволил послать ему наставника с даром духовного рассуждения, который управлял бы корабль души его для дальнейшего безбедного плавания. И вот 6 октября 1828 года прибыл в Площанскую пустынь уже давно известный старец высокой духовной жизни — иеромонах Александрo-Свирского монастыря Леонид, в схиме Лев. По выходе из своей обители с намерением поместиться в Оптиной пустыни Калужской епархии он предварительно отправился для богомолья в Киевскую лавру, но на возвратном пути сначала, может быть даже мимоездом, прибыл в Площанскую обитель.

Прибытие сего великого старца, без сомнения, было ответом на усердную молитву иеромонаха Макария. Так точно воззрел на это и сам отец Макарий. Считая прибытие этого человека в столь важное для него время за утешение, посланное ему Промыслом Божиим в его скорби, он поспешил воспользоваться этим утешением, сколько было для него возможно, и немедленно вошел в тесное сближение с этим опытным в духовной жизни наставником и окрепшим в борьбе с многоразличными искушениями вождем иноков, который по тому самому мог и искушаемым помогать.

Сближение это имело важное влияние на всю дальнейшую жизнь отца Макария. В отце Леониде он нашел именно то, чего так долго алкала душа его, — мужа того духовного разума, который, по слову святого Исаака Сирина,

Старец Лев. Художник
иеромонах Гавриил
(Спасский) (?). ОР РГБ

¹ Святой Исаак Сирий.
Слово 74. — Примеч. авт.

*Архимандрит Никодим,
в схиме Николай
(Демутье). Литография.
Середина XIX века*

есть порождение искушений¹, мужа с даром духовного рассуждения, по силе коего он удобно и легко решал недоумения и преподавал полезные советы всем, обращавшимся к нему с верой и смирением. Не менее того и отец Леонид рад был встретить столь даровитого и так хорошо подготовленного к восприятию особых благодатных дарований инока в лице отца Макария, который с этих пор и предал ему себя на всю свою последующую жизнь в полное послушание, несмотря на то что и сам уже был в преполовлении лет иноческого пути. Вероятно, в это самое время отцу Макарию, как уже подготовленному деятельными добродетелями к высокодуховной жизни, и преподано было отцом Леонидом таинство высокой божественной умно-сердечной молитвы.

Между тем ученики старца Леонида, остававшиеся в Александро-Свирском монастыре, надо полагать, узнавши о водворении его в Площанской пустыни, поспешили также перебраться к своему духовному отцу и наставнику. Впрочем, старец Леонид недолго прожил в Площанской пустыни — всего полгода. Отчасти некий в сей обители разлад в жизни духовной, а главная, кажется, причина — это давнее намерение старца поместиться на постоянное жительство в Оптиной пустыни заставили его в апреле 1829 года со всеми своими учениками перебраться в оптинский новоустроенный уединенный скит. Можно думать и то, что отец Макарий, проведши в духовной науке полгода под личным надзором старца Леонида, теперь уже не имел крайней нужды в его личном присутствии и по отбытии старца в Оптину обитель продолжал довольствоваться

духовным общением с ним уже посредством переписки.

После отца Леонида прибыл из Глинской пустыни в Площанскую упомянутый выше старец Василий Кишкин и по убеждению своих учеников водворился в этой обители на постоянное жительство с намерением здесь окончить скитальческие дни свои. Он и улучил желаемое, скончавшись мирной кончиной в ноябре. Благовременно было прибытие духовного мужа — старца Василия — в Площанскую пустынь, так как оно не могло не пролить духовного утешения в душу отца Макария, лишившегося личного сопребывания со старцем Леонидом, к которому он расположился всей любящей своей душой.

Деятельность отца Макария теперь все более и более расширялась. В своей обители он, по рассказам упомянутого выше иеродиакона Палладия, пользовался всеобщей любовью, многим помогал духовными советами, а вне своего монастыря, кроме духовных советов, принимал участие, хотя поневоле, и в хозяйственных делах. Насколько проныцателен был ум отца Макария и обстоятельны его советы, приведем следующий пример. Молодой человек из дворян, Николай Петрович Демутье², служивший несколько времени в военной службе, прибыв в Площанскую пустынь, немедленно познакомился с отцом Макарием и так расположился к сему опытному в духовной жизни старцу, что отдал ему себя в полное послушание. Отец Макарий поместил нового послушника подле своей кельи. Послушание его состояло в келейных послугах старцу и канонаршестве³. Но вскоре враг спасения нашего смутил нового пришельца. По его внушению Николай Петрович задумал оставить обитель

² Впоследствии архимандрит Никодим, настоятель Малоарославского Николаевского монастыря Калужской епархии. Скончался 7 февраля 1864 года на шестьдесят пятом году жизни. — *Примеч. авт.*

³ Канонарх — церковнослужитель, возглашающий перед пением глас и строчки из молитвословия, которые вслед за возглашением поет хор.

и старца-руководителя. Под предлогом богомолья он стал проситься в Воронеж для поклонения ново-явленному тогда чудотворцу святителю Митрофану. Опытный старец отец Макарий и другие иноки, видевшие тут вражье искушение, долго уговаривали его остаться в обители. Но когда убеждения их остались безуспешными, то благословили его отправиться в Воронеж и даже дали ему лошадь и кучера, чтобы подвезти его до города Орла. Собрав свои небольшие пожитки в дорожную сумку, не исключая и свидетельства об отставке от военной службы, Николай Петрович отправился в путь. Но не успел он отъехать от монастыря и восьми верст, как постигло его горе. Лошадь без всякой видимой причины с испугу бросилась в сторону и, выбросив седока с кучером, помчалась вперед одна. Кучер бросился догонять лошадь, а Николай Петрович принужден был той же дорогой вернуться назад в монастырь. Настал вечер. И путешественнику пришлось идти пешком уже ночью, со слезным раскаянием, что не послушался совета своего доброго старца отца Макария и других иноков остаться в обители. К полуночи дошел он до монастыря и ночевал в монастырской гостинице. К довершению горя Николая Петровича, на другой день утром оказалось, что кучер с лошадью в монастыре, а котомка его пропала. Видя в этом событии явное наказание Божие за послушание и непокорность старцам и за неблагоприятную отлучку из обители, Николай Петрович усердно испрашивал у старцев себе прощения. Между прочим, он много беспокоился о потере своей сумки, в которой хранилось выданное ему свидетельство об отставке. Добрые и истинно чадолюбивые старцы вместе с отцом Макарием старались всячески

успокоить и утешить его. Того же дня к вечеру явился в монастырь из находящейся вблизи монастыря деревни крестьянин и объявил, что он поднял в лесу кожаную котомку, которую и принес в монастырь, спрашивая, не найдется ли в нем ее хозяин. Таким образом, Николай Петрович, по милости Божией и по молитвам старца Макария с прочими площанскими старцами, неожиданно и притом вскорости получил все потерянное и усердно возблагодарил за сие премилосердного Господа, а также и доброго бескорыстного находчика.

Вследствие посторонних хозяйственных дел, в которых отец Макарий по необходимости принимал участие, ему приходилось иногда не на короткое время оставлять свою обитель и жить на стороне. Так, большую часть лета 1831 года он провел в Севске, будучи назначен по распоряжению преосвященного Орловского Никодима членом комитета по постройке Севского училищного корпуса, а по званию духовника Севского женского монастыря — членом другого комитета по построению вокруг означенного монастыря каменной ограды. Но он весьма скучал этим не сродным его духу занятием, выражаясь в письмах к старцу Леониду, что «завязался комитетами».

Скуки, или скорби душевной, вскоре еще более прибавилось отцу Макарию, когда последовало для него новое назначение. В октябре того же 1831 года преосвященный Никодим, отправляясь на чреду в Святейший Синод, неожиданно вызвал отца Макария в Орел и взял с собою в Петербург в должность казначея и эконома¹. По пути из Орла в Петербург отец Макарий заехал в Оптину пустынь, находящуюся в полуверсте от большого Киевского тракта, на прощание и для совета со своим

¹ Вместе с отцом Макарием поехал ученик его, живший с ним в Площанской пустыни более тринадцати лет, монах Иоанникий, родом из московских мещан. В 1844 году, уже будучи иеромонахом, он перешел из Площанской пустыни в Сергиевскую, что близ Петербурга, но отсюда опять возвратился в Площанскую пустынь, где и скончался, постриженный в схиму с именем Игнатия. — *Примеч. авт.*

духовным наставником и другом старцем Леонидом. Весьма он был утешен этим личным свиданием со старцем, что можно видеть из следующего писанного к нему отцом Макарием письма от 23 октября 1831 года, через два дня по приезде в столицу: «Ваше высокопреподобие! Достопочтеннейший и любезнейший батюшка отец Лев с возлюбленными о Христе братьями! Радоватися и здравствовать желая! Хотя малое время сподобил меня Господь быть у Вас и видеть Вас; но я и сие приемлю за неизреченную ко мне милость Божию и благодарю Его благодать. Молю, да и впредь сподобит меня не только временно, но и всегда быть при Вас и Вашими молитвами и наставлениями устроить мою жизнь. Приношу Вам чувствительную мою благодарность за отеческие Ваши ко мне милости и любовь, явленные и ныне являемые. По отъезде от Вас путешествие наше продолжалось весьма медленно и с большою скукою по причине суровой погоды. Наконец 21 октября достигли царствующего града Санкт-Петербурга, где нашли архипастыря своего, нас ожидающего, который объехал нас в Твери, чего мы тогда не знали, но после уже на дороге узнали. В Москве мы пробыли сутки; были в соборах у святых мощей. По приезде сюда на другой день были в Невской лавре, и святым мощам святого Александра Невского сподобился прикладываться. Был у отца И-ия; братским его расположением и любовью много доволен; расстояние не позволяет часто иметь свидания, а при том моя обязанность и не своя воля. Более не имею ничего сообщить, как только опять обращаюсь к немощам своим: вижу себя весьма неспособна к распоряжению по части экономической, а паче когда все еще не устроено; и что будет далее со мною, не знаю;

но буди воля Божия! Пошел сюда я не по своей воле и не ради почести или других видов, но единственно за послушание. Хотя в чем окажусь неспособным, и ежели освободят от сей должности, то и в сем Промысл Божий к лучшему ведет».

В последующих письмах из Петербурга к старцу Леониду отец Макарий постоянно выражал скорбь души своей о лишении пустынного жительства и о тяжести постоянного пребывания в молве и попечениях города, столь несходных с его духовным устроением. «Почтеннейший батюшка! — писал он в письме к старцу от 2 июня. — Хотя и писал Вам, что милосердием всемогущего Бога, за молитвами Вашими, ничего особенного не случилось, но, впрочем, почти ежедневно случаи бывают причиною смущений и скорбей, которых всех описать никак невозможно. А сверх того лишение мест пустынных, образа жизни и чина монастырского наносит томность и унылость. Также худое мое устроение, леность к молитве и ревность на разрешение — все сие наносит скорбь и тягость душе¹. Я полагаю, что все сие устроил и попустил так Господь за мои грехи. За все оное, от Промысла Божия со мною творимое, должен немолчно благодарить Бога; но нахожу в себе немощь, а смирения не имею».

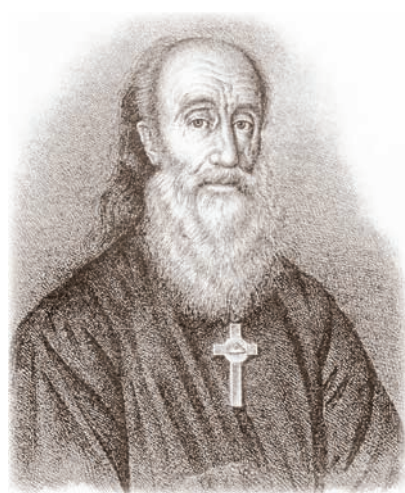
В другом письме, от 30 июня того же года, отец Макарий еще сильнее выражает чувства невольной скорби, с одной стороны, и глубокого смирения — с другой. «Вы, батюшка, от преизбытка преизливающейся в Вас отеческой любви утешаете меня, не видя вполне худого моего устроения, которое все подробно

¹ Очевидно, что старец выражается так о себе по глубокому своему смирению, будучи отвлекаем внешними попечениями по должности. Подробно сказано об этом в жизнеописании старца Леонида (в схиме Льва). — *Примеч. авт.*

Въезд в Александро-Невскую лавру. Фотография. XIX век

¹ Преподобный Акакий — пример беспрекословного послушания. См. о нем в «Лестнице», Слово 4, глава 110. — *Примеч. авт.*

Иеромонах Филарет (Пуляшкин), в схиме Феодор. Литография. XIX век

описать не могу, а разве некоторую малейшую часть. Вы изволите писать, что я не по собственному предложению здесь нахожусь. Это действительно так, а за послушание. Но сего последнего вижу себя не исполняющим, а много прекословящим и отрицающимся, почитая оное для себя невместным, и не терплю со смирением укоризны. Я Вам уже изъяснял, что далек от Акакиева устройства¹. Всего изъяснить на бумаге не могу; но я должен всегда находить в себе вину, а этого нет. Но и в сем, может быть, Промысл Божий действует непостижимою нам премудростию к пользе. То есть: ежели бы иначе было, то еще бы хуже был... Помолитесь, батюшка, да исправит Господь путь мой пред Ним и дарует прочее дней живота моего время прейти безмятежно в истинном покаянии — в таком месте, где Его святой воле будет угодно...»

Призирающий свыше на смиренных сердцем Господь внял скорби и усердной молитве верного раба Своего. Такое место уже было уготовано для него по судьбам Промысла Божия в награду за безропотное претерпение скорбных искушений, о которых он с таким смирением намекал лишь в своих письмах к старцу Леониду. 21 октября 1832 года отец Макарий уволен был от казначейской должности, пробыв в ней примерно год. На обратном пути из Петербурга он имел утешение проездом через Москву быть в Новоспасском монастыре у старца иеромонаха Филарета. Его духовная беседа и глубокий разум, проникнутые силой и светом благодати, и его любовь навсегда запечатлелись в благодарной памяти отца Макария. А проезжая мимо Оптиной пустыни, он опять постарался видаться с отцом Леонидом, у которого теперь уже

испросил благословение, а также и согласие отца строителя Моисея² на принятие его в скит, состоящий при Оптиной пустыни. Отец Макарий подал прошение о сем отцу строителю, прося его дать оному ход, когда найдет сие удобным, а сам отбыл в Площанскую пустынь и, предавшись воле Божией, спокойно ожидал, что речет о нем Господь.

Между тем смиренный, бегавший славы человеческой отец Макарий представлен был в числе трех кандидатов к занятию должности строителя Площанской пустыни. Ибо отец Маркеллин, заболев в декабре 1831 года, оставался больным в течение почти трех лет, до самой своей кончины, продолжавшей в 1834 году. Но отец Макарий, испытав на себе всю тяжесть должностных скорбей, не желал этого назначения, ибо в мыслях своих уже решился жить и подвизаться вместе со своим старцем Леонидом в одной обители и во всем подчиняться его воле и руководству. «Вы изволите, батюшка, писать, — выражался он в одном из своих писем к старцу Леониду по возвращении в Площанскую пустынь, — что чувствам Вашим не извещается, чтобы я был отсюда отпущен. О сем ничего не смею сказать; а токмо имею истинное желание быть при ногу Вашею, прочее оставляя на волю Всеведущего Бога. Ежели это случится, то, верно, за мое недостойнство, в наказание меня. Но, не ведая судеб Божиих и будущего о нас Промысла, должен повиноваться воле Его святой, хотя и не без прискорбия по немощи нашей. Что ж касается до начальства, то всячески я спокоен в этом нахожусь, зная, какое имеют в Орле о худом моем устройении мнение. Да и оное представление кандидатов... молчит. Притом же и наш отец строитель не теряет надежды быть еще правителем. Я слышал это, и со своей

² Преподобный Моисей Оптинский († 1862), схииерхимандрит. Память 16/29 июня.

стороны от души желаю ему быть здоровым и управлять обителью».

В марте 1833 года получил отец Макарий уведомление от старца Леонида, что дело его о переходе из Площанской пустыни в Оптину пошло в ход. В ответ на сие известие отец Макарий в письме к старцу от 11 апреля 1833 года выразил свою радость в следующих словах: «Премилостивое отеческое Ваше писание, от 23-го числа марта пущенное, много меня утешило как по отеческой любви Вашей ко мне, так и по известию о пошедшем в ход моем деле... Но как устроит Господь, да будет Его святая воля. Хотя я и многогрешен, но вверяю себя в покров Пречистой Богородицы — всем грешным предстательство и спасение. Ожидаю, что устроит Господь Ее святыми молитвами на пользу души моей. Я к Вам писал от 22 марта, что располагал проситься в Воронеж для богомолья, но, получив Ваше письмо, уже нельзя было пускаться с прошением к архиерею, — оставил. Буду ожидать, как Господь устроит. Можно и тогда побывать». Дело отца Макария тянулось почти целый год, и только 14 января 1834 года получил он столь возжеланный для него указ о своем перемещении из Площанской в Оптину пустынь. Слезно простился он с обителью, под сенью которой прожил двадцать три года и три с половиной месяца, и, воздав благодарение Царице Небесной, покрову Которой вручал себя в этом деле, поспешил на соединение с любвеобильным старцем Леонидом. Но и расставшись со своей родной обителью, отец Макарий до самой кончины своей сохранил благоговейное воспоминание о ней и любовь, что нередко выражал словесно и письменно. Так, например, писал он к одной из своих духовных дочерей 18 июня 1843 года: «Я рад, что ты побывала

в Площанской пустыни. Я ее сам очень люблю. Да как и не любить, 23 года проведши? А икона Царицы Небесной пречудной и неизреченной доброты! От одного на нее зренья нельзя не прийти в умиление. Я переселился оттуда хотя и по своей воле, но не усиленно того требуя и предавшись Промыслу Божию и желая воспользовать душу мою через батюшку Леонида, и, благодаря Бога, доволен здешнею жизнью; а как дальше будет, одному Богу известно».

ГЛАВА 5

Взаимные отношения старца Леонида и отца Макария

¹ Преподобный
Антоний Оптинский
(† 1865), схиигумен.
Память 7/20 августа.

Отец Макарий из Площанской пустыни в оптинский скит прибыл 5 февраля 1834 года, начальником коего в то время был иеромонах Антоний (Путилов)¹, родной брат настоятеля Оптиной пустыни строителя (впоследствии архимандрита) Моисея. Отцу Макарию было сорок пять лет.

Выше мы видели, что еще с 1826 года на него возложена была орловским епархиальным начальством должность духовника Севского женского монастыря, и потому многие уже давно имели его своим наставником и пользовались его духовными советами. А он, смиряясь и вменяя себя ни во что, бегал славы человеческой, ища как особой чести и отличия быть *при ногу* другого старца, а улучив желаемое, явил в себе черты истинного послушания.

С самого прибытия в скит отец Макарий жил здесь весьма скромно, ничем не отличаясь от прочих братьев: ходил вместе с ними к старцу Леониду на вечерние правила, довольствовался общей братской трапезой и обычной для всех пустынников одеждой. Сначала он помогал старцу лишь в его обширной переписке с лицами, просившими у него духовных советов и назидания; но с течением времени деятельность его стала более и более расширяться.

В 1836 году по воле калужского епархиального начальства вследствие запутанных обстоятельств старец Леонид переведен был из скита в монастырь. С великой скорбью и слезами проводила его скитская братия, как единоклубная семья, у которой отнимали родного отца. Неизвестно только, как взглянул на это обстоятельство отец Макарий. Может быть, он этим менее других был опечален, так как во всех обстоятельствах, и своих и чужих, он давно уже привык видеть волю Божию и беспрекословно повиноваться пекущемуся о всех нас Промыслу Всевышнего. Притом же скит от монастыря находится не в дальнем расстоянии — всего с четверть версты; а потому отец Макарий мог видеться со старцем Леонидом во всякое время.

В том же 1836 году, в октябре, отец Макарий указом Святейшего Синода определен был братским духовником в Оптиной пустыни. Отношение его к старцу Леониду через это несколько не изменилось. По-прежнему он находился у старца в полнейшем беспрекословном послушании: ежедневно ходил к нему в монастырь — то приносил для

Оптина пустынь. Вид на монастырь из окна рухольного корпуса. Открытка. Конец XIX века. АОП

подписи приготовленные им к почте письма, под которыми старец по смирению подписывался совместно с ним, то просил совета и разрешения каких-либо недоуменных вопросов относительно духовнической обязанности. Так продолжалось три года с небольшим. После этого положение отца Макария по внешности еще несколько изменилось. Начальник оптинского скита иеромонах Антоний по распоряжению высшего начальства определен был настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря в Калужской епархии с возведением его в сан игумена. А обязанность управлять оптинским скитом с 30 ноября 1839 года возложена была на отца Макария. Но и эта оказанная ему начальством честь вместе с умножившимися трудами нимало не изменила его отношения к старцу Леониду. Слово «начальник» не слышалось в устах смиренного подвижника. Будучи исполнен веры

и любви к старцу, отец Макарий ничего не делал без его спроса и благословения и по смирению своему весь успех своих начинаний и дел приписывал тайно и явно молитвам, советам и благословению своего духовного отца и наставника. А потому и Господь, призирающий на смиренных, благословлял труды его. Вообще говоря, до самой блаженной кончины старца Леонида отец Макарий пребыл одним из усерднейших учеников его, неизменно верным благому для произволяющих игу послушания.

Со своей стороны, и старец Леонид после своего невольного перемещения в монастырь до самой предсмертной своей болезни не прерывал общения с любимым им скитом и с новым скитоначальником отцом Макарием. Еженедельно по суб-

*Преподобный Моисей
(Путилов). Литография.
Середина XIX века.
ОР РГБ*

ботам и воскресным дням он продолжал, доколе позволяли ему силы, ходить в скитскую церковь для слушания Божественной литургии, а после обедни обыкновенно заходил в келью отца Макария. Туда же собирались и прочие скитские старцы для духовной беседы со своим духовным наставником. А иногда и бывшие у обедни светские лица из дворян и купцов, зайдя на чашку чая к начальнику скита и застав у него духовную беседу, становились слушателями и участниками оной к душевной своей пользе.

И не только старец Леонид не прерывал общения со скитом и скитона начальником отцом Макарием, но в отношении последнего и сам являл со своей стороны смирение. Встретившись в Площанской пустыни с отцом Макарием, старец Леонид, как замечено выше, рад был сблизиться со столь даровитым и искусным иноком и по переходе его в оптинский скит смотрел на него не как на ученика, а как на своего сотрудника, спостника и друга духовного. И только уступая его нелицемерному смирению и постоянству, решился обращаться с ним как с присным¹ и возлюбленным о Господе сыном и учеником.

Больше всего старец Леонид обнаруживал свое смиренномудрие и свое уважение и любовь к отцу Макарию в том, что приблизил его к себе и сделал своим помощником, разделяя с ним труд духовного окормления братий и посетителей. В последние пять лет своей жизни старец Леонид желавшим пользоваться его руководством большей частью благословлял обращаться вместе с тем и к отцу Макарию и открывать ему все, что открывали самому отцу Леониду. Со своей стороны и отец Макарий, когда

*Преподобный Антоний
(Путилов). Литография.
Середина XIX века.
ОР РГБ*

¹ Постоянным, близким
(церк.-слав.).

узнавал от своих духовных детей что-нибудь касающееся до них важное, всегда спрашивал, объясняли ли об этом старцу Леониду, и если не объясняли, то отсылал к нему для объяснения. Таким образом, душа каждого из относившихся к ним была равно открыта перед обоими старцами, и оба они одинаково знали все обстоятельства своих духовных детей. Если кто, исповедавшись у отца Макария, приходил принять благословение у старца Леонида, то старец, имевший дарование открывать и напоминать забытые грехи, спрашивал, говорили ли то или другое отцу Макарию. И если не говорили, по забвению или по какой-либо другой причине, то посылал опять к нему для объяснения невысказанного. Когда спрашивали о чем-либо отца Макария, он без старца Леонида не давал никакого решения. Также и старец без отца Макария ничего не решал и в подобных случаях говаривал: «Подождем; придет отец Макарий, вместе поговорим». Умилительно было видеть такое единодушие и взаимную любовь двух старцев. «Бывало, — рассказывала духовная дочь отца Леонида и отца Макария, бывшая впоследствии настоятельницей Белевского женского монастыря, игумения Павлина, — бывало, говоришь с отцом Леонидом, входит отец Макарий. Отец Леонид говорит ему: „Батюшка, поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить“. Или, бывало, сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души, как бы одному. И никогда не разделяли их и не делали между ними никакого различия. Поистине в них *бе сердце и душа едина*¹. Потому, — прибавляла рассказчица, — когда скончался отец Леонид, хотя мы и скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная,

¹ Деян. 4, 32.

так как мы лишились одной половины, а другая осталась при нас».

Так старцы, одушевленные единомудрием и связанные взаимною духовной любовью и единомыслием, поучали своих духовных чад этим главнейшим христианским добродетелям не словом только, но более всего собственным примером и не допускали, чтобы между ними возникало какое-либо разделение, к чему ученики по немощи человеческой нередко бывают склонны. Между духовными детьми отца Леонида и отца Макария никаких подобных разделений или партий не было. Единодушие и единомыслие старцев отражалось и на детях их. Таким образом, в одной обители было два старца, но не было раздвоения и не терялось единство старческого окормления.

Все это показывает, что отец Макарий, будучи братским духовником и скитона начальником, теперь уже признан был отцом Леонидом и старцем-руководителем других, ищущих спасения. Несмотря на это, отец Леонид, как замечено выше, уступая нелицемерному прощению и смирению отца Макария, продолжал обращаться с ним как с учеником и, следуя наставлению святого Иоанна Лествичника, не упускал случаев доставлять искусному подвижнику венцы через испытание его терпения. С этой целью отец Леонид подвергал его выговорам и замечаниям нередко и при других, чтобы и их воспользовать его смирением. Вот примеры.

Осенью 1837 года преосвященный Калужский Николай, будучи в Оптиной пустыни, назначил в настоятели Калужской Тихоновой пустыни одного

*Оптина пустынь.
Общий вид. Фотография.
Конец XIX — начало XX века. РГАЛИ*

¹ Игумен Геронтий
(Васильев; † 06.06.1857).

² Иеросхимонах
Антоний (Медведев;
† 10.10.1880).

Иеросхимонах Антоний
(Медведев). Фотогра-
фия. Середина XIX века.
ОР РГБ

из учеников старца Леонида, иеромонаха Геронтия¹, который, конечно с благословения старца и согласия настоятеля, взял с собою из Оптиной шесть человек братьев, в числе коих был близкий ученик старца Леонида послушник Александр, впоследствии иеросхимонах, духовник в Киево-Печерской лавре². Тихонова пустынь была в то время в крайне печальном положении. Монастырек был маленький, во всем недостатки, все здания пришли в ветхость, и потому уже определено было эту обитель закрыть. К довершению этих неудобств назначенный в нее новый настоятель имел вспыльчивый и крутой характер. Все это тяжело отзывалось в душе послушника Александра, который, кстати сказать, был келейником у отца Геронтия, значит, самым приближенным лицом. Проводив оптинцев в убогую Тихонову пустынь, любвеобильный старец Леонид не мог не сочувствовать их тяжелому положению и не принимать в них живого участия. Каждый год в летнее время до самой своей кончины он посещал Тихонову пустынь и проживал там по нескольку времени. В первое лето он пробыл там шесть недель. Лишившись на такой продолжительный срок близкого общения со старцем, не привыкший к этому отец Макарий сильно заскучал своим безотрадным положением. И вот когда отец Леонид в сопровождении послушника Александра возвратился в Оптину и вошел только в свою келью, отец Макарий вместе с прочими братьями поспешил повидаться с ним после долгой разлуки. Между тем при входе в келью старца он нечаянно сошелся с Александром и с огорчением сказал ему: «Вы со своим старцем (отцом Геронтием) готовы

там батюшку присвоить». «С тугой сердечной (так рассказывал после Александр) ответил я ему: „Батюшка! Не желал бы я от Вас слышать такую несправедливость. Это по Вашему с батюшкой (отцом Леонидом) назначению я подчинен под старчествование отца Геронтия...“ — и не мог более говорить — слезы потоком полились из глаз моих... Так мы оба вошли в батюшкину келью. Отец Макарий поклонился батюшке в ноги. Поздоровались. Но вместо братского приветствия старец Леонид как бы с неудовольствием обратился к отцу Макарию: „А ты, брат, тут костричишься³?!“ Смирясь перед старцем, отец Макарий сказал: „Простите, батюшка! Это правда. Но что же мне делать? Меня одного оставили на такое продолжительное время“. Старец с укором: „Да, ты прав, как немощной; а эти люди (указывая на меня) с запасом. Их, по-твоему, можно бы и совсем оставить. Эх, какое самолюбие!“ — „Да простите, батюшка, — повторил отец Макарий, — потому так я и говорю, что сознаю свою немощь“». Этим сухим приемом отца Леонида на первый раз и окончилось свидание старцев после шестинедельной разлуки.

Еще: несмотря на то что отец Макарий был братским духовником и разделял с отцом Леонидом труды по старчеству, братия исповедовались у отца Макария, а для откровения помыслов ходили к отцу Леониду. Вместе с прочими ходил к нему из скита и келейник отца Макария, рясофорный монах Иродион Пономарев (впоследствии скитоначальник иеросхимонах Иларион)⁴. «Ходя к отцу Леониду на откровение, — так передавал сам отец Иларион, —

*Оптина пустынь.
Открытка. Начало
XX века. АОП*

³ Ершишься, упрямисься.

⁴ Преподобный Иларион (Пономарев; † 1873), старец Оптинский, иеросхимонах. Память 18 сентября / 1 октября.

еще, бывало, пожалуюсь ему на батюшку отца Макария, и отец Леонид при мне же сделает ему выговор, для того, конечно, чтобы кротость и смирение батюшки Макария послужили мне примером, когда я вырасту из духовного малолетства. А я, по малой

тогда духовной опытности, еще не мог понять смысла сего и доволен был, что отец Леонид батюшку Макария обвинял, а меня оправдывал. Так, однажды во время моего келейничества у отца Макария я самочинно раздал все баранки. Батюшка Макарий спрашивает: „Где баранки?“ — „Раздал“, — говорю. „Как же ты смел? Кто позволил тебе раздать?“ И бранил меня за то немало. Я пожаловался отцу Леониду, и он при мне же начал укорять за меня батюшку Макария».

Неоднократно старец Леонид принимал вид гневающегося на отца Макария и тогда осыпал его бранными словами, вроде того: «Ах ты, дворянничко, такой-сякой!» Или иначе как-нибудь бесчестил в присутствии других. Вот один из многих тому примеров.

Отец строитель позвал к себе отца Макария и просил его принять от пострижения в мантию некоторых готовившихся к тому братьев. Вменя просьбу начальника в приказание, отец Макарий ответил на оную соизволением и смиренным поклонением. Придя после того к старцу Леониду, он застал сего духовного вождя по обычаю окруженного множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях. Отец Макарий кратко поведал ему, зачем звал его настоятель. Пользуясь этим случаем доставить подвижнику-иноку венец терпения, а других воспользовать его смирением, духовно опытный старец с видом строгости спросил отца

*Преподобный Иларион
(Пономарев), старец
Оптинский. Фото-
графия. Середина
XIX века. АОП*

Макария: «Что ж, ты и согласился?» — «Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказываться», — ответил отец Макарий. «Да, это свойственно твоей гордости!» — сказал старец, возвысив голос, и, притворяясь гневающимся, довольно долго укорял отца Макария. А тот стоял перед старцем с поникшей головою, смиренно ему кланяясь и повторяя по временам: «Виноват! Простите Бога ради, батюшка!» Все присутствовавшие, привыкши уважать отца Макария наравне со старцем Леонидом, смотрели на это одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: «Простите, батюшка! Благословите отказаться?» — «Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказываться, дело сделано!» — сказал отец Леонид, вовсе не имевший в виду лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевающего в оном старца-ученика и, как выше замечено, воспользоваться через то других. И она вполне была достигнута. Ко всем таким и подобным выговорам и замечаниям старца Леонида отец Макарий не оставался равнодушным, но всячески старался обращать их к пользе своей души. Он не малодушествовал перед ними, нимало не смущался, не обижался на своего обличителя и не прибегал к самооправданию, а напротив, держась истинного пути жизни духовной, смирялся и укорял себя в неумении угодить любимому своему старцу, охуждая свои дарования и заслуги, и через это незримо для себя самого преуспевал в боголюбезном и спасительном смирении, без коего никакими трудами и подвигами спастись невозможно. А между тем любвеобильный

старец Леонид не только отечески глубоко любил, но и сердечно уважал отца Макария как своего друга и сотаинника и, когда находил нужным, высказывал свои чувства в такой мере, что изумлял присутствующих и самого отца Макария, который по смирению считал себя недостойным этого, относил это более к смиренномудрию старца или к тому буйству Христа ради, которым тот обыкновенно прикрывал свою духовную мудрость.

А какую любовь и почитание и вместе глубокое смирение показывал отец Макарий к старцу Леониду, когда в последние годы своей жизни старец подвергся гонению со стороны своих недоброжелателей! Весьма убедительно в одном письме он доказывал правоту старца Леонида и выказывал опасение, как бы за клевету не последовало наказание Божие клеветующим. С глубочайшим смирением испрашивал он у старца дозволение и благословение написать другому лицу письмо просительное о ходатайстве перед высшими лицами, дабы защитили его от угрожавшей ему опасности. И по получении дозволения немедленно озаботился исполнить то, чего усердно желала его любящая и смиренная душа.

И так постоянно ученик состязался в смирении с учителем. Все же ясно видели, что оба они достойны были друг друга. Семь лет, проведенных отцом Макарием вместе со старцем Леонидом, миновали быстро. 11 октября 1841 года отец Леонид преставился ко Господу мирной и блаженной кончиной. Отец Макарий оплакивал его потерю не менее, чем первого своего духовного наставника, схимонаха Афанасия, — ибо первый насадил, а второй укрепил в нем семена духовного ведения.

Признательный ученик и по кончине своего учителя не переставал любить его и благоговеть к его

памяти. Он сам составил краткий некролог старцу Леониду, написанный его собственной рукой в календаре 1840 года. Помещаем его здесь: «1841 года, октября 11-го числа, пополудни в 7 часов и 20 минут, в Оптиной пустыни скончался достоуважаемый многими духовными и светскими особами старец иеромонах Леонид, а в схиме Лев, от роду 72 лет. Перед кончиною болел недель пять, в течение которого времени особорован елеем и многократно сподобился причащаться Святых Таин, и в самый день кончины сего дара сподобился. Несколько дней перед кончиною страдал, но кончил жизнь спокойно, с упованием на милосердие Божие; до самой кончины был в полной памяти и здравом уме. И всего жития его по исшествии из мира было 46 лет. Родом из карачевских граждан, он поступил прежде в сию Оптину пустынь; пробыв два года, перешел в Белые Берега, где и пострижен; выходил на время в Чолнский монастырь; потом был строителем в Белых Берегах четыре года. Отказавшись от сей должности, был на покое и перешел на Валаам, оттоль в Свирский монастырь со знаменитым отцом Феодором, где сей и скончался. В 1828 году, оставя Свирский монастырь, пожил с полгода в Площанской пустыни, откуда в 1829 году перешел в Оптину пустынь — в скит; в 1836 году взят в монастырь. Претерпел многие гонения и ложные хульные порицания, коими, яко злато в горниле, искушен; уповаем, яко наследует Царствие Небесное. Многим братиям был наставник и оставил по себе добрую память».

Ниже в том же календаре замечено: «Сего же месяца 17-го числа 1825 года скончался в Площанской

*Оптина пустынь.
Открытка.
Конец XIX —
начало XX века. АОП*

пустыни схимонах Афанасий». Это прежний старец отца Макария, вышеупомянутый схимонах Афанасий (Захаров).

При жизни старца Леонида некоторые любопытствовавшие пожелали узнать от него о душевном устройении настоятеля монастыря отца Моисея, брата его, бывшего скитона начальника отца Антония и описываемого здесь иеромонаха Макария. Старец кратко ответил: «Отец Моисей и отец Антоний — великие люди, а Макарий — свят».

ГЛАВА 6

**Душевные свойства старца Макария,
приобретенные при помощи Божией
его трудами и подвигами, и духовные
благодатные дарования, скоро доставившие
ему большую известность среди людей
благомыслящих**

После кончины старца Леонида главным старцем в Оптиной пустыни стал скитоначальник и братский духовник иеромонах Макарий, наследник всех добродетелей и духовных дарований своего предместника. Вера, по апостолу Иакову, от дел являемая (ср.: Иак. 2: 18, 26), вера правая, живая и непоколебимая в Господа Бога и Его всеблагое промысление о всех людях вообще и в частности о каждом человеке была присуща старцу всю его жизнь. О сем уже отчасти говорено было прежде и будет говориться дальше. Право разумея догматы нашей православной веры, изображенные

в Символе веры, а также и евангельские заповеди, обетования и прещения, Правила святых апостолов, постановления Вселенских Соборов, великих церковных учителей и святителей с их толкованиями, а равно и учения и наставления преподобных и богоносных отцов наших, отец Макарий крепко защищал их и вразумительно пояснял истины веры и спасения, поучая соблюдать все сие и всех духовно

относившихся к нему. Соединенная с такой верой твердая надежда на неизреченное милосердие Божие и всецелая преданность во святую волю преблагого Господа неотступно сопутствовала ему во всех радостных и скорбных жизненных его обстоятельствах.

Из прочих боголюбезных качеств души старца Макария особенно выдающимся было его глубокое смирение. И поистине его самого можно было назвать воплощенным смирением. Во всех многочисленных его собственноручных письмах проглядывает эта боголюбезная черта его характера. Ибо везде в них он в полном смысле считает себя за ничто.

Например, так писал он к одной особе: «Вы возлагаете обязанность (духовного руководства) на меня. Но сколь похвально Ваше желание, столь трудно с моей стороны оно исполнение. Не имея свойств на таковое дело и не видя в себе плодов духовных, чему могу других научить? Это очень нередко меня обличает и, заключаясь в границах моего неразумия, дает видеть мое ничтожество. Слова Спасителя нашего: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23) и *слепец слепца еще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14) — немало меня устрашают. Привычка моя входить в излишние разговоры и суждения, может быть нередко и неправильные, но многими непонимаемые, подают повод

*Старец Макарий.
Портрет. Художник
иеромонах Гавриил
(Спасский). 1854.
ОР РГБ*

думать о мне то, чего не имею, и искать чрез меня душевной пользы. Хотя бы я и должен сего отрицаться, но, будучи столь слаб в своем характере, не могу отказывать и, при чувстве моего неразумия, — вхожу в их положение, предлагаю от слова Божия и от учения святых отцов; и когда кто получает душевную пользу, то сие происходит действием благодати Божией, не по моему достоинству, но по вере их, им даруемой. Сие написал Вам, хотя показать мое ничтожество, впрочем совершенно в малом виде, — и причину, по коей думают некоторые о мне нечто, и дабы Вы знали, что я ничего не могу сам собою сделать. Просьба Ваша словесная и письменная убеждает меня искать не своих си, а яже ближнего¹; и, забывая свою худость, по слабости моего характера, не смею Вам отказать в Вашем прощении. Не полагаюсь на свой разум, но на Бога, вразумляющего и бессловесных, к пользе разумного Своего создания и искупленного Кровию Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, Который, по вере Вашей, за молитвами духовного моего отца, силен просветить слепого, показать стезю или предостереечь от стремнин, на пути сем обретающихся. Только прошу Вас, и Ваши молитвы присовокупите к вспомоществованию в сем высоком и важном предприятии. По скудости моего разума не взыскивайте красноречия; и ежели буду что писать или говорить, не от дел моих и не от разума, но от Писания и святых отцов учения, что Господь подаст помраченному моему уму для пользы Вашей, предлагая, по слову святого Иоанна Лествичника: „Что некоторые, шедши путем и попавши сами в тину, других предостерегают, дабы опасались и не замарались тою же тиною и грязью; да чрез сие избавление их и они получат прощение грехов своих“ (Степень 26, глава 14)»².

¹ Ср.: 1 Кор. 13, 5.

² Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария: [Ч. 1–6]. [Козельск]: Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1862–1863. Письма к монашествующим. Отд. 2: Письма к монахиням. Ч. 4. Письмо 1. — *Примеч. авт.* (Далее: Собрание писем старца Макария.)

Или в письме к другому лицу старец еще сильнее выражается: «Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых; и гордости не чужд. Принимаю от подобных себе слепцов ублажение на свое осуждение. А ежели бы Вам открыть глаза, и видели бы хотя часть некую моих злых деяний, то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолчать и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный, под видом пользы якобы ближних, не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других; и только знаю, что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие. Не знаю, что будет»¹. И вообще во всех своих письмах старец Макарий выставляет на вид свою якобы худость и неведение, относя все свои добродейания, как и подобает, единственно к силе и славе Божией. Смирение его также выражалось в словах и делах, а равно и во всей его внешности: виде, одежде и в каждом движении. Оно было альфой и омегой и всего его учения. Нередко можно встречать в письмах его приводимые им слова преподобного Исаака Сирина о великом значении добродетели смирения. «Смирение, — говорит он, — и без дела много прощает согрешений; как, напротив, все наши дела и все добродетели без смирения суетны — не спасут нас»².

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 5. Письмо 53. — *Примеч. авт.*

² Святой Исаак Сирин. Слово 46. — *Примеч. авт.*

Оберегая от кичливости одну свою духовную дочь, старец писал ей: «Пишешь: кажется тебе, что ты смиренна и терпелива. Какое наше смирение? — волчье; а терпение — гнилое».

Не стыдился старец Макарий по смирению своему высказывать перед людьми свое как будто малодушие и боязнь силы бесовской. Находился он однажды, как это часто бывало, при старце Леониде, когда сей последний еще был жив. Вот привели к ним

обоим бесноватую женщину. Смело и со строгостью подошел к ней отец Леонид. Бесноватая тотчас стала неистово кричать. А старец Макарий как бы из боязни, показывая вид робости и прячась за отца Леонида, говорил: «Боюсь, боюсь!..» Бесноватая же, или, вернее сказать, бес в женщине, услышав это, кричит: «Врешь, врешь! Не боишься! Уж меня-то ты не обманешь!»

По слову святого Исаака Сирина, «несть смиренномудр, точию мирный: а не сый мирен, ниже смиренномудр есть»³. А потому смиренный старец Макарий был мирен всегда и со всеми и никогда и ни на кого не скорбел, хотя бы что и претерпел от кого-либо. С каким, например, смиренным расположением сердца принимал он известие, что кто-либо отзывался о нем с худой стороны! «Слава Богу, — говорил он обычно своим ученикам, — он один только и уразумел обо мне правильно. Это Бог возвестил ему обо мне. Вы же прельщаетесь, считая меня нечто быти. Разве не помните сказанного: *Горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6, 26)? И горе тому, чья слава выше дел его! А это духовные щетки, стирающие нашу нечистоту душевную». Или так писал он в письме к своим севским родственникам:

«Надобно пожалеть и о монахине Р. И она также находится в подвиге: не победивши страстей, имеет стужение и видит себя обиженною. А в этом я ее хвалю, благодарю и отдаю честь, что она, бывши слепа и очарована, прозрела и увидела меня в таком виде, каков я есмь — грешник. Похвалу, которую она приносила мне, обратила в укоризну и тем хотя

³ Святой Исаак Сирин.
Слово 89. — Примеч. авт.

Оптина пустынь.
Гравюра. Середина
XIX века. АОП

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 65. — Примеч. авт.

мало облегчила тяжесть мою, которою я тяготею, принимая ложную славу и имея имя выше дел моих»¹. Словом, как преуспевший в добродетели смирения, он не только не опечаливался, а паче радовался, слыша злословие, поношение и укоризны, и по заповеди Спасителя молился за таковых. Осуждения же кого-либо бегал, как яда змеиноного.

Это глубокое смирение старца Макария, как корень и основание всякого добра, привело к нему и весь светозарный собор евангельских добродетелей.

Любовь старца, коею он возлюбил от всей души своей паче всего Господа своего и ближнего своего, как самого себя, была поистине пламенная и деятельная. Она заключала в себе те свойства истинной любви, о которых говорит святой апостол Павел:

Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает (1 Кор. 13, 4–8).

Оптина пустынь.
Открытка.
Конец XIX — начало
XX века. АОП

Исполненный такой любви, старец проливал обильно милость свою прежде всего на всех духовных чад своих, объемля их душой своей и нетесно вмещаая в сердце своем. По примеру премилосердного нашего Спасителя и Искупителя, он не отвращался ни от кого, приходившего к нему и просившего милостыни духовной или телесной, и никого не отпускал от себя, не оказав по возможности внимания к его нужде. С какой, например, отеческой любовью в свое время он принял в скит и успокаивал

до самой кончины одного брата, который некоторое время, по наущению вражью, злословил его и досаждал ему! Случалось еще, что иной брат в обители чем-либо немоществовал, но по его виду нельзя было считать его больным. Прочие братия обыкновенно говорили старцу: «Какой он больной? Притворяется, не хочет работать, и больше ничего». Но любвеобильный старец в таких случаях отвечал: «Ну, а я не могу не верить»². Так, любовь *всему веру емлет* (1 Кор. 13, 7).

² Об этом передавал старец иеросхимонах Амвросий. — *Примеч. авт.*

Рассказывал о себе оптинский старожил игумен Марк³: «Вскоре по поступлении моем в Оптину я захворал лихорадкой. Болезнь моя продолжалась около двух лет. Больницы в то время в обители не было, и больные из братии лежали в своих кельях. Тогда я вполне убедился, какую великою, истинно отеческою любовью проникнуто было сердце старца батюшки Макария по отношению к братиям скита и монастыря, и в особенности больным. Несмотря на то, что к нему ежедневно приходили во множестве посетители разного пола и сословия, он всегда находил время обойти всех больных братий и каждого из них обласкать, успокоить и утешить».

³ Отец игумен Марк, достигнув в Оптиной пустыни иеромонашеского сана, был некоторое время настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря, а затем возвратился в Оптину пустынь и прожил здесь на покое немалое время. Скончался в 1909 году 18 марта в преклонном возрасте. — *Примеч. авт.*

Тот же игумен Марк рассказывал, что, будучи уже иеродиаконем, он стал смущаться помыслами выйти из Оптиной пустыни; но вместе с тем, зная святость старца Макария, опасался лишиться молитвенного его предстательства пред Богом и духовного окормления. И вот однажды он объяснился в этом старцу. Тот ответил: «Если останешься на этом месте и пребудешь тут до смерти, буду ходатайствовать за тебя пред Богом; а если выйдешь куда, сам смотри!» Так отец Марк и остался в Оптиной.

Еще рассказ игумена Марка о том, как был снисходителен старец Макарий к немощным и падшим:

¹ Иеромонах Мелхиседек из духовного звания, родился в 1809 году. По окончании курса в Калужской семинарии принял монашество и жил сначала в Мещовском Георгиевском монастыре, был некоторое время учителем духовного училища. В 1842 году вследствие каких-то нарушений указом духовной консистории переведен был под надзор в Оптину пустынь. Всегда он проявлял особенное усердие к подвижничеству, но это усердие, по неведомым судьбам Божиим, многократно растворялось попустительной смиряющей слабостью, подвергавшей его многим стенаниям и вздыханиям, на которые наконец призрел всеблагий Господь и даровал ему остаток дней провести в мире и отойти из этой жизни с благим упованием 22 октября 1870 года, шестидесяти одного года от роду. — *Примеч. авт.*

² Андрей Иванович Глушков († 1866) — мало-ярославецкий помещик, впоследствии скитский иеродиакон Антоний; по случаю серьезной болезни во второй половине шестидесятых годов XIX века удалился к своим родным в город Мало-ярославец и там скончался; погребен в Мало-ярославецком Николаевском монастыре. — *Примеч. авт.*

«Жил во времена старчества отца Макария в Оптиной иеромонах Мелхиседек¹. Вообще он был весьма исправен, но иногда подвергался страсти винопития. Несмотря на это, старец отечески поддерживал его и покрывал его своею любовью. Случилось даже однажды, что во время подпития отец Мелхиседек впал в неприличный монашескому сану проступок, который мог послужить поводом к раздражению старца. Но вместо угроз и обличений старец сам принес ему чаю и сахару, ободрил его, успокоил и, духовно восстановив, не допустил, таким образом, впасть в уныние и отчаяние. Отец Мелхиседек лично рассказывал мне о сем со слезами».

Старец Макарий хотя по смирению своему не любил выказывать перед другими своих добрых качеств, но письмоводителю его, отцу Андрею Глушкову², приходилось иногда слышать из уст его такие слова: «Я всех люблю: и птичек люблю, и коровок люблю, и лошадок люблю». Получив однажды жалобу от монастырского эконома, что посланный им на какое-то дело брат³ сильно утомил лошадей скорой ездой, старец сделал строгий выговор виновному, объявив все неприличие для инока ради удовлетворения своей личной прихоти или из тщеславия относиться с жестокостью к бессловесным животным, вопреки Священному Писанию, которое называет блаженными тех, кто милует и скотов. Вообще, подобно бывшему своему старцу Площанской пустыни схимонаху Афанасию, отец Макарий показывал большую сострадательность ко всякой бессловесной твари. Так, в зимнее время, сожалея об остающихся без пищи птичках, старец по своему обыкновению приказывал келейникам сыпать для них ежедневно на приделанную извне к окну его кельи полочку конопляных семян.

И довольное количество синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов слеталось пользоваться благодеянием старца. Заметив же, что большие птицы, сойки, стали обижать мелких беззащитных птичек, зараз поедая то, что им стало бы на целый день, старец, пиша нужные письма, сам по временам поднимался со стула, чтобы стуком в окно прогонять хищников. Но видя, что это не помогает, он велел сыпать зерна в банку, из которой мелкие птички легко могли доставать их, влетая в оную, сойкам же стало неудобно обижать их.

Тот же упомянутый здесь письмоводитель старца Глушков сказывал: «Видя однажды, что старец особенно благодушествует, я обратился к нему с такими словами: „Батюшка! Как бы я был счастлив, если бы Господь привел мне быть по смерти хоть в последнем уголке, только в том месте, где Вы будете“. Опустив руки и обернувшись ко мне лицом, старец довольно серьезно посмотрел на меня через очки свои и наконец проговорил: „О! Желаете? Хорошо!“» Замечательно, что предсмертная болезнь отца Антония (бывшего отца Андрея Глушкова) была схожа, хотя, может быть, несколько, с предсмертной болезнью старца Макария. Так, думается, по закону правды Божией, чтобы наслаждаться в вечной жизни хоть отчасти одинаковыми со старцем Макарием благами, должно было отцу Антонию хотя отчасти потерпеть и одинаковую с ним болезнь.

Продолжим речь о душевных свойствах старца Макария. Он был кроток и долготерпелив. Никогда не был он в смущении и не увлекался страстию гнева, разве только иногда оскорблялся за нарушение заповедей Божиих, памятуя слова царя-пророка: *Гневаясь, не согрешайте* (Пс. 4, 5). Обличая кого-либо, он запрещал с тихостию, наставлял и поучал

³ Монах Корнилий (Авилов; † 1870). Старец не просто сделал ему выговор, а выгнал в сердцах от себя.

¹ Схимонах Серапион
(Болдырев; † 1873).

с любовью, долготерпел с надеждою исправления согрешающих. Не любил старец похвал, в особенности если слышал, что его считают святым. С такими людьми он строго обращался, показывая даже вид гнева. Так, шел однажды по монастырю монах Серапион¹. Но вот останавливает его какой-то странник и начал рассказывать, что он был крепко нездоров, но явившийся ему во сне какой-то старец исцелил его и велел сходить в Оптину пустынь помолиться. На вопрос, какой он видом, странник стал объяснять. В это самое время из-за Владимирской церкви показался старец Макарий, который направлялся из скита к настоятельскому корпусу. Увидев его, странник с радостью воскликнул: «Вот он! Вот этот самый!» И с этими словами хотел было подойти к нему. Но отец Серапион, остановив странника, сам захотел передать старцу рассказ его, желая, со своей стороны, оказать ему честь. Пока речь шла о сильной болезни странника, старец слушал со вниманием. Но лишь дошло дело до чудесного им исцеления, старец переменял свой взор и, не дав рассказчику закончить историю, разразился над ним палочным ударом, не стал более слушать, отвернулся и ушел.

Еще подобный рассказ. Шел однажды старец Макарий по гостиному двору для обычного своего посещения прибывших богомольцев. Случившаяся тут какая-то простая старушка, почитавшая его за святого человека, положила на землю свою палочку, стала на колени и начала на него молиться. Увидев это, старец — этот добрый, ко всем благожелательный и снисходительный старец — грозно схватив палку, несколько раз ударил ею старуху по спине. Та, забыв свою молитву и святость старца, едва уплелась от него. Но после эта же старушка

получила от благодного старца вразумление и утешение.

Похвалу для себя старец даже называл клеветой. Так, писал он в Севск своим племянницам: «Я не ожидал от тебя, мать Мелания, такой клеветы, какую ты меня клеветещь. Откуда ты взяла такие оскорбительные и ложные вносить на меня клеветы? Считать меня живоносным источником, точащим не знаю что такое, и последним столпом монашества оставшимся? О, горе мне, грешному! Напротив, не только не столп, но самая немощная, иссохшая от греховного зноя былинка; и не живоносный источник, а греховное благо, источающее смердячую воду. Это я вижу в себе истинно так; и неложно должно бы говорить и мыслить: *беззакония моя аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5). Как погляжу на прошедшее и на настоящее, только и есть греховное усыпление и нерадение. Нет, суд человеческий несправедлив, а суд Божий истинен. Ежели вы что видите в письмах моих, то сие не мое, но по вере вашей от Бога даруемое вразумление»².

Был старец Макарий и милостив. Великое милосердие являл он к бедным. Многие бедные и слабые здоровьем монахини почти содержались на его счет. Он помогал им и деньгами, и бельем, и другими необходимыми вещами. Рассказывая о старце Макарии, келейник его, вышеупомянутый отец Иродион, между прочим говорил: «Отец Макарий вел себя иначе, нежели отец Леонид (его предшественник-старец). Последний действовал открыто, на глазах у всех, и не старался скрывать своих

*Оптина пустынь.
Настоятельский
корпус. Фотография.
Начало XX века. АОП*

² Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 83. — Примеч. авт.

¹ Иеросхимонах
Савватий (Нехорошев;
† 1895).

добрых благотворительных действий, а отец Макарий скрывал себя. Никогда не подавал он денег или вообще не оказывал помощи при всех, открыто, но делал это всегда уединенно, идя, например, по лесу или еще каким-нибудь способом, глаз на глаз с бедняком». Так, бывший скитский пономарь, монах (впоследствии иеросхимонах) Савватий¹ передавал следующее. «Занят я был, — говорил он, — одним делом за скитскими воротами. Около скита в это время стояла какая-то бедная девочка с набранной ею для продажи земляникой. Вдруг выходит из скита батюшка Макарий. Завидев у бедной ягоды, он начинает с нею торговаться: „Что просишь? Что просишь?“ Та говорит: „Гривенчик пожалуйста, батюшка“. Но батюшка, заметив, что неподалеку от него я тут нахожусь, чтобы скрыть свое добродейание от меня, отвечает: „Дорого, дорого! Пятак, бери пятак! Больше не дам, больше не дам!“ А сам сует ей в руку рубль серебряный».

Незлобие и простота старца были поистине младенческие. Обладая такими боголюбезными качествами и вследствие этого находясь всегда в мирном

душевном расположении, старец Макарий желал видеть и поддерживать мир и между присными духовными чадами своими и всячески старался искоренять немирствие, если замечал в ком. Так, например, писал он к своим севским племянницам-монахиням: «Приятно, что теперь мирно между вами. Совсем другая жизнь мирная против смущенной.

Для того было и Господне пришествие, чтобы мир даровать нам. Но мы оный погубляем своими страстями, действуя оными против естества.

*Оптина пустынь.
Открытка. Вторая
половина XIX века. АОП*

И знаем, что должно подвизаться против них, но при случае — все в сторону; и разум помрачается, и сила изнемогает, врагу возмущающую; а помощь Божия не действует за гордость и возношение наше. Потечем, братие и сестры; не будем тратить данного нам времени на приобретение вечного блаженства; доколе будем увлекаться страстями? Я уже не говорю о телесных потребах и немощи в служении. Это есть немощь телесная, хотя и она должна нас смирать; но о душевных страстях — гордости, тщеславии, от коих рождаются ярость, злоба, зависть, смущение, неустроение и разорение всякого порядка и благого устроения. Вот каков этот диавольский недуг! Сколько же мы имеем против оного врачевства? Но увы! Туне оставляем и не прилагаем временно к язвам нашим»². Одной посетившей старца Макария монахини, неизвестно только какой и по какому случаю, он сказал: «Да благословит тебя Господь тем миром, которым Он благословил святых Своих апостолов!» «После того, — передавала монахиня, — я ощущала такой невозмутимый мир и такую духовную в сердце сладость, что в продолжение целой недели я не знала, где находилась, — на земле или на небе. Мир этот неземной и после продолжался еще с месяц, но только в меньшей мере»³.

При этих, описанных здесь, главных добродетелях старец Макарий был исполнителем и всех прочих евангельских добродетелей. А укрепляла их и совершенствовала всегда сопутствовавшая им молитва. Она была у старца непрестанная. Восклицания «Боже милостивый!», «Мати Божия!», «Иисусе мой!» и т. п., сопровождаемые вздохами, часто излетали из уст его на правиле келейном, в беседе с посетителями, за письменным столом, на пути, во время отдохновения, даже, как свидетельствовали в свое

² Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 126. — *Примеч. авт.*

³ Передавал об этом скитский рясофорный монах — старожил отец Петр Иванов. — *Примеч. авт.*

время келейники его, и во время самого сна, по слову Писания: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2). Страдая иногда бессонницей, старец и совсем оставался по ночам без сна или часто просыпался. Причем подмечено было, что, как только пробуждался, он тотчас прибегал к благодарению и прославлению имени Божия, пока снова забывался. И вообще ум его, как делателя умно-сердечной молитвы, всегда соединен был с Богом, от какого делания лицо его цвело духовной радостью и сияло любовью к Богу и ближним.

По временам старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении или в беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, о его великой и присносущной силе и Божестве. Тогда он, если был в келье один, запевал какую-либо из своих любимых церковных песен, как, например, «Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок и содержи вся, Тя поет солнце, Тя славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю и Творцу во веки» (трипеснец в Великий четверг на повечерии, песнь восьмая), или песнь, в которой с особенной силой и вместе краткостью выражено таинство Святой Троицы: «Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся...» (славник на *Господи воззвах* в праздник Пятидесятницы), или один из догматиков, в коих воспевается неизреченное и недоуменное таинство воплощения Сына Божия и послужившая оному таинству чистая Мать Еммануилова, как, например, «Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...», «Царь Небесный...» и прочее. А иногда в летнее время, выйдя из кельи с костью в руках, несмотря на окружающий его народ, прохаживался по скитским усаженным цветами дорожкам и, переходя от цветка

к цветку, погружался в созерцание премудрости Творца, от творений познаваемого, что-то тихо напевая про себя. Также и в то время, когда находило на душу его облако печали или являлось чувство томности в духе, — ибо, как известно, и совершенные в жизни духовной мужи не могут быть всегда в неизменном душевном устроении, — старец любил утешать себя во время сей духовной брани пением церковных песен.

Имел еще старец обыкновение, когда для него можно и удобно, во время Страстной седмицы на утрене петь среди церкви, как заведено в Оптиной пустыни, светилен «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...». И как он пел! Казалось, что слово «вижду» имело в устах его подлинное значение и что пение его выражало то, что в самом деле видели его душевные очи. Старческий голос дрожал от возбуждения чувства духовного, слезы катились по бледным его ланитам; сердца же слушавших проникались умилением. Невольно присутствовавшим в это время в храме Божиим почитателям старца могла приходить мысль: «Тебе ли, земной ангел и человек небесный, облеченному в одежду смирения, вопиять ко Господу: одежды не имам, да вниду в оны?» Но сам старец вполне чувствовал свою греховность пред Тем, пред Коем самое небо нечисто (ср.: Иов. 15, 15). Ибо, как сказано, и праведник седмижды в день падает (ср.: Притч. 24, 16). Такие смиренные чувства выражал старец и в письме к своим севским племянницам-монахиням: «13 апреля (1853 года). Нынешнее умиленное пение „Се Жених грядет в полунощи“

*Оптина пустынь.
Открытка. Начало
XX века. АОП*

и „Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь“ должно бы смягчить окамененные сердца наши, или, [лучше] сказать, — мое окамененное сердце. Не знаю, что о ком сказать, но свою нищету ясно вижу и хотя единым гласом дерзаю вопить ко Господу: „Просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!“ (светилен). Знаю, чувства утешительные даруются претерпевшим за исполнение заповедей Божиих от людей, от плоти и от бесов и исправльшим сердце свое противлением страстям и достигшим любви. А на испачканной и на изорванной хартии сердца нашего благодать не напишет своих законов и не сподобляет утешения. А когда и посетит благодать хотя малую искрою своего действия, то мы не можем сохранить оную в смирении, а требуем огня, паляющего страсть гордости и тщеславия или предшествующим, или последующим искушением¹, — да смиримся и познаем, как немощны наши силы. Я о себе так понимаю, и то отчасти, помрачен сый страстями. А ежели и вы в себе усмотрите что подобное по сему рассуждению, то постарайтесь об исправлении — каждая себя и друг друга поддерживающе советом и делом, и исполнится на вас: *брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок* (Притч. 18, 19)».

С переходом в оптинский скит старец Макарий отказался от священнослужения, ибо по косноязычию и страдая в то же время занятием духа² не мог ясно выговаривать возгласы, тем менее произнести целую ектению или должное поминовение на великом входе литургии всех членов императорской фамилии³. Вместо этого он всегда однажды в месяц причащался в алтаре Святых Христовых Таин с глубоким и трогательным умилением. По принятии же

¹ В других письмах старец Макарий писал часто повторявшиеся и его преемником старцем Амвросием слова: «Всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение». — *Примеч. авт.*

² Затруднением, остановкой дыхания.

³ В первой половине девятнадцатого столетия как на ектениях великой и сугубой, так и на великом входе святой литургии поминались поименно все члены императорского дома. — *Примеч. авт.*

Святейших Тела и Крови Господних он, как передавали современные ему монахи, буквально обливался слезами.

Заметим еще, что мужам духовным, украшенным высокими добродетелями, при непрестанной умно-сердечной молитве всегда присуща бывает память смертная с последующими грозными для грешных и отрадными для праведных обстоятельствами. Насколько живо памятовал о смерти старец Макарий, можно видеть из его письма к своему дяде по случаю кончины дядиной матери, а его — старца — бабушки. Вот оно: «Милостивый государь и почтеннейший дядюшка Павел Иоакимович! 20 января (год неизвестен) достигло руки моей письмо, возвестившее грустную весть — кончину почтеннейшей бабушки А.П. Слава милосердому Господу, сподобившему ее переселиться из этой жизни в лета столь преклонные и в белой одежде искреннего раскаяния и исповедания грехов своих, неся на себе печать святого елеосвящения и в себе Христа причащением Его Святых и Животворящих Таин! Благодарю Вас за подробности ее преставления; ибо они единогласно обнадеживают меня в ее вечном благополучии. Благодарю за то, что не сокрыли от меня чувств Вашего горестного сердца; ибо люблю печалиться с опечаленными. Всевозможное сострадание есть неременная обязанность, которую я должен любви Вашей, отыскавшей меня и в сем удаленном, безмолвном и безызвестном уголке. Потеряв человека, даем мы ему настоящую цену, дражайший П. И., может быть, увеличиваем оную. С моим зачатием написывался внутри меня закон разрушения; на каждый вновь образующийся член смерть накладывала свое грозное клеймо, говоря: „Он мой!“

Цепь дней моих есть цепь больших или меньших страданий; каждый новый день моей жизни есть новый шаг, приближающий меня к нетлению. Приходят болезни, и трепещущее сердце вопрошает их: предвестники ли вы только моей кончины, или уже дана вам власть разлучить тело от души разлукою горькою и страшною? Иногда умственное мое око, развлеченное суетою, оставляет созерцание моей печальной участи; но едва встретится какое-либо внезапное скорбное приключение, опять быстро притекает к моему любимому поучению, как младенец к сосцам матерним, — к поучению о смерти; ибо в истинной печали сокрыто истинное утешение и благоразумное памятование смерти рассторгает смертные узы!

Ты, Которого неизреченной благодати мы создание! Скажи нам: почто жизнь нашу Ты растворил горестями? Неужели Твое милосердие не трогается нашими страданиями? Почто даешь мне бытие и потом восхищаешь оное мучительною смертию?

„Не улаждаюсь Я, — вещает Бог, — твоими болезнями, о человек! Но из семени скорбей твоих и твоих печалей желаю произрастить для тебя плоды вечного и величайшего наслаждения. Не в твоём единственно теле запечатлел Я закон смерти и разрушения — запечатлел оный в каждом предмете сего видимого мира. Я заповедал всему свету вопить тебе, вместе с твоим телом, что жизнь сия не есть жизнь истинная и настоящая, что нет в сем мире ничего постоянного, к которому могло бы привязаться твое сердце любвию непредосудительною. Когда ты не внимлешь грозному гласу всей вселенной, тогда отеческое Мое благоутробие, непрестанно тебе желающее неограниченных благ, заставляет Меня поднять жезл наказания; тогда томлю

тебя искушениями, измождаю недугами, угрызаю скорбями, дабы ты, оставив безумие, сделался премудр; оставив тени, за коими гоняешься, припал к стопам истины и вместе к стопам спасения. Моя неизреченная благодать и человеколюбие недомысленное заставили Меня воспринять плоть. Моим уничижением Я открыл роду человеческому величие Божества (ср.: Ин. 14, 9). Претерпев Крест ради спасения человеческого, кого хочу привлечь к Себе, того сперва поражаю скорбями и стрелами скорбей умерщвляю его сердце к временным сладостям.

Жезл наказания есть знамя любви Моей к человеку. Так, еще прежде уязвлял Я страданиями сердце раба Моего Давида; и когда поток искушений отрешил его от мира, тогда некоторое дивное размышление, некоторые необыкновенные мысли явились в ум его и заняли оный. „Помышлях, — пишет он, — дни первыя и лета вечная помянух и поучахся“¹: то есть взглянул на мимошедшие дни моей жизни, и они мне показались мгновенным сном, быстро исчезнувшим явлением, мертвою жизнью; потом воспомянул о вечности, стал сличать ее с краткостию прошедшей моей жизни и, сравнив бесконечное с кратчайшим временным, вывел результат. Какой же результат сей? *Убо образом ходит человек, обаче всуе мятется* (Пс. 38, 7), то есть сколько человек ни суетится, сколько ни заботится о разных временных приобретениях, однако все сие напрасно, ибо не престает он быть на земле некоторым кратким явлением, гостем, странником. Таковые чувства и размышления удалили его от мира страстей. Он начал поучаться в законе Господнем день и ночь

Оптина пустынь, вид с берега реки Жиздры.

*Открытка.
Конец XIX — начало XX века. ИС РПЦ*

¹ Ср.: Пс. 142, 5.

¹ Ср.: Пс. 41, 1.

и стремиться к познанию себя и Бога, как жаждущий елень на источники прохладных вод¹. Как царь, он имел возможность всех временных наслаждений; но когда вкусил сладости внутренних благ, тогда забыл снести и самый хлеб свой“.

Написал я Вам, любезный дядюшка, мои чувства, если противные светскому разуму, то, по крайней мере, искренние, а искренность может быть утешительною во время печали.

Усопшая родительница Ваша завещала Вам пред кончиною быть добрым христианином. И я Вам этого желаю от всего моего сердца. Тогда смерть потеряет в очах Ваших свой грозный вид и соделается только некоторым приятнейшим переходом от временных скорбей к бесконечному наслаждению. Она принесет Вас в чертоги, в коих обита-

ет теперь, как мы с некоторою достоверностию угадываем, Ваша почтенная родительница. Самая печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истает, а на месте оной зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу. Фанатизм стесняет образ мыслей человека; истинная вера дает ему свободу.

Сия свобода обнаруживается твердостью человека при всех возможных счастливых и несчастливых случаях. Меч, рассекающий наши оковы, есть очищенный ум, видящий во всяком случае его истинную, сокровенную, таинственную причину. Достигает сей цели всякий, кто устремится к ней рассматриванием своего ничтожества с трепетным прошением Божественного покровительства и помощи.

*Оптина пустынь,
местечко близ реки
Железинки. Открытка.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

...За все слава премилосердому Богу, изливающему нам во всяком случае неизреченные блага, ибо Источник благодати не может источать из Себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих человек часто ропщет на Всеблагого. И. М.»²

В своих письмах к севским своим племянницам старец Макарий нередко любомудрствует о скоротечности настоящей жизни и о вечности будущей и Страшном Суде Божиим. Так, например, писал он 2 ноября 1854 года: «Время течет нечувствительно; и не видим, как оно летит, измеряемо секундами, минутами, часами, днями и далее; и всякая секунда приближает нас к вечности. Мы, зная это, плохо печемся о том, как предстать и дать отчет нелицеприемному Судии. Чувственность помрачает ум наш. Все наше попечение и помышление о том, чтобы доставить покой телу; а о душе мало радим — страстей не искореняем и даже не противимся им; и оттого лишаемся мира и покоя душевного...»

Или 19 ноября того же года: «...Мятемся, колеблемся, смущаемся; и все протекает, как река, и уносит все прошедшее, как будто и не было; весьма немногие история и повествования частные оставляют на память о былом. Нынешний день оканчивается в моей жизни 66-й год, а завтра начнется 67-й. Но что это в отношении к вечности? Меньше, нежели капля в море. Но какая будет вечность, о сем надобно теперь подумать и просить милосердного нашего Создателя и Искупителя, да милостив нам будет в день судный и сподобит десного стояния. А как-то мы плохо о сем думаем, будто и вечности не будет. Так и жизнь проводим — заповеди преступаем и истинного покаяния не имеем. Господи, помилуй!»

Или 1 января 1857 года: «Чего мы ищем, чего желаем? Конечно, спасения, Царствия Божия. А чем

² Собрание писем старца Макария. Письма к мирским особам. Письмо 47. — Примеч. авт.

оно приобретает? Вам довольно известно. Долгий ли наш век? Кто нам сказал, что и до завтра доживем? По нынешним же бедным временам многие ожидают великих переворотов, и, может быть, предшествующих всемирному огненному потопу, то кольми паче надобно нам сближаться любовью и смирением, дабы слово Божие не исполнилось на нас: *изсякнет любы многих* (Мф. 24, 12). Подумайте о сем получше и не ищите каждая своя си, но яже ближнего к созиданию».

Или в январе 1859 года: «Я-то 71 год два месяца прожил. Надобно бы с пророком мыслить: *Помыслих дни первыя, и лета вечная помянух, и поучахся* (Пс. 76, 6). Что прошедшее? Как день вчерашний; а вечность некончаемая. Как же я живу? Горе мне, грешному! Помилуй, Господи, и даруй прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати; христианскую кончину, непостыдну, мирну и добрый ответ на Страшном Судище Христовом получитьи»¹. И еще во многих местах этих писем старец писал все о том же и о том же.

Все исчисленные здесь добродетели старца Макария, не исключая и памяти смертной, суть, конечно, дары Божии, по слову Господа: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Подаются же они Богом исполнителям святых заповедей Его, изложенных в Святом Евангелии; а таков и был старец Макарий. Но и еще всеблагой Господь ущедрил верного раба Своего другими высокими духовными дарованиями, одно из коих есть дар духовного рассуждения. Для объяснения того, как существенно необходимо ищущему спасения сие рассуждение, сам старец обыкновенно указывал на сказание о даре рассуждения одного из древних скитских отцов, аввы Моисея, заимствованное сим последним

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письма 103, 106, 135 и 155. — *Примеч. авт.*

со слов преподобного Антония Великого. Сказание это находится в славянском Добротолюбии, в Слове святого Кассиана к Леонтину игумену о святых отцах скитских и о рассуждении. Покойный старец Макарий особенно любил это Слово и, будучи уже в предсмертной болезни, укреплялся им духовно, прося читать оное одного из своих учеников. Это было последнее для него чтение из отеческих писаний, в которых, по слову преподобного Нила Сорского, он полагал свою жизнь и дыхание.

Для того чтобы и читатель яснее мог судить о значении сего дара рассуждения, выписывается следующее место из славянского Добротолюбия, но только в русском переводе. «Рассуждение, — сказал авва Моисей, — не есть какая-либо малая добродетель, но одно из значительных дарований Святого Духа, о которых говорит апостол: *овому² Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже Дусе: другому же вера, темже Духом: иному же дарования изцелений... другому же рассуждения духовом...* (1 Кор. 12, 8–10).

Потом, окончив исчисление духовных дарований, (апостол) присовокупил: *вся же сия действует един и тойже Дух*. Итак, рассуждение не есть земной или малый, но величайший дар Божией благодати, которому если инок не последует всею силою со тщанием и не навькнет рассуждению твердым помыслом входящих в него духов, то по необходимости придется ему, как заблудшемуся в ночи, впадать не только в ямы лютейшего зла, но и претыкаться на прямых путях и ровных местах»³. И далее... А святой Иоанн Лествичник определяет рассуждение так:

² Одному (церк.-слав.).

Оптина пустынь.
XIX век. АОП

³ Славянское Добротолюбие. Ч. IV. — Примеч. авт.

¹ Лествица. Слово 26.
Главы 4 и 2. — *Примеч.*
авт.

«Рассуждение есть совесть неоскверненная и чистое чувство. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами»¹. Сей-то высокий дар сообщил Господь и блаженному старцу Макарию на пользу общую. При помощи сего-то дара каждому из приходивших к нему на откровение своей совести иноков и мирян подавал он приличное немочи врачевство, предлагая всем просившим у него духовные советы и наставления правые и истинные, по учению святых и богоносных отцов наших.

² Святитель Феофан
Затворник († 1894). Память
6/19 января; 10/23 января;
16/29 июня.

Наконец, всем и каждому видно было, что сообщены были от Господа старцу Макарию и дарования исцелений и прозрения будущего и вообще сокровенного. Каковы дары, по замечанию Вышенского Затворника епископа Феофана², суть дары апостольские, выше коих на земле уже ничего нет. Примеры же этих высоких дарований читатели увидят далее в своем месте.

Таким образом, описываемый старец, по замечанию вышеупомянутого игумена Марка, по духовной зрелости своей вполне соответствовал унаследованному им от предместника своего, старца Леонида, проходимому им высокому служению, был аввою в полном и истинном смысле этого слова. Его смиренное слово хотя и не всегда было красноречиво, тем не менее оно было слово сильное, властное и действенное, так что невольно покоряло сердца всех искренно желавших и искавших духовного преуспевания и спасения. Пред ним невольно преклонялись все благорассудительные от мала до велика.

Еще при жизни старца Леонида, как было сказано, все относившиеся к нему привыкли смотреть на отца Макария как на его духовного друга и сотаинника, хотя по смирению сей последний и вчинял

себя в число учеников его; привыкли получать письма, писанные рукою отца Макария и скрепленные общей подписью обоих старцев в знак полного их единодушия и единомыслия. Все относившиеся к старцу Леониду были в то же время духовными детьми и отца Макария как духовника обители. Наконец, во время предсмертной своей болезни, продолжавшейся с лишком пять месяцев, старец Леонид всем пользовавшимся его духовными советами, иночествующим и мирянам, прямо указал на отца Макария как на своего преемника по старчеству. И потому все относившиеся к старцу Леониду после его кончины, нимало не колеблясь, стали обращаться за духовными советами к отцу Макарию и, видя в нем те же духовные дарования, а главное — ту же отеческую любовь, сердобольное участие в их духовных нуждах, умение радоваться с радующимися и плакать с плачущими, скорое решение недоумений и искусство во врачевании душевных недугов, с радостью сообщали о сем другим своим знакомым. И потому слава о старце Макарии быстро разносилась по всем концам Руси православной и привлекала к нему множество желавших пользоваться от него мудрыми советами устно и письменно.

ГЛАВА 7

Природные способности старца Макария, его разумная внешняя обстановка, наружный вид, келья и порядок ежедневных занятий

Как при изучении внешних наук успешнее усваивается внешнее образование и многознание людьми даровитыми, так и при изучении науки наук — жизни духовной — замечается тот же порядок, конечно при благом произволении и усердии подвизающихся¹. Так, можно думать, и приобретению боголюбезных качеств души и высоких духовных дарований старца Макария много способствовали его природные способности, направляемые при его тцании Промыслом Божиим к благой цели.

Старец от природы имел ум светлый и любознательный. Как окончивший школьное свое воспитание в приходском училище и поступивший на гражданскую службу в уездное казначейство

¹ Великие оптинские старцы-подвижники: архимандрит схимонах Моисей (Путилов), родной его брат схиигумен Антоний, иеросхимонахи Лев, описываемый Макарий и Амвросий — все были умы недюжинные, хотя почти все — не получившие достаточного школьного образования. — *Примеч. авт.*

с четырнадцатилетнего возраста, он, очевидно, не был достаточно обучен внешним наукам, но по поступлении в святую обитель — это училище жизни духовной — деланием заповедей Христовых со всегда присущим ему глубоким смирением и прилежным чтением Божественных и отеческих писаний и житий святых угодников Божиих скоро достиг высокого совершенства жизни духовной. Так что, думается, если бы пришлось ему долго заниматься изучением светских наук, он много бы потерял дорогого времени, употребленного им для достижения главной своей цели — спасения души. По долгом труде Господь просветил ум смиренного подвижника к ведению всех Божественных писаний, так что на нем можно видеть исполнение слов святого Исаака Сирина: «Смиренномудрым открываются таинства»². Память у старца Макария была изумительная и, очевидно, промыслительно дарованная ему для вспоможения в деле служения ближним. Сказывали его современники монахи, что когда он предлагал какому-либо брату для пользы его душевной прочесть какое-либо место из творений святых отцов, то указывал по памяти даже страницу книги, где можно было отыскать это место. Еще: если кто раз был у него на исповеди или откровении, то он долго помнил все главные касавшиеся его обстоятельства. Можно себе представить радость какой-либо бедной старушки, которая после многих лет первого личного свидания со старцем, придя к нему в другой только раз в своей жизни, бывала встречаема от него приветствием вроде следующего: «А, здравствуй, Дарья! Что детки? Здоровы ли? Как Иринушка твоя поживает? Ведь она, кажется, у тебя уж года три будет как отдана замуж?..» И вот, изумленная таким неожиданным

² Святой Исаак Сирин.
Слова 56 и 66. — Примеч.
авт.

вниманием и памятованием о ней святого отца, старушка уже и забыла вполовину то горе, которое привело ее в обитель, а вместе исчезла и робость, с которой она шла к старцу, раздумывая: «Как-то я, грешница, покажусь ему, как расскажу ему — что есть на душе?» И легко и свободно изливает она перед ним свою душу, черпая в то же время утешение в словах благоглаголивых его уст.

До самой своей кончины старец сохранил врожденную живость характера, делавшую его крайне подвижным и на всякое благое дело скоро уготованным. Живость эта проявлялась во всех его действиях, в чтении, разговоре, походке, во всех его занятиях и даже в некоторых телодвижениях. Самое упомянутое выше косноязычие было следствием быстрого выговора слов, отчего язык у него был перебит¹. По той же живости характера он не любил и в других медлительности и вялости, долгих сборов и т. п. Так, например, если кому случалось ехать с ним в дорогу, надобно было собраться спешно или заранее, потому что, едва лишь поданы бывали лошади, он уже готов был к отъезду и шел садиться. В делах послушания также любил, чтобы все братиями делалось скоро или, вернее сказать, с усердием и тщанием, ибо что делается усердно и тщательно, то бывает и споро, и скоро. Небрежности же не мог терпеть даже в маловажных делах. Например, если кто, взяв в руки книгу, вследствие торопливости или просто без внимания положит ее нижней стороной вверх, увидев это, старец не преминет заметить: «Ты положил книгу небрежно — это нехорошо» — и сам поправит ее.

Имея ум, осененный благодатью Божией и проникнутый смирением, старец располагал и всей внешней обстановкой своей разумно. Во всех телес-

¹ Автор поясняет, что дефект речи старца связан с быстрым произношением слов.

ных деланиях держался среднего, непадательного, так называемого святыми отцами царского пути, удаляясь всемерно крайностей, которые они же называют бесовскими. Так, относительно употребления пищи следуя совету святого Иоанна Лествичника, а вместе и прикрывая воздержание свое смирением, он вкушал в определенное время понемногу от всего предлагавшегося, не запрещенного монахам; в мере же, как можно было заметить, держался правила святых отцов — вставать из-за стола с чувством неполного удовлетворения голода. Но кто пожелал бы узнать, сколько старец скушал пищи за один раз, тот, взглянув, например, на оставшийся после обеда на его приборе хлеб, мог бы удивиться, что он не съел и одной трети обыкновенной порции оногo, полагаемой к трапезе каждому брату, состоящей из ломтя хлеба средней величины. То же можно сказать и о прочей пище, было ли то в братской трапезе, в чьем-либо доме или в своей келье. Нелишне заметить, что оставшийся на старцевом приборе хлеб трапезные монахи всегда сбегали и потом раздавали понемногу почитателям батюшки отца Макария на благословение. Принимая по вечерам приходивших к нему на откровение помыслов скитских и монастырских братий, старец не всегда имел возможность участвовать своевременно в общей братской трапезе. Тогда келейники приносили ему в келью обычной трапезной пищи — щей и каши в двух небольших глиняных горшочках, которые и ставили до времени в печь, чтобы пища не остыла. Окончив же прием братий, продолжавшийся час и более, утомленный старец подкреплялся

*Трапезная в скиту
Оптиной пустыни.
Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. Калужский
областной краеведчес-
кий музей*

¹ В скиту такой порядок: в понедельник, вторник и четверг первой недели Великого поста вареная пища для братий не поставляется в трапезе, а вместо этого после великопостных часов, которые оканчиваются часа в два пополудни, братия закусывают кому что угодно: хлеб, квас, огурцы, соленые грибы и, может быть, еще что, только не вареное. Ужин вообще не полагается; а вместо этого братия после вечерни кушают наподобие чая какую-либо травку, например душицу, шалфей или большей частью мяту с медом, а некоторые слабосильные при этом чего-либо невареного понемногу и закусывают. На Страстной неделе после продолжительной службы с чтением Евангелий, часа в два пополудни, по причине положенных в эти дни литургий, полагается обед, который в первые три дня седмицы состоит только из двух блюд: щей и проховой (рассыпчатой. — *Примеч. ред.*) гречневой каши с прибавлением малого количества картофеля, и все это непременно без масла. Ужин, как и на первой неделе поста, не полагается. В Великий пяток трапезы не бывает, но немощные вечером довольствуются сухоядением. — *Примеч. авт.*

² Канифас — легкая плотная хлопчатобумажная ткань с рельефным тканым рисунком.

³ Мухояр — здесь: хлопчатобумажная ткань, могла быть с примесью шерсти.

разогретой пищей запросто из тех же самых горшочков.

Таков был вообще у старца Макария порядок в отношении употребления пищи. Готовясь же к причащению Святых Христовых Таин, он усугублял пост, употребляя пищу без масла, а иногда ограничиваясь и сухоядением. Так же и в посты, в особенности в Великий, и преимущественно в первую и Страстную седмицы, он постился иногда до изнеможения сил телесных. Вместо чая пил раз в день после вечерни одну или, может быть, две чашки настоянной укропом горячей воды и довольствовался суровой скитской трапезной пищей в самом умеренном количестве, почему в одном письме к племянникам и жаловался полушутя, что «кормят плохо»¹.

Одежда старца Макария была простая и самая скромная. В келье ходил он обычно в белом холщовом или канифасовом², иногда с заплатами, балахоне, который сменял не часто и который потому временем был довольно заношен; на голове имел черную вязаную шапочку; для молитвенных келейных правил употреблял короткую мантию; для чтения и письма надевал очки в стальной оправе старой формы. В храм Божий ходил, как и прочие монахи, по заведенному в Оптиной пустыни порядку — в простой мухояровой³ мантии. Выходя куда-либо из своей кельи, старец надевал летом сверх легкого коленкорового черного подрясника тоже мухояровую черную ряску, на ногах имея башмаки; калош ни зимой, ни летом не носил. Зимой поверх рясы надевал весьма поношенную, крытую темно-зеленым драдедамом⁴ легкую шубку, опираясь при этом на старческий посох или костыль, с четками в руках, из которых любимыми были у него коралловые, подаренные ему в бытность его в 1852 году

в Москве досточтимым старцем — митрополитом Филаретом⁵.

Наружный вид старца Макария был чрезвычайно привлекательный. Волосы на голове и бороде имел он недлинные и седые, бороду окладистую. Руки его отличались мягкостью и гибкостью, как и весь его стан — стройностью. Лицо белое и чистое, ничем, впрочем, с первого взгляда не поражающее и по недостатку в глазах несколько неправильное, даже, по обыкновенным понятиям о красоте физической, вовсе некрасивое, притом с печатью постоянного самоуглубления, следовательно, на вид более строгое, чем ласковое. Но такова сила благодати Божией, что лицо это, служа зеркалом чистой, смиренной и любвеобильной души старца, сияло какой-то неземной красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего чело- века — плодов Духа, исчисленных апостолом (ср.: Гал. 5, 22–23). Взор тих, слово смиренно и чуждо дерзновения. Вообще в нем было редкое соединение ума и детской простоты, величия и вместе тихости и смирения, делавших его доступным для всех и каждого.

По званию скитона начальника старец занимал корпус кельи, расположенный по левую сторону Святых скитских врат при входе в скит извне, в котором всегда помещались скитские начальники (исключая только одного, бывшего начальником, — старца Иосифа (Литовкина, † 1911)⁶). Корпусок этот, как и прочие скитские корпуса, небольшой, с 1858 года извне обложен кирпичом, выбелен и покрыт железом, а внутри разделен теплым коридором на две половины. Южную половину занимал сам старец, а северную — два его келейника⁷.

⁴ Драдедам — один из видов легкого сукна, шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом.

⁵ Святитель Филарет, митрополит Московский († 1867). Память 16 ноября / 2 декабря.

⁶ Преподобный Иосиф, старец Оптинский. Память 9/22 мая.

⁷ Летом 1910 года этот начальнический корпус при скитона начальнике игумене Варсонофии немного увеличен пристройкой с северной стороны. — *Примеч. авт.*

*Старец Макарий.
Фотография М. Конар-
ского. Середина
XIX века. ИРЛИ*

Половина, которую занимал старец, состояла из двух комнат — обе с передними и с выходами в коридор. Первая передняя вела в приемную комнату, стены которой, кроме юго-восточного угла, занятого святыми иконами, были обвешаны видами русских иноческих обителей и портретами известнейших наших архипастырей и мужей, просиявших подвигами благочестия. На западной стороне над диваном находились живописные портреты преосвященных: Астраханского Никифора (Феотоки), Пензенского Иннокентия, Черниговского Лазаря (Барановича); литографированные изображения: Александрийского патриарха Иерофея и Всероссийского — Никона; высокопреосвященных митрополитов: Филарета Московского¹, Филарета Киевского², Никанора, Григория и Исидора Новгородских и Санкт-Петербургских; архиепископов Воронежских Антония и Игнатия; епископов: Белгородского Иоасафа (Горленко) (ныне прославленного Святой Церковью) и Калужского — Григория II. Кроме того на других стенах кельи были еще портреты известных своей высокой жизнью старцев: Илариона (Нефедьевича, вернее — Мефодиевича)³, подвизавшегося в посте и молитве в селе Троекурове Лебедянского уезда Тамбовской губернии более тридцати лет при церкви святого Димитрия Солунского; Иоанна, Затворника Сезеновского, той же губернии и уезда; Серафима, старца Саровского (ныне прославленного Святой Церковью угодника Божия); Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения, духовника высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского; архимандрита Макария (Глухарева)⁴, бывшего алтайского миссионера, а потом настоятеля Болховского Оптиного монастыря, скончавшегося в 1847 году; основателя

¹ Кроме того еще были один портрет этого владельца акварельный, а другой — живописный в миниатюре. Последний постоянно находился у старца на письменном столе. — *Примеч. авт.*

² Святитель Филарет (Амфитеатров; † 1857), митрополит Киевский. Память 21 декабря / 3 января. В 1819–1825 годах — правящий архиерей Калужской и Боровской епархии. Основатель Иоанно-Предтеченского скита Оптиной пустыни.

³ Старец этот окончил свою подвижническую жизнь в 1853 году 5 ноября в глубокой старости. — *Примеч. авт.*

⁴ Преподобный Макарий Алтайский. Память 18/31 мая.

Белобережской пустыни схимонаха Симеона; игумена Валаамского монастыря отца Назария; саровского иеромонаха Илариона; Задонского затворника Георгия (Машурина); оптинского старца иеросхимонаха Иоанна, известного своими сочинениями против раскольников; оптинского старца иеросхимонаха Леонида; саровского схимонаха Марка; задонского схимонаха Митрофана. И еще портреты мирских особ: Ивана Васильевича Киреевского, лежащего в гробу, и Ивана Акимовича Мальцова.

Рядом с этой приемной комнатой, которая служила старцу для принятия главным образом почетных гостей, была собственно так называемая келья старца, в которой он провел двадцать лет своей сокровенной со Христом в Боге жизни. Это небольшая продолговатая комнатка, шесть аршин⁵ длиной и четыре с половиной шириной, с одним окном на юг — на дорожку, идущую от Святых скитских врат к Предтеченской церкви. Перед окном, занавешенным зеленой шторкой, стоял простой деревянный стол, окрашенный белой масляной краской и обитый старой клеенкой. В боковых ящиках его внизу хранились письма и письменные принадлежности, также образки, крестики, четки и пояски для раздачи посетителям. На столе стоял письменный прибор: на деревянном поддоне простая стеклянная чернильница и деревянная песочница, выточенная руками самого старца. Против прибора на середине стола поверх других бумаг всегда лежало начатое письмо. По сторонам его — кучи писем, разделенные на требующие скорейшего ответа и терпящие отсрочку, читанные и по недосугу еще не читанные. Ближе к окну — вновь полученные духовные журналы или какая-либо

Архиепископ Никифор
(Феотоки). Портрет.
Неизвестный художник.
Середина XIX века.
ОР РГБ

⁵ Аршин — русская мера длины, равен 0,71 метра.

вновь полученная книга, которые просматривались старцем урывками и большей частью взамен послеобеденного отдыха, и, наконец, одна или две из книг святоотеческих, в чтении которых, как замечено выше, старец полагал свою жизнь и дыхание. У письменного стола стояло кресло, обитое зеленым драдедамом, с овальной спинкой. На кресле лежала небольшая шитая подушка. Внизу под столом стоял медный подсвечник с жестяным зеленым зонтом.

Юго-восточный угол сей комнаты, как и в приемной, и большая часть южной стены над окном убраны были святыми иконами. В числе их была особенно чтимая старцем Макарием Владимирская

икона Божией Матери, пред которой теплилась неугасимая лампада¹. Около нее — различные иконы: Богородичные и святых угодников Божиих, которые присылали старцу из разных обителей русских и святых мест восточных, иконы разной величины, окладные и без окладов, писанные на досках, на стекле, на финифти и перламут-

*Келья старца Макария.
Фотография И. Гольд-
берга. Конец XIX века*

ровые; кресты также разной величины, деревянные, живописные, резные из кипариса, перламутра, единороговой и слоновой кости; некоторые из них со святыми мощами. Под иконами в том же углу деревянный угольник. Против угольника, на особом аналойчике для чтения обычных келейных правил, лежала Следованная Псалтирь; по сторонам — Евангелие и Апостол, Канонник Богородичный киевского издания, в коем находятся одни дневные Богородичные каноны всех восьми гласов, исповедная книжица. Вдоль западной стены изголовьем к окну стояла узкая деревянная кровать,

на которой старец давал краткий отдых своему утружденному телу. Над изголовьем — распятие, выше него — образ Спасителя, взявшего на ramo погибшее овча². Западная стена над кроватью убрана была портретами. В середине — два живописных изображения: оптинского настоятеля архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу игумена Антония. Вокруг них фотографические портреты некоторых из учеников старца Макария и живописный — давно скончавшегося отца протоиерея Феодора Александровича Голубинского, профессора Московской академии, принимавшего в свое время, как ниже будет сказано, участие в издании Оптиной пустыней святоотеческих книг. Над дверью, на северной стороне, ряд живописных портретов нескольких приснопамятных и близких сердцу старца мужей: святителя Тихона Задонского, в настоящее время прославленного Святой Церковью угодника Божия; схимонаха Симеона, основателя Белобережской пустыни; Московского Новоспасского монастыря иеромонаха Филарета; Площанской пустыни схимонаха Афанасия (Захарова), бывшего старцем описываемого здесь старца Макария; Площанской пустыни иеросхимонаха Иосифа; схимонаха Феодора, ученика старца Паисия Величковского; оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва), ученика упомянутого схимонаха Феодора; и оптинского скита столетнего старца монаха Илариона³.

Вот та тесная келья, в которой возносил старец Макарий свои молитвы ко Господу, в которой в течение многих лет начертано им множество душеполезных писем в разрешение многообразных духовных нужд, где ежедневно с утра и до вечера открывались от многих сердец помышления их,

¹ Эта замечательная местночтимая чудотворная икона, полученная на благословение схимонахом Феодором при выходе его из Молдавского Нямецкого монастыря в Россию от старца Паисия Величковского и перешедшая по кончине отца Феодора по наследству к старцу Леониду и затем к старцу Макарию, взята была у последнего скитским монахом Иоанникием (в схиме Леонидом), родственником схимонаха Феодора, при переходе его из скита в Тихонову пустынь. И хотя отец Иоанникий со временем возвратился на жительство в оптинский скит, но святая икона, по просьбе тихоновского настоятеля игумена Геронтия, оставлена была им в Тихоновой пустыни и поставлена в храм во имя Преображения Господня на видном месте в особом киоте с надписью. — *Примеч. авт.*

² Ср.: Мф. 18, 12–14; Лк. 15, 3–7.

³ Схимонах Иларион, в монашестве Иоанникий (Родионов; † 1860). В Оптиной подвизался более сорока лет.

разрешались сомнения, упразднялись недоумения, священнодействовалось Таинство Покаяния, проливались обильно спасительные слезы умиления и раскаяния в содеянных беззакониях, слагались обеты к исправлению жизни; откуда входившие печальными выходили радующимися, скорбящие — утешенными, отчаянные — воздвигнутыми к покаянию в надежде спасения, самонадеянные — смирившимися. Но говоря о пользе, которую получали от старца приходившие к нему, — что было у всех на виду, — мы не можем подробно описать те сокровенные труды и болезни, которые подъял смиренный подвижник, ревнуя о своем духовном преуспевании. Можно только полагать, что он, непрестанно держа в памяти имя Божие, все более и более прилеплялся к Господу верой, надеждой и любовью, горящей в сердце, ища и толкая смирением, постом и непрестанной молитвой со слезами во всякое время. Благодатью Божией он и обрел в сердце своем, по слову Господню, источник воды живой, от которой пия утолял жажду свою до сытости, подавая в то же время независтно и всем искавшим оную.

Теперь скажем о порядке ежедневных занятий старца батюшки Макария. Каждый день вставал он на утреннее правило по звону к утрени монастырского колокола, то есть около двух часов утра. А если с вечера дольше обыкновенного просиживал за письмами или чувствовал себя нездоровым (ибо с детства страдал бессонницей), то не позже трех часов. Сам выходил в коридор и будил на правило своих келейников. Утреннее правило его состояло из чтения утренних молитв, двенадцати избранных псалмов, первого часа, дневного Богородичного канона по гласу недели и акафиста Божией Матери;

причем сам пел ирмосы. Затем келейники расходились по своим кельям, а старец оставался один с Богом. В шесть часов, когда обыкновенно в монастыре начинается ранняя обедня, старец опять призывал келейников для чтения богослужебных часов с изобразительными.

После сего он выпивал чашку или две (и никогда более трех) чая и принимался писать письмо к кому-нибудь или читать отеческую книгу. С этого времени начинался старцем прием общий для всех имевших до него какую-либо нужду, духовную или вещественную. Вот окончилась в монастыре ранняя обедня, и начинается время от времени раздаваться звон привратного колокольчика. Хибарки при старцевой келье для принятия женского пола поначалу еще не было. «Батюшка! — докладывает келейник. — Там у ворот болховские женщины идут в обратный путь и желают принять ваше благословение. Да вот дали два пузырька: одна просит маслица, а другая — святой водицы». Старец оставляет только что начатое письмо, выходит к воротам, преподает благословение отходящим, оделяет их на дорогу знаками своего отеческого внимания: крестиками, образками, поясками... Едва успел он возвратиться в келью, как опять раздается звонок: «Батюшка! Монахиня Н. монастыря совсем готова к отъезду, ожидает только ответных писем, которые Вы хотели послать с нею». Письма готовятся, запечатываются, и старец сам выходит к воротам вручить письма; дает вместе с тем отъезжающей просфору, несколько порций скитского хлеба... Возвратившись, старец опять пишет письмо или читает книгу, отрываясь непрерывно

Кедровая аллея в оптинском скиту. Открытка.

Конец XIX — начало XX века. АОП

для беседы с приходящими братьями. Опять зовут на крыльцо: «Какой-то больной Христом Богом закликает выйти к нему, хоть на минутку, — приплелся за несколько сот верст принять благословение...» — и т. д. Выходы эти старца на крыльцо и далее к воротам бывали не только летом, но и в зимнее время. Старец наскоро, легко одевшись и в башмаках на босу ногу, выходил к посетителям. В это время в его башмаки иногда засыпался снег. И он спокойно при удобном случае тут же скидал их с ног и снег вытряхал. При слабости сил телесных старец, как передавали скитские монахи-старожилы, простуды не боялся.

Около одиннадцати часов дня, по окончании в монастыре поздней обедни, когда в скиту по обыкновению ударяли в колокол к трапезе, старец вместе с другими скитянами шел на обед. После трапезы он запирался в своей келье на полчаса или много на час. И это было единственное, в течение целого дня, свободное у него время для отдыха, ничем не развлекаемого чтения, письма, мысли... Но лишь только скрипнет, бывало, дверь, старец немедленно выходил из своего затвора или спрашивал: «Кто там?» И снова начиналась та же деятельность. Спустя час или два ходил он, изредка по немощи и ездил, в гостиницу, где его ждали многие десятки, а по великим праздникам и постам и целые сотни народа всех сословий, обоих полов и всех возрастов из разных городов и селений со своими нуждами духовными и житейскими.

Возвратившись из гостиницы, старец вместо отдыха слушал краткое молитвенное правило, которое прочитывали келейники его. Оно состояло из девятого часа, кафизм с молитвами и канона святому Ангелу Хранителю. Потом до вечерней

трапезы, а иногда и во время оной принимал он монастырских братий, приходивших к нему для ежедневного откровения помыслов, а также и некоторых скитских, не успевших побывать у него днем. Окончив прием братий и подкрепившись скудной пищей, старец слушал вечернее правило, на которое, кроме его келейников, приходили еще один или два ближайших к нему ученика. Правило его состояло из малого повечерия, молитв на сон грядущим, двух глав из апостольских Посланий и одной главы Евангелия. Прочитывался затем конец вечерних молитв, начиная с молитвы «Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет...», «Ослаби, остави...», «Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи...», «Исповедаю Тебе, Господу Богу моему...» (краткое исповедание грехов перед Богом), и отпуст. После этого ученики старца, участвовавшие с ним в отправлении правила, получив от него благословение, расходились по своим кельям, а старец оставался один на краткий отдых, предварявшийся молитвенным подвигом. И когда, бывало, огни в скитских кельях давно уже погасли, окно его кельи еще освещалось светом свечи, горевшей на его письменном столе или рядом с его кроватью. Но вот наконец погасал и этот свет. Оставалось только слабое мерцание неугасимой лампы перед святой иконой Той, Которая именуется Неусыпающею в молитвах Предстательницей и Ходатаицей перед Сыном Своим и Господом за весь род христианский.

ГЛАВА 8

Внешнее устройство оптинского скита и церковный порядок при старце Макарии

Старец Макарий поставлен был начальником Скита, когда сей последний вступил уже в восемнадцатое лето своего существования. Постройка в нем была та же самая, которая заведена была первоначально, при основании его в 1821 году. Но старанием старца в течение двадцати лет его в скиту пребывания при помощи благотворителей скит не только был обеспечен в необходимом содержании, но и помогал настоятелю в содержании монастыря, так как благотворители эти, пользуясь наставлениями старца, не преувеличивая можно сказать, считали за счастье для себя показать свою любовь и усердие к нему и к месту его пребывания чем могли. По заведенному в начале основания скита правилу все, что в продолжение года оставалось у скитона начальника, за расходами на содержание

скитского братства, отдавалось в распоряжение настоятеля монастыря. А приношений старцу Макарию от благотворителей было так много, что он имел возможность ежегодно доставлять в монастырскую рухлядную¹ разных материалов — сукна простого, мухояра, холстины и прочего — в половинном количестве годового монастырского запаса.

Предметом же особенного попечения скито-начальника и старца Макария была скитская церковь во имя святого Иоанна, Пророка и Предтечи Господня, стоящая среди келий как бы в знамение того, что она назначена соединять живущих в скиту в единство веры, любви и молитвы. Безошибочно можно сказать, что каждое украшение в этом храме Божиим занимало то, а не иное место по особой мысли старца и его личному указанию. Потому-то она с первого же взгляда всегда привлекала и привлекает внимание посетителей соединением благолепия с простотой. Впоследствии, по прошествии полстолетия после кончины старца Макария, последовали в этом скитском храме некоторые изменения; но стенная живопись почти вся осталась та же, и общий вид Предтеченского храма почти все тот же.

Большая часть церковных украшений в Предтеченском храме была плодом усердия преданных старцу Макарию особ. Таковы, например, бронзовая с хрустальным набором люстра, освещаемая в нарочитые праздники по палестинскому обычаю не свечами, а елеем в лампадах, расположенных в два ряда; спускная хрустальная же лампада в форме свечи пред цельбоносной иконой Знамения Божией Матери, что над Царскими вратами (давно, впрочем, замененная обыкновенной лампадой). Над Царскими же вратами помещена была

¹ Рухлядная, или рухольная, — склад и мастерская для пошива монастырской одежды.

икона, изображающая лежащую на блюде усеченную главу святого Иоанна, Предтечи Господня, прекрасной работы итальянской школы, в венце и окладе на полях серебропозлащенных. Икона эта по случаю вновь устроенных Царских врат перенесена в придельную церковь во имя преподобного Макария Египетского, духовного патрона старца Макария. Бисерные чехлы на поставные свечи в поликандилах¹ (давно замененных подсвечниками) перед местными иконами. Венки из искусственных цветов, возложенные на венцы местных икон. Наборные финифтяные иконы в рамах в виде параллелограмма, в которые вставлены: в одной — круглый небольшой киот с частицами святых мощей разных угодников Божиих, пожертвованный временно проживавшим в Оптиной пустыни отставным штаб-ротмистром С.К. Нарышкиным из его наследственной, по бывшему родству с царствующим домом, святыни; в другой раме — серебропозлащенный крест, тоже со святыми мощами. Рамы эти находились на северной и южной сторонах храма за клиросами, а в нас-

¹ Поставная (или тощая) свеча — напольное поликандило с высоким цилиндрическим основанием большого диаметра, которое обычно нарядно декорируется орнаментальной росписью и т. п. Поликандило (*греч.* много-свечник) — здесь: светильник, имеющий от семи до двенадцати свечей.

Иоанно-Предтеченский скит. Открытка. Конец XIX — начало XX века. АОП

стоящее время хранятся в ризнице. На месте же их поставлены большие иконы в приличных киотах: с южной стороны — икона Божией Матери «Скоропослушница», а с северной — святого великомученика и целителя Пантелеимона. Последняя взята из кельи старца Амвросия после его кончины. В алтаре на гор-

нем месте поставлена в киоте большая Тихвинская икона Божией Матери в богатой серебропозлащенной ризе, напоминающая об усердии к скитской церкви первого великого оптинского старца, иеромонаха Леониды, в схиме Льва, а по сторонам,

соразмерно ее величине, размещены так называемые штилистовые образа². Перед этими иконами во время праздничных служб возжигаются особые свечи, что, усиливая вместе с запрестольным трехсвечником освещение алтаря, приятно действует на зрение и чувство. За стеклом в киоте запрестольного образа Божией Матери хранились и хранятся в особом серебряном ковчеге мощи святых новых преподобномучеников Афонских — Игнатия, Акакия и Иоанна. На престоле, с правой стороны ковчега, водруженный в подставу украшенный разноцветными камнями крест с частицами разных святых мощей — дар скиту бывшего отца наместника Свято-Троицкой лавры архимандрита Антония³, о чем будет сказано дальше, а с левой стороны — небольшое, в серебропозлащенном окладе, Евангелие с изображением посередине «Моления о Чаше» — дар тульского предводителя дворянства Феодора Захаровича Ключарева, скончавшегося в скиту схимником. Обе святыни под стеклянными выпуклыми футлярами. В задней же, так называемой домовой, части храма⁴ на восточной стене устроен был особый иконостас, составленный, по мысли старца Макария, из нескольких рядов икон, между которыми были иконы работы скитских братьев-живописцев, а иные присланы были посторонними лицами. Иконостас этот усердием благотворителей в семидесятых годах XIX века заменен новым, а прежние иконы — какие хранятся в ризнице, а какие поставлены в скитской трапезе.

В последние годы старца Макария описываемая скитская церковь преобразилась совершенно, и тоже благодаря его попечению. Весь иконостас вызолочен был вновь, причем позлащены и колонны, его украшавшие. Потолок и стены как в алтаре,

² Штилистовый образ — икона, на которой умещалось шесть листов сусального золота размерами 10 × 10 см.

³ Преподобный Антоний (Медведев; † 1877). Память 6/19 июля в Соборе Радонежских святых.

⁴ В то время расположение Предтеченского храма было иное, и придела во имя преподобного Макария еще не было. — *Примеч. авт.*

¹ В 1899 году этот иконостас заменен новым, несравненно лучшим. Но только святые иконы во всех трех ярусах остались те же. — *Примеч. авт.*

² То есть поочередно.

³ В 1787 году был издан «Сокращенный обиход нотного пения», предназначенный для обучения пению.

так и в церкви вновь были расписаны по мысли старца. На это Господь, видимо благоволивший ко всем его начинаниям, послал совершенно неожиданно знающего и усердного исполнителя¹.

Забываясь о внешнем украшении храма, старец вместе с тем обратил особенное внимание на отправление церковных служб. Будучи сам знатоком церковного устава, проходя порядно² послушание канонарха и уставщика еще в Площанской пустыни, любя и твердо зная нотное церковное пение, он и в оптинском скиту личным руководством, трудом и терпением постепенно ввел порядок и точность в отправление церковных служб, установил плавное чтение, без ложной чувствительности во избежание тщеславия чтецов. Им же заведены в скиту должность канонарха и пение стихир на подобны, каковое пение перешло затем из скита и в монастырь. Обратил старец внимание способных скитских братьев на изучение церковной ноты и ввел пение по обиходу³ догматиков, стиховенных воскресных богородичных и антифонов в воскресные дни, положенных перед чтением Евангелия. Во время великопостных служений, и преимущественно в первую и Страстную седмицы, когда обыкновенно все скитские братия готовятся к причащению Святых Таин, установлено старцем предлагать во время богослужения, на шестом часе, чтение из книги святого Иоанна Лествичника, с таким наблюдением, чтобы вся «Лествица» прочтена была в течение Великого поста. Для сего он сам размечал ее и назначал, сколько в какой день прочитать.

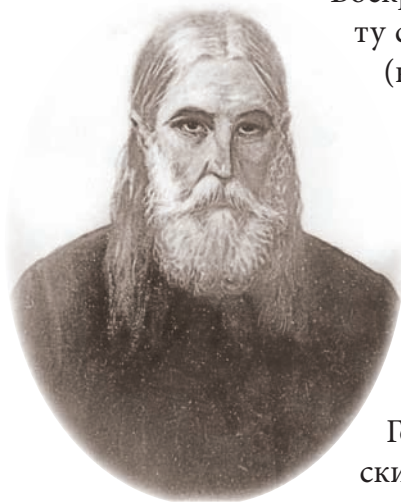
Но и после введения вышеозначенного порядка по церкви старец Макарий постоянно наблюдал за поддержанием оного, никогда не оставляя без замечания в отношении церковного устава, чтения

и пения не только важной ошибки, но и малейшего упущения. Разделит ли канонарх не на месте слова стихиры во время канонаршения с нарушением смысла, ошибутся ли в чем-нибудь певчие или очередной чтец — старец не оставлял их без замечаний. Если нужно было переменить или поправить тон пения или напомнить певчим забытый напев, старец сам приходил на клирос и запе-вал стихиру или ирмос, также указывал чтецу, где он ошибался и как надо поправляться. А канонарха по окончании пения стихир призывал к себе с книгой и указывал, как надобно правильно разделить ту или иную стихиру. И все это делалось с любовью, кротко, тихо, вразумительно. Вместо всяких оправданий сделавший ошибку по монашескому обыкновению кланялся старцу в ноги и говорил: «Простите, батюшка!» На это старец отвечал: «Бог простит!» — и благословением оканчивалось дело вразумления. Наблюдал также старец, чтобы все скитяне приходили к литургии со звоном в колокол, или за полчаса до начала ее, прочитывать синодики, в которых вписываются имена благодетелей и своих монахов о здравии и упокоении. Для сего служащий иеромонах по окончании звона долго медлил начинать часы. Обычай этот в скиту и теперь наблюдается.

По заведенному от основания скита и продолжавшемуся при старце Макарии и теперь продолжающемуся порядку все скитские братия ради духовного общения с монастырскими во все двенадцатые праздники и в первый день Святой Пасхи ходили и ходят к церковным службам — ко всеобщему бдению или вместо того к утрени и литургии —

*Оптина пустынь. Аллея
в скит. Открытка.
Начало XX века. АОП*

Иеросхимонах Флавиан (Маленьков). Фотокопия с портрета маслом. Конец XIX века. ОР РГБ

в монастырь. На второй же день великих праздников — Рождества Христова и Светлого Христова Воскресения — бывала, как и теперь бывает, в скиту своя полная служба. Кроме того, отправлялась (как и теперь отправляется) в скиту церковная служба в три полные в году седмицы: первую Великого поста, Страстную и Пасхальную, также в какой-либо день среди каждой великопостной недели и непременно во все субботы и воскресные дни всего года. Чествовались еще (как и теперь чествуются) службой церковной все дни, посвященные памяти святого великого Пророка и Предтечи Господня Иоанна, имени которого посвящен скит, праздники в честь некоторых Богородичных чудотворных икон, дни тоже некоторых святых угодников Божиих, восточных и российских, дни тезоименитства неких духовных лиц, как, например, 1 декабря — память святого Филарета Милостивого, тезоименитого двум достоуважаемым незабвенным старцам: митрополитам Филарету Киевскому и Филарету Московскому; дни преподобных — Моисея Мурина, Антония Великого и Макария Великого, имена которых носили три одновременно живших в Оптиной пустыни великих старца: архимандрит Моисей, родной его брат игумен Антоний и описываемый старец Макарий¹. Ко всем этим праздникам скитская церковь убиралась с особым тщанием. Во время всенощного бдения на величании угодникам Божиим возжигалась люстра и предстоящим давались в руки свечи.

В скитский главный храмовый праздник — 7 января, Собор святого Иоанна, Пророка и Предтечи Господня, — так же, как и на второй день Пасхи и Рождества Христова, служил в скитской церкви

¹ К этим служебным в скиту дням присоединялись и еще по обстоятельствам, такие как, например, дни кончины старцев Макария, Амвросия и др. — *Примеч. авт.*

сам настоятель обители архимандрит Моисей или брат его игумен Антоний. Старец же Макарий, как выше упомянуто, не участвовал в священнослужении, частью по косноязычию, а частью, можно полагать, и по глубокому своему смирению, и при отправлении церковных служб обычно становился в коридорчике (бывшем на правой стороне), где совершалось денно-нощное чтение Псалтири скитянами ради поминовения о здравии и упокоении своих братий, их сродников и благодетелей. Когда же старец изнемогал в силах, он удалялся в так называемую архиерейскую келью² и отдыхал там. Впрочем, в первые годы своего пребывания в оптинском скиту он участвовал в соборном служении только раз в год, на первый день Святой Пасхи. Также облачался иногда на погребение некоторых из братий или почему-либо особенно почитавшихся им мирян.

Но продолжим речь о внешнем устройстве скита. Трудami старца Макария, бывшего в Площанской пустыни ризничим, приведена была в отличное состояние скитская ризница. Он передал искусство хранения и обращения со священными одеждами и облачениями одному из близких своих учеников, пономарю монаху Флавиану³, который всегда был точным и усердным исполнителем его воли, а потому и пользовался особенным расположением старца. Известно, что золотошвейное искусство всегда процветало и процветает в наших женских обителях. И вот инокини, относившиеся к старцу Макарию, зная его любовь к церковному благолепию и желая чем-либо выразить свое усердие к нему за получаемую от его советов духовную пользу, просили у него как особой милости позволения участвовать своими трудами в украшении любимой им скитской церкви.

² Первоначально Предтеченский храм в скиту имел расположение домового церкви, и в задней части его отделена была особая комната на случай приезда Калужского владыки Филарета (Амфитеатрова), основателя скита, который ежегодно приезжал в скит и проживал в этой комнате или Сырную, или первую седмицу Великого поста, почему и комната эта называлась архиерейской. — *Примеч. авт.*

³ Отец Флавиан, впоследствии иеромонах, в начале 1860-х годов переведен был в монастырь на должность казначея, которую тщательно исполнял до самой кончины, последовавшей 30 мая 1900 года. — *Примеч. авт.*

Одни — имущие — жертвовали своей работы разные вещи: воздúхи, оплечья на ризы и стихари, подольники на подризники, орари, поручи, пелены; другие трудолюбивые сестры, но неимущие просили дать им работу. Мирские особы, относившиеся к старцу со своими духовными нуждами, также желая изъяснить свое усердие, жертвовали кто материал для вышивания, а кто и материи для облачений, платки для покрова престола и подобные вещи, служащие к церковному украшению или пригодные для обращения на оные. Число усердных приношений далеко превышало потребности скитской церкви. Вследствие чего по распоряжению старца Макария приумножена и монастырская ризница¹. А это давало монастырю возможность в разное время делиться облачениями с церквами страждущего Востока и нашего западного края.

¹ Великолепная напестольная одежда в главном монастырском Введенском храме, шитая по пунцовому бархату золотом и серебром, и большой сребропозлащенный потир с принадлежностями суть также плод любви старца Макария к благолепию дома Господня. — *Примеч. авт.*

Родившись в деревне и проведя детство среди отрадных видов сельской природы, старец Макарий и всегда обнаруживал к природе глубокое сочувствие. Между прочим любил он цветы. Но когда сделался начальником скита, отсекая эту невинную склонность, он не стал было заниматься цветниками, даже и прежде него заведенными в скиту его предместником, иеромонахом (впоследствии игуменом) Антонием. Обратил же он на них внимание лишь тогда, когда услышал, что посетители скита упрекают его в упущении того, что не считал недостойным своего внимания бывший пред ним начальник скита. Сначала старец увеличил небольшой цветник пред окнами своей кельи. А затем по времени появились цветы уже вокруг всего Предтеченского храма, пред окнами некоторых келий и по главным скитским дорожкам. Тут можно было видеть и высокорастущие, но без запаха разных

колеров георгины, также пионы, пахучие воздушные кусты жасминов, люпины, резеду и другие мелкие цветы. Любителям цветоводства было чем любоваться, подойдя, например, к келье старца, так сказать, осыпанной цветами. И трудно было поверить, узнав, что все это было делом усердия одного человека, старцева келейника монаха Илариона, неувядаемый плод послушания и особенно искренней любви его к своему старцу-наставнику.

Вся внутренность скита еще основателем его, иеромонахом Моисеем², обращена была в плодовый сад. Но усердием того же старцева келейника, монаха Илариона, сад этот приведен был в наилучшее состояние. Произведения сего сада никогда не продавались и в урожайные годы, и потому скитские братья почти до новых плодов имели за своей скромной трапезой утешение из плодов своего сада. Часть же не идущих впрок по снятии раздавалась монастырским братьям и приходившим посторонним посетителям. Ближние городские и сельские жители нередко и зимой приходили в скит просить для своих больных свежих и моченых яблок и, когда было что дать, не получали отказа.

Имелись в скиту при старце Макарии и парники для выращивания огурцов. Парники эти, так же как и цветы с садом, были на попечении того же келейника отца Илариона. «Я, — передавал он, — сначала к парникам неохотно подступал. Чтобы приохотить меня к ним, батюшка Макарий, бывало, скажет: пойдём-ко посмотрим, что, парники-то там набиты, что ли? И поведет меня посмотреть. Раз а три он так-то водил меня к ним. Ну, и парниками стал я заниматься, и не без успеха».

² Впоследствии настоятель Оптиной пустыни, архимандрит. — *Примеч. авт.*

*Скитский колодец.
Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

¹ Прокопович Петр Иванович — русский пчеловод, теоретик и выдающийся практик.

Состоящий при ските пчельник при старце Макарии заботливостью и трудами скитян был приумножен, причем приложены были все известные в то время усовершенствования по части пчеловодства по системе Прокоповича¹.

Оберегая скитское безмолвие, старец Макарий имел особое попечение о сбережении окружающего скит со всех сторон леса. Благодаря благим впечатлениям детства он до конца жизни сохранил любовь к природе, но в особенности любил лес, справедливо считая его живой оградой каждой иноческой обители, лучшим ее украшением. «Человек, — рассуждал он, — получает в лесу себе успокоение и душевную пользу. Мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов и там, в тиши от мира и сует его, в молитве и трудах иноческих искали своего спасения. Один вид присно зеленых хвойных деревьев нашей родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь присносущную, для взыскания коей удаляются в пустыни. Леса, окружающие наши пустынные обители, надобно беречь всеми мерами, чтобы чрез истребление их название „пустынь“ не сделалось наконец праздным словом».

Пруд в скиту Оптиной пустыни. Открытка. Конец XIX — начало XX века. АОП

Сильная буря в 1849 году повалила немало огромных деревьев, столетних сосен и елей, особенно в участке, отделяющем скит от монастыря. Скорбя о лишении этой живой ограды, старец приложил особое старание зарастить этот участок. Каждый год под руководством одного из скитских братий послушники трудились весной над расчисткой этого участка от ненужных кустарников, а осенью засеивали онный семенами хвойных

деревьев, преимущественно сосны. Бог благословил труды и попечение старца. Теперь, по прошествии долгого времени, из сосновых семян образовался высокий лес. Таким образом, безмолвный скит опять стал закрыт сплошной живой оградой.

Любитель леса и вообще природы, старец Макарий возымел еще желание насадить и насадил внутри скита, близ восточной ограды, кедровые деревья, из которых со временем образовалась кедровая роща. В этой роще в прежние времена в летнюю хорошую погоду по двенадцатым праздникам в послеобеденное время все скитяне во главе со скитона начальником иеромонахом Иларионом, бывшим прежде келейником старца Макария, кушали чай. Разросшиеся большие кедровые деревья приносили и приносят плоды — прекрасные орехи. Только в последние годы стали поедать их набегающие из леса белки.

Примыкающая к кедровой роще большая сажалка² при старце Макарии ежегодно очищалась от ила и падающей в нее с окружающих деревьев листвы. В сажалке этой водились, как и теперь водятся, караси, которых изредка ловят для скитской трапезы.

Говоря о любви старца Макария к видимой природе, небезгрешно было бы умолчать о том, что старец всегда от предметов природы видимой переносился мыслью к предметам духовным. Так, например, писал он к своим севским племянницам: «Погода стоит прекрасная; весна красуется, одевает деревья в их благолепную красоту; а певцы поют, славят Творца и поют свою свободу. А мы, страстные, како воспоем песнь Господню на земли чуждей, исполненной терния и волчцев? Хоть и поем; но можно сказать: пою и не разумею (ср.: Пс. 100, 2). Слава долготерпению Божию!» Или еще: «У нас

² Небольшой искусственный водоем, пруд, рыбный ставок на территории скита.

18-го числа (мая) георгины высажены, теперь цветут разнообразные тюльпаны, левкой и мелкие маргариты. Все это творение Божие, на службу человеку дарованное и на утешение. Слава Его милосердию и всепремудрому Промыслу о нас во всем!» Или: «У нас проходят дождички с громом, и паки просиявает солнце. Погода благорастворенная. Жасмины в полном цвете, а георгины расцветают. Как бы нам постараться украсить душевный наш вертоград цветами добродетелей, благоухающих смирением!» Еще: «У меня бывает всякий день много гостей пернатых. К окну приделана полочка, и сыплем зерен разных. Прилетают разного рода пташки:

Скит Оптиной пустыни. Соборная келья (корпус братских правил). Фотография.

Конец XIX — начало XX века. Калужский областной краеведческий музей

синички, воробьи, иванчики (мелкие серые дятлы), сойки и другие. И всякая своим манером кормится. Естественная наука в натуре, и видна Творческая сила и премудрость». Писано зимой, в декабре.

Или вот еще: «После трехдневной ненастной погоды ныне наступила ясная и хорошая погода; а ночью был мороз небольшой. Растения оживут. У нас по скиту раскинулся прекрасный зеленый ковер, и деревья готовятся к цвету. Только дай Бог сохраниться им от мороза; а почка сильна. В поле зелени прекрасные, веселят земледельца. Слава и благодарение Господу! О, когда бы наши сердца приносили плод духовный, а паче приличествующий нашему званию, и искали бы того бисера, которого ради оставили мир! Уподобися Царствие Божие купцу, ищущему доброго бисера, и прочее (Мф. 13, 45). А мы так ли ищем оногo? О! Горе нашему веку и скудному нашему монашеству! *Вы есте свет мира*, — сказал Господь (Мф. 5, 14). Но если

Или вот еще: «После трехдневной ненастной погоды ныне наступила ясная и хорошая погода; а ночью был мороз небольшой. Растения оживут. У нас по скиту раскинулся прекрасный зеленый ковер, и деревья готовятся к цвету. Только дай Бог сохраниться им от мороза; а почка сильна. В поле зелени прекрасные, веселят земледельца. Слава и благодарение Господу! О, когда бы наши сердца приносили плод духовный, а паче приличествующий нашему званию, и искали бы того бисера, которого ради оставили мир! Уподобися Царствие Божие купцу, ищущему доброго бисера, и прочее (Мф. 13, 45). А мы так ли ищем оногo? О! Горе нашему веку и скудному нашему монашеству! *Вы есте свет мира*, — сказал Господь (Мф. 5, 14). Но если

этот свет помрачен, то кольми паче тьма (Мф. 6, 23). Что будет? Какие у нас крамолы, мятежи, ссоры, приобретения и другие соблазны! Мир, видя это, не только блазнится, но и себя ублажает. Конечно, не надобно отчаиваться и жалеть об оставлении мира. Бог силен спасти наведением невольных скорбей, как было сказано Пахомию Великому, что и из рова оного Бог силен извлечь и скорбями спасти. И как Иоанн Карпафийский ублажает иноков паче мирян. Впрочем, не надобно дерзать и предаваться беспечности». 3 мая: «Погода пасмурная, и все дождит мелочью. Бедная пчела убывает; сколько ни кормили, и все сама бы лучше нашла, да нельзя вылететь. Жаль ее; но что делать? Все это, видно, грехов ради наших. Посмотрю на себя и на прошедшее время жизни, вижу ничтоже благо себе сотвориша, а грехов множество накоплено. Надобно бы сетовать, скорбеть и плакать о прогневании Господа; а я вместо того пускаюсь в научение других: пишу и говорю, сам не сотворив сего. А ведь Господь повелел прежде творити, а потом учить (ср.: Деян. 1, 1). И апостол пишет: *Не мнози учителие бывайте* (Иак. 3, 1). А мне и сии слова приличествуют: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими* (Пс. 49, 16)? Как же мне быть? Времени остается немного. Час смерти безвестен; а я нахожусь в беспечности. Помолитесь о мне, худейшем, да прочее время живота моего в мире и покаянии скончати сподоблюся и христианской кончины живота моего, безболезненной, мирной, непостыдной, и доброго ответа на Страшном Судище Христове сподоблюся улучшить. О сем и всем надобно бы иметь всегдашнее попечение; да страсти-то наши помрачают наш смысл и влекут за пустыми мечтами, которые

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письма 89, 93, 95, 107 и 153. — *Примеч. авт.*

вместо отрады причиняют скорбь и вместо пользы — душевный вред. Кто из нас имеет что от таких, да потщится отселе положить начало к исправлению с самоукорением и помощью Божиею»¹.

Но возвратимся к главному предмету и продолжим речь о внешнем благоустройстве скита и вообще всей обители старанием и содействием старца Макария. В последние годы жизни старца Макария вследствие также его заботливости усердием расположенных к нему благотворителей произведены в скиту некоторые постройки: построена вокруг скита ограда деревянная на каменном фундаменте и с промежуточными каменными же столбами. Заложенные в 1857 году вместо деревянных ветхих новые каменные Святые врата с каменной над ними колокольнею в следующем, 1858-м, году достроены; повешен большой колокол в тридцать пудов. А до того времени колокольни не было, и маленькие колокола висели на деревянных столбах около церковной паперти².

² Колокольню клали мастера из Мальцова завода, а расписывал колокольню со Святыми вратами живописец города Зубцова Тверской губернии Гавриил Иванович (фамилия неизвестна). Колокола же позже были переменены, и самый большой колокол повешен в сто пудов. — *Примеч. авт.*

Находящиеся по обе стороны Святых врат корпуса с кельями обложены снаружи кирпичом, оштукатурены и покрыты листовым железом. Прочие же братские корпуса в то время были покрыты частью тесом, а частью и черепицей, а ныне все покрыты железом. Главным благотворителем был известный заводчик Мальцов.

В том же 1858 году, также при помощи расположенных к старцу благотворителей, построена была вместо обветшавшей новая деревянная братская трапеза с прилегающими к ней службами. И собственно трапеза выстроена была за счет управляющего заводчика Мальцова, Иустина Андреевича Андреева. В то же время она покрыта была железом, а все остальное черепицею. Нелишне заметить,

что управляющий этот имел такое усердие к старцу Макарию, что нередко приезжал к нему. И однажды подал старцу кредитными билетами три тысячи рублей, прося его принять эти деньги как жертву на скит. Но старец убедил сего боголюбца взять их обратно, сказав при этом, что они ему самому понадобятся. Действительно, деньги эти в скором времени управляющему пригодились, потому что он за что-то отставлен был от должности и долго оставался без места, содержась на эти деньги.

В течение последнего в жизни старца Макария 1860 года на восточной стороне скита, против алтаря Предтеченской церкви, заложен был в его присутствии каменный фундамент для нового деревянного корпуса с братскими кельями и с мезонином для помещения скитской библиотеки, в пользу которой старец перед кончиной завещал свою келейную библиотеку избранных духовных книг и рукописей и собрание находившихся в его келье портретов святых мужей и пастырей и архипастырей, просиявших своими подвигами и учением³.

В том же году новая колокольня и Святые врата, по мысли и указанию старца Макария, расписаны были извне и изнутри священными изображениями. И это был последний плод его постоянной заботливости о внешнем благоустройстве и благолепии любимого им скита.

Скит этот, будучи так много обязан старцу Макарию своим внешним благоустройством, его же по преимуществу заботливости обязан и прибавлением штатных монашеских вакансий в обители. Это важное для скита по своему значению

*Святые врата скита.
Фотография.
1908. АОП*

³ В 1908 году помещавшаяся в упомянутом мезонине скитская библиотека перенесена в новое каменное здание, как более безопасное место на случай пожара. — *Примеч. авт.*

и последствиям событие совершилось по благоволенительному вниманию к старцу Московского митрополита Филарета, при непосредственном его участии. По высочайше утвержденному в девятый день февраля 1857 года определению Святейшего Синода разрешено: «К монастырскому штату прибавить 12 монашеских и 12 послушнических вакансий, с тем чтобы сим добавочным числом пополнялся недостаток братии в существующем при сей Пустыни Предтеченском ските». Акт этот важен, во-первых, потому, что посредством его подтверждено высшим духовным начальством существование скита при Оптиной пустыни, устроенного первоначально по благословению епархиального архиерея; а во-вторых, тем, что скитские братия с того времени не могли уже подвергаться благословным упрекам со стороны монастырского братства в занятии штатных вакансий, на которые всегда было довольно желающих по благоустроенному состоянию обители. Штаты эти, впрочем, как известно, вскоре после этого события были уничтожены.

По молитвам старца Макария Господь оказал оптинскому скиту и еще одно великое благодеяние. Известно, что старец Макарий при жизни своей старался обеспечить скит материально, дабы он не обременял монастырь своими частыми требованиями. Вместе с тем, по словам покойного игумена Марка, батюшка Макарий далек был от мысли поставить скит в полную независимость от монастыря, признавая в то же время главенство над ним настоятеля обители и законность его распоряжений, бывающих не в ущерб скиту. Но по смирению своему старец едва мог помышлять, чтобы это старание его об обеспечении скита осуществилось когда-либо на деле. Господь же милосердый, всегда готовый исполнять

благие желания верных рабов Своих, благоволил исполнить желание и старание и старца Макария. Один из расположенных к Оптиной пустыни вообще и лично к старцу христолюбец, помещик Илья Иванович Полугарский, умирая в 1858 году, по духовному завещанию отказал на свое поминавание в пользу скита Оптиной пустыни достаточную сумму денег, с тем чтобы она была употреблена на покупку участка земли, ежегодный доход с которого был бы употребляем на содержание скита. Исполнение же сего поручено было им своей супруге, Марии Павловне Полугарской. Вскоре и куплена была на имя скита верстах в десяти от того роща, которой пользуется скит и до сего времени.

ГЛАВА 9

**Общий взгляд на великое значение старца
Макария как старца. Об откровении старцам
(в женских монастырях — старицам) помыслов.
Взаимные духовные отношения старца Макария
и оптинских братьев, как скитских,
так и монастырских, во главе с настоятелем
и благие их последствия**

Все внешние по скиту улучшения при усердном содействии блаженной памяти старца Макария, конечно, имеют свою цену, похвальны, да и необходимы. Ибо монахи — не ангелы бесплотные, а потому при деятельном попечении о спасении душ своих имеют нужду и во внешних скромных удобствах, приличествующих монашескому чину. Не отказывают они, между прочим, себе в заботах и о более лучших внешних удобствах, если имеют к тому возможность, в особенности при помощи боголюбивых благотворителей, которые

еще не все перевелись в православной России. И это главным образом во всех иноческих обителях относится к украшению храмов Божиих, каковое украшение желательно и предпринимается монахами не столько для себя, сколько ради посетителей, на души коих благотворно действует церковное украшение. Да и то еще должно помнить всем православным христианам и никогда не забывать: кому и посвящать драгоценности природы, как не Творцу их и Господу?

При всем том, как известно, никакая блестящая внешняя обстановка недостаточна к искоренению страстей из зараженного ими сердца и к совершенствованию человека в жизни духовной. И как для больного тела потребны врач и врачевства телесные, так и для души, страдающей греховными навыками, необходимы врач и врачевства духовные. Или иначе: необходим руководитель в жизни духовной, умудренный жизненным опытом, могущий прилагать благодатные цельбы к ранам греховным и исцелять их. Старец Макарий как нельзя лучше соответствовал этому высокому призванию. Так пишет о нем современник его скитянин иеромонах Леонид (Кавелин)¹: «Где найду слов изобразить влияние старца на каждую отдельную личность — его умение каждого вести к одной цели разными путями, смотря по различию характеров, способностей и духовному устроению, его пастырскую и отеческую любовь ко всем вообще и к каждому в особенности, снисходительность к немощствующим и раскаивающимся, строгость к самочинным и прекословным, умение утешить единым словом, обрадовать взором или благословением, ободрить малым, но драгоценным (потому что оказано вовремя) вниманием, поощрить трудящегося к вящему труду, отсекая

¹ Впоследствии архимандрит, наместник Троицкой Сергиевой лавры, скончавшийся 22 октября 1894 года. — *Примеч. авт.*

при том вредное тщеславие, восставить к деланию разленившегося без укора и гнева, поддержать унывающего, удержать пылкого от ревности не по разуму, от искания дарований духовных прежде очищения от страстей, видения прежде деяния, молитвы умной прежде деятельной на страсти и помыслы? Кто из относившихся к старцу не испытал на себе, что он, по Апостолу, умел *радоваться с радующимися и плакать с плачущими* (Рим. 12, 15), умел *всем быть вся, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9, 22), приводя к Пастыреначальнику Христу? Про него, не обинуясь, можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему великого подвижника, авву Макария Египетского: „Он, как Бог, всех покрывает любовью“¹.

¹ Этот панегирик вполне приличествует и предшественнику старца Макария, старцу Льву, и преемнику его, старцу Амвросию. — *Примеч. авт.*

Вследствие этих боголюбезных качеств старца Макария все духовные его дети, и прежде всего ближайшие к нему по месту жительства скитяне, имели к нему полную веру и глубокую сыновнюю преданность. Вышеупомянутый современник старца Макария свидетельствует о сем так: «Сила его любви столько привлекала к нему сердца всех, что мы готовы были не отходить от него, чтобы выну² наслаждаться светлым его лицезрением и сладкою беседою благоглаголивых уст его». А все это располагало каждого брата к искреннему, по преданию святых отцов, откровению перед ним совести, состоящему в частом и, если возможно, даже ежедневном и вместе чистом исповедании перед старцем не только всех дел и поступков, но и тончайших помыслов и умственных приражений³, с получением от него советов и наставлений, как противостоять той неотдышной внутренней брани, которую ведут невидимые враги с воинами Христовыми. Ибо, по Писанию, *несть наша брань*

² Всегда (церк.-слав.).

³ Приражения — греховные впечатления или представления, которые возникают в сознании помимо воли человека.

к крови и плоти, но к началу, и ко властям и к миро-держителем тммы века сего, к духовом злобы подне-бесным (Еф. 6, 12).

В силу такого отношения старца Макария к своим ближайшим ученикам двери его кельи открыты были для них во всякое время. Каждый из них свободно мог входить к нему без доклада келейников, не опасаясь прийти не вовремя или обеспокоить старца своим приходом.

Проживший двадцать лет при старце Макарии келейник его в свое время говорил, что ни разу не видел, чтобы старец выразил на кого-нибудь из братьев неудовольствие за несвоевременный приход, не исключая даже и того часа, который он, утомленный трудами, употреблял на краткий послеобеденный отдых. Как чадолюбивый отец, он одним лишь обеспокоивался — если долго не видел у себя кого-либо из постоянно относившихся к нему. Отворяя дверь, каждый пришедший, по общепринятому в обителях обычаю, обязательно должен был произнести молитву Иисусову. Ведущая из коридора в переднюю старца дверь, когда отворялась, скрипела на своих ржавых петлях. По этому только скрипу старец узнавал о приходе посетителя и немедленно выходил к нему, оставляя свои келейные занятия.

Но вот однажды келейники, наскучив скрипом двери, вздумали в отсутствие старца подмазать ее маслом. На другой день старец, не слыша обычного скрипа, встревожился: «Кто испортил мою дверь?» — спросил он келейников. Те сознались, что сделали это умышленно. «Исправьте! Сейчас исправьте! Пусть будет по-прежнему». Нечего делать, пришлось снять дверь с петель. Тщательно обтерли

Старец Макарий.
Портрет. Неизвестный
художник. XIX век.
ОР РГБ

масло, и дверь опять стала скрипеть, возвещая старцу о приходивших и через то заменяя докладчиков.

Коснувшись откровения помыслов, нелишне будет сказать о том, как смотрел старец Макарий на это весьма важное дело¹. Именно:

¹ Собственно отношение к духовному руководителю, состоящее в беспрекословном ему повиновении, по согласному учению святых отцов-подвижников, должно иметь следующие качества: подобает истинному послушнику иметь: а) веру к своему руководителю в такой мере, чтобы старец на него как на Самого Христа и как Христу повиновался ему, всякое от себя отгоняя неверие и сомнение; б) истину, то есть чтобы истинствовать в деле и слове и в точном исповедании помыслов; в) не творить своей воли, ибо для послушника творить свою волю есть большая потеря и большой вред; г) отнюдь не прекословить и не спорить, потому что прекословие и спорливость происходят от самомнения — сожителицы неверия и высокоумия; наконец, д) держаться совершенного и чистого исповедания тайных сердца (помышлений и желаний). Ибо язвы объявляемые не в худшее придут состояние, но исцеляют, говорит Лествичник (Русское Добротолюбие. Т. V. Каллиста и Игнатия. Гл. 15 и 14). — *Примеч. авт.*

А. Как открывать помыслы старцу (или в женских монастырях — старицам) с пользой душевной? Так писал он к одной монахине: «Если согласится та сестра, о которой ты пишешь, принимать твои помыслы, то советую изъяснять перед нею, но не простым рассказом, а в виде раскаяния. И Господь силен устроить тебе пользу».

В другом месте: «Устроивши, помощью Божиею, себе откровение помыслов к матери Г., должна соблюдать сие с верою и смирением и страхом Божиим, говоря не простым разговором, но со стыдением и похудением себя. А Бог, по вере твоей, даст слово, которое послужит к укреплению твоему и освобождению от страстей и успокоению совести».

Б. Какой ищется плод через должное откровение помыслов и каково бесполезное откровение? «Откровение твое, писанное мне, есть как должно. Но я у тебя спрашивал, получаешь ли пользу? Имеешь ли сокрушение сердца, болезнование об оном и приходишь ли во смирение? А также ощущаешь ли тишину от бурь оных? В этом-то и состоит существенная польза откровения; как пишется в слове святого Кассиана к Леонтину игумену: „Само то еже являти и открывати злые помыслы отцем увядают оные и немощнейшая творит“. Что и на многих опытах дознано нами. Можно и открывать бесполезно, если — равным, безболезненно и вместо простого рассказа, который не приносит стыда и пользы, но еще может

другую страстную повредить. Потому я и вопрошал тебя о пользе, ощущаешь ли оную»².

В. «Но какие помыслы открывать и о каких умалчивать? — писал старец Макарий к другому лицу. — В слове о рассуждении об откровении помыслов, какие должно открывать своим отцам, научают, что должно всякие помыслы стужающие открывать, но проходящие мимо и ничтожные не нужно говорить и время напрасно терять. Да это есть уже мало-душие. И не будешь иметь времени ни на что, а только говорить о помыслах. Это также есть сеть вражия. Не повинуйся ей. Время брани, опыт и наставление покажут тебе, как должно поступать в таком случае».

Г. При всем том ни уединенная жизнь, ни самое откровение помыслов без других пособий не сильны избавить человека от страстей бесчестия. Писал старец к тому же лицу: «Ты думаешь найти в келье покой, но обманываешься. Прочти о сем ответ Иоанна на вопрос 313 в книге Варсонофия, страница 292³. Ты хочешь без скорби стяжать покой? Страсти тебе не дадут покоя. А ты еще и понятия не имеешь, как бороться с ними и противиться им. Только и думаешь, что будешь ко мне о всех помыслах писать и тем успокаиваться. Нет, этого мало. А надобно, в случае восстания страстей, иметь поближе врачевства. А у тебя главная страсть — духовная гордость. От ней-то вся и беда — и смущение происходит, и прелесть».

Д. Какие же это врачевства? «Постарайся жить с отсечением своей воли и разума, как учат нас святые отцы: святой Иоанн Лествичник (Степени 1 и 4), святой авва Дорофей, святой Симеон Новый Богослов, святой Феодор Едесский и прочие. Приемля в разуме их учение, старайся исполнять делом.

² Собрание писем старца Макария. Ч. 4. Письма 134 и 135. — Примеч. авт.

³ «Пребывание в келье не делает тебя опытным, потому что ты пребываешь в ней без скорби... враг готовит тебе не покой, а более смущение» (Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1998. С. 222).

Но и тут остерегайся мнения о себе, что ты уже исполняешь как должно. Это — посев, а ищется плод — смирение. От послушания рождается смирение, пишет святой Иоанн Лествичник. Однако надобно знать, что враги нашего спасения ненавидят находящихся в повиновении и стараются отвратить от сего. Они стараются или мнением о себе

*Иоанно-Предтеченский
скит Оптиной пустыни.
Гравюра с раскраской.
Середина XIX века. АОП*

уничтожить плод послушания, или совсем отворать от оногo. И если ощутишь в себе оные, не закосней открывать и обличать козни вражии. Обличаемые, они убегают, пишет святой Кассиан к игумену Леонтину».

Е. При отсечении своей воли и разума предлагаются старцем против самолюбия и еще иные врачевства: «Жизнь монастырская, — пишет он, — требует искушения для познания нам своей немощи и своего устроения. Нам показан путь Самим Спасителем — иго благо и бремя легкое — отвержение своей воли и разума (но, по-твоему, нехорошие эти руководители!). Ты плачешь, что сестра определяется к N. и не будет жить с тобою; а между тем ты с нею ни в чем не сходишься в нравах и действиях. А тебе, по моему мнению, необходимо к совлечению страстей отвергнуться своей воли и разума... Не говорю, что пред M., но хотя пред сестрою, и то хорошо. А ты думаешь довольствоваться только откровением матери игумении. Этого одного мало. Если открывать свои раны, надобно и лекарства на них: укоризну, досаду, поношение, насмешие и прочие неприятности для самолюбия и гордости — врачевства, которых ты и не будешь иметь; а будешь обольщать себя, что живешь с откровением».

Ж. Для очищения от страстей нужна и молитва Иисусова, но только устная и по указанию опытных, ибо при мнении о себе и самая молитва без указания старца не может иметь должного направления. Слова старца к той же особе: «Просишь благословения почаще молиться. Я никому не запрещаю молиться: молитва много нам приносит блага. Но приниматься за высокую молитву я опасюсь предавать, чтобы не впасть в прелесть, а призывать устно имя Иисусово, и во время стужения страстей нужно молить Господа. А с мнением, которое враг повергает в ум неопытных, помысл говорит, что мало молился, так смирайся. А когда будешь много молиться, он скажет тебе, что хорошо делаешь. Впрошаешь о конце молитвы и приводишь слова Иоанна Лествичника, что ночная молитва освящает наши дневные делания. Да идет ли к твоему устроению? И к кому это сказано? Как во всем, так и в этом проси мать М. наставить тебя: она видит твое устроение и скажет тебе полезное. Ты будешь ночью молиться, а ее же осудишь, что она не встает на молитву, и себя поставишь лучше от нее».

З. Старец еще рассуждает о недостаточности молитвы и чтения книг (конечно, святоотеческих) в деле совершенствования духовного и опять сводит мысль свою к необходимости терпеть скорби: «Ты все увлекаешься своими молитвенными исправлениями, но какую же пользу обрела? Много читала, и после ум помрачился, а надобно разделять время на все. Мы составлены из духа и плоти и должны каждому давать свое делание. А ты ничего не делаешь; оттого и впадаешь в такое смущенное устроение. Надобно непременно чем-нибудь заниматься, то есть рукоделием и каким-нибудь послушанием, чтобы тебе и со стороны могли быть какие-нибудь

толчки к познанию своей немощи и к смирению. Хорошо правило — пост и поучение в писаниях; но это — возделание земли и посев; а когда же будет плод терпения, смирения, любви и прочего? И как ты оные стяжешь, не имея ни с кем сообщения?»

Душа неопытного подвижника слепа. И потому старец пишет своей ученице разъяснения на некоторые предметы, касающиеся жизни духовной. Так как разъяснения эти очень полезны для стремящихся ко спасению и интересны, то, кажется, уместно будет ознакомить с ними читателей. Так писал он к той же особе: «Спрашиваешь, как очищать страсти? И что есть страсть? И как нужно засматривать почаще в глубину своего сердца? Какие же ты будешь очищать страсти, когда ты и не знаешь, что есть страсть? И как входить в глубину сердца своего? Это высокий вопрос! Страстей много есть в нас, но главных три: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие; а от сих еще пять, о коих подробно пишут святые Кассиан и Нил Сорский и как оным противиться. Еще у святого Исаака много писано о страстях и у прочих отцов. Как же ты хочешь входить в глубину сердца, когда оно завалено колодами, камнями, хворостом, сором, паутиною и пылью? Входить в глубину сердца — значит, и пылинки чтобы не было. Ты прежде выбрось крупные вещи: колоды, камни, хворост, а потом сними паутину, и тогда будешь выметать и пыль¹. А ты, прочтя, что надо сходить в глубину сердца, уже и лезешь туда. Святые отцы пишут: „Люто есть предати новонаначальному высокая“. Еще скажу тебе попроще пример: сердце наше — земля; а тернии — страсти, которыми оно заросло. Так надобно исторгати тернии всякий день, хотя понемногу стараться и очищать землю и тогда сеяти

¹ См.: Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ на вопрос 378. — *Примеч. авт.*

добрые семена. Они и плод принесут. А то ведь терние подавит их, и пропадут. Еще святой пророк Давид учит: *уклонися от зла и сотвори благо*². А не уклоняясь от зла, видно, и благо не воспользуется. Ты начинай с отвержения своей воли и разума, и найдешь путь истинный.

² Пс. 33, 15.

Ты желаешь духовного делания; а оно состоит в отвержении воли и разума. Говоришь: нет во мне рассуждения. Однако ты скоро вздумала стяжать такое высокое дарование. Прочти в 7-й Степени Кассиана, в послании к Леонтину игумену, как оно стяживается: „Истинное рассуждение не приходит, аще не от истинного смирения“. Смирения не имеешь, а с гордостью хочешь иметь рассуждение.

Пишешь о сомнении твоём вкушать трапезу один раз, а вечером не вкушать и думаешь этим утончением плоти мысли утончить и что более будешь иметь внимания к своему спасению. А если ошибаешься, то что будет? Ты все лезешь в высоту, а не сходишь к смирению. Если вкусишь мало и вечером трапезы, не помрачится ум, а более смирится. И в этом отдайся на волю старице, видящей твое устройство. Ты хочешь вдруг взойти на небо, а старцы говорят: „Аще видеши юна, текуща на небо, запни ему ногу“. Ты не летами, а разумом юна. Прочти у святого Иоанна Лествичника в 4-й Степени 118-ю главу о безвременно ищущих великих исправлений — что он пишет. Да и всю эту Степень прочти повнимательнее — и найдешь пользу послушания.

На вопрос твой о бане, что ты не ходишь в баню. Невелика добродетель. А если сим возносишься, а других судишь, то и пользы нет. Опасайся мечтать о своем целомудрии. Помни, что и девы не вошли в Чертог Небесный, не имея елея в светильниках своих.

Страсти в полной мере тобою обладают, а паче страсть самолюбия. Ты жила в мире, основывала свое спасение на одном исполнении правила и на посте; а о нравственности нимало не помышляла, и страсти в тебе спали; а когда вышла на подвиг, то они и возбудились и восстали на тебя. Хотя тебе и помогает правильный путь борения со страстями и на них победы — отвержение своей воли и разума и истинное послушание; но враг, напротив, вооружает тебя против сих спасительных действий, как написано у святого Феодора Едесского в главе 40-й и далее, о коих я тебе много раз писал и лично предлагал. Ты, принявши злой его совет, видишь в М. противное; а когда воспротивилась (сему злomu совету), то пишешь, что получила успокоение. Из сего ты должна впредь быть опытною»¹.

¹ Двадцать три письма оптинского старца Макария к г-же С. И. «Душеполезное чтение», 1908, март, апрель, май. — Примеч. авт.

Говоря о должном откровении помыслов, старец Макарий, как видим, всемерно старался наклонять ученицу свою к смирению. Заметим при этом, что правильное откровение естественно должно приводить держащегося этого пути человека к самопознанию, или правильному взгляду на свою великую греховность и никуда негодность, а через это — и к смирению. В самом деле, при тщательном к себе внимании человек видит, что вся прежняя его жизнь прошла в грехопадениях, что и вчера он грешил перед Господом в том и том, и ныне опять то же и то же, и завтра лучшего нельзя ожидать, и так далее и так далее. Поневоле он должен приходить к смиренному о себе мнению, выраженному в четвертой запричастной молитве: «Аз есмь пучина греха и несмь достоин, ниже доволен воззрети и видети на высоту небесную от множества грехов моих, ихже несть числа». К сему-то и старался

старец Макарий направлять всех своих чад духовных, приводя в своих письмах и, без сомнения, в личных беседах слова святого Петра Дамаскина: «Тогда ум начинает видеть свои согрешения — как песок морской, и это есть начало просвещения души и знак ее здоровья»².

Из всего вышеприведенного можно видеть, что отношения духовных детей к старцу Макарию, как и его к ним, были правильные, согласные с учением о сем святым отцов. Именно вследствие боголюбивых качеств его души все доблассудные дети его духовные имели к нему полную веру, которая заставляла их истинствовать перед ним в словах, делах и откровении помыслов, или чисто и без утайки высказывать их. А старец, со своей стороны, поучал их отсечению своей воли и разума, причем естественно должны были отвергаться всякие прекословия и споры. Все же это направлялось к одной спасительной цели — стяжанию плодов духовных: терпения, смирения и прочих.

Бывали еще и такие, которые, поручив себя духовному руководству старца, вместе с тем хотели жить и действовать по своей воле и нередко прекословили ему. Таких старец оставлял ходить по воле сердца своего, да накажет их самое отступление их (ср.: Иер. 2, 19). Послушнику, спрашивающему о чем-либо старца лукаво, с желанием исполнить волю свою, последний отвечал: «Как хочешь». И это повторялось им с терпением на все следовавшие оправдания виновного до тех пор, пока самочинник не сознавал искренно своей вины и, раскаявшись, спрашивал старца уже

² Преподобный Петр Дамаскин. Творения. М., 2001. С. 40.

Скит Оптиной пустыни. Литография. Середина XIX века. АОП

чистосердечно: «Как посоветуете мне, батюшка? Я оставляю на Вашу волю: как возвестит Вам Бог сказать, так и постараюсь исполнить при помощи Ваших святых молитв». Тогда и старец преподавал потребный совет. По данному ему от Бога дару прозорливости он иногда предостерегал самочинных от угрожавших им опасностей. «Делай как знаешь, — говорил он иному, — но только смотри, как бы не случилось с тобою вот того-то». И слова старца всегда оправдывались на деле.

Вообще же по отношению ко всем временно уклонявшимся по действию вражью от пути откровения долготерпеливый старец мудро выжидал, когда постигнет кого-либо из них какое-нибудь искушение, внешнее или внутреннее. Тогда, выслушав, вразумлял и утешал к нему пришедшего, говоря так: «Вот, это постигло тебя за то, что ты уклонился на шую. Ах, брате, брате! Рассуди, мне ли нужно твое откровение? Врагу не нравится этот путь как верный и кратчайший ко спасению. По свидетельству святых отцов — аввы Дорофея, Феодора Едесского и многих других, он не только не любит откровения помыслов, но даже терпеть не может и самого голоса, которым оно произносится. Вот почему он и старается всячески тебя отвлечь от сего. Хотя я грешен, неразумен и немощен душевно и телесно, но не отрекаюсь тем, кто ищет с верою утешения (в скорбях) и пользы душевной, сказать, что Бог подаст омраченному моему уму к их пользе, и быть в сем орудием милосердного Его Отеческого Промысла, аще и недостойн. Если с верою будешь искать и принимать мои слова, то и чрез грешника получишь пользу. А если без веры или с сомнением и испытанием, разбором слов и действий — то, хотя бы и праведник был, пользы быть не может. Это знаешь

и из отеческих писаний, и на деле испытал. Говорю сие, не упрекая тебя, но утверждая на предняя»¹.

Такими и подобными словами старец так, бывало, утешит и ободрит виновного, что тот выйдет из его кельи, сам себя не помня от радости, благодаря Бога, что возвратился на правый путь, и вместе укоряя себя и раскаиваясь в том, что на время отступил от этого пути под влиянием вражьего коварства.

Впрочем, не всегда так тихо и кротко обращался старец Макарий с братьями. Бывали случаи, когда он не только строго, но и грозно поступал с некоторыми из них. И это было в особенности тогда, когда замечал он в ком-либо из близких и искренно относившихся к нему спорливость, непокорность и вообще горделивость, хотя бы в тонком виде, а иногда и для испытания. Примеры сему будут далее. А теперь упомянем о том, что благостный старец Макарий не только заботился об удовлетворении душевных нужд сожительствовавших с ним братьев, но и старался по возможности облегчить их внешнее затруднительное положение. Рассказывал о себе современный старцу скитский послушник Илия Силаев (впоследствии настоятель Оптиной пустыни архимандрит Досифей)²: «Происходя из крестьянского звания и поступив в монастырь в молодых летах, я должен был вскоре и оставить монастырь для отбытия страшной в те былые времена воинской повинности. Узнав о моем безвыходном положении, старец спросил: „Хочешь уходить из монастыря?“ С великой скорбью я ответил ему: „Лучше бы я согласился, батюшка, умереть, нежели оставить обитель“. Тогда старец озаботился найти благодетелей, которые пожертвовали достаточную сумму денег, дабы откупиться от солдатчины». Оказывал старец такую же помощь и другим

¹ Подлинные слова старца Макария. — Примеч. авт.

² Скончался 31 марта 1900 года. Погребен в Казанском храме.

послушникам, если видел в них искреннее желание иноческой жизни. По обязанности скитоначальника старец Макарий как сам строго соблюдал, так и во вверенном ему братстве силою своего влияния поддерживал соблюдение скитских правил.

*Скит. Открытка.
Начало XX века.
АОП*

¹ Аллюзия на слова тропаря: «...и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо» (Минея общая. Тропарь 8-го гласа, преподобному единому).

Сам всегда присутствовал в храме Божиим при церковных богослужениях и ходил вместе с братьями в трапезу. Чтобы ни в чем не отделяться от прочих братий и не выказывать особенных подвигов и своего пред ними превосходства, старец Макарий вместе с братьями ходил и в баню мыться. Но как он мылся?

Лишь только войдет, ополоснется водой и уже идет вон. Ему скажут: «Батюшка, батюшка! Что же вы так скоро-то?» — «Довольно, довольно», — ответит. Затем поплует на свое тело, например на руку, а другою разотрет. «Ничего, ничего, — скажет, — хорошо, довольно». Тем и кончалось его омовение. Так делом наставлял старец учеников своих презирать плоть свою, преходит бо¹. С искусством, приобретенным долговременным опытом, старец сам распределял между братьями и частные послушания и назначал каждому по его силе, способностям и душевному устроению келейные занятия. Сам входил во все подробности каждого дела; решал возникавшие при прохождении того или иного послушания недоумения, неприятные столкновения и смущения; вразумлял, наставлял, поощрял, помогая каждому брату и словом, и делом. Каждый брат поэтому видел и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей сострадательно разделяет с ним любвеобильный его отец и мудрый наставник. От этого и трудное послушание для проходившего

казалось легким. Сам же старец нередко и посещал кельи своих учеников, и, как замечено ими, приходил всегда благовременно, имея в виду духовную цель — утешить одного, ободрить другого, поддерживать падающего духом, вразумить неразумного. А потому посещения эти проливали в души посещаемых успокоение и духовное веселие. По уходе же такого вожделенного гостя, казалось, и самая келья брата исполнялась благоуханием смирения, которым запечатлены были все дела и слова этого поистине дивного мужа.

Как духовный наставник, старец Макарий каждому из относившихся к нему вменял в существенную обязанность к пояснению и подтверждению получаемых от него духовных советов заниматься в келье в свободное от послушаний время чтением святоотеческих книг и сам каждому брату назначал, что читать, сообразуясь с мерою его духовного возраста, отнюдь не дозволяя браться за чтение книг самочинно, по собственному выбору каждого. Новоначальным, или вновь поступившим в монастырь послушникам, предварительно и преимущественно назначал читать книгу поучений преподобного аввы Дорофея, называя ее «монашеской азбукой», так как без усвоения содержащихся в ней правил нельзя положить твердого основания иноческой жизни.

Затем старец поучал и наблюдал, чтобы никто из учеников его никогда не был праздным. А для этого он внушал им, чтобы каждый сверх определенного ему скитского послушания для избавления от уныния занимался каким-либо рукоделием, которое у святых отцов обычно называется «поделием», указывая при том на отеческое слово, что монах, занятый делом, борется только с одним бесом,

¹ Из них до 1860 года скончались одиннадцать человек. Из оставшихся в 1860 году в живых пребывали в Оптиной пустыни — в монастыре двадцать семь человек и в скиту одиннадцать, и перешедших по обстоятельствам в другие обители — одиннадцать человек. — *Примеч. авт.*

² Откровение помыслов старцам, передавал в свое время вышеупомянутый архимандрит Леонид (Кавелин), есть столп и утверждение афонских киновий и скитов. В бытность мою, говорил он, на Святой Афонской Горе в 1859 году на сделанный мною одному из святильников афонского иночества вопрос: «Что сотворю, да спасуся?» — он спросил меня: «Да ты в каком монастыре живешь? И есть ли у вас старцы и откровение помыслов?» Я отвечал, что живу в общежительном монастыре, в коем по милости Божией есть старцы, опытные в духовной жизни, и что внимающие себе ходят к ним на откровение своих помыслов. «Итак, ступай с миром и продолжай сей правый путь и спасительное делание, — сказал он, — помня, что за находящихся в повиновении у старцев отвечают Богу они, а послушнику нет иного падения, как, отдавшись в послушание старцу, творить свою волю. ►

а праздный — со многими. Поэтому он завел в скиту и поддерживал личным участием и поощрением разные рукоделия: токарное, переплетное, футлярное и ложечное. Из них три первых старец сам знал. Искусные в краснописании занимались списыванием по уставу святоотеческих книг, в чем старец, как выше сказано, тоже был сведущ.

Желавших заниматься рукоделиями старец снабжал материалом, а трудившиеся приносили ему свои изделия. Между тем батюшка Макарий тут, как и везде, имел духовную цель, ибо через такой оборот незаметно отсекалось в братиях веществолюбие и насаждалась беспопечительность. Приносившие старцу свою работу получали от него в поощрение так называемое по-монастырски «утешение»: кто осьмушку или четверку чая и фунт или два сахара, кто иной раз платочек, четки, книгу или еще что-либо. Чтобы понять значение слова «утешение», присоединяемого к столь, по-видимому, маловажным вещам, надобно было видеть, как высоко ценились эти подарочки горячо любимого и любвеобильного старца даже и седовласыми старичками как знак отеческой его любви и милостивого внимания. Между тем как через эти малые утешения братия незаметно привыкали довольствоваться малым и привыкали к самоограничению, что в духовной жизни имеет великое значение. Старец же приносимые братиями изделия обыкновенно дарил благотворителям обители, а иногда подносил их и почетным лицам, посещавшим Оптину пустынь, мирским и духовным.

Отношение старца Макария к монастырю, так же как и к скиту, обуславливалось главным образом многотрудной обязанностью духовника и наставника. Обязанность эта была возложена на него,

как выше упомянуто, в 1836 году, еще при жизни старца Леонида, мужа, приснопамятного своими духовными дарованиями, опытом и разумом духовным. Вследствие чего старец Макарий и принимал от Евангелия всех постригавшихся настоятелем братий, как скитских, так и монастырских. Принято же старцем постриженных в Оптиной пустыни с 1839 по 1860 год, в конце которого он представился ко Господу, шестьдесят человек¹.

Одаренный от Господа духовным разумом, старец наставлял всех своих учеников словами Священного Писания и отеческих учений, глубоко укоренившихся в чистом его уме и сердце. До самой блаженной кончины своей он старался главным образом поддерживать в братстве заведенное его предшественником, старцем Леонидом, откровение помыслов, от которого проистекает хранение совести, справедливо признавая это делание, как выше сказано, основанием внутреннего благоустройства и порядка, а следовательно, и процветания обители².

Смиренномудрый оптинский настоятель архимандрит Моисей сам первый подавал в этом пример для всего братства. С глубоким уважением и искренней любовью относился он к старцу Макарию, находясь у него в безусловном самопроизвольном послушании, считая каждое слово его законом для себя, будучи в то же время глубоко почитаем и любим и старцем.

Наблюдал также батюшка Макарий, чтобы сохранялись в братстве и наружное благоговение и благоприличие, особенно чтобы младшие братия отдавали должное почтение старшим во исполнение заповеди Господней о почитании родителей, которыми следует считать и вообще всех старших

◀ И у нас, брате,— прибавил он,— кто спасается, не иначе как чрез старчество спасается, ибо нет иного кратчайшего пути ко спасению, как сей. От послушания бо рождается смирение, а сие творит нас сынами Божиими». Так понимают старчество, согласно с учением святых отцов, современные афонские подвижники. И там ни один монастырь не примет инока, самовольно отлучившегося от своего старца без его разрешения. В недавнее время был там следующий случай, который показывает общность взгляда на старчество всей Афонской Горы. Афонский протат назначил некоторого инока в настоятели одной из афонских обителей, не спросив предварительно согласия на это у его старца. Последний протестовал против этого назначения во имя своих духовных прав над восприимчивым сыном, говоря: «Я не признаю его способным занять сие место». И протат, не требуя от старца никаких дальнейших насчет этого объяснений, немедленно отменил свое распоряжение. — *Примеч. авт.*

ближних наших, отцов и братьев, так как внутреннее расположение души согласуется с внешними поступками у не очистивших от страстей сердце свое.

Входя таким образом во все обстоятельства всех братьев, не исключая и настоятеля, старец всемерно старался поддерживать во всех них мир, любовь и единодушие. При удобном случае, по примеру своего предшественника старца Леонида, всем вообще и каждому порознь он напоминал слова Спасителя: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). Конечно, батюшка Макарий разумел здесь любовь чистую, духовную. Ибо всякое страстное движение в учениках своих и ученицах он всячески преследовал, как увидим ниже из рассказов некоторых относившихся к нему монахинь. Так он и писал к одной из своих племянниц: «Любить мы всех обязаны, но чистейшею любовью, успокаивающею нас, а не причиняющею смущение. А иначе будет то, что мы любим тварь паче Творца; тогда как должны любить ближнего ради любви Божией. А ты было увлеклась пристрастною, а не истинною любовью, которую святой Симеон Новый Богослов запрещает в 125-й главе и прочие отцы. Проси Бога, чтобы тебе даровал иметь к ним... равную любовь; а различие и пристрастие от врага, которое укрыться не может, тебя и их беспокоит. Молись Богу и отдай Ему свое сердце; исполняйся к Нему любовью; и с М.П. имей мир. Господь силен сохранить тебя от козней сопротивного. Будь мирна и спокойна»¹.

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письма 197, 96. — Примеч. авт.

Поучая учеников своих соблюдать все заповеди Господни, изложенные в Святом Евангелии, старец Макарий в особенности наставлял их заботиться

о приобретении самоукорения и смирения, носить немощи ближнего и душу свою полагать о брате, доблестно претерпевать случающиеся искушения, то есть оскорбления, поношения, укоризны, досады; а также мужественно претерпевать с благодарением и находящие телесные различные искушения: недомогания, болезни, лютые и горькие временные страдания ради вечного спасения душ своих.

Вследствие таких взаимных отношений между старцем и братьями время старчества батюшки Макария в Оптиной пустыни, в особенности к концу его жизни (1854–1860 годы), по рассказам вышеупомянутого игумена Марка, было поистине блаженным временем, золотым веком для обители по причине установившегося внутреннего строя в среде братства через старческое и именно отеческое влияние старца на внешнюю и внутреннюю жизнь братий, несмотря на видимую их разрозненность по их званию и состоянию. Все это богособранное братство поистине представляло одну родную единомысленную семью, восходящую от силы в силу в отношении иноческого совершенствования. Если же кто из поступавших в обитель начинал отступать от установленных старцами правил, о коих сейчас было сказано, тот уже не мог ужиться среди оптинского единокоренного братства и переходил в другой, по своему вкусу, монастырь. Вспоминая это блаженное время, преемник старца Макария старец Амвросий при личном свидании с игуменом Марком неоднократно говаривал: «За счастье мы должны счесть, что жили при таких великих старцах, каковы были отец

*Оптина пустынь.
Паромная переправа.
Фотография. Начало
XX века. АОП*

архимандрит Моисей, брат его отец игумен Антоний и старец отец Макарий».

О будущности же и значении старчества в Оптиной пустыни батюшка Макарий выражался так: «Старчество в Оптиной пустыни будет более или менее поддерживаться до тех пор, пока откроются в ней мощи». Но чьи мощи — известно только единому Господу.

ГЛАВА 10

Отношения старца Макария, в частности, к некоторым из оптинских братий — скитским и монастырским

Следует сказать, что смиренный и любвеобильный старец батюшка Макарий ко всем братиям, и скитским и монастырским, и старшим и младшим, относился с одинаковой отеческой любовью и попечительностью. Но особенное расположение оказывал он тем из братий, которые проводили более внимательную жизнь. Таких старец отличал от остальных братий. По рассказам старожилов-монахов, оказывал некое предпочтение скитянам перед жившими в монастыре, без сомнения потому, что видел в них более склонности к жизни духовной. Имел еще старец большое расположение к некоторым из преданных ему, но чем-либо немоществовавших духовных чад его. Так сердце матери обычно более бывает склонно к любви и жалости в отношении к малым болезненным своим детям.

*Преподобный Амвросий
(Гренков), старец
Оптинский. Фотогра-
фия. Конец XIX века.
АОП*

Из скитских современных старцу Макарию подвижников известен иеромонах Амвросий, преемник его по старчеству, к которому батюшка Макарий, по словам игумена Марка, относился как к любезнейшему сыну о Христе и своему наперснику. Случалось неоднократно, что старец Макарий по обстоятельствам уезжал куда-либо на время из скита. В таком случае духовное окормление братства поручал он не иному кому, как только главным образом отцу Амвросию. Рассказывал о себе вышеупомянутый игумен Марк: «В Оптину пустынь прибыл я в 1854 году, когда там старчествовал отец Макарий. Объяснив ему причины желания моего поступить в монастырь, я рассказал ему все обстоятельства своей жизни и просил его святого благословения на подвиг иноческий. Благословив меня и указав на келью отца Амвросия, старец сказал: „Идите к нему; вон его келья!“ С тех пор я стал относиться к отцу Амвросию как к старцу». Еще говорил тот же игумен Марк: «Входишь, бывало, в скит, встречаешь старца Макария с кучею писем на его имя; и кучу эту он, бывало, несет тоже к отцу Амвросию». Без сомнения, батюшка Макарий был в полной уверенности, что отец Амвросий по своей опытности духовной сумеет ответить на эти письма и преподать полезный совет нуждающимся, несмотря на то что был в то время еще в средних летах.

«Пришлось мне однажды, — сказывала Белевского женского монастыря монахиня Татиана (Иванова), — пожаловаться батюшке старцу Макарию на батюшку Амвросия. Старец внушительно ответил: „Молчи, молчи! Если бы ты знала, кто будет Амвросий!..“»

Упомянутый отец Марк сетовал однажды по поводу опасения, что с кончиной старца Макария оскудеет в Оптиной пустыни старчество и даже совсем может прекратиться. Утешая его, старец сказал: «Ничего. Лучше меня еще будут». Конечно, имел он при этом в виду своего преемника отца Амвросия, который при слабых своих телесных силах более тридцати лет старчествовал в Оптиной пустыни и слава о котором в свое время разнеслась по всей Православной Руси.

При всем том, следуя словам Священного Писания: *наказуй сына, и возлюбит тя* (ср.: Притч. 29, 17), а также наставлениям святых отцов-подвижников, старец Макарий при удобных случаях поступал с возлюбленным духовным сыном своим отцом Амвросием грозно и взыскательно. Однажды просто без церемонии выгнал его вон из своей кельи за одну немилосердную барыню, которую, впрочем, и сам не принимал долгое время. Бывали неоднократно и другие, подобные этому, случаи.

Немало было в скиту при жизни старца Макария и других подвижников, старых монахов, к которым он имел особое благоволение. Таков, например, был иеромонах Иннокентий (в схиме Иов)¹, духовник самого старца Макария, труженик и любитель безмолвия, в продолжение восемнадцатилетнего пребывания своего в скиту никогда и ни с кем не вступавший в праздные разговоры и вообще устранявшийся бесед. Рядом с ним в особой келье жил болящий монах Макарий (Грузинов)². С этим только болящим монахом отец Иннокентий и имел по вечерам собеседование, и только о духовных предметах. Что днем вычитывал он назидательного из духовных книг, то, бывало, и пересказывал больному отцу Макарию. Как иеромонах и духовник

¹ Иеросхимонах Иов (Владимиров; † 1861). Погребен в скиту.

² Схимонах Макарий (Грузинов; † 05.05.1860). В Оптину пришел вместе со старцем Львом.

старца Макария отец Иннокентий занимал в скиту видное положение, но по своему смирению и любви к ближним сам изъявил желание послужить болящему отцу Макарию вместо келейника и отправлял эту обязанность с великим усердием до самой своей кончины, которая причинила оставшемуся после него больному невыразимую скорбь. Перед самой кончиной, когда отец Иннокентий находился уже в крайнем изнеможении сил, на вопрос одного из старших братий: «Не желаете ли чего, батюшка?» — он, собрав последний остаток сил, ответил с расстановкой: «Желаю... разрешиться... и со Христом бытьи»¹. После чего вскоре и скончался.

¹ Ср.: *Желание имый разрешиться и со Христом быти* (Флп. 1, 23).

² Игумен Варлаам (Давыдов; † 1849). Погребен в скиту.

Еще особенно замечателен был в скиту бывший валаамский игумен Варлаам², уединенник, делатель умной молитвы Иисусовой, изливавший обильные слезы, что доказывали веки его глаз, опухшие и лишенные ресниц, — и притом крайний нестяжатель. У него в келье положительно ничего не было, и дверь кельи никогда не запиралась. По поводу кончины этого подвижника и еще нескольких пожилых оптинских монахов старец Макарий с сожалением так писал к одному лицу: «Жаль старичков, особенно отца Варлаама. Без них как будто пусто. Молодые хороши при старичках».

Из младших же скитских монахов батюшка Макарий особенно был внимателен к получившим хорошее образование в средних или высших учебных заведениях, которые, впрочем, смирялись и были у него в беспрекословном послушании. Из этих можно упомянуть о монахе Ювеналии (впоследствии архиепископе Виленском)³. В миру назывался он Иван Андреевич Половцев. Воспитание получил в Артиллерийском училище и немного

³ Архиепископ Иувеналий (Половцев; † 12.04.1904). Скончался в Вильно.

послужил на военной службе. В марте 1849 года поступил в оптинский скит послушником под окормление старца Макария, пользовавшегося в то время широкой известностью за высокие нравственные качества и святость жизни.

Нелишне, думается, поместить здесь интересный рассказ владыки Ювеналия о первом его пребывании в скиту. «Некоторые родственники, — так передавал он своему племяннику А. В. Половцеву, — уговорили второго брата моего, Александра, поехать ко мне, чтоб извлечь меня из Оптиной пустыни. Он пришел ко мне и говорит: „Брат Михаил проигрался в карты. Но имение его Старая Мойна — это золотое дно. Я продал дом и мог бы уплатить долги брата; но для этого нужно, чтобы в Мойне был честный управляющий, который вел бы там дела года три. Тогда я и получил бы свои деньги обратно, и у брата Михаила осталось бы порядочное состояние“.

Слушая это, я подумал: вот бес выдумал какую штуку, да не удастся. Я сказал, что без благословения старца ни на что не решусь. Мы пошли к отцу Макарию, который принял нас в маленькой комнате, служившей ему приемной. Александр говорил красноречиво о пользе, которую я мог бы принести родным, о необходимости управляющего в Мойне и прочее.

— Да приискивайте, — сказал отец Макарий.

— Мы и нашли вот его, — ответил он, указав на меня.

— Нет. Это вы хотите часть у Бога взять. Этого нельзя. У вас другие братья есть.

И тут старец спросил меня: „Что ж ты, Иван Андреевич, молчишь? Как же ты думаешь об этом?“

*Архиепископ Иувеналий
(Половцев). Фотография.*

*Конец XIX — начало
XX века. АОП*

*Преподобный
Исаакий (Антимонов).
Фотография. Конец
1860-х — начало
1870-х годов. ОР РГБ*

Я не помню буквально, что я отвечал; но смысл был тот, что я отказываюсь. Александр очень огорчился. Игумен Моисей кормил его приличным обедом, занимал его. Условились мы, что я приду к нему в гостиницу после отдыха. Но Александр так был расстроен, что уехал, не дождавшись меня и даже позабыв передать мне переплетный инструмент, который прислала мне маменька».

«Александр Андреевич (присовокупляет автор-племянник), передавая мне неоднократно этот рассказ, сообщал при этом любопытную подробность, касающуюся старца Макария. Раньше, чем повидать брата Ивана, который работал где-то на огороде, Александр Андреевич посидел некоторое время в келье отца Макария, которому сказал только, что приехал повидать брата, не упоминая о действительной цели приезда. К удивлению Александра Андреевича, старец Макарий стал говорить с ним о Луи Блане и о всевозможных событиях, происходивших тогда во Франции. В разговоре с братом Иваном Александр Андреевич спросил потом:

— Разве у вас получают газеты?

— Почему ты думаешь? — возразил Иван Андреевич.

— Да вот, Макарий говорил со мной о самых новейших событиях во Франции.

— Да ты, вероятно, читал газету, когда ехал сюда?

— Читал. Так что же?

— Так старец Макарий говорил тебе то самое, о чем ты думал. Он читал твои мысли. Мы к этому привыкли. Он очень часто не спрашивает тех, кто к нему приходит, зачем они пришли, а прямо говорит — что надо делать, чтобы помочь горю.

Об этом даре старца Макария записан мною со слов архиепископа Ювеналия следующий рассказ: мужик привел к нему своего бесноватого сына, который падал на землю в судорогах. „А ты зачем его проклинал?“ — сказал Макарий без всяких расспросов о болезни. „Да это давно было“, — возразил мужик. „То-то давно“, — ответил отец Макарий» (А. В. Половцев)¹.

Живя немалое время при старце Макарии, отец Ювеналий всегда находился у него в строгом безупречном послушании. Вот для примера один, видимо маловажный, но все-таки характерный случай. Однажды отец Ювеналий у старца в чайной вместе с его келейниками пил чай. Но вот отворяется дверь, показывается старец и зовет: «Ювеналий!» У отца Ювеналия оставалось на блюде немного недопитого чая, может быть глотка на два или на три, но он, нисколько не рассуждая, тотчас оставил свое чаепитие и хотел было уже идти к старцу. Заметив это, старец улыбнулся и велел ему сначала допить свой чай.

Годов через восемь по поступлении в скит отец Ювеналий, возведенный в сан иеромонаха, с другим иеромонахом, отцом Леонидом (Кавелиным), по воле высшего начальства назначен был к отправлению в Палестину в Иерусалимскую миссию. И вот, когда настало время выезжать ему из скита, батюшка Макарий привел его в церковь и велел приложиться к святым иконам, а сам в это время запел своим старческим, но приятным голосом: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...». Ему стал подтягивать скитский бас отец Исаакий². Пение их было так приятно, что до глубины души трогало собравшихся и стоявших здесь скитян, сердца которых и без того

¹ Московские ведомости. 1904. № 120. Выписка из статьи «Страж Православия в Литве». — *Примеч. авт.*

² Преподобный Исаакий (Антимонов; † 1894), схииерхимандрит. Память 22 августа / 4 сентября. В описываемое время монах Исаакий был в скиту певчий, бас, как говорили в то время — октавист.

уже предрасположены были к грустным чувствам по причине разлуки с отделявшимся от родной семьи собратом. После того, прощаясь с отцом Ювеналием, старец сказал: «Здесь мы видимся теперь в последний раз». В Палестине отец Ювеналий вследствие неожиданно встретившихся обстоятельств хотел через год возвратиться назад в оптинский скит и стал просить у батюшки Макария на это благословения, но старец убеждал его еще послужить, сколько достанет у него сил. Потому он пробыл там еще года два. Наконец, по усиленной его просьбе, разрешено было ему старцем возвратиться, но он уже не застал старца в живых.

Еще особенным благоволением старца Макария пользовался из младших скитян вышеупомянутый монах Леонид, ездивший с отцом Ювеналием в Иерусалимскую миссию (впоследствии архимандрит, наместник Троице-Сергиевой лавры)¹. В миру он назывался Лев Александрович Кавелин, происходил от благочестивых и благородных родителей; получил воспитание в кадетском корпусе и служил некоторое время на военной службе, а затем вышел в отставку и поступил в число братства в оптинский скит. Был у Льва Александровича природный недостаток — сильная вспыльчивость. Вследствие этого он и против воли наносил иногда некоторым из братий оскорбления. За это оптинские монахи его не любили. Так, однажды в бытность белевской монахини Татианы (Ивановой), бывшей крепостной господ Кавелиных, в Оптиной пустыни какой-то иеродиакон в разговоре с ней назвал его даже бранным словом «сибирный». Под таким впечатлением и находилась мать Татиана в своем номере в гостинице. Но вот через четверть часа после разговора ее с иеродиакonom входит к ней батюшка Макарий и,

¹ Архимандрит Леонид скончался в 1894 году в Троице-Сергиевой лавре.

обратившись к ней, в обличение ее помысла говорит: «Таня! Так Леонид сибирный? Ну, не конфузья. Вот тебе пряник». Обличил старец, а вместе и утешил.

Впрочем, к чести Льва Александровича должно сказать, что он имел прекрасные душевные качества. Был человек прямодушный, добросердечный и благожелательный. Если иногда кого-либо нечаянно и оскорблял, то немедленно после того шел к оскорбленному и просил у него прощения с земным поклонением. Бывшее имение господ Кавелиных, сельцо Грива, находится верстах в десяти от Оптиной пустыни, и старец Макарий ежегодно туда ездил. Имел он обыкновение, по словам вышеупомянутой матери Татианы, от госпожи Кавелиной, матери отца Леонида, всегда заезжать к ее золовкам, версты за три. Один раз в летнее время пошел он к ним в сопровождении отца Леонида пешком. С ними послан был от Кавелиных слуга, который нес их одежду. После слуга этот рассказывал, что они всю дорогу разговаривали. О чем была их беседа, он не мог слышать, так как ему велено было идти от них поодаль, но лица обоих их в то время были так необыкновенны, что он шел за ними в каком-то страхе. Впоследствии, по свидетельству почившего оптинского настоятеля архимандрита Досифея, вероятно уже незадолго до кончины старца Макария, отец Леонид, будучи в сане иеромонашеском, был некоторое время его духовником.

Эти три лица — иеромонах Амвросий и монахи Ювеналий и Леонид — под непосредственным надзором старца Макария в его келье занимались в свое время изготовлением к печати переведенных

*Архимандрит Леонид
(Кавелин). Портрет.
Конец XIX века.
ЦАК МПДА*

с греческого на славянский язык известным старцем, настоятелем Молдавского Нямецкого монастыря Паисием Величковским, некоторых святоотеческих книг. К этому ученому обществу присоединен был еще один скитский рясофорный монах, Павел Степанович Покровский (впоследствии иеросхимонах Платон). Об этом последнем также нелишним считаем сказать несколько слов.

Павел Степанович — сын священника, окончил курс наук в Тамбовской духовной семинарии, где воспитывался и старец Амвросий, который шел курсом после него. В одно с ним время Павел Степанович был и учителем в Липецком духовном училище. Человек он был умный и хороший латинист¹ и потому был хорошим помощником прочим трудившимся при старце Макарии в книжных занятиях, но только — не в осуждение сказать — был он малодушен и пристрастен к мирским удовольствиям. В особенности, живя в миру, увлекался он скрипкой, на которой играл очень искусно, и картежной игрой, в которой был весьма счастлив. О монашестве же хотя он и думал иногда, но все день за день откладывал. И только холера загнала его в монастырь, почти, можно сказать, поневоле. Потому духовно опытный и любвеобильный старец Макарий, очень хорошо понимавший положение и душевное расположение Павла Степановича, прилагал о нем всевозможное попечение и оказывал ему во многом великую снисходительность. Приехав из мира в Оптину пустынь, Павел Степанович поступил сначала в монастырь, где проходил послушание помощника монастырского письмоводителя; но, проживши тут два года, по благословению старца Макария перешел в скит. Долго он не мог свыкнуться с монастырской жизнью. Не раз

¹ По благословению старца Макария он перевел с латинского на русский язык «Поучения преподобного аввы Исаии», изданные Оптиной пустынью. — *Примеч. авт.*

смущала его мысль даже совсем уйти из монастыря. Потому почти каждый год в летнее время он просился у настоятеля в отпуск на родину для свидания с родными, имея в намерении уйти и уже не возвратиться в монастырь. Но настоятель архимандрит Моисей, муж мудрый и подвижник, несмотря на то что содержал братство в строгости, никому не позволяя ездить на родину без крайней необходимости, всегда отпускал Павла Степановича беспрепятственно, так что некоторые из братий в этом завидовали ему. Причиною такой снисходительности было то, что настоятель видел в Павле Степановиче нерешительность и слабое произволение к иноческой жизни. Так искусный рыболов попавшуюся на удю большую рыбу не вдруг вытаскивает на берег, а дает ей некую ослабу, пока она не обессилеет. Домой Павел Степанович не ездил на лошадях, а всегда ходил пешком. И вот, как только он, бывало, попросится у настоятеля сходить повидаться с родными, настоятель даже одобрял его желание. Скажет, бывало, так: «Да уж, это хорошо, пройтиться, проветриться». Одобрив однажды его желание сходить к родным, настоятель примолвил: «Да уж, кажется, на дорожку нужно дать и горошку». «Какого же это горошку он хочет мне дать?» — подумал Павел Степанович. Но дело скоро разъяснилось. Сходив к своему денежному ящику, отец настоятель вынес два рубля мелкой серебряной монетой — пятачками и, всыпав ему в руку, сказал: «Ну вот, брат, чайку-то с сахарком ты возьмешь отсюда; а на дороге попросишь где поставить самоварчик и заплатишь пятачок».

После каждого из таких странствий Павел Степанович, несмотря на смущавшие его по временам помыслы удалиться из Оптиной пустыни,

возвращался в Оптину, куда влекла его в особенности любовь настоятеля и старца Макария. И если настоятель всегда оказывал ему родственное внимание, как отец сыну, то старец, по справедливости можно сказать, относился к нему как мудрая любящая мать или добрая богобоязненная няня. Он следил за каждым шагом своего духовного сына и знал, когда и что ему посоветовать, ободрить, утешить, когда и взыскать за что-нибудь. Нередко смущали Павла Степановича, как человека даровитого, помыслы поступить в академию для продолжения образования с целью со временем занять высшую иерархическую должность. Но мудрый и благопечительный старец всегда был против этого. Зная неустойчивый характер Павла Степановича, а вместе с тем и волю о нем Божию, он никак не хотел выпустить неоперенного птенца из-под своего крыла, опасаясь вреда для его нравственности¹.

¹ Впоследствии, когда уже старец Макарий давно отошел в жизнь вечную, а Павел Степанович был уже отцом Платоном и, кажется, иеродиаконом, один благодетельный знакомый ему человек, близкий к покойному Московскому митрополиту Филарету, зная еще не остывшее желание отца Платона поступить в академию, довел об этом до сведения митрополита, который дал на это такой ответ: «Пусть он явится ко мне, я ни о чем не стану его спрашивать и вообще экзаменовать, а только посмотрю на него». Но отец Платон трусил и не поехал. Тем и кончились его мечты об академии. — *Примеч. авт.*

Кроме того, долго беспокоили Павла Степановича воспоминания о прежней жизни. И в особенности долго смущала его скрипка. Шел ли он куда, стоял ли в храме Божиим, исполнял ли порученное ему послушание — звучит, бывало, над его ухом эта невыносимая скрипка своими бесконечными магическими переливами. Моцартовские, бетховенские фантазии, польки, мазурки не давали ему покоя. Даже и во сне нередко он отхватывал такие отчаянные пьесы, что, проснувшись, сам удивлялся своему искусству, так как и наяву никогда так мастерски не играл. Между прочим, по неопытности своей считал он все это делом естественным и не слишком беспокоился этими помыслами и представлениями, не вменяя их даже в грех, а потому и старцу не открывал их. «В одно время, — так рассказывал впоследствии отец Платон (бывший Павел Степанович), —

когда я шел к старцу, скрипичная музыка в особенности одолевала меня. Всю дорогу воображением я наигрывал разные увертюры, вариации и т. п. Когда же вошел в келью к батюшке, он, как старец прозорливый, встретил меня такими словами: „Что ты все играешь? Какие там польки, вальсы, мазурки? А по-нашему вот как...“ И так как старец в миру сам был скрипач, то начал тут же руками представлять игру на скрипке, копируя Павла Степановича и вместе с тем приговаривая: „Барыня, барыня...“ Старец действовал руками с проворством и искусством артиста и принял такую позу отчаянного скрипичного игрока, что Павел Степанович, удивленный этим явлением, рассмеялся и совершенно растерялся. „Вот как по-нашему! — прибавил батюшка, живо выпрямившись и приняв обычное свое, но веселое положение. — А то что там по-французски... завывает, завывает“. «Рассмешив меня этим до крайности, — говорил отец Платон, — и вполне утешив, батюшка меня отпустил. Но в то самое время мне и в ум не пришло, для чего старец это сделал; а после, когда уже я ушел от него, сообразил, что этим батюшка обличил мое внутреннее недугование. А что еще удивительнее для меня было, так это то, что вот уже более десяти лет живу я в скиту — и прежние скрипичные грезы уже не беспокоят меня». Нелишне заметить, что описанный случай, пожалуй, некоторым покажется несвойственным строгому подвижнику и соблазнительным; но святая жизнь старца Макария всех и каждого уверяла, что он стяжал сердце чистое, исполненное благодати Святого Духа и потому всегда говорил и действовал безошибочно, по потребности каждого для его душевной пользы.

Остывшая таким образом у отца Платона любовь к светской инструментальной музыке теперь с силой

¹ Партесное пение — многоголосное хоровое пение.

стала проявляться у него к нотному партесному¹ духовному пению, нередко в итальянском вкусе. Он и сам пел на клиросе, и другими в качестве регента руководил до последних дней своей жизни. Но так как голосок у него был очень легонький басок, а певцов в скиту было мало, притом же поначалу он поставлен был на левый клирос, то пение его долго не ладилося. Начнет что-нибудь партесное — кто недоносит, кто переносит, а то и совсем собьются, и только, бывало, одно горе и служащим, и молящимся, и самим поющим. Случалось даже, что некоторые из служивших иеромонахов жаловались на него старцу Макарию, что во время служения смущались от его пения. Но так как отец Платон всегда после неудачного пения спешил к старцу с повинной головой, смиренно испрашивая прощения в неудаче, то старец, от всех искавший главным образом смирения и любивший смиравшихся, всегда защищал его от нападения других и самого его ободрял, говоря: «Ничего, ничего, пропели по-скитски». Бывали и такие случаи. Достанет отец Платон откуда-нибудь новенькую пьеску, затем увидит где-нибудь в скиту идущего по дорожке старца, подойдет, начнет ему показывать ее и просить благословения пропеть ее в церкви. Старец с обычной снисходительностью остановится. Станут оба тут же на дорожке пробовать, гудят, как пчелки, своими тихонькими голосками и оба размахивают руками — меру дают. Картина! Если же отец Платон (в то время еще Павел Степанович) начнет иногда задумываться и смущаться, то сам старец при случае сунет ему в руку новенькую партитурку и скажет: «Павел, Павел! На-ко вот, распиши, разучи к празднику». Берет Павел, расписывает, разучивает. Впоследствии при

воспоминании об этом отец Платон говаривал: «Вот, бывало, мне и работа на целую неделю, и развлечение». Так, с помощью Божией, при участии благостного старца мало-помалу и свикался малодушный послушник с монастырскою жизнью.

Был особенно замечательный случай, о котором так передавал отец Платон: «Пришел я однажды к батюшке испросить у него благословение пропеть в церкви вместо причастного стиха вновь расположенный по нотам догматик шестого гласа: „Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево“. Батюшка в это время сидел в своей келье один за письмами. На мою просьбу он, положив на стол перо, начал рассматривать принесенные мною ноты. Наконец, послушав от меня напев догматика и, без сомнения, желая преподать надлежащее понятие о пении церковном, и притом разумном, он сказал мне: „Ну что ты считаешь все новое партесное? Ну что в нем особенного? Как его можно сравнить с нашим церковным пением? Мы вот как этот догматик певали“. И старец запел его по церковному напеву. Строго церковное его нотное пение проникнуто было самым искренним чувством вполне понимаемого им песнопения. Он воспевал Небесную Царицу Деву, как бы стоя пред Нею и созерцая славу Ее. Я забыл свои ноты и с изумлением глядел на поющего старца и не мог надивиться: как это у такого маститого старца, строгого подвижника, мудрого учителя, такое детски нежное чувство, такая пламенная, младенчески верующая любовь к Божией Матери! Батюшка чем дальше пел, тем глубже проникался чувством песнопения. Голос его уже начал дрожать. И лишь только пропел он: „...быв Человек нас ради“, пение его прервалось. Слезы полились у него ручьем. Склонив голову, он плакал сильнее и сильнее

и наконец зарыдал, как дитя, оторванное от любящей его матери — единственного утешения. Долго стоял я, изумленный таким явлением. Прошло с полчаса, а рыдания батюшки не прекращались. Вместе с тем виделось в нем такое глубокое чувство смирения и пламенеющей любви к Господу и Пречистой Богоматери, что мне даже стало стыдно и смотреть на него. Так я и не дождался конца рыдания старца и, глубоко растроганный, пошел со своими нотами к себе в келью».

Не всегда, впрочем, старец Макарий гладил по головке своего духовного сынка. Бывало и наоборот. Оптинский скит, как выше сказано, и снаружи окружен деревьями громадной величины, и внутри засажен разными плодовыми деревьями, ягодными кустарниками и множеством разнородных и разнообразных цветов, так что все здания его в летнее время утопают в зелени и цветах. А известно, что роскошная растительность — излюбленное место для птичек. Здесь порхают и чирикают разных пород мелкие пташки. Но из всех них выделяются, как и всегда выделялись, своим приятным пением соловьи. Любили (да и теперь, вероятно, любят) некоторые из монахов в вечернюю летнюю прохладу послушать этих пернатых певцов. Но вот несчастье: соловьи мало-помалу стали исчезать. Причиной же сего оказались кошки, которые усердно ловили их для своей потребности, не различая соловьев от мышей. Между прочим, старец Макарий любил держать в своих кельях кошек, как полезных домашних зверьков, способных истреблять известных вредных грызунов, только отнюдь не любил ласкать их. Павел Степанович, как любитель соловьиного пения, возревновал против этих неразборчивых истребителей. В досаде на них и, вероятно,

надеясь на обычную снисходительность старца, он пришел к нему и бесцеремонно начал говорить: «Благословите, батюшка, побить кошек». Озадаченный такой неожиданной просьбой и видя в просителе настойчивость и несмиренное расположение духа (что в монашестве считается нетерпимым злом), старец со своей стороны спрашивает: «За что же, за что их побить?» — «Да как же, — отвечает тот, — они всех соловьев поели». — «Ну так что ж? — продолжал старец. — Это их естественное свойство». Да как затопчет ногами, зашумит на Павла Степановича: «Ах ты, сякой-такой! Ишь затеял что!» Павел Степанович повернулся было к двери уходить, как старец начал поддавать ему подзатыльники. И стучит, и шумит, и под затылок поддает. Хотел было Павел Степанович поскорее выбежать вон, но так растерялся, что ощупывает руками дверь и никак не может ее найти; а старец продолжает штурмовать. Наконец он кое-как выбрался на дорожку и от сильного огорчения тут же дал себе слово непременно хоть куда-нибудь уйти из Оптиной пустыни, говоря, что тут каторжная жизнь. Сложившись с таким помыслом, он уже и от старца отшатнулся: дня два или три ходит мимо старца, не кланяется ему, ни под благословение не подходит и даже не смотрит на него. Видит старец, что Павел огорчился до крайности. Пришел как-то сам к его келье и сотворил по обычаю монастырскому молитву. Послышалось внутри кельи ответное «Аминь». «Благослови, брате, войти», — сказал старец. Был ответ: «Бог благословит». Вошел старец, помолился на святые иконы и затем с краткою речью обратился к Павлу Степановичу: «Павел, Павел! Ты обиделся на меня? Обиделся? Ну, прости меня». И вдруг кланяется ему в ноги.

При воспоминании об этом отец Платон рассказывал: «Это глубочайшее смирение великого старца, имя которого в свое время славно было не только по всей России, но и за пределами ее, поразило меня до глубины души. Весь в слезах, мгновенно и сам я бросился к старцу в ноги, прося простить меня, малодушного, неразумного грешника. А любвеобильный старец тихо продолжал свою речь: „Что же ты уж и от меня-то ничего не хочешь понести? И если от меня не терпишь, то от кого же можешь потерпеть что-либо?“ Далее старец говорил о том, что терпеть скорби необходимо, что необходимы нам душевные потрясения для нашего же спасения. Так поучив меня, он удалился из моей кельи. Обуреваемый доселе разными сопротивными помыслами, я почувствовал в душе невозмутимый мир и тишину. И после такого случая, — прибавлял отец Платон, — еще более, бывало, полюбишь старца, а о выходе из обители и забудешь совершенно». Впрочем, это едва ли не единственный был случай во все время пребывания отца Платона в скиту при старце Макарии в продолжение лет десяти. Вообще же старец всегда относился к нему с любовью и снисходительностью.

Из монастырских же братий, которых старец Макарий отличал от других, минуя настоятеля обители игумена Моисея, к которому он питал великую любовь и уважение как к доблестному правителю иночествующими братиями, можно указать прежде всего на родного брата настоятеля, игумена Антония, с 1853 года жившего в Оптиной пустыни на покое. Старец также относился к нему с великим уважением и любовью как к мужу, исполненному мудрости духовной и великому подвижнику¹.

¹ Оба брата, отец Моисей в сане архимандрита и игумен Антоний, похоронены вместе в храме в честь Казанской иконы Божией Матери возле южной стены за клиросом. О них составлены особые жизнеописания, имеющиеся в Оптиной пустыни. — *Примеч. авт.*

Затем, особенной любовью старца Макария пользовался иеромонах Пимен. По происхождению он был малоросс; в обители прожил сорок девять годов, а всех от роду семьдесят шесть. Он так был кроток и смирен, что старец Макарий называл его ангелом во плоти. Кто бы ни сделал ему в чем-либо замечание, он не имел обыкновения оправдываться, а, сложив крестообразно на груди руки, у всех просил прощения. Уже будучи в иеромонашеском сане, если где-либо, даже и при народе, встречался со своим духовным отцом, хотя бы младшим его по летам², всегда кланялся ему в ноги и наравне с простым народом принимал от него благословение, как от архиерея. Был великий подвижник, постник и, по замечанию современных ему монахов, на койку спать не ложился. Об этом можно было заключать из того, что койка его всегда была завалена грудой разных вещей. Тут лежали в беспорядке и книги, и белье, и еще разные разности, которые, как видно было, никогда не убирались. А потому монахи в свое время говорили, что отец Пимен, без сомнения, предавался краткому сну, сидя на стуле. Ко всем службам церковным ходил он неупустительно и очень любил часто служить Божественную литургию, говоря: «Я этим живу». Последние двадцать лет жизни он был духовником и проходил эту обязанность с великим усердием. Случалось нередко, иного исповедника держал на исповеди час и даже более, подробно расспрашивая обо всех обстоятельствах его жизни, во всем сочувствуя ему и наставляя его на путь добра и благочестия. Многие крестьянки-богомолки так любили его за такое его участливое отношение к ним, что, когда он скончался, придут,

² Последним духовником отца Пимена был скитоначальник иеромонах отец Анатолий, много моложе его и по поступлению в монастырь. — *Примеч. авт.*

*Преподобный Антоний
Оптинский. Портрет.
Художник иеромонах
Гавриил (Спасский) (?).
Середина XIX века.
ОР РГБ*

¹ Иеросхимонах Пимен (Петр Яковлевич Пашенков; † 01.09.1881), погребен с южной стороны Введенского собора.

Иеросхимонах Пимен (Пашенков). Фотография. Конец XIX века. ЦАК МПДА

бывало, в Оптину, упадут на его могилку и плачут. Во все время своего духовничества, пока позволяли ему силы, каждый день, отслушав утреню, он выходил перед Царскими вратами и сначала прочитывал молитвы к исповеди для тех богомольцев, которые днем должны были исповедоваться, а затем для готовившихся уже к причастию Святых Таин на литургии сам прочитывал правило ко Святому Причащению. Если кто-либо из исповедников почему-либо несколько опаздывал к правилу, отец Пимен, уже прочитав несколько молитвословий, тотчас прекращал чтение и начинал читать правило сначала, хотя некоторые из нетерпеливых и недовольны были им за это. Перед самой кончиной отец

Пимен принял постриг в схиму¹. По некоторым признакам можно было думать, что он имел от Господа дар прозорливости.

Еще старец Макарий особенно чтит в монастыре схимника отца Карпа, слепого, считая его великим подвижником. Об этом слепце предместник старца Макария старец отец Леонид (в схиме Лев) отзывался так: «Отец Карп хотя слеп, но видит свет». В свою очередь и отец Карп, как и другие выдававшиеся в то время в монастыре подвижники, относился к старцу Макарию с великим благоговением и сыновней любовью. Живший в скиту на покое вышеупомянутый игумен Варлаам надумал однажды полюбопытствовать, как отец Карп относился к своей слепоте. «Отец Карп! — сказал он. — Хорошо бы тебе съездить в Москву к докторам. Говорят, что там доктора стали так искусны, что и слепых делают зрячими». Услышав это, отец Карп как будто испугался и с тревогой душевной заговорил: «На что?

На что мне зрение? Я слепотой спасаюсь!» Оказалось, что смиренный слепец не только не тяготился своей слепотой, но и не желал иметь очи телесные, дабы не видеть растлевающей суеты и соблазнов мира².

Из младших монастырских братий пользовался особенным вниманием старца Макария юный послушник Феодор Попов (впоследствии настоятель Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря Калужской епархии игумен Феодосий). Родом он был из города Балашова Саратовской губернии. Замечательно было его поступление в Оптину пустынь. Пришел он в монастырь пешком, в юных летах и с поддельным годовым паспортом, так как по ревности к иноческой жизни ушел из дома тайно, вопреки воле своих родителей. В монастыре, как и в находящемся недалеко от него скиту, отправлялось в это время бдение. Феодору нужно было видеть старца Макария, для чего он и пришел в скит. Когда же доложили старцу о его приходе, что, дескать, какой-то странник желает его видеть и поговорить с ним, старец, никогда не знавший и не видевший пришельца, сказал: «Да это Феодор пришел». И велел своему келейнику отвести его в трапезную, накормить и уложить спать. Феодор, однако, по желанию своему, несмотря на усталость от пути, достоял до конца бдения и просил старцева келейника отца Иродиона разбудить его к обедне, которая в скиту прежде, как и теперь, начиналась в шесть часов. Старец же не велел будить. Усталый путник, как можно было ожидать, уснул мертвецким сном и проспал литургию. Утром тот же отец Иродион пришел в трапезную, разбудил Феодора и сказал, что батюшка Макарий прислал за ним, чтобы шел к нему чай пить. Огорченный своей

² Схимонах Карп (Алексеев; † 13.03.1866), погребен между Введенским и Казанским храмами.

неисправностью, Феодор, однако, по зову старца немедленно пришел к нему. «Когда я вошел в переднюю старца, — так рассказывал впоследствии отец Феодосий, — и увидел его тут сидевшим в простом белом худом балахончике с четками в руках и поклонился ему до земли, он, благословляя меня, сказал, улыбаясь: „Что, проспал?“ — „Простите, батюшка, — ответил я, — проспал“. — „Что ж, приятен был сон для тебя?“ — „Да, я всю ночь не просыпался; крепко спал“. — „А что ж, поблагодарил Господа за приятный и здравый сон?“ — „Нет, батюшка“. — „Так иди же вот с келейным отцом Иродионом и пейте там вместе с отцом Амвросием чай, а напившись чаю, положи тогда в келье пятьдесят земных поклонов и поблагодари благого Господа за приятный и здравый сон. Знаешь ли, кому дает благий Господь приятный сон?“ — „Не знаю, батюшка“. — „Он дает такой сон любящим Его: *аще же поспиши, сладостно поспиши* (Притч. 3, 24)“». Угостивши странника чаем, старец велел отцу Амвросию, бывшему в то время иеродиаконем, взять его к себе в келью, а через три дня сам старец отвел его в монастырь к игумену Моисею. Тут в настоятельских кельях Феодор в первый раз увидел знаменитого оптинского настоятеля, поклонился ему в ноги и принял от него благословение. А старец Макарий, обратившись к игумену, сказал: «Вот, батюшка отец игумен, я привел вам нового подвижника Феодора; он желает поступить в монастырь для испытания себя в иноческой жизни: благословите его принять?» — «Благословен Господь, посылая к нам рабов Своих!» — последовал ответ игумена. И тут же новый подвижник обоими старцами одет был в смиренный заплатанный монастырский подрясник, и ему определена была так же смиренная

убогая келья. «Со слезами бросился я к ногам старцев, — рассказывал потом отец Феодосий, — облобызал их в восторге радости, что меня приняли в обитель, и, поцеловав затем благословляющие их руки, пошел за игуменским келейником и водворился в назначенной мне келье».

Только год прожил Феодор в Оптиной пустыни. Долее он не мог здесь оставаться, так как закончился срок его поддельного паспорта и ему нужно было уведомить о своем местопребывании своих родителей, которые и потребовали, чтобы он немедленно возвратился к ним. После этого он, по обстоятельствам, надолго оставался в миру и наконец поступил в монастырь в другой раз, уже окончательно, и через несколько лет иноческой жизни, с именем Феодосия, настоятельствовав немалое время¹.

Еще из младших монастырских братий пользовался особенным благоволением старца Макария послушник Алексей Зерцалов (впоследствии скитоначальник, братский духовник и старец иеросхимонах Анатолий)². По временам батюшка Макарий называл его нежным именем Алешенька. Впрочем, благоволение это не выходило у старца за пределы скромности и даже строгости. Будучи сам, как замечено выше, воплощенным смирением, старец и всех учеников своих более всего оберегал от пагубного увлечения людскими похвалами и от возношения. Того же искал он и требовал от любимого своего Алешеньки. Летом 1856 года посетил Оптину пустынь полагавший в ней начало иноческой жизни настоятель Сергиевой пустыни Петроградской губернии архимандрит, впоследствии известный епископ, Игнатий (Брянчанинов)³. Ему отведены были

Игумен Феодосий (Попов). Фрагмент групповой фотографии. Весна 1903 года. АОП

¹ Игумен Феодосий родился в 1824 году, скончался в 1903 году 20 октября в оптинском скиту, где и похоронен. — *Примеч. авт.*

² Скончался в 1894 году в ночь на 25 января. — *Примеч. авт.*

Преподобный Анатолий (Зерцалов). Память 25 января / 7 февраля.

³ Святитель Игнатий (Брянчанинов; † 1867), епископ Кавказский. Память 30 апреля / 13 мая.

кельи в одном корпусе с послушником Алексеем. Однажды этот почетный гость и пригласил к себе брата Алексея на чай, за которым очень и очень расхваливал его, называя его Иосифом Прекрасным и приписывая ему большие достоинства. Молодой послушник по неопытности в жизни духовной увлекся этими похвалами и, весьма ими утешенный, выйдя от архимандрита, тотчас отправился в скит сообщить батюшке Макарию свою великую радость. «На полдороге, — так сказывал сам отец Анатолий, — встречается меня батюшка, спереди и сзади окруженный множеством разного люда — монахинь, знатных женщин и крестьян обоего пола. Увидев меня очень веселого, и он с веселым видом встречает меня ласковыми словами: „Алешенька, Алешенька! Куда идешь?“ — „К Вам, батюшка, — ответил я. — Я сейчас от петербургского архимандрита. Что он мне сказал, батюшка! Что я точно Иосиф Прекрасный, что он рад видеть меня и очень утешается мной...“ Не успел еще я окончить свой рас-

*Преподобный Анатолий
(Зерцалов), старец
Оптинский. Фотогра-
фия. Конец XIX века.
ЦАК МПДА*

сказ, как батюшка отскочит от меня и, переменяв вид и тон речи, как топнет ногой. „Как? — вскрикнул он грозно. — Ты такой-то!.. Так вот ты какой!.. Такой-то ты...“ А сам в нападательной позе все ближе и ближе ко мне подходит: „Да как же ты смеешь так думать? А? Как смеешь?“ Поднял затем батюшка свою палку (и палка-то на этот раз была у него не обычная черненькая, а какая-то длинная желтая) да прямо на меня и замахнулся ею во весь размах. Сопровождавшие старца отскочили вдаль и, стоя от меня шагах в тридцати, с ужасом смотрели на меня, как на великого преступника. А батюшка все продолжал во весь размах замахиваться на меня

палкою. Того и гляжу — разобьет мне голову. Я же и сам не понимал, что со мной творилось... Затем, обратившись к стоявшим поодаль зрителям, батюшка сказал: „Смотрите-ко, какой большой!.. (Брат был высокого роста). У! Какой большой! Экой!.. Ну-ко, ну-ко, давай смеряем...“ И начал меня мерить своею палкою. Зрители при этом успокоились, видя, что преступник я не уголовный, но мне было от сего не легче, а им трудно было удерживаться от смеха. Измерив меня таким образом спереди и сзади, батюшка наконец подошел ко мне близко и начал тихо и убедительно, истинно отечески увещевать меня, а вместе, по обычаю, и смирять: „Ну не дурак ли ты? Ведь он (архимандрит) — вельможа петербургский. Он день и ночь со знатью, да с какою знатью-то! Там похвала необходима. Он привык хвалить. А ты уж и в самом деле думал, что ты великий человек. Ты длинный человек — вот и все тут. Плюнь. Забудь все это. Ступай. Бог тебя благословит! Поди, скажи отцу Амвросию, как я тебя пробрал“. И я поплелся скромненько в скит к отцу Амвросию облегчить свою душу жалобою на поражение меня за возношение».

Брат этот однажды выразил старцу Макарию желание перейти из монастыря в скит, чтобы жить поближе к дорогому батюшке. Старец только сказал: «Будешь и в скиту жить». Предсказание это исполнилось лет через пятнадцать или, может быть, и более. В 1873 году, по кончине скитона начальника иеросхимонаха Илариона, когда брат Алексей был уже почтенным иеромонахом Анатолием и благочинным монастыря, он переведен был монастырским начальством в скит на должность начальника скита.

Через такие-то грозные проборки, всегда, впрочем, своевременные и всегда оканчивавшиеся

отеческой снисходительностью и вразумлением старца Макария, воспитывались и возрастали в жизни духовной многие достойные мужи, как то: преемник его по старчеству известный старец Амвросий, скитона начальники иеросхимонахи Иларион и Анатолий, духовники мирских посетителей Оптиной пустыни и некоторое время старца Амвросия иеросхимонахи Пимен и Платон, затем монах Ювеналий, достигший архиепископского сана, архимандрит Леонид — наместник Троице-Сергиевой лавры, архимандриты Исаакий и Досифей — настоятели Оптиной пустыни, архимандрит Моисей — настоятель Тихоновой Калужской пустыни, архимандрит Пафнутий — настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря и предместник его архимандрит Никодим¹, игумен Марк — настоятель Мещовского Георгиевского монастыря, игумен Феодосий — настоятель Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря, на которого старец Макарий также имел немалое влияние. А сколько еще воспитано было им монахов-подвижников, скромно живших и почивших в обители, имена которых оставались неведомы для мира! Сколько монахинь в разных женских обителях, между которыми были и достойные настоятельницы монастырей, и опытные в жизни духовной старицы — руководительницы дев, уневестивших себя Христу!

¹ Архимандрит Моисей (Красильников; † 04.11.1895); схиархимандрит Пафнутий (Осмоловский; † 23.06.1891); схиархимандрит Николай, в монашестве Никодим (Демутъе; † 07.02.1864).

ГЛАВА 11

Старец Макарий — продолжатель литературных трудов молдавского старца Паисия Величковского по изданию в свет святоотеческих писаний

Упомянув в предыдущей главе о некоторых скитских монахах, получивших в свое время хорошее школьное образование, которые под непосредственным надзором блаженной памяти старца Макария занимались подготовкой к печати рукописей известного великого старца Паисия Величковского, уместно здесь будет поговорить и о самих этих книжных занятиях, так как они имеют свою небезынтересную историю. Выше мы видели, что старец Макарий, живя еще в Площанской пустыни около своего старца схимника отца Афанасия, ученика Паисия, нашел у него верные копии со всех переводов святоотеческих книг старца Паисия, как вновь сделанных, так и исправленных

сим последним, и что списывание их долго было любимым его келейным занятием. Таким образом, в келейной библиотеке старца Макария давно уже обретались верные копии: а) с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний преподобных отцов Макария Великого, Иоанна Лествичника и Варсануфия и Иоанна и б) с переведенных им самим книг преподобных: Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, Феодора Студита с новогреческого языка, житие Григория Синаита, слова Григория Паламы и некоторые другие творения святых отцов-подвижников. Всеми этими сокровищами духовного разума старец Макарий всегда как сам пользовался, так и независимо делился ими со всеми, искренно желавшими и искавшими духовного назидания и спасения, вовсе не смея, по собственному его признанию, помышлять об издании их в свет. Он был доволен и всегда благодарил Бога и за то, что удостоил его стяжать такие сокровища — одни собственными трудами, то есть перепиской, а другие — как воздаяние за сыновнюю его любовь к старцу Афанасию по кончине того.

Прилежное чтение и изучение отцом Макарием этих святоотеческих писаний, а также и собеседования о духовной жизни с духовно опытными мужами при строго внимательной, смиренной жизни были причиной того, что всеблагий Господь, видя его благую ревность ко спасению и чистоту сердца, просветил ум его к ведению Божественных и святоотеческих писаний. Когда же отец Макарий перешел в оптинский скит и подвизался в сообществе со старцем Леонидом, который был учеником схимонаха Феодора, также близкого ученика Паисия, он еще более преуспел в этом ведении.

И таким образом Господь приуготовил его быть продолжателем начатых старцем Паисием книжных трудов.

Следует принять во внимание еще и то, что в настоятеле Оптиной пустыни игумене Моисее и в родном его брате игумене Антонии, который до конца 1839 года был начальником оптинского скита, занятие отца Макария чтением и изучением святоотеческих писаний встретило самых достойных ценителей и пособников, ибо и сами они, будучи благими ветвями благого корня, еще задолго до вступления в Оптину пустынь в 1821 году проводили безмолвную уединенную жизнь под руководством старцев духовной жизни, подвизавшихся в Рославльских лесах Смоленской губернии. Пребывая здесь, оба брата главным занятием своим в свободное от молитвы время имели поучение в святоотеческих писаниях, для чего и переписывали переводы старца Паисия с рукописей, бывших у одного из рославльских пустынножителей — иеросхимонаха Афанасия¹.

Итак, по особому устройению и промыслению всеблагого Господа, в то время, когда Ему благоугодно было послать способы и указать благоприятное время для издания на общую пользу остававшихся более пятидесяти лет под спудом духовных сокровищ — письменных трудов блаженного старца Паисия, в Оптиной пустыни появились способные к тому люди и обрелись самые верные списки с Паисиевых рукописей. В их числе было даже несколько рукописей первоначальной редакции, принадлежавших самому старцу Паисию, переписанных по его благословению с черновых тетрадей ближайшими его учениками, исправленных и подписанных его собственной рукой. Такова, например,

¹ Иеросхимонах Афанасий (Степанов; † 1844). В начале 1800-х годов несколько лет был духовником Оптиной пустыни. Скончался в Свенском монастыре Орловской епархии.

¹ Судьба этой рукописи особенно замечательна.

Писана она была полууставом на белой лощеной бумаге в лист, более половины — близким учеником старца Паисия схимонахом Феодором, а закончена другом его и сожителем в молдавских и русских обителях схимонахом Николаем. Затем рукопись эта прислана была старцем Паисием Петербургскому митрополиту Гавриилу с таким в предисловии (после посвящения) собственноручным подписанием: «Трудивыйся в переводе сем Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдо-Влахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский родимец Полтавский». По кончине же митрополита Гавриила в 1801 году неизвестно как рукопись перешла в частные руки какого-то барышника и привезена была им на продажу в Валаамский монастырь, так как дошел до него слух, что там живут старцы духовной жизни, которые, верно, купят ее за дорогую цену. Таким образом книга дошла и до рук, писавших ее, — схимонаха Феодора, жившего в то время на Валааме. Можно себе представить радость, а вместе с тем и удивление отца Феодора по случаю обретения, в особенности для него, столь драгоценной рукописи, которую он не надеялся не только иметь, но и когда-либо видеть. Господь, ▼

▼ Продолжение на с. 192

рукопись слов великого учителя внутренней жизни святого Исаака Сирина¹.

Печатание Оптиной пустынью книг духовных началось с 1845 года с малых размеров и как бы случайно. В этом деле принимали живое участие близкие к старцу Макарию почитатели его господ Киреевские — известный христианский философ и в свое время редактор московского научно-литературного журнала «Москвитянин» Иван Васильевич и супруга его Наталья Петровна, которая поначалу и возбудила это дело². Еще с 1838 года она была духовной дочерью старца Макария. Через нее-то Иван Васильевич сначала и предложил ему, не благоугодно ли тому будет в издававшемся им журнале помещать статьи духовного содержания. Старец ответил на это предложение благодарением, уведомив Ивана Васильевича, что если это возможно и удобно, то он предлагает поместить в журнале его «Жизнь старца Паисия Величковского». Если же это будет почему-либо неудобно, то он пошлет статью в журнал «Маяк», издававшийся в свое время известным Бурачком³. Разделяя мнение старца Макария об услугах, оказанных блаженным старцем Паисием всему православному иночеству и славянской литературе утверждением в ней аскетической терминологии, Иван Васильевич с удовольствием согласился на предложение старца украсить этой статьей страницы издававшегося им журнала. Статья эта на славянском наречии и была напечатана в двенадцатой книге «Москвитянина» за 1845 год и украшена портретом старца Паисия.

В следующем, 1846-м, году старец Макарий при посещении им господ Киреевских в их имении — селе Долбине (Белевского уезда Тульской губернии),

отстоящем от Оптиной пустыни в сорока верстах, в радушной и искренней беседе с гостеприимными хозяевами, говоря о разных духовных предметах, коснулся и недостатка духовных книг, руководствующих ревнителей благочестия в деятельной христианской жизни. В заключение беседы он упомянул, что у него есть довольно рукописей творений святых отцов перевода старца Паисия, исполненных духовного разума и пользы.

Оказалось при этом, что и у Натальи Петровны, которая прежде была духовной дочерью старца иеромонаха Московского Новоспасского монастыря Филарета⁴, сохранилось также несколько подобных рукописей, доставшихся ей в наследство от блаженного старца. У Ивана Васильевича и его супруги и возник по этому поводу вопрос: «Что мешает явить миру эти духовные сокровища?» Смиренный старец по своему обычаю отвечал, что он считает себя к тому неспособным, никогда этим не занимался и не дерзает просить кого-либо о печатании рукописей, что, видно, на это еще нет воли Божией и т.п. Иван Васильевич и Наталья Петровна сказали, что попробуют попросить об этом Московского владыку митрополита Филарета⁵. Если не будет удачи, то и они уже готовы будут согласиться, что нет воли Божией на это благое дело. И так как предполагалось прежде всего напечатать отдельной книгой «Жизнь старца Паисия с его творениями», то положено было тогда же на общем совете написать хотя бы краткое к книге предисловие. Принесена была бумага с прочими для этого принадлежностями. Помолились Богу, и хозяева оставили старца одного в комнате. Через час он позвал их к себе. Первая написанная старцем страница была прочтена. Киреевские, лично и близко знавшие старца

² Киреевский Иван Васильевич († 1856) — русский философ, публицист, литературный критик, славянофил. Внес большой вклад в оптинское книгоиздательство, при помощи супруги Натальи Петровны († 1900) и родного брата Петра Васильевича († 1856). Все они погребены в Оптиной пустыни.

³ Бурачек Степан Анигимович (1800–1877) — публицист, критик, прозаик, издатель; кораблестроитель. В 1840–1845 годах издатель журнала «Маяк современного просвещения и образованности».

⁴ Иеромонах Филарет, в схиме Феодор (Пуляшкин; † 1842), опытный духовник, строгий подвижник.

⁵ Митрополит Филарет скончался в 1867 году 19 ноября и погребен в Троице-Сергиевой лавре. — *Примеч. авт.*

▲ Начало на с. 190

устроивший столь чудесное обретение рукописи, даровал смиренному и убогому старцу и средство возвратить оную из рук барышника. Это случилось между 1811 и 1817 годами. Отец Феодор чрезвычайно дорожил изгibшим и столь нечаянно обретенным сокровищем. Вообще старец этот так любил писания святого Исаака Сирина, что во время постигавших его лютых скорбей, гонимый злобою и завистию, будучи вынуждаем неоднократно переходить из монастыря в монастырь, уносил с собой только одну эту книгу святого Исаака. После блаженной кончины старца Феодора в 1821 году книга эта досталась любимому его ученику и спутнику во время всей его скорбной жизни по выходе из Молдавии — иеромонаху Леониду (в схиме Льву). Отец Леонид еще при жизни своей подарил ее своему ученику схимонаху Антиоху, по кончине которого она перешла к другому ученику старца Леонида, жившему тогда в Александроневской лавре, монаху Иоанникию (в схиме Леониду). А он подарил ее благодетельнице Калужской Тихоновой пустыни, где и сам он проживал долгое время, духовной дочери старца Леонида старице Е. Т. Л-ой, а от нее книга эта в 1849 году перешла к иеромонаху той же обители отцу Ефрему, бывшему также учеником старца ►

► Окончание на с. 193

Филарета Новоспасского, присоединили к этому сведения о его жизни. Старец Макарий взял написанный ими листок с собой, чтобы показать своему настоятелю игумену Моисею. Отец игумен, со своей стороны, присоединил рассказ о старце жизни духовной, арзамасском архимандрите Александре¹. Потом и начали, в надежде на успех предпринимаемого дела, переписывать имевшиеся в рукописях у старца Макария и у госпожи Киреевской писания старца Паисия с целью подготовить их к печати. Между тем Киреевские написали в Москву профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву просьбу, чтобы он испросил от их имени благословение у владыки митрополита на печатание переводов старца Паисия. Владыка столько был милостив, что вместе с благословением обещал и свое покровительство этому благому делу. Переписанные набело, на первый раз потребные рукописи посланы были в цензуру к профессору Московской академии Феодору Александровичу Голубинскому. И до приезда господ Киреевских в Москву в сентябре 1846 года уже напечатано было Шевыревым восемь листов жизни и писаний старца Паисия. Книга эта, также на славянском наречии, вышла в свет в начале 1847 года под названием «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского (с портретом старца)», с прибавлением к напечатанному в «Москвитянине»: а) предисловия, заключающего в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых современных ему старцев духовной жизни, живших в России, с которыми он был в духовном единомысленном общении, и б) всех известных писаний старца Паисия. При этом первом издании напечатано было отдельной

брошюрой письмо старца Паисия к бывшей начальнице Арзамасской Алексеевской женской общины Марье Петровне Протасьевой. И тогда же пятьдесят экземпляров этой брошюры препровождены были в дар этой общине. Таково было малое начало святого дела, продолжавшегося почти до самой кончины старца Макария, — дела, на которое старец взирал очами веры, называя его всегда делом Божиим и почитая его таковым в чувстве души своей.

Вот краткий перечень всех душеполезных книг, изданных Оптиной пустыней при жизни старца батюшки Макария по его благословению и при его главном содействии или руководстве:

- Второе издание «Жития и писаний блаженного старца Паисия Величковского», так же как и первое, на славянском наречии, с добавлением к первому изданию статей: 1) «О ошаянии² брашен, возбраненных монахам»: а) предисловие, б) исследование старца Поляномерульской обители Василия; и 2) «Жизнь бывшего настоятеля Арзамасского монастыря архимандрита Александра и его духовная переписка». К этому изданию, так же как и к первому, прилагался литографированный портрет старца Паисия. Книга напечатана в конце 1847 года.
- «Четыре огласительные слова к монахине»³, сочиненные и говоренные в 1766 году иеромонахом Никифором (Феотокием), бывшим впоследствии архиепископом Астраханским, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Брошюра эта напечатана в конце 1848 года, а в начале 1849 года вышла вторым изданием. В том же году напечатаны были отдельные статьи из прежде изданных писаний старца Паисия при его «Житии»: а) «Свиток об умной

◀ Начало на с. 190, 192

Леонида. Отец Ефрем подарил ее духовному своему сыну монаху Авраамиию. А он, отъезжая в 1858 году на жительство на Святую Афонскую Гору, принес эту рукопись в дар оптинскому старцу иеросхимонаху Макарию, который в предсмертной своей болезни благословил ею вместе с иконой святого Исаака Сирина вышеупомянутого скитского иеромонаха (впоследствии архимандрита) отца Леонида (Кавелина); а им оставлена в скитской библиотеке Оптиной пустыни. — *Примеч. авт.*

¹ Архимандрит Александр (Подгорченков; † 1845), известный духовник, подвижник.

² Воздержании (церк.-слав.).

³ «Четыре огласительные слова к монахине на день, в который она облеклась в ангельский образ».

молитве» и б) «Толкование на „Господи, помилуй“, перевод с греческого.

- «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском». Напечатано в 1849 году на славянском языке (18 мая начато, а 15 июня окончено) с подстрочными примечаниями, поясняющими непонятные места. Это издание впоследствии украшено литографированным изображением преподобного Нила Сорского, которое снято с присланного из скита его имени в Оптину пустынь изображения в благодарность за доставленные в этот скит экземпляры изданной книги.

- «Восторгнутые класы в пищу души». Это сборник некоторых святоотеческих писаний, переведенных старцем Паисием с греческого на славянский язык. Книга напечатана в конце 1849 года с пояснительными подстрочными примечаниями трудных для понимания мест.

- «Преподобных отцев Варсануфия Великаго и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников». Книга, исполненная великой духовной пользы, принадлежит к числу славянских переводов, исправленных старцем Паисием. Она вновь сверена с греческим подлинником и напечатана в 1852 году на славянском наречии русскими буквами; снабжена также подстрочными примечаниями, служащими к объяснению непонятных мест, и алфавитным указателем.

- «Оглашения преподобного Феодора Студита»¹. Славянский перевод старца Паисия с новогреческого языка. Книга эта напечатана в начале

Титульный лист книги
«Преподобных отцев
Варсануфия Великаго
и Иоанна руководство
к духовной жизни».
Издание Оптиной пус-
тыни 1852 года

¹ «Огласительные поучения преподобного и богоносного отца нашего Феодора Исповедника, игумена обители Студийской, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским».

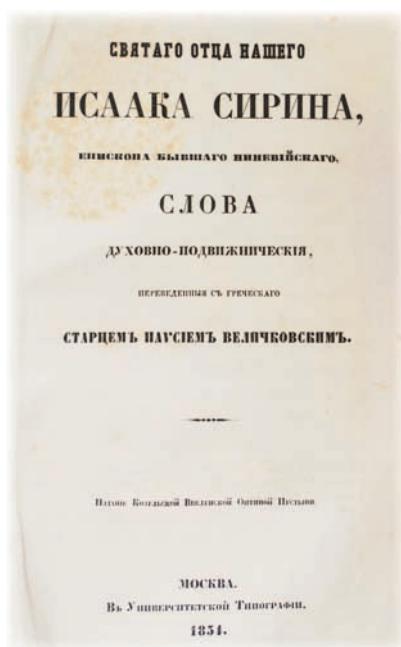
² В 1873 году, уже при старце Амвросии, «Оглашения преподобного Феодора Студита» переведены были на русский ►

1853 года в количестве лишь шестисот экземпляров собственно для пользы иноческих общежительных обителей².

- «Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву „Отче наш“ и его слово постническое по вопросу и ответу». Напечатано в конце того же 1853 года.
- «Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским». Это драгоценнейшее из всех изданий Оптиной пустыни. Еще 21 октября 1852 года скитские книгочеи под непосредственным надзором старца Макария начали заниматься составлением пояснительных примечаний к славянскому переводу этой книги и сличать его с греческим текстом. Труд этот при помощи Божией окончен был в том же году 29 ноября. Рукопись была переписана и отослана в цензуру, напечатана же была уже в марте месяце 1854 года на славянском наречии гражданскими буквами с подстрочными примечаниями и алфавитным в конце книги указателем, которым прилежно занимался сам старец Макарий.
- Книга преподобных отцев Варсануфия и Иоанна «Руководство к духовной жизни в вопросах и ответах» с алфавитным указателем в русском переводе³. По убедительной просьбе многих не знакомых со славянским наречием скитские книгочеи начали заниматься переводом этой книги на русский язык в конце 1852 года и окончили его в апреле следующего, 1853 года; а напечатана была книга в 1855 году.

◀ язык и напечатаны. Они читаются в оптинском скиту на общем келейном утреннем правиле начиная с Недели мытаря и фарисея и заканчиваются уже после Пасхи. — *Примеч. авт.*

³ «Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников».

Титульный лист книги «Святого отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические». Издание Оптиной пустыни 1851 года

¹ Впоследствии иеромонах оптинского скита Климент. Скончался в 1878 году 30 апреля. — *Примеч. авт.*

*Иван Васильевич
Киреевский*

- «Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни». Со славянского перевода старца Паисия переведены на русский язык и напечатаны оба текста — славянский и русский — гражданскими буквами. Оригинал этого перевода с поправками старец Макарий по некоторым частным обстоятельствам сохранял и завещал сохранять в скитской библиотеке как сокровище огромной цены. Книга напечатана также в 1855 году.
- «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов, данных на оныя святыми старцами Варсануфием Великим и Иоанном Пророком», в русском переводе. Перевод с эллиногреческого языка сделан по поручению старца Макария одним из его духовных детей, мирским человеком, знатоком классических языков Константином Карловичем Зедеггольмом¹. При проверке этого перевода для издания в свет принят был оптинцами во внимание первопечатный славянский перевод, изданный в Киево-Печерской лавре в 1617 году. Первое издание этой книги в русском переводе напечатано было в 1856 году.
- «Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова». Напечатано на славянском языке в том же 1856 году.
- «Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова». Изданы в русском переводе в 1858 году. Из книги «Восторгнутые класы» и Добротолюбие.

- «Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена обители святого Маманта, двенадцать слов». Изданы на славянском языке в конце 1858 года.
- «Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, об устройении монашеского жительства»². Буквальный перевод этой книги с латинского на русский сделан был вышеупомянутым Константином Карловичем Зедеггольмом. Книга издана в 1859 году.
- «Преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова»³. Книга напечатана в 1860 году в русском переводе, для коего сверх древнего славянского, приписываемого старцу Паисию, перевода послужил русский перевод, сделанный несколько лет до этого со славянского одним любителем отеческих писаний духовного сана. Для уточнения же некоторых темных мест пользовались латинским текстом этих слов, находящихся в библиотеке святых отцов Голланда⁴.

Итак, с 1845 по 1860 год включительно под руководством старца Макария издано в свет шестнадцать книг, из которых пять — на русском языке, одна — на славянском и русском, а остальные десять — на славянском. Все они напечатаны гражданскими буквами⁵. Первое место среди этих изданий, бесспорно, принадлежит творению великого учителя иноческой жизни святого Исаака Сирина. Затем следует книга преподобного аввы Дорофея, которую старец Макарий справедливо называл монашеской азбукой, особенно указывая на нее всем новоначальным послушникам, желавшим положить прочное начало в деятельной жизни духовной, которая, по учению святого Иоанна Лествичника

² «Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, учение об устройении монашеского жительства».

³ «Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова».

⁴ Издание святых отцов Андрея Галланди (1709–1780) в Венеции в четырнадцати фолиантах (*Gallandi A. Bibliotheca veterum patrum. Venice, 1765–1781, 1788*).

⁵ Гражданский шрифт введен в России Петром I в 1708 году для печати светских изданий в результате первой реформы русского алфавита (изменения состава азбуки и упрощения начертания букв алфавита).

и преподобного Дорофея, слагается из послушания и смирения.

*Петр Васильевич
Киреевский*

¹ «Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица и Слово к пастырю».

Кроме перечисленных изданных Оптиною пустынью книг боголюбивый старец Макарий немало потрудился над творением также великого учителя жизни иноческой святого Иоанна Лествичника, подвизавшегося на Синайской горе¹. Высоко ставя творение этого святого отца в ряду писаний других святых отцов-подвижников, старец изучал и сличал все известные до того печатные издания и рукописные переводы этого бессмертного творения. Наконец, приняв в основание перевод старца Паисия, как мужа, исполненного духовного разума, прошедшего опытом изложенные святым Иоанном советы, старец Макарий приложил особое усердие к тому, чтобы пояснить перевод старца Паисия через сличение его с другими рукописными более поздними переводами, печатными изданиями и с греческим текстом. Целью его было сделать перевод «Лествицы» доступным не для одного лишь простого чтения, но особенно для общего практического руководства содержащимися в этой книге духовными наставлениями. Таким образом и составилась перевод «Лествицы» на упрощенном славянском языке, которым прилежно занимался сам старец Макарий при деятельной помощи близкого своего ученика иеромонаха Амвросия, преемника его по старчеству. К этому переводу по окончании его сам же старец Макарий составил алфавитный указатель предметов, содержащихся в «Лествице», и собственноручно переписал его, забывая и немощь своего тела, и занятость, жертвуя для этого временем краткого своего отдыха.

Позже с этого упрощенного славянского перевода по благословению старца Макария сделано переложение «Лествицы» на русское наречие, в чем упражнялся под непосредственным наблюдением старца другой его ученик, вышеупомянутый монах Ювеналий (Половцев).

Но как упрощенный славянский, так и русский переводы «Лествицы» неизвестно по каким причинам не были изданы при жизни старца Макария. Они напечатаны были уже после его кончины. Вероятно, потому, что издание «Лествицы» на славянском языке принадлежит собственно Святейшему Синоду, а потому Оптиная пустынь и не имела права издать от себя славянский, хотя бы и упрощенный ею, текст книги. Позже обитель, не ища для себя вещественной выгоды, а единственно имея в виду духовную пользу благочестивых читателей, просила Святейший Синод, чтобы он от себя издал эту книгу, — что и осуществилось на деле. Русский же перевод «Лествицы» митрополит Московский Филарет благословил издавать Оптиной пустыни. Но так как к сему служил некоторым препятствием уже изданный русский перевод этой книги Московской академией, то милостивый святитель изволил на это сказать так: «Пусть академия издает свой перевод, а Оптина — свой». Экземпляры обоих переводов, славянского и русского, до напечатания достаточно распространены были в списках между братьями, как скитскими, так и монастырскими².

Всеми занятиями, как по приготовлению к печати славянских переводов старца Паисия с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений, так и при переводе некоторых из них на русское наречие, руководил

² И теперь хранятся экземпляры «Лествицы», прекрасно написанные уставом: один, написанный монастырским монахом Астионом, — в скитской библиотеке, а другой, написанный скитским иеродиаконом Сергием Труновым, — в монастырской. В течение Великого поста на церковных службах бывает чтение упрощенного славянского перевода «Лествицы» в Оптиной пустыни, как в монастыре, так и в скиту. — *Примеч. авт.*

непосредственно сам старец Макарий. А трудившиеся в этом деле все были близкие его ученики из скитских братий, именно: вышеупомянутые иеромонах Амвросий, мантийный монах Ювеналий и рясофорные монахи Лев (Кавелин) и Павел (Покровский). Все эти лица для книжных занятий собирались в приемной комнате старца, который, не прекращая своих обычных занятий с братией и посторонними посетителями, посещая также в определенное время и монастырские гостиницы, тем не менее принимал самое деятельное участие в этих занятиях. Можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно даже слово не было вписано в отсылавшуюся к цензору рукопись без его личного утверждения. Деятельность его в этом деле была поистине изумительна. Одаренный от природы живым, энергичным характером, старец в книжных занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них, как уже и упомянуто выше, необходимым для него кратким отдыхом. Хотя и у всех участвовавших в этих трудах не было недостатка в усердии, нельзя не сознаться, что если кто чувствовал по временам изнеможение, то отнюдь не старец — он был неутомим.

«Зато, — говорил в свое время от лица всех соучастников книжных занятий один из них, отец Леонид (Кавелин), — как щедро мы награждены были за наши малые труды! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши! Это — объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его. А если бы дерзнул на сие, то, несомненно, получил бы смиренный ответ: „Я не знаю сего; это не моей меры. Может быть, ты достиг ее,

а я лишь знаю: даруй ми, Господи, зрети моя согрешения! Очисти сердце; тогда и поймешь“. Кто из нас в состоянии забыть, с какою снисходительностью выслушивал он, ущемленный от Господа даром духовного рассуждения, наши детские немотствования и делал уступки в желании изящнее или яснее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, прикрывая оные приличной отеческой шуткой, например: „Пусть будет так; я новейшей литературы не знаю; а ведь вы — народ ученый“. Если между трудившимися возникало разногласие в понимании какого-либо места или слова, старец немедленно устранял оное: или предлагал на среду свое собственное мнение, или, смиряясь и смиряя нас, оставлял такое место вовсе без пояснения, говоря: „Это не нашей меры; кто будет делать, тот поймет. А то как бы не поставить наше гнилое вместо его (разумея старца Паисия) высокого духовного понимания“».

Промыслом Божиим, по замечанию старца Макария, устроено было так, что ко времени издания Оптиной пустыню святоотеческих книг явились и глубоко сочувствовавшие и содействовавшие этому делу высокие покровители, люди недюжинного ума, как из духовной, так и светской среды. Таковы были, кроме высокопреосвященнейшего и вместе высокопросвещеннейшего Московского митрополита Филарета: упомянутый выше профессор Московской духовной академии, просвещеннейший философ протоиерей Феодор Александрович Голубинский, которому временно помогал бывший ректор Московской духовной семинарии архимандрит Леонид (скончавшийся в сане архиепископа Ярославского)¹. Усердно также

*Святитель Филарет
(Дроздов), митрополит
Московский. Портрет.
ОР РГБ*

¹ Архиепископ Леонид
(Краснопевков; † 1876).

¹ Митрополит Сергей (Ляпидевский; † 1898).

содействовал успешному ходу оптинских изданий бывший в то время инспектором Московской академии архимандрит Сергей (скончавшийся в сане митрополита Московского)¹. Из светских же лиц принимали участие в этом деле в особенности вышеупомянутый Иван Васильевич Киреевский, как это можно видеть из его переписки со старцем Макарием, а затем профессор Московского университета Шевырев и другие.

² В подстрочии первого издания «Жизнеописания старца Макария» помечено: «А-ъ П-ъ, ныне епископ». Вероятно, это был архимандрит Поликарп, кажется живший и служивший некоторое время в Иерусалимской миссии, находившийся в близком духовном общении с оптинскими старцами, впоследствии епископ Орловский. — *Примеч. авт.*

Епископ Поликарп (Радкевич; † 1867).

³ Московского митрополита Филарета. — *Примеч. авт.*

Понятно, что вследствие трудов оптинских братьев по изданию в свет святоотеческих писаний старец Макарий от многих понимавших дело лиц многократно получал лестные отзывы, ублажения и благодарения. Но старец и здесь, по обычаю своему, выказывал свое глубокое смирение. Так, например, писал он 5 января 1857 года одному духовному лицу², с которым письменно находился в постоянном духовном общении, несмотря на дальность разделявшего их пространства: «Вы одобряете наши издания отеческих книг, а паче в русском переводе. Но тут нашего ничего нет, а все Божиим благоволением для пользы желающих и ищущих душевной пользы совершилось. Как бы мы могли приступить к столь важному и необычному для нас делу?! Но Бог воздвиг людей благомыслящих к содействию в деле сем. А более всего благоволение и благословение милостивого архипастыря³ послужило к изданию лежавших под спудом в рукописях блаженного старца Паисия Молдавского переводов. А святого аввы Дорофея книга также скрывалась под спудом в конце книги святого Ефрема Сирина и по древности славянского языка недоступна была многим; но — благодарение Господу! — и она теперь стоит на свещнице. Дай Бог, чтобы чтущие и слушающие обрели душевную пользу!..»

Утешаясь изданными на общую пользу сокровищами духовного разума, скрывавшимися в неизвестности более полувека, старцы Оптиной пустыни прежде всего памятовали, что книги эти никогда не могли бы появиться, если бы Господь, видимо благоволивший к этому делу, не послал к успешному осуществлению его покровительства, содействия и способов духовных и вещественных. В этих мыслях настоятель обители архимандрит Моисей, брат его игумен Антоний и описываемый старец Макарий на общем совете положили, что они ничем приличнее не могут изъяснить свою благодарность просвещенным их пособникам в издании книг, как сделав эти книги общеизвестными в заведениях, назначенных для образования духовного юношества, в этих рассадниках духовного просвещения будущих пастырей и учителей Православной Церкви Христовой. С этой целью своевременно разослано было по экземпляру всех вышеназванных изданий в дар: 1) во все библиотеки академические и семинарские, 2) почти всем епархиальным архиереям, ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, 3) в Лавры и во все общежительные русские обители, 4) на Святую Афонскую Гору: в русский Пантелеимонов монастырь, болгарский Зографский общежительный монастырь, в скит святого пророка Илии, в скит святого апостола Андрея Первозванного и болгарский скит Богородицы (Ксилургу). Когда напечатана была книга святого Исаака Сирина, экземпляры ее посланы были и в Молдавский Нямецкий монастырь, откуда книга эта и получила свою известность в России. Кроме того, во многие приходские церкви в местностях, зараженных расколом, разосланы были бесплатно изданные в обличение раскольнических

¹ Иеросхимонах Иоанн, в монашестве Исаакий (Малиновский; † 1849).

Иеромонах Исаакий, в схиме Иоанн (Малиновский). Портрет. Середина XIX века. ОР РГБ

заблуждений сочинения скитского иеросхимонаха Иоанна¹, бывшего немалое время в расколе и обратившегося в православие. Также раздавались и рассылались в дар оптинские издания и всем знакомым посетителям Оптиной пустыни в разных ближних и дальних местах. Не оставим без внимания и того, что обитель, из которой так много книг щедрой рукой бесплатно раздавалось и рассылалось во все концы России, сама далеко не была обеспечена и часто очень затруднялась в средствах к существованию, никогда не выходя из долгов в несколько тысяч рублей. Но недостатки в материальных средствах нисколько не подавляли духа начальствовавшего в то время крепкого верой в Промысл Божий архимандрита Моисея. Он даже находил удовольствие в том, чтобы так или иначе приносить пользу ближним. Это было главной целью всех его забот и дел в продолжение всей его долголетней жизни. «Когда-нибудь кто-нибудь прочтет ту или другую книгу, — говаривал он, — и душевная польза одного человека вознаграждает все наши труды. Наше дело сеять. Бог даст, когда-нибудь будут и плоды». И плоды получались через изданные книги, да и до сих пор получают обильные.

За такие приношения монашествующим и мирским боголюбцам, кроме частных письменных изъявлений благодарности от многих архипастырей и отцов ректоров и инспекторов, оптинский настоятель архимандрит Моисей, по представлению об этом семинарских начальств, удостоился в 1857 году получить благословение Святейшего Синода. А старец Макарий за издание книги святого Исаака Сирина получил в дар от настоятеля Молдо-Влахийского Нямецкого монастыря

камлотовую² рясу греческого покроя, которую, по своему смирению, надевал, только когда приступал к принятию Святых Христовых Таин.

Где же, может быть спросят, издатели взяли сумму, потребную на издание такого значительного количества книг? Не обинуясь, можно ответить на это словами старца Макария: «Бог послал на благое дело чрез добрых людей». Ибо кто, как не Он, внушал людям достаточным, получавшим душевную пользу от одной книги, посильно помогать изданию другой? Во время самых книжных занятий многие сочувствовавшие этому делу заранее спрашивали: «Скоро ли будет готов начатый труд?» И стоило только старцу сказать, что вот, слава Богу, дело оканчивается, недостатка в усердствующих помочь изданию новой книги, по милости Божией, не было. Много заботились о материальной стороне книжного издания приверженные к старцу Макарию господа Киреевские, и в особенности, как увидим далее, супруга Ивана Васильевича Киреевского, Наталья Петровна. За оказанную ими обоими в этом деле услугу силен воздать лишь Тот, Кто обещал не оставить без mzды подающего ближнему и чашу холодной воды во имя Его.

Заметим здесь, что старец Макарий при окончании издания в его время Оптиной пустынью книг, просмотрев счет денежных издержек на это дело, пришел в удивление, как все это совершилось и откуда собралась израсходованная на все издания такая крупная сумма — до пятнадцати тысяч рублей ассигнациями. Он мог только выразить свои чувства слезами благодарности к Щедродавцу Богу, воскликнув: *дивны дела Твои, Господи!* (ср.: Пс. 138, 14).

² Камлот — ткань из полушерстяной или шерстяной пряжи, изготовленная полотняным переплетением.

ГЛАВА 12

Временные отлучки старца Макария из своей обители в Орловскую и Курскую епархии, в Киев и прочие. Посещение Оптиной пустыни наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием. Поездка старца Макария в Москву и Сергиеву лавру. Отношения Московского митрополита Филарета и лаврского наместника архимандрита Антония к старцу Макарию и его к ним. Участие митрополита Филарета в книжных трудах оптинских братьев

Среди забот и хлопот как по внешнему благоустройству скита, так и по внутреннему духовному окормлению всего немалочисленного оптинского братства, не исключая и книжных занятий, старец Макарий находил возможность уделять время и на отлучки из своей обители — на малый срок нередко, а кое-когда и на довольно продолжительное время, всегда, впрочем, с благой целью

оказывать духовную пользу ближним, а вместе и самому воспользоваться.

Так, в 1848 году 4 октября отправился он в сопровождении одного послушника по консисторскому¹ паспорту в Орловскую и Курскую губернии на целый месяц. А несчастный в дороге случай со старцем заставил его пробыть вне своей обители и долее. 18 октября получено было в Оптиной из города Севска письмо с уведомлением, что батюшка Макарий, не доехав до города Дмитровска, повредил себе руку вследствие того, что повозка, в которой он рано, в темноте, выезжал с постоялого двора, нечаянно взвалилась. Врачи — дмитровский, а за ним и севский — думали, что у старца в правой руке переломлена кость, оттого и пользовали его руку перевязками и примочками. Старец стал даже чувствовать некоторое облегчение. Но на деле оказалось иное. Оптинский настоятель отец Моисей с братией, долго ожидая возвращения старца, стали сомневаться, правильно ли понимали врачи его болезнь. И потому, списавшись со старцем, послали к нему в Севск его келейника отца Иродиона с опытным костоправом, который нашел вместо перелома вывих кости у плеча. Нужно было старцу решиться на трудную операцию, чтобы вправить кость, которая уже стала было зарастать. Боль была сильнейшая. Но при помощи Божией операция прошла весьма удачно, и старец в тот же день мог уже поднимать и опускать свою больную руку. А 20 ноября он имел возможность, к общей радости всего оптинского братства, и возвратиться в обитель.

Любовь старца Макария к своим оптинским питомцам была так велика, что, несмотря на свою болезненность, он во все время своего пребывания в гостинице Севского женского монастыря

¹ Консисторский паспорт — документ, подтверждающий личность, который выдавался духовной консисторией лицам духовного сословия на время поездки.

не оставлял их без духовного окормления. На прибывавшие от них, с его же позволения, письма хоть не своей рукой, а посылал ответы, с трудом подписывая свое имя больной рукой. Скитский летописец замечает, что несчастье приключилось со старцем по наваждению исконного нашего невидимого врага. Это, между прочим, подтверждалось тем, что одна тамошняя бесноватая женщина как раз перед этим несчастьем выкрикивала мужским голосом на старца угрозы. Враг хотел лишить духовной пользы давно ожидавших своего духовного наставника севских монахинь, так как у них по случаю вновь выбранной начальницы на место умершей были в обители нестроения. Но Промысл Божий само несчастье старца обратил к пользе смущавшихся насельниц монастыря. Ибо старец вследствие позднего осеннего времени, рассчитывая проехать в Курскую губернию, думал пробыть в Севске не более трех дней. Но душевные нужды как новопоставленной игумении, так и монахинь — духовных дочерей старца — требовали пребывания его там даже не одну неделю, чтоб всех их умиротворить. Что, при помощи Божией, и достигнуто было старцем.

¹ Впоследствии оптинский настоятель архимандрит Исаакий. Скончался 22 августа 1894 года. — *Примеч. авт.*

² Иеросхимонах Паисий (Аксенов; † 1870). Помощник старца Макария по духовничеству.

³ Иеромонах Никон (Огиевский; † 1850).

В другой раз, в 1850 году, старец Макарий, также с консисторским двухмесячным паспортом, ездил в Воронеж и Киев для поклонения святым мощам угодников Божиих, взяв с собою в проводники скитского послушника Ивана Ивановича Антимона¹. Отправляясь 15 мая в путь, старец поручил духовное окормление братий духовникам иеромонахам Амвросию и Паисию², а управление скитом, или наблюдение за порядком, — скитскому иеромонаху Никону³. Завещав братиям иметь мир и любовь между собою, он опять позволил им писать к нему

о своих духовных нуждах, назначив места своих остановок и обещаясь на письма их отвечать — как и было на деле. В эту поездку старец, между прочим, по пути посетил свою родную сестру, Варвару Николаевну Глебову, в ее имении, селе Никольском Ефремовского уезда Тульской губернии. Но года через два после этого свидания, именно в декабре 1852 года, эта благочестивая особа скончалась в Петрограде от холеры. Терпеливый и вместе любвеобильный, отзывчивый и к чужим скорбям старец принял в свое время горестную весть о кончине любимой своей сестры с покорностью неисповедимым судьбам Промысла Божия и вместе с глубокой скорбью усугубил свое отеческое внимание к ее детям (отца они лишились ранее), и на закате дней своих имел утешение видеть, что мудрые его советы, а больше всего усердные о них ко Господу молитвы поставили одних и утвердили других на пути христианской благочестивой жизни.

Но продолжим прерванную нить главного рассказа. После свидания с сестрой своей Варварой Николаевной старец был в Воронеже и Белгороде Курской губернии на поклонении святым мощам святителя Митрофана и еще не прославленного в то время святителя Иоасафа (Горленко); также в Борисовской женской пустыни и в городе Курске у посетившего несколько лет тому назад оптинский скит архиепископа Илиодора, а останавливался в доме почетного потомственного гражданина Ивана Васильевича Антимона, родителя взятого им с собой послушника Ивана Ивановича Антимона. Там они прожили пять дней. К этому

*Киево-Печерская лавра.
Открытка. Начало
XX века. ОР РГБ*

¹ Архимандрит Мелетий (Антимонов; † 1865). С 1850 года экклезиарх (отвечающий за церковный порядок) в Киево-Печерской лавре — очень важная и ответственная должность.

Киево-Печерская лавра. Главный вход. Фотография. АОП

вынудило старца следующее обстоятельство. Иван Иванович уехал из дома и поступил в Оптиную пустынь вопреки воле своего родителя, даже не сказав ему об этом. Отец был недоволен сыном за его своеволие. Нужно было примирить их. Пробыв же известное время в доме Ивана Васильевича, старец при помощи Божией достиг этой цели. Отсюда через Севск старец Макарий и его проводник 18 июня прибыли в Киево-Печерскую лавру и приняты были с любовью и с особенным почтением к старцу экклезиархом Лавры иеромонахом Мелетием¹, родным братом Ивана Ивановича Антимонова, и другими монахами, в свое время начавшими иноческую жизнь в Оптиной пустыни. В Лавре жили они в кельях отца экклезиарха десять дней. В это время они неоднократно сподоблялись прикладываться

к святой чудотворной иконе Успения Божией Матери и к мощам почивающих в пещерах угодников Божиих и святой великомученицы Варвары в Михайловском монастыре. Были на благословении у высокопреосвященнейшего митрополита Филарета, основателя оптинского скита, и приняты им были отечески благосклонно. Посетили расположенных к Оптиной пустыни инспектора Киевской академии иеромонаха Даниила и ректора семинарии архимандрита Антония (Амфитеатрова). Перед отъездом из Киева были в Голосеевском скиту, где слушали литургию и приняли на обратный путь благословение от находившегося там владыки митрополита, который хотел оставить гостей

на несколько дней, но по краткости срока паспорта нельзя им было дольше в Киеве оставаться. Итак, с чувством духовного утешения и благодарения

Богу, Матери Божией и святым угодникам распросились они с близкими знакомыми лаврскими монахами, которые по любви и усердию к старцу Макарию поднесли ему в дар кто образочки, кто книжки или еще что-либо достойное замечания. 4 июля после обеда путешественники отправились из Киева и через Севск прибыли в Орел, где представлялись архиепископу Смарагду, который принял посетителей тоже очень благосклонно и угощал их чаем и фруктами. Вообще во все время своего долгого путешествия, где бы старец Макарий ни останавливался, везде встречал весьма радушный прием. Везде знавшие его с удовольствием удерживали его на некоторое время и относились к нему с глубоким уважением и почитанием. Наконец старец с сопровождавшим ему братом, проехав на лошадях в оба конца 2040 верст за семьдесят дней, к общей радости всего оптинского братства, прибыл 24 июля в свой скит, от всей души возблагодарив Господа, сохранившего его целым и здоровым.

Каждый раз по возвращении из далекого путешествия старец Макарий по обычаю продолжал заниматься своими делами. Между тем в недалеком будущем после поездки в Киев его ожидала еще поездка в Москву для личного представления высокопреосвященному Московскому митрополиту Филарету, а затем в Свято-Троицкую лавру для поклонения святым мощам угодника Божия преподобного Сергия. Это сложилось так.

Еще в 1849 году в октябре посетил Оптину пустынь известный умом и благочестивой жизнью, пользовавшийся в свое время благоволением Московского митрополита Филарета и уважением

*Святитель Филарет
(Амфитеатров),
митрополит Киевский.
Литографический
портрет. Середина
XIX века. ОР РГБ*

всего московского знатного общества наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний в сопровождении вышеупомянутого настоятеля Малоярославецкого монастыря досточтимого игумена Антония. Оба они в этот раз неоднократно посещали скит. Были и в кельях скитоначальника отца Макария, который преподнес отцу наместнику несколько изделий скитских братий — ложечек и некоторых точеных вещей. С любовью принял отец наместник эти незатейливые дары и даже хотел некоторые из них поднести митрополиту Филарету. Затем, по возвращении из скита в монастырь, немало времени проведено было старцами в духовных беседах. И тут же благоугодно было отцу наместнику почтить старца Макария и скит драгоценным подарком — частью мощей преподобного отца Сергия Радонежского от пальца его ноги. Дар принят был старцем Макарием и всеми скитянами с великим благоговением и благодарением Господу и боголюбивому посетителю обители, обещавшему прислать еще в скит крест с некоторыми святынями. 24 октября после ранней литургии оптинские старцы — игумен Моисей и батюшка Макарий — распростились с дорогими гостями со слезами обоюдной любви духовной, устроив для них почетные проводы. И вот как старец Макарий писал об этом посещении отцом наместником лаврским Оптиной пустыни 31 октября своим племянникам, монахиням Севского монастыря:

«Все эти дни были мы в приятных хлопотах. В пятницу вечером, то есть 21-го числа, утешили нас своим посещением почтенно-любезные гости — лаврский наместник отец архимандрит Антоний с малоярославецким игуменом отцом Антонием. Какое его было ласковое, приятное обращение

с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоящим! Надобно было удивляться. Кажется, он любовью дышал, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово любвеобильной его беседы запечатлевалось в сердцах наших; а описать оных тупое мое перо с таким же умом не имеет способности. Наградил скит наш святынею; и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие скита нашего — ложечки и точеные штучки — надобно было удивляться! И хотел представить оные митрополиту. Ну, словом, оставил нам память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его, Господи!»¹

Вскоре после этого, 10 ноября, получен был по почте от того же архимандрита Антония обещанный им в скитскую церковь крест сребропозлащенный, на верхней доске которого серебряное белое изображение распятого Христа Спасителя, украшенное по краям разноцветными камешками. Внутри креста вложены: часть животворящего древа Креста Господня, а внизу часть мантии преподобного Сергия и оставлено место для вложения подаренных мощей этого угодника Божия².

Через год после посещения старцем Макарием киевских святынь ему почему-то нужно было поехать в Малоярославецкий монастырь. 11 октября 1851 года он и отправился туда в сопровождении послушника Иоанна Половцева. Оттуда вместе с настоятелем игуменом Антонием проехали они в Боровский преподобного Пафнутия монастырь и после любезного свидания с настоятелем монастыря архимандритом Геннадием отправились в Зосимову женскую пустынь, бывшую под особенным

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 17. — *Примеч. авт.*

² Крест этот, длиной пять вершков, всегда стоит на святом престоле в скитской Предтеченской деревянной церкви или в новой каменной под стеклянным футляром. — *Примеч. авт.*

покровительством Московского митрополита Филарета и наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония. Там неожиданно пришлось им свидеться и с отцом наместником. Вот как писал об этом сам старец Макарий к севским племянни-

цам: «В понедельник рано приехали в Зосимову пустынь... От преизбытка их (сестер) радости и любви они не знали, какое нам подать успокоение. Но мы были довольны; и нельзя не быть признательным к всеобщему радостному и усердному приветствию и растворенному откровенному чувству. Но в самое время нашего у них пребывания умножилась их радость: получили известие, что завтрашний день, то есть 16-е число, приедет к ним отец наместник лаврский, отец архимандрит Антоний, и пробудет у них день своего Ангела бывшего, Андрея Критского, 17-го числа, что и исполнилось. Шестнадца-

Преподобный Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой лавры. Портрет. Неизвестный художник. 1858. ГИМ

того числа в три часа пополудни приехал отец архимандрит; и для нас было это такое неожиданное утешение, так что если бы и списываться к съезду, то нельзя бы было так приноровить. Приятное его любовное простое обращение, душеполезные и назидательные беседы для всех и каждого служили большим утешением. И в это все время у сестер работы и занятия все были оставлены, кроме нужных; а все приседали при ногу его и нашу и питались душевною пищею, исходящею из уст его»¹. Здесь, между прочим, старец Макарий в присутствии отца наместника объяснился, что в недавно изданном академическом русском переводе «Лествицы» замечены некоторые неточности. По возвращении из Зосимовой пустыни отец наместник не преминул довести об этом до сведения

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 51. — Примеч. авт.

митрополита. Владыка через духовную дочь старца Макария Н. П. Киреевскую изъявил желание, чтобы старец изложил свои замечания на бумаге и доставил ему. Делом этим под непосредственным наблюдением старца Макария занялись иеромонах Амвросий и отец Иоанн (Половцев). Сличив академический перевод со славянским молдавского старца Паисия и с русским переводом бывшего настоятеля Болховского монастыря архимандрита Макария (Глухарева), они выписали должные замечания. Выписки эти через ту же госпожу Киреевскую доставлены были старцем митрополиту при следующем смиренном письме: «Простите, Милостивый Владыко, что осмеливаюсь утруждать Вас худосложными моими строками. По благословению Вашего Высокопреосвященства, переданному мне через Н. П. Киреевскую, призывая на помощь Ваши архипастырские молитвы, вновь изданную книгу святого Иоанна Лествичника в русском переводе с некоторыми из братий нашей обители прочитав и сличив с переводом старца Паисия, архимандрита Молдавского, сделал замечания, в чем, по нашему разумению, находил несходство или слова, не выражающие на русском языке духовного разума, которым составив особый реестр, осмеливаюсь представить на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства. И, повергая себя к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваю прощения за сие наше дерзновение; и отнюдь не смеем утверждать справедливости нашего мнения, предан на Ваше архипастырское усмотрение и решение; и аще что или все изволите найти неправильным, то всенижайше просим покрыть Вашу архипастырскою любовью и снисхождением. Получая неоднократно благословение

Вашего Высокопреосвященства, и паки дерзаю испрашивать оное и, ввергая себя в молитвенный Ваш покров и архипастырские милости, с должным моим высокопочитанием имею честь пребыть...» Письмо это послано было в первых числах января 1852 года и было началом интересной переписки старца с митрополитом.

Нельзя сказать достоверно, чтобы до издания Оптиной пустыней душеполезных книг (до 1845 года) старец Макарий хорошо был известен митрополиту Филарету. Когда же приближенные к старцу люди стали просить у владыки благословение на начало книжного дела, святитель, без сомнения, не мог не любопытствовать, кто же будет заниматься подготовкой к печатанию рукописей. В свою очередь, давно известные митрополиту господа Киреевские и другие почитатели старца не могли не высказаться о нем с самой похвальной стороны как о муже мудром и высокодуховном подвижнике, поэтому владыка митрополит не мог не расположиться сердцем к старцу Макарию. Какова была приязнь к нему митрополита, можно видеть из ответного письма Н.П. Киреевской к старцу, написанного в мае 1849 года, в котором упоминается и о содействии московского святителя в издании книги преподобного Нила Сорского. «Бывши у владыки, — так между прочим писала Наталья Петровна, — я сообщила ему Вашу признательность за его милостивое внимание и прочла ему несколько строк из начала и конца письма, где Вы мысленно повергаетесь к стопам его и испрашиваете святых молитв и благословения. Он выслушал это с чувством и сказал: „Напишите к отцу Макарию, что прошу Господа, и посылаю ему Божие благословение, и прошу его святых молитв. О Ниле Сорском

справлялся; разрешили напечатать и не спрашивая Синода, и вскоре Вы получите его книгу для печатания“. Это собственные слова владыки». Наконец, отзыв о старце Макарии недавно с ним сблизившегося наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония, к которому митрополит имел полное доверие, без всякого сомнения, произвел на душу святителя Филарета глубокое впечатление. А доставленные ему старцем осмысленные замечания на академический перевод «Лествицы», можно думать, послужили уже как бы подтверждением всех похвальных о нем отзывов пред митрополитом. Вследствие же всего этого мудрый святитель, не спешивший в делах, требовавших осторожности, решился наконец письменно изъяснить старцу желание видетсья с ним лично.

Поехать в Москву побуждали старца Макария, кроме этого, и иные причины, в особенности его слабое здоровье. Давно уже преданные ему особы уговаривали его съездить в Москву посоветоваться о своем здоровье с тамошними врачами, но он на их неоднократные уговоры только отвечал: «Пусть будет, что Богу угодно» — или чаще отмалчивался. Между прочим, по случаю предпринятого оптинцами издания книг старец Макарий, можно сказать, уже и по необходимости входил в переписку с митрополитом. И вот в ответ как на прежнее его с замечаниями письмо, так и на другое, поздравительное, в том же 1852 году, с праздником Светлого Христова Воскресения, старец удостоился получить от владыки митрополита письмо следующего содержания:

«Преподобнейший отец Макарий! Христос воскрес! Примите от меня сие целование к общему соутешению общею верою. Господь воскресший

да дарует Вам обещанную Им радость, исполненную и неотъемлемую.

Простите, что поздно благодарю Вас за сообщение замечаний на новый перевод „Лествицы“. Я дал их переводчикам, и еще не имею от них отчета, которого ожидаю и требую, чтобы над книгою побеседовать с Вами посредством Ваших замечаний.

Наши общие знакомые, сообщая мне сведения о Вас, возбудили во мне заботу о Вашем здоровье, а от сего родился помысл, который Вам сообщаю. Вы далеко путешествовали к Киевским чудотворцам: почему бы не предпринять Вам путешествие не так далеко — к Московским чудотворцам и к преподобному Сергию? Они не оставили бы без благословения Ваше посещение. Кстати, Вы могли бы выслушать советы врачей, а мы воспользовались бы Вашим общением. Если бы я звал Вас к себе, Вы могли бы отказать не думавши. Но как я зову Вас к Московским чудотворцам и к преподобному Сергию, то, надеюсь, Вы подумаете о сем не без внимания. Господь да устроит Ему угодное. Прошу молитв Ваших. Филарет м. Московский. Апреля 3. 1852».

Это милостивое, любвеобильное и смиренномудрое писание великого святителя Московского, при глубоком уважении к нему старца Макария, вызвало со стороны последнего замечательно смиренный ответ. Старец писал:

«Христос воскрес! Ваше Высокопреосвященство, милостивейший отец и архипастырь! Вы столь много изволили излить на меня архипастырской и отеческой милости, удостоив худость мою своего ручного Вашего писания, что я не в силах вполне выразить чувствуемых мною к особе Вашего Высокопреосвященства благоговения и нижайшей

сыновней благодарности. При получении столь дорогого для меня знака Вашего благоволения я облобызал слова, писанные святительскою Вашею десницею, мысленно повергаясь к стопам Вашим.

Осмелюсь ли я отказываться от столь милостивого Вашего предложения и благословения мне, худейшему, — поклониться Московским великим чудотворцам и преподобному Сергию Радонежскому, нашим великим заступникам и ходатаям спасения, что для меня будет служить великим утешением? Но и благоговей к особе Вашего Высокопреосвященства, давно имею желание получить лично Ваше архипастырское благословение, чего до сих пор не мог удостоиться. Теперь же за счастье себе сочту при первой возможности, по слитии воды, с благословения нашего архипастыря и отца игумена, припасть лично к стопам Вашего Высокопреосвященства. Осмеливаюсь, испрашивая Вашего архипастырского благословения и святых молитв, с низжайшим моим высокопочитанием и сыновнею преданностью припасть к стопам Вашим и пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего отца и архипастыря, низжайший послушник, многогрешный иеромонах Макарий. 8 апреля 1852 года».

Одновременно с письмом к старцу Макарию митрополит прислал особое письмо и игумену Моисею, прося его отпустить старца в Москву. Но со стороны смиренного и доблорассудного игумена задержки нельзя было и предполагать, хотя бы митрополит и не просил его об этом. И вот в мае старец собрался в путь, пригласив с собой в проводники вышеупомянутого, теперь уже рясофорного монаха, отца Иоанна (Половцева). Восьмого числа, на праздник Вознесения Господня, в послеобеденное время батюшка отец Макарий пригласил всех

¹ Иеромонах, впоследствии схиархимандрит Пафнутий (Осмоловский; † 1891). В Оптиной пустыни с 1827 года, с 1853 года скитоначальник, с 1854 года духовник обители, с 1862 года настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря.

² Кучер этот жил в скиту долгое время, лет тридцать, если не больше. Имя его было Никита, а любвеобильный старец всегда звал его не иначе как Никитушка и по возможности заботился об удобствах его положения. Однажды во время поездки — неизвестно только куда — старец остановился в полуденное время в некотором постоялом дворе покормить лошадей, а затем стал собираться в дорогу. Выйдя к своей повозке, он между прочим, обратившись к кучеру, ласково проговорил: «Ну что, Никитушка, сыт ли ты?» А тот, полуголодный, с огорчением ответил: «Да что, батюшка? Щи-то были без рязонту». Это значило, что щи не были подправлены маслом. Но уж делать было нечего. Так и поехали в дальнейший путь. Без сомнения, после старец чем-нибудь ублаговил своего Никитушку. — *Примеч. авт.*

скитских братьев к себе на чай и объявил, что в отсутствие свое поручает смотрение за внешним порядком в скиту иеромонаху Пафнутию¹, а духовное окормление братьев, как и прежде, иеромонаху Амвросию. Завещал хранить мир и единомыслие как главные признаки учеников Христовых и не оставлять келейных занятий. При этом он заметил: «Вот и светские мудрецы указывают нам исход — отеческое писание. Недавно Иван Васильевич Киреевский прислал (как вы слышали) мне свою книжку, в которой он гласно признается, что, исчерпав всю мудрость западных философов, убедился, что истины нет у них; а она таится в писаниях отцов Православной Церкви».

В следующий за тем день, 9 мая, после литургии в скиту отслужен был для отъезжающих напутственный молебен с коленопреклонением; а потом и состоялись замечательные проводы старца братьями. Все после молебна поспешили к батюшке в келью, где, как выразился летописец, совершалось торжество любви Христовой в наше скудное любовью время. Затем все скитские братья и большинство монастырской семьи последовали за старцем к выездным монастырским воротам. Туда же вышел и игумен Моисей. Здесь достойные друг друга старцы простились, а братья провожали отъезжавших через реку Жиздру, протекающую саженьях в ста от монастыря, где монастырские, приняв от старца благословение, повинаясь его желанию, возвратились назад, скитяне же проводили старца и еще несколько дальше. Наконец он вышел из своей кибитки, благословил каждого брата и отправился в преднамеренный путь.

Может быть, такие торжественные проводы старца были устроены вследствие разнесшейся

молвы, что он едет в Москву по вызову великого московского иерарха. Думается, впрочем, что и прежние проводы старца, при отъезде его на долгое время, не лишены были интереса.

15 мая в послеобеденное время возвратился из Малоярославца скитский кучер² с лошадьми, на которых возил туда старца. С этим кучером получено было скитянами от батюшки и первое письмо, в котором он после подробного описания пути до Малоярославца изволил, по обычаю своему, приписать свое отеческое благожелание: «Пребывайте, братие, в самоукорении и любви; и мир Божий пребудет с вами».

Около полутора месяцев, с проездом в Москву и обратно, пробыл в отлучке старец Макарий. В это время изволил посетить Оптину пустынь новый Преосвященный, епископ Григорий (Миткевич), занявший Калужскую кафедру с 9 декабря 1851 года после предместника своего, епископа Николая. Приехал он 31 мая и пробыл несколько дней. Ко всем и ко всему в обители владыка был очень внимателен и любезен. Когда был в скиту, пожелал посетить келью скитона начальника и старца Макария. Войдя в залик, он спросил: «Это приемная, кажется? А я желаю видеть келью старца». Тогда сопровождавший Преосвященного игумен Моисей приказал отпереть дверь кельи. Войдя туда, владыка помолится на святые иконы, потом, взглянув на шкаф, проговорил: «А! Книги?» — и, надев очки, начал пробегать сквозь стекло шкафа оглавления. Затем обратился к другому шкафу: «И тут тоже книги? Вот сколько! Значит, старец пользуется ими. А чьи это?» Отец игумен объяснил, что собственные старца.

*Схиархимандрит
Пафнутий
(Осмоловский).
Фотография. Конец
XIX века. АОП*

После этого, осмотрев скит и пасеку при нем, возвратился в монастырь.

Отслужив в монастыре 3 июня литургию, Преосвященный пожелал в следующий день и в скиту послужить. Прослушав с вечера в скитской церкви бдение и возвращаясь на ночлег в монастырь, он в разговоре с сопровождавшим его настоятелем спросил: «А откровение к кому (братия) имеют?» Отец игумен ответил: «Откровение имеют к старцу Макарию». — «Вот это — главное, — продолжал владыка. — В этом-то и состоит все дело. Это есть источник спасения. Не то или упадет человек слишком низко, или вознесется высоко. Первое худо, а за вторым как раз следует прелесть. Не правда ли?» — «Точно так, Ваше Преосвященство, — ответил игумен. — Иной самочинием попадет в такую прелесть, что и исправить бывает трудно». Далее владыка говорил о том, сколь важным считает он откровение помыслов, посредством которого очищается сердце и увядают страсти, и заключил разговор словом Писания: безсоветием же пленяется нечестивый (ср.: Притч. 11, 6). Этот замечательный во всех отношениях разговор послужил для владыки и темой беседы, которую он на другой день произнес в скитской церкви после Божественной литургии.

Но продолжим разговор о путешествии старца Макария. В Москву он прибыл 14 мая утром, в девятом часу, в дом Киреевских, который находился у Красных Ворот, где хозяева ожидали его, как благословение Божие. Но едва успел старец выйти из повозки, как посланный от митрополита Филарета приехал узнать: когда ожидают старца? До слез тронут был батюшка Макарий вниманием милостивого владыки и поспешил сам выказать митропо-

*Архиепископ
Григорий (Миткевич).
Литография. Середина
XIX века.АОП*

литу душевную признательность — явиться к нему лично. В это же первое свидание митрополит изволил пригласить его к своей трапезе.

Как затем старец проводил в Москве время, заимствуем сведения из его писем к севским племянникам. В следующее, пятнадцатое число мая он писал так: «Двенадцатый час. Мы после обедни удостоились получить от владыки благословение и удостоились его беседы. Около часа был я у него; говорил (владыка) о разных предметах, более духовных, и выше моего достоинства; явил архипастырскую свою милость — приехать приказал во втором часу обедать, где обещал познакомить худость мою с преосвященным Григорием Казанским. Ну стою ли я того? Боюсь, да не будет мне сие во осуждение».

(Того же дня.) «Пятнадцатого числа, после письма моего к вам, я удостоился быть сотрапезником двух иерархов; истинно, не по моему достоинству, взирая на жизнь мою нерадивую, и при том горе мне! Яко имя мое выше дел моих, а я, окаянный, уловляя славу, далече бегу от поношений; а не имею равенства и к тому, и к другому. Но что делать? Господи! Имиже веши судьбами, спаси мя, недостойного».

«Ныне (должно быть, в следующее, шестнадцатое число) опять благословил владыка побывать к нему, и я поеду туда в восемь часов к обедне и надеюсь получить его благословение».

«17 мая. Слава Богу! Вот мы уже в Москве четвертый день живем, и кое-что поисправили, и у некоторых были. Я писал к вам о благополучном нашем приезде и о получении благословения от владыки; и теперь утром, имея свободное время, пишу к вам сии строки, или беседую с вами. Вчера, уже не рано, получил письма из Пустыни от вас, от братьев и все присланные на мое имя в Пустынь».

«18 мая. Сегодня праздник Сошествия Святого Духа; и я, грешный, выше моего достоинства сподобился быть сослужителем при митрополите в Чудове монастыре. Он служил литургию, и я был в числе служащих. Благодарение Господу!»

«На память Алексея митрополита (20 мая) был я в Чудове. Владыка служил, а я стоял в алтаре с М... После был на закуске у владыки; и он благословил мне отправиться в Лавру. Думаю завтра или в пятницу туда поехать. А вы, кажется, бредите в жару о моей мнимой высоте, не понимая того, что я ничтоже значу. Владыка со мною еще почти ничего не говорил; а как поговорит, то и увидит мое неразумие и ленивое и нерадивое житие. Он, может быть, думал найти во мне какие-нибудь высокие дарования и плод духовный; а я всего этого чужд и един от грешных и немощных есмь. Вы бредьте как хотите, а мне на деле виднее».

«26 мая. Пишу к вам из Лавры преподобного Сергия, угодника Божия, куда мы приехали в пятницу 23-го числа, в два часа пополудни. И в тот же день приехал сюда и владыка. На другой день после утрени мы служили молебен преподобному Сергию, где и ваши имена воспоминали. После обеда отправились в скит; и отец наместник туда же приехал и показал нам все заведения тамошние. Мы там были у всенощной и обедни в воскресенье; там и заговлялись. И на тот же день приехала в Лавру великая княгиня Мария Николаевна. Нынче утром мы приехали в Лавру: владыка будет служить».

«Пишу после обедни... В церкви мы стояли в алтаре, и довольно хорошо можно было видеть великую княгиню с сыном... Слава Богу, что державный Двор наш имеет такое усердие к угоднику Божию, преподобному Сергию: они нарочно

приезжали для поклонения. В Москве только переночевали».

«30 мая. Второе пишу к вам, возлюбленные о Господе чада, отсюда из Лавры, где пробудем до воскресенья или понедельника...»

«Благодарение Господу! Удостоившись побыть в Лавре преподобного Сергия и поклониться святым его мощам, вчерашний день возвратились паки в Москву. Оттоль я писал к вам, почему теперь нахожу излишним описывать вам тамошнее наше пребывание. Скажу только, что молитвами угодника Божия нам было там очень хорошо. Владыка милостиво и отечески нас принимал и проводил благословением и иконою Успения Пресвятой Богородицы; и коралловые четки из своих святительских рук благословил».

Здесь представляется нужным сделать небольшую вставку. В январе 1859 года новый начальник оптинского скита, иеромонах Пафнутий, в бытность свою в Москве представлялся митрополиту Филарету, который принял его милостиво и очень ласково, расспрашивал об оптинских старцах, отце Макарии, архимандрите Моисее и игумене Антонии и в заключение, благословив его, прибавил: «Скажи отцу Макарию, что четочки, которыми мы с ним поменялись, я ношу, и теперь их имею в своих руках». Слова эти показывают, что старец, по глубокому смирению своему, об обмене с митрополитом четками умолчал.

Продолжаем говорить о расставании отца Макария с отцом наместником Лавры собственными словами старца: «А отец наместник явил велию свою

*Троице-Сергиева лавра.
Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

к нам любовь и всем снабдил: образами, книгами, чаем, сахаром, самоваром, деньгами, рясою и камилавкою с клобуком; дал до Москвы своих лошадей и преспокойный тарантас; сам проводил за десять верст, где мы и чайку попили. А о. Ф. с о. Д. проводили до половины дороги, то есть до ночлега. По приказанию владыки мы пробыли в Лавре и в скиту десять дней. Я представил ему, что срок наш сближается, а он говорит: „Можно отсрочить; когда нужно, я напишу к вашему архиерею, а вам надобно в Москве полечиться“. Нам же осталось сроку только семь дней, а тут еще ни у кого не были, что делать? Просил отца игумена прислать еще отсрочку на две недели. А между тем мы будем часто беседовать на письмах — что я и делаю всякую почту: пишу к своим братьям и сестрам, то есть к вам, а вы пишете ко мне и не скучайте»¹.

Этим заканчиваются сообщенные самим старцем Макарием сведения о его пребывании в Москве и Лавре. Можно из них видеть, как были ему рады и какую показывали к нему любовь митрополит и лаврский наместник, а с другой стороны, каково было и смирение старца!

13 июня отбыл батюшка Макарий из Москвы. Киреевские проводили своего духовного любвеобильного отца до заставы. А 20 июня, в конце

вечернего правила, он возвратился из своей поездки в скит. Свиделись скитяне со своим дорогим батюшкой и получили от него благословение в церкви. А затем до позднего вечера кельи старца наполнены были монастырскими братьями, приходившими к нему получить благословение и изъяснить свою радость о благополучном его возвращении.

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письма 60, 61 и 62. — Примеч. авт.

Троице-Сергиева лавра.
Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП

Насколько приятно было митрополиту личное свидание со старцем, можно видеть из следующего письма к нему владыки: «Преподобный отец Макарий! Первее всего благодарю Вас за доброе посещение. Надеюсь, что труд Ваш небесплоден. Жалею, что не довольно беседовал с Вами. Но слава Богу о всем!

Благодарю за книги². Вы очень щедры, и мне совестно было пользоваться щедростью Вашею: но меня убедили не прекословить. Польза, которую обретут читающие, Богу тайнодействующу, да обратится и Вам в духовное приобретение. Целование моего смирения всему братству Вашему. Благодать и мир Господень с Вами! Прошу не лишить меня благой помощи молитв Ваших. Филарет м. Московский. Августа 13. 1852».

Действительно, труд поездки старца Макария в Москву, по словам митрополита, был небесплоден. Там он имел утешение помолиться святым угодникам Московским и лобызать их нетленные мощи, а затем и преподобного Сергия в его Лавре; видеть лицом к лицу великого святителя Московского, получить от него благословение и наслаждаться его смиреннолюбовным собеседованием; в Лавре же быть принятым с братской любовью — и даже, кажется, больше того — отцом наместником Лавры, а затем еще ректором Духовной академии архимандритом Алексием, инспектором архимандритом Сергием и профессором Ф. А. Голубинским. Кроме того, старец воспользовался и пособием главного доктора Московского сухопутного госпиталя господина К. К. Пфёля³. Издавна страдая, а последние годы и постоянно, занятием духа, страдалец поддерживал себя каплями, которые прописывал ему этот доктор.

² Послано было митрополиту двадцать пять экземпляров только что отпечатанной при его содействии книги «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни». — *Примеч. авт.*

³ Карл Карлович Пфёль — домашний врач семьи Киреевских.

Благосклонно относился митрополит Филарет к старцу Макарию и до личного с ним свидания; а после него стал относиться с еще большим вниманием, благорасположением и благопожеланием. Так, например, 25 февраля 1854 года старец получил от митрополита письмо следующего содержания: «Преподобному отцу Макарию о Господе радоваться. Как пишу к Вам при вступлении в пост, то время просить у Вас прощения, может быть и в больших винах, нежели та, о которой теперь думаю, в долгом молчании. С участием слышу, что здоровье Ваше слабо. Дайте себе отдых. Не истощайте сил, которые при умеренном употреблении долее могут служить на пользу.

Слышу также, что Вы озабочены неправыми суждениями о некоторых людях, получавших от Вас наставления. Сколько знаю обстоятельства: надобно им советовать терпение, потому что мнение их начальства не вдруг изменить можно. Впрочем, нет причин опасаться, чтобы могли случиться затруднения, подобные случившимся с покойным отцом Леонидом¹.

Мир и тишина душе Вашей. Помолитесь о моей, молвою житейскою обуреваемой. Филарет м. Московский. Февр. 21. 1854.

Целование Вашему отцу архимандриту и отцу Антонию. У первого также прошу прощения в молчании».

Или в письме того же года к старцу Макарию писала Наталья Петровна Киреевская: «В пятницу имела счастье быть у владыки митрополита... Несмотря на занятия, он сделал милость — принял нас внимательно и изволил спрашивать о здоровье Вашем; и, узнав о ослаблении и занятии духа, случающемся с Вами, крайне соболезновал и сказал:

¹ Отец Леонид — первый оптинский старец, предместник старца Макария; в продолжение всей своей сорокачетырехлетней иноческой жизни (за исключением первых немногих лет с поступления в монастырь) терпел гонения и великие скорби, которые, впрочем, с верой в Господа всегда переносил благодушно. — *Примеч. авт.*

нужно бы отцу архимандриту покоить старца; передайте старцу желание мое ему здоровья и благословение Божие. Исполняю сие приятное поручение от всей души».

Во взаимных отношениях владыки митрополита и старца Макария проглядывает даже поистине детская друг к другу любовь. Духовную дочь старца Н. П. Киреевскую митрополит принимал без промедления во всякое время — и когда был занят делами, и даже когда нездоров был и потому, кроме нее, никого не принимал. 25 октября того же 1854 года Киреевская писала старцу следующее:

«Милостивый отец мой, благодетель души! В пятницу, как предполагала, была у владыки. Он был нездоров и еще никого не принимал. Я решилась сказать, чтобы доложили обо мне, и, конечно за Ваше святое благословение, была принята милостиво владыкой. Передала Ваше земное поклонение, отец мой, и, получая Вам святое благословение от владыки, я развязала узелок с дарами от Вас и подала сперва чашу точеную, потом ложечки, ковшик. Владыка все пересмотрел со вниманием и, держа в руке ковшик, сказал: „Скажите, зачем тут внутри розаны? Чтобы их выпить? Ведь они сойдут, вот и у меня в скиту тоже так расписывают; кажется, это лишнее?“ Я ответила владыке: „Эти цветы не сойдут, они тщательно кроются олифою и удерживаются, что на опыте видела, употребляя ложечки одинаково расписанные; это очень красиво“. Владыка: „Ну хорошо, буду за обедом употреблять и пить из этого ковшика...“ Потом подала подсвечники (точеные), которые очень понравились владыке. Он сказал, что „со шпилькою чище“. А когда я доложила, что батюшка совестился послать их, — они в олове просто отделаны, —

владыка сказал: „Напрасно; я олово предпочитаю; оно гораздо лучше меди“.

После всего я подала владыке книги святого Исаака и объяснила, почему несколько измяты листы, — от моей вины, и что для себя Вы изволили сами ставить литеры для удобства приискания строк той же материи, и показала — как (приискивать), и что усердствуете владыке, собственно думая, что не будет ли это удобство угодно для владыки. Владыка сказал: „Очень благодарен. Но для себя отчего же старец не оставил и лишил себя?“ Я отвечала: „Батюшка еще себе потрудится сделать; а Вам, владыка, он рад служить всем, что имеет, по глубокой преданности его к Вам“. Владыка сказал: „О, спаси их Бог! Благодарю их. Видно, мне еще долго жить. Как они много всего мне прислали! Они хотят, чтобы я долго жил“. И все с приятностью улыбался. Я отвечала, что следовало по приличию. Владыка с участием расспрашивал о здоровье Вашем. Я объяснила, что видела, и душою утешилась любовью к Вам владыки, отец мой! Потом передала поклон и почтение от отца архимандрита (Моисея) и отца игумена Антония...»

Находясь в таких близких отношениях вообще к оптинским старцам и в особенности к старцу Макарию, владыка митрополит пожелал и еще раз свидеться с ним и с игуменом Антонием, к чему представился и благоприятный случай. В скитской летописи под 26 сентября 1855 года читаем следующую заметку: «В сей день, в четыре часа утра, старцы — отец игумен Антоний и батюшка отец Макарий — поехали в Зосимову девичью пустынь по приглашению начальницы оной к освящению храма, которое будет совершено владыкою Московским высокопреосвященным Филаретом, который

также изъявил желание, чтобы старцы воспользовались сим случаем для личного с ним свидания и беседы». Но подробности этого свидания, к сожалению, неизвестны.

Какая притом еще была великая внимательность владыки митрополита к изданию оптинцами во главе со старцем Макарием святоотеческих писаний — внимательность, соединенная с глубоким смирением святителя Христова, преимущественно по отношению к старцу! Мало того, что митрополит внимательно прочитывал и тщательно исправлял составленные оптинцами пояснения на некоторые темные места святоотеческих писаний, — он сам даже переводил некоторые трудные места святых отцов, сличая с греческим или латинским подлинником, и побуждал цензора к скорейшему исполнению порученного ему дела.

Особенно святитель заботился об издании книги «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни», находя ее более других полезной для иночествующих. В письме своем к старцу Макарию Н.П. Киреевская в июле 1849 года между прочим писала, что владыка, узнав о желании оптинцев напечатать поучения преподобного Феодора Студита и преподобных Варсануфия и Иоанна, заметил: «Мнение мое: прежде всего начать печатать Варсануфия Великого — вот это бы лучше». А от 19 сентября того же года Киреевская сообщила старцу Макарию следующие слова митрополита: «О книге святого Варсануфия, бывши в Лавре, я занялся. Нашел и греческий подлинник; и древний славянский мы отыскивали, и, что странно, славянский

Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Портрет.

Неизвестный художник. Середина XIX века.

ЦАК МПДА

гораздо ближе и вернее греческого. Мы положим так: перевод старца Паисия печатать так, как он есть. Но как есть в нем в некоторых местах пропущенные речи и места, то все и тому подобное из древлесславянского, и частью сверяясь с греческою (книгою), будем выставлять внизу в примечаниях, как то сделано и в книге святого Нила». «Выслушав сии радостные слова, — писала затем Киреевская, — я поклонилась владыке в ноги с глубочайшею признательностию и благодарением... Я еще прибавила несколько слов о том, что боялась отвлекать Феодора Александровича (Голубинского), теперь иным занятого, от книги святого Варсануфия. Владыка сказал: „Ну, я ему приказал исключительно ею заняться“. Когда же книга была напечатана и от имени старца Макария поднесена Киреевскою митрополиту, он очень был доволен. Киреевская по этому поводу писала в Оптину следующее: «Владыка принял нас отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземпляр от имени Вашего, батюшка, благодарила от Вас с поклоном земным. Владыка с большим удовольствием принял книгу и сказал: „У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен“. Я просила владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и владыка все очень-очень одобрил. Любезно говорил».

Вместе с книгой преподобных отцов Варсануфия и Иоанна митрополит одобрял издание преподобного аввы Фалассия. Продолжая предыдущее письмо, Киреевская писала к старцу: «Я подала владыке третью сотницу перевода Фалассия. Владыка спросил: „Что это?“ — „Остальная сотница Фалассия. Самые последние главы четвертой сотницы батюшка отец Макарий не перевел, потому что

боялся погрешить в изложении сих высоких предметов богословия, и оставил это на волю Вашего Высокопреосвященства, и как Вам Господь возвестит“. — „Напрасно; лучше бы перевели — мне бы помогли. Погодите, сейчас...“ — и пошел в другую комнату. Владыка возвратился, держа в руках первую сотницу святого Фалассия: „Вот первая сотница, я ее прочитал, некоторое изменил. В одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в Лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно потому, что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки. Я озабочивался и не знал, как мне им переслать эту сотницу. Очень рад, что Вам могу отдать ее“. Я очень благодарила и говорила, что Вы примете милость владыки с глубочайшим чувством признательности и что Ваши поправки — благодеяние. Владыка сказал: „Ну, это как старцы найдут“. Потом я спросила: „Когда старцы переписут, то позвольте к Вам обратно доставить?“ — „Можно и в цензуру отдать — как хотите“.

По возвращении же первой сотницы аввы Фалассия митрополит писал к старцу Макарию:

«Мир свышний преподобному отцу Макарию! Возвращаю перевод аввы Фалассия, испещренный мною, может быть, так же некрасиво в отношении к разуму, как в отношении к буквам. Отдаю на Ваше рассуждение. Не излишним думаю сказать, что мною сделано и почему. Первую сотницу сличал я только с переводом старца Паисия. В немногих главах усомнясь, прибегнул к подлиннику. Три остальные сотницы что-то побудило меня постоянно сличать с греческим подлинником, а иногда и с латинским

переводом, который напечатан при греческом подлиннике, но не всегда с ним сходен. Оказалось, что для некоторых глав необходима была помощь греческого подлинника, а иногда и латинского перевода, хотя в некоторых других главах наш перевод, очевидно, верен, а печатный греческий темен — очевидно, испорчен.

В 59-й главе третьей сотницы перевод наш оставлен неприкосновенным; а перевод с греческого поставлен в примечание, потому что несколько сомнительно, которое чтение правильное, хотя, по моему мнению, вероятнее, что истинное

чтение — греческое; ибо только догадочно и принужденно можно дать значение словам: „в трудолюбивом друге ты найдешь покров очам твоим“. Но слова „в трудолюбивом друге ты найдешь покров твоим погрешностям“ дают ясный смысл. И можно видеть их источник в словах Апостола: обративый грешника от заблуждения покроет множество грехов¹. О том, что 89-я и 92-я главы четвертой сотницы не на своем месте, прилагается при сем особая записка. Прилагаю также последние 21 главу, переписанные особо, дабы Вы лучше могли прочитывать, нежели то, что я связно пишу по недосугу, по немощи, а более всего по лености, от которой избавиться помогите мне молитвами Вашими. Паки целование мира Вам, и отцу архимандриту, и отцу Антонию. Филарет м. Московский. В Лавре. Июня 22, 1855 года».

В ответ митрополиту старец Макарий писал следующее:

«Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь и отец! Неоднократно получая от

Чудов монастырь — резиденция митрополита Московского Филарета. Фотография. АОП

¹ Ср.: Иак. 5, 19–20.

Вашего Высокопреосвященства чрез Н.П. Киреевскую архипастырское благословение, принимал оное благоговейно, с чувством благодарности и, не смея беспокоить Ваше Высокопреосвященство писаниями моими для выражения оного, сохранял в молчании доселе. Но ныне вновь излившаяся архипастырская и отеческая милость Ваша подала смелость к написанию сих моих скудоумных строк.

При всех Ваших многотрудных и полезных занятиях Вы изволили уделить время для рассмотрения представленной от нас Вашему Высокопреосвященству чрез Наталью Петровну рукописи аввы Фалассия первой сотницы со славянским текстом перевод на русский язык. Получа оную обратно, с радостию увидели во многих местах исправление перевода, сделанное святительскою рукою Вашего Высокопреосвященства, которое нам ясно показало правильность славянского текста и наше скудоумие; и еще столько явили милости — изволили принять и остальные три сотницы на Ваше благорассмотрение. Простите, милостивейший владыко, такую нашу дерзость, что мы осмелились сим утруждать особу Вашего Высокопреосвященства.

Считаем также велиею милостию к нам и счастьем для себя то, что удостоили принять от нашего глубочайшего усердия экземпляры книги святых Варсануфия и Иоанна в русском переводе. Это не наше произведение, а плод Вашего архипастырского благоволения и благословения, без коих не могло бы совершиться сие предприятие. Продолжая Ваши архипастырские и отеческие милости, Ваше Высокопреосвященство изволили прислать чрез отца наместника Лавры отца архимандрита Антония в нашу обитель 100 рублей серебром. Все оное слагая в сердцах наших, осмеливаемся

в сих слабых скудоумных строках принести Вашему Высокопреосвященству нашу наиглубочайшую благодарность и мысленно припадаем к стопам Вашего Высокопреосвященства, лобызая святительскую Вашу десницу.

При чем, дерзая испрашивать Вашего архипастырского благословения и святых молитв всей нашей скитской братии, трудившейся в деле книжном, и мне последнему с беспредельным высокопочитанием и сыновнею преданностию, имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца, низжайший сын и послушник, многогрешный иеромонах Макарий. 25 июня 1855 года».

Но в особенности владыка митрополит заботился об издании Оптиной пустыней книги святого Исаака Сирина в славянском переводе старца Паисия Величковского. Книга эта, впрочем, напечатана была немного раньше преподобного аввы Фалассия. В памятной записке старца Макария читаем об этом следующее: «О напечатании книги святого Исаака Сирина мы не смели надеяться предпринимать какие-либо средства (вероятно, потому, что уже напечатан был русский академический перевод сего святого отца); но Бог судьбами Своими устроил неожиданно и даровал нам иметь духовное утешение велие — видеть ее напечатанною в 2400 экземплярах. Вот как это случилось: в 1852 году, когда я был в Москве, говоря с господами Киреевскими о русском (академическом) переводе сей книги, как бы хорошо и полезно было напечатать сию книгу на славянском языке старца Паисия, предложил им при случае предложить о сем высокопреосвященному митрополиту Филарету. Бывши в Троицкой лавре в то же время,

предложил о сем отцу наместнику архимандриту Антонию. По отъезде моем он, улучив время, в разные времена при разговоре докладывал о сем Его Преосвященству».

По этому поводу в сентябре того же 1852 года получено было старцем Макарием от лаврского наместника следующее письмо: «Боголюбивейший и любезнейший старец отец Макарий, благословите! По слову Вашему о напечатании Исаака Сирина писал я к старцу нашему, святому владыке. Извольте выслушать, какой ответ он мне написал: „Рад буду, если напечатают отцы оптинские книгу Исаака Сирина на славянском, и для цензуры затруднения не предвижу. Желательно было бы, чтобы при сем на некоторые места сделаны были с подлинника пояснения, как сделано в издании Варсануфия Великого. Но если сие окажется трудным, и без сего напечатать хорошо. А с пояснениями славянский текст, по мне, лучше русского, потому что по свойству языка перевод ближе к подлиннику. Новым переводам я меньше верю“. Вот Вам, любезный батюшка, от слова до слова ответ владыки. Теперь остается Вам, призвав Господа в помощь, приступить к делу. Испрашивая святых молитв Ваших, с сердечною любовью есмь навсегда недостойный Антоний.

Отцу игумену Моисею, отцу Антонию и всей скитской Вашей братии передайте братский поклон. 18 сентября 1852 года».

Следующей почтой получено было письмо от Н. П. Киреевской, в котором она уведомляла старца Макария о разговоре с митрополитом. «Владыка: „Не пишет ли Вам отец Макарий что о печатании книги святого Исаака Сирина? Он писал о сем к отцу Антонию, почему это?“ Я отвечала:

„Не знаю ничего о сем, владыко. Но если батюшка писал к отцу Антонию, то, вероятно, основываясь на словах, сказанных Вами прежде мужу моему, что Вы рады будете видеть сию книгу напечатанною, подобно книге святого Варсануфия, на славянском языке с пояснениями. Но только, владыко, осмелюсь заметить, что если пояснения эти поручите сделать Голубинскому, то будет очень медленно. Да кажется, владыко, вновь потом надобно будет отсылать в Синод и оттуда ожидать разрешения о напечатании?“ Владыка: „Нет, в Синод посылать я не буду — ведь эта книга святого отца, — а отдам ее на рассмотрение в Комитет; и если он не решится пропустить, то потребую к себе и сам подпишу. Пусть делают выговор мне одному“».

В вышеозначенной памятной своей записке старец Макарий заметил, что в отношении пояснений на темные места святого Исаака Сирина митрополит «не знает, кому поручить это сделать. Вследствие сего, — продолжает старец, — мы писали к Н. П. Киреевской предложить владыке, не угодно ли будет Его Высокопреосвященству дозволить нам заняться сим делом. На это и получили его благословение и дозволение взять в Московской духовной академии греческую книгу святого Исаака Сирина».

Приготовленная затем к печати рукопись представлена была митрополиту Филарету на рассмотрение. «Владыка, — продолжает в своей записке старец, — принял оную благосклонно и, отправившись в Троицкую лавру, находясь там в скиту, первую неделю Великого поста занялся просматриванием наших пояснений и замечаний; некоторые поправил и своеручно о сем удостоил меня писанием от 9 марта 1853 года, и что он передал рукопись сию в цензуру для рассмотрения и дозволения

печатать, — которая и поручена цензору, отцу инспектору академии архимандриту Сергию, который с любовью занялся рассматриванием оной и по окончании того же года в июле месяце подписал дозволение печатать и доставил в Москву к господам Киреевским. А они, с благословения архипастыря, приступили к печатанию и продержали корректуру. Между тем Господь помог нам сделать на оную книгу алфавитный указатель, который также утвержден цензурою к печатанию».

Нелишне здесь предложить вниманию читателей и письмо святителя Филарета от 9 марта 1853 года, которым он почтил смиренного старца Макария: «Преподобнейшему отцу Макарию о Господе радоваться! Помолитесь о нас, борющихся с волнами людей и дел, да не погрязнем, но да касаемся, хотя несколько, брега тишины и свободы. Несколько месяцев прошло, доколе я нашел наконец время оторваться от дел неволи, чтобы заняться делом желаемым — чтением рукописи святого Исаака Сирина, приготовленной Вами к печатанию: но и теперь, не кончив сего, принужден возвратиться к окружающим меня неизбежным делам должности. Около половины книги читал я непрерывно, внимая учителю и Вашим толкованиям. Далее просматривал некоторые места: но, не могши продолжать и опасаясь еще надолго остановить дело, решаюсь завтра послать рукопись в цензуру. Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся некоторых примечаний Ваших, не имея возможности предварительно изъяснить Вам, почему так коснулся.

Некоторые места книги темны в греческом так же, как и в славянском тексте. Вероятно, сему причиною, между прочим, греческий переводчик

*Наталья Петровна
и Иван Васильевич
Киреевские*

с сирского. Некоторые примечания на такие места показались только догадочными и не довольно соответствующими греческому тексту. В таких случаях мне показалось лучшим — оставить темное темным, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль вместо мысли Исаака Сирина. В некоторых случаях мне показалось, что толкование не соответствует духу учения. Таково следующее место в Слове 44-м. Текст: *безмолвие простое*¹ *посреде правды укорно есть*.

¹ То есть без ощущения
благодатных действий
(примечание старца
Макария). — *Примеч. авт.*

Неужели всегда, — писал митрополит, — когда не ощущаются благодатные действия, безмолвие уже есть укорно, или достойно осуждения? И добрые подвижники тотчас ли получают ощущение благодатных действий? И у достигших не скрываются ли иногда сии ощущения, по несовершенству или смотрительно? Почему я изменил сие толкование так: без других подвигов и добродетелей. В сем смысле сделано замечание и в греческой книге.

Одно толкование не решился я переменить сам собою и представляю Вам о сем при сем записку. Если согласитесь на предлагаемую перемену, то возвратите предлагаемое мною толкование, дабы передать оное цензорам для внесения в рукопись. Об изменениях меньшей важности, которые позволял я себе сделать, говорить не нужно и, по немалому числу их, неудобно. Божие благословение и мир Вам и братству Вашему усердно призывая, поручаю себя молитвам Вашим. Особенно отцу игумену изъявите мое почтение и признание моей вины, что не пишу к нему особо и что молчал долго, в чем у обоих вас прошу прощения. Филарет м. Московский».

Толкование старца Макария, которое не решился митрополит переменить, следующее: в Слове 21-м

святого Исаака Сирина текст: «Чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества». Толкование: «Под видом знания здесь разумеется неестественное употребление вещей, находящихся в природе» и прочее.

Особая записка митрополита по поводу этого толкования: «Иное — виды знания, а иное — употребление вещей. И не под всеми видами знания разумеется неестественное употребление вещей. Есть вид знания сущих чрез естество: и прежде его есть вид знания сущих по естеству. Сей вид знания принадлежит чистоте, а тот — состоянию страстному. Мысль замечания правильна, но выражение не точно. Не угодно ли так изложить замечание: преподобный Исаак различает здесь вид знания сущих по естеству и вид знания сущих чрез естество. Первый не противен чистоте, а второй должен быть забвен для достижения чистоты. Вид знания сущих чрез естество есть знание вещей не просто по естеству, но с применением мыслей, происшедших от употребления вещей не по естеству, а по страсти. Так, представление в мыслях золота как создания Божьего есть знание сущего по естеству, а представление золота с корыстным вожделением есть знание сущего чрез естество».

Ответ старца Макария на письмо митрополита: «Ваше Высокопреосвященство, милостивый отец и архипастырь! Высокое смирение Вашего Высокопреосвященства, явленное в своеручном писании Вашем от 9-го числа сего марта, коим удостоили мою худость, до глубины души тронуло меня, и еще более дало познать и видеть мою нищету, и навело боязнь, да не будет мне на осуждение таковое снисхождение Ваше. Молчанием обротеваю² ум мой и, повергаясь мысленно к святительским стопам

² Заграждаю (церк.-слав.).

Вашим, безгласное приношу благодарение. При многотрудных и многосложных подвигах и попечениях Вашего Высокопреосвященства о великой пастве пространного нашего отечества Вы изволили уделить время на прочтение рукописи святого Исаака Сирина, по благоволению и благословению Вашего Высокопреосвященства приготовленной нами к напечатанию, с толкованиями или пояснениями на некоторые неудобопонятные места славянского текста, и удостоили слабый труд наш Вашего архипастырского внимания, рассмотрев оный. Это сродно токмо высокой особе Вашей и Вашей любви к распространению духовного учения святых отцов для питания оным чад Православной нашей Церкви. Представляя сию рукопись Вашему Высокопреосвященству, мы никак не смели считать наши пояснения точными и правильными; но утешались надеждою, что Ваше Высокопреосвященство обратит на них милостивое внимание, и, быв осчастливлены оным, почитаем изменения, сделанные Вами, справедливыми и святыми. Зная просвещенный разум и опытность Вашего Высокопреосвященства, с любовью и чувством невыразимой благодарности

*Чудов монастырь.
Москва. Фотография.
АОП*

лобызаем мысленно святительскую Вашу десницу, потрудившуюся в сем исправлении наших погрешений. В некоторых же темных местах мы хотя и дерзали делать пояснения, не желая оставить их так; но если Ваше Высокопреосвященство изволите находить, что лучше оставить темное темным, нежели основаться на догадочных мыслях, то веруем, что Господь возвестил Вам сие; и это, без сомнения, будет надежнее и полезнее.

Касательно двух мест, на которые Вы изволили сделать замечание и изменение, осмелимся доложить Вашему Высокопреосвященству, как мы понимали, не считая, впрочем, нашу мысль за правильную. В Слове 44-м на слова *безмолвие простое посреде правды укорно есть* сделано нами пояснение: *без ощущения благодатных действий*. Ваше Высокопреосвященство справедливо изволили заметить, что подвижник может не иметь сих ощущений, не доспев еще до сего или по другим причинам. Но мы имели в виду повыше сих строк исчисленные действия преуспения безмолвия и рассматривали слова *безмолвие простое посреде правды укорно есть* только по отношению к оным в высоком устроении находящимся людям, а не в таком разуме, чтобы простое безмолвие вовсе было укорно или осуждения достойно. В нем, конечно, есть свои степени и умаления и приращения по мере духовного возраста каждого. Мы так понимали, но не могли вполне выразить нашу мысль. Исправление же Ваше: *без других подвигов и добродетелей* — ближе к понятию многих и точнее; ибо от совершения подвигов бывает и преуспение в благодатных ощущениях. В Слове 21-м наше замечание на текст *чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества* не выражает настоящего разума и точности; а замечание Вашего Высокопреосвященства очень ясно и правильно, и мы смиренно просим заменить оным наше ошибочное, если есть на сие Ваше соизволение.

Во всех же наших недостатках и погрешениях, какие сделаны в сем деле по самосмышлению или по недоразумению нашему, припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваем, как я, так и сотрудники мои, Вашего архипастырского

и отеческого прощения и милостивого снисхождения. Отец игумен наш принял благословение Вашего Высокопреосвященства с невыразимым чувством благодарности и зазрением себя о высоком Вашем смирении и считает себя счастливым, что удостоился получить Ваше благословение. Молитвами и благословением Вашего Высокопреосвященства Господь даровал нам помощь окончить перевод на русский язык книги святых Варсануфия и Иоанна, которую надеемся вскоре представить Вашему Высокопреосвященству, и смиренно просим Вашего соизволения и благословения на представление оной в цензуру для рассмотрения и утверждения к напечатанию.

Дарованное нам Вашим Высокопреосвященством в писании Вашем архипастырское благословение принимаем с верою и любовью и благодарным сердцем и на будущее время осмеливаемся испрашивать оно и святых Ваших молитв на укрепление наших немощей душевных и телесных. И паки припадая к стопам Вашим и лобызая благословляющую десницу Вашу, с глубочайшим моим высокопочтением и невыразимою сыновнею преданностью имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивого архипастыря и отца, нижайший послушник и. Макарий. 17 марта 1853 года».

С каким благоговением старец Макарий относился к великому святителю Филарету, можно видеть из его письма и к севским племянницам: «Сегодня, — писал он, — Господь сподобил меня, не по достоинству моему, получить милостивое писание от Московского владыки, митрополита Филарета, от 9 марта, своеручное... О, влие смирение высокого сего мужа! Как он милостиво и смиренно выражается пред нашею худостию! Даже

в стыд и страх приводит своим снисходительным смирением. И при столь обширных его епаршеских занятиях избрал время к прочитанию сей книги (святого Исаака). Как велика его любовь к отеческим учениям и желание оные передать верным сынам России для напитания душ их манною духовного учения сего святого Исаака Сирина! Для нас очень приятно, что он своею святою рукою поправил наши ошибки. Слава Богу о сем Его даре!»¹

Но всего этого внимания к изданию книги святого Исаака было мало для милостивого Филарета. Он через Н. П. Киреевскую пожертвовал собственно на это издание сто рублей. Вместе с тем выражал заботу о том, чтобы издание книг, при щедродательности оптинских старцев, окупалось продажей их, чтобы на эти деньги можно было печатать другие книги. «Итак, — заключает старец Макарий в своей записке, — сия богодухновенная книга (святого Исаака), помощью Божиею, напечатана благословением владыки, и первые три печатных экземпляра оной (в переплете) присланы к нам в обитель на Светлой неделе, 13-го числа (апреля 1854 года), на третий день праздника, как самый приличный подарок для Светлого праздника».

В письме к своим севским племянницам старец еще добавляет: «Иван Васильевич и Наталья Петровна (Киреевские) все усилие употребили докончить к Пасхе. Почти даже и невозможно было сего сделать».

Не один, впрочем, боголюбивый старец, но и все любители святоотеческих писаний были несказанно обрадованы выходом в свет этой книги. Прославляя за это Бога, они вместе благословляли и высокого покровителя этого дела — митрополита Филарета. Да и как было не радоваться? Ибо было время, когда

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 67. — Примеч. авт.

ревнители иноческой жизни и христианского любомудрия платили за рукописные экземпляры этой книги по сто и более рублей ассигнациями; но и то трудно было достать. И хотя перевод старца Паисия и был напечатан в Молдавии в Нямецком монастыре еще в 1812 году, но по существующему донныне запрещению ввоза из-за границы книг славянской печати без всяких изъятий в отношении их содержания книга эта попадала в Россию лишь случайно и потому продавалась недешево — рублей по пятнадцать и более серебром.

Последующие же оптинские издания хотя также печатались с соизволения и благословения митрополита, но он уже не так участливо относился к ним по следующей, высказанной им И. В. Киреевскому, важной причине: «Я не знаю, — говорил он, — для чего печатать много. Не лучше ли ограничиться немногим, явно полезным? Светская литература представляет нам невыгоды многого печатания. Там враг человеческого рода постарался устроить так, что хорошие книги задавлены грудю бесполезных, так что до них и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи?» Впрочем, святитель Христов и после такого высказанного им вполне истинного и отличавшегося по дальновидности его замечания, приложимого к нашему времени, не только не воспрещал оптинцам издавать душеполезные книги, но и содействовал этому.

Какова вообще была любовь митрополита Филарета к старцу Макарию и даже, если не дерзновенно так выразиться, уважение к нему, можно видеть из следующих строк, писанных к старцу Н. П. Киреевскому в марте 1859 года. Вот эти строки: «О вышедшей недавно вредной книге владыка

митрополит Московский сказал, что ее знает, и что уже на нее пишут ответ, и что владыка сам будет об этой книге писать к Вам, отец мой! О чем и спешу Вас предупредить и просить Вас, Господа ради: отвечать владыке откровенно и сильно, как бы Вы были его старец духовный. Владыка этого отношения к Вам желает и глубоко ценит прямое, твердое, неуступчивое слово. Владыка имеет к Вам, отец мой, чувство особенной любви. Отношения к его чувству, конечно, Вам будут облегчены и Вашею к нему любовью. Простите, Господа ради, что смею о сем предлагать Вам; но делаю сие по неограниченной преданности к Вам о Господе».

В том же 1859 году 22 декабря старец Макарий, как бы в подтверждение написанного перед тем Натальей Петровной, получил от митрополита Филарета смиренное письмо чрез вышеупомянутого отца Леонида (Кавелина), бывшего в то время скитским иеромонахом, который при поездке в Санкт-Петербург был у московского владыки. Так как 1 декабря празднуется память праведного Филарета Милостивого — день Ангела двух Филаретов, митрополитов Киевского и Московского, то издавна в скиту бывала, как и теперь бывает, в этот день служба, на которой поминались в свое время о здравии и спасении эти два иерарха; теперь же поминаются о упокоении.

Письмо московского владыки по этому поводу следующего содержания: «Преподобному отцу Макарию о Господе радоваться! Утешен я воспоминанием Вашим о мне в день моего Ангела: разумеая, что сие воспоминание есть молитва, в которой немощь моя и недостойнство имеют великую нужду. Господь обильно да утешает Вас Своим утешением и да обновляет крепость Вашу многих

¹ Немошей телесных — занятия духа, частой бессонницы и вообще ослабления телесных сил. — *Примеч. авт.*

² «Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву». Но было ли последнее слово митрополита об этой рукописи к старцу, неизвестно. — *Примеч. авт.*

немошей Ваших¹, да совершает силу Свою. „Предостережение“ я прочитал и думаю, что оно благопотребно некоторым, дерзновенно вступающим в сокровенный путь внутреннего духовного дела — без опытного руководителя. Впрочем, оставляю еще рукопись у себя и надеюсь еще сказать Вам о ней слово².

Божие благословение усердно призываю Вам, и начальнику обители Вашей, и сподвижникам. Благословите меня миром. Филарет м. Московский. Декабря 11, 1859».

Московский митрополит Филарет призывает старцу Божие благословение и сам в то же время просит этого старца, простого иеромонаха, благословить его миром. Дивное смирение митрополита, и вместе с тем не менее дивное понимание им жизни духовной!

В заключение этой главы нелишне заметить следующее. Предлагаемые здесь письма приведены полностью, чтобы читатели яснее видели, в каких искренних и смиреннолюбивых отношениях были митрополит Филарет и духовник его, наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний, к старцу Макарию, как и он к ним.

ГЛАВА 13

Отношение некоторых иерархов и соприкосновенных книжным оптинским трудам лиц к старцу Макарию и старца к ним, а также и к своим скитским братиям

Книгоиздательская деятельность оптинских братьев во главе со старцем Макарием далеко принесла весть об этом душеполезном их труде и вызвала, как замечено выше, во многих, с одной стороны, искреннее сочувствие этому благому делу, а с другой — так или иначе — содействие. В скитской летописи от 4 апреля 1854 года читаем следующее: «По частным сведениям (из письма Н.П. Киреевской), в Синоде недавно зашел разговор о изданиях нашей обители. Возникли и разные, более неблагоприятные, мнения. Но владыка Никанор, митрополит Санкт-Петербургский, бывший некогда епархиальным архиереем нашим (то есть Калужским) и вообще расположенный

*Митрополит
Санкт-Петербургский
Никанор (Клементьев-
ский). Литография.
Середина XIX века.
ОР РГБ*

к обители (Оптиной), остановил эти толки одним словом: „Мы не должны, — сказал владыка, — препятствовать им в сем; ибо не они у нас, а мы у них должны учиться“. Конечно, слова эти относились к духовным мужам: старцу Макарию, настоятелю отцу Моисею, отцу игумену Антонию и подобным им».

В той же летописи от 15 августа 1857 года записано: «В начале сего месяца высокопреосвященный Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский (основатель оптинского скита в бытность свою Калужским архиереем), с оказиею прислал в нашу обитель и в скит полный круг богослужебных книг — каждая с его собственноручною надписью — в благодарность за книги нашего издания, присланные лично для него, в Лавру, Киевскую академию и семинарию». Вообще святитель этот и всегда весьма расположен был к Оптиной пустыни. Перед самой своей кончиной, когда ексκληарх Киево-Печерской лавры иеромонах (впоследствии архимандрит) Мелетий стал испрашивать у него благословение Оптиной пустыни, он промолвил: «Напишите полное мое благословение; а я сам не могу писать».

С тех пор как в Оптиной пустыни установился добрый порядок иноческой жизни вследствие введенного между братьями старчества, ее посещали в разные времена некоторые иерархи. Так, вышеупомянутый Киевский митрополит Филарет дважды посетил монастырь и скит проездом в Киев из Санкт-Петербурга, где он находился некоторое время как член Святейшего Синода: в первый раз в 1837 году, а в другой раз в 1842 году. Далее, в 1844 году посетил Оптин монастырь и скит

проездом из Орла в Вологду Вологодский архиепископ Евлампий. Он ласково приветствовал всех братьев, а в особенности скитского иеромонаха Иоанна, составителя нескольких противораскольнических книг, за его труды. Узнав, что в скиту храм во имя святого Иоанна, Крестителя Господня, изъявил желание, чтобы ему отслужен был молебен, — что и было исполнено с возглашением высокопочтенному посетителю многолетия. Благословив затем всех скитян и испросив их молитв, святитель отправился в монастырь, а потом вскоре и в предлежавший ему путь. В 1846 году 18 сентября посетил Оптиный монастырь и скит Курский архиепископ Илиодор проездом из Курска в Санкт-Петербург. Был встречен игуменом Моисеем со всеми братьями монастырскими и скитскими во Святых воротах и сопровождаем во Введенский собор, в котором, помолившись Господу, рассказывал братии об иноческих подвигах с отеческим наставлением к их душевному назиданию. Был и в скитской церкви и со всеми обращался весьма благосклонно. На следующий день в пять часов утра высокий гость отправился из Оптиной в дальнейший путь, оставив всему оптинскому братству архипастырское благословение, и благодарил игумена и скитона начальника отца Макария за усердный прием его.

17 сентября 1851 года скончался Калужский епископ Николай (Соколов). На погребение его приехал из Тулы епископ Димитрий (впоследствии Одесский архиепископ). По этому случаю были в Калуге и оптинский настоятель игумен Моисей со старцем Макарием. Погребение совершено епископом Димитрием 21 сентября, после чего владыка изволил посетить Оптину пустынь. Но подробности этого посещения неизвестны. В скитской летописи

помечено еще под 31 августа 1852 года следующее: «В воскресенье преосвященный Дамаскин (бывший Тульский) слушал в скиту раннюю обедню; после чего пил у батюшки отца Макария чай; на поздней был в монастыре. Обедал у отца игумена; а около четырех часов пополудни отбыл обратно. О нашей обители между прочим отозвался так: „Если кто желает витать между небом и землей, тот должен жить в Оптиной“».

Но особенно замечательно было посещение Оптиной пустыни преосвященным архиепископом Орловским Смарагдом. Он прибыл в обитель 13 июня 1853 года, тоже проездом из Орла в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Ему была обычная торжественная встреча. Владыка этот давно расположен был к Оптиной и это выразил в приветственных словах к братьям, когда благословлял их во Введенском соборе. «Я давно желал вас видеть, — так говорил он, — и вот теперь это исполнилось. Еду в Петербург. Помолитесь, чтобы Господь дал мне успех в делах... духовных и своих». После чая у настоятеля посетил он скит, где был встречен у Святых ворот всей скитской братией, прошел в церковь, где помолился при пении «Достойно есть...», похвалил пение, а потом посетил келью скитоначальника, старца Макария. Обедал у игумена. В разговоре как игумена, так и старца называл «батюшка». При прощании святитель просил игумена в том же 1853 году, в летнее время, отпустить батюшку Макария проехать в монастыри подведомственной ему епархии для назидания монашествующих. Но когда старец со свойственным ему смирением стал было отказываться, Преосвященный сказал: «Нет. Пожалуйста! Вас все очень любят; побывайте и в Севском монастыре,

надобно поддерживать дух монашества. Я буду писать к Преосвященному Вашему. Время же не назначено для Вашей поездки, а когда Вам будет удобнее». Пожелал видеть рясофорного монаха отца Иоанна (Половцева) и послушника Льва Александровича Кавелина, и первого уговаривал поступить в академию, а второго благодарил за составленное им описание Оптиной пустыни. Поучал обоих держаться старца, как израильтяне держались Моисея в пустыне, и в заключение сказал им: «Прошу быть знакомыми; может быть, когда и пригожусь, на свете мало ли что бывает; и если случится нужда, рад служить». В тот же день преосвященный Смарагд во время вечерни и выехал из Оптиной на монастырских лошадях, которые довели его до первой станции. Во всех оптинских братиях оставил он приятное впечатление своим простым отеческим обращением.

По приглашению архиепископа Смарагда старец Макарий решился поехать в Орловскую губернию. В том же 1853 году 23 августа, в воскресенье, после скитской обедни отслужен был напутственный молебен, а после трапезы и проводили скитяне своего дорогого старца в путь. Отъезжая и прощаясь с ними, старец, по обычаю своему, больше всего завещал им хранить между собой мир и согласие: носить немощи друг друга, являя тем в себе пример последователей святоотеческого учения. В дорогу старец взял с собой для послужания одного послушника. А кроме того, до города Белева (верст сорок от Оптиной) и еще за Белев, до первой станции, провожал старца его келейник, монах Иларион. В эту поездку, как и в прежние, любвеобильный старец Макарий не прерывал общения со своими

*Епископ Николай
(Соколов). Литография.
Середина XIX века. АОП*

скитскими птенцами посредством переписки. И вот выдержки из некоторых особенно назидательных его к скитянам писем.

От 31 августа из Орла: «Не имея времени писать вам, возлюбленные о Господе братие, каждому порознь на письма ваши, полученные мною в Болхове, пишу всем вообще и каждому. Во-первых, прошу помолиться обо мне, да сохранит меня Господь в путешествии моем душевно и телесно и благополучно возвратит к любви вашей в свою обитель. Возлюбленные братия! Я знаю, что вы, как воины духовные, стоите на брани; а враг нашего спасения, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*¹, то советую вам и предостерегаю, как лично говорил, так и письменно умоляю: будьте уготованы всегда на брань сию самоукорением, смирением и любовью, друг друга тяготы носяще терпением. Каждый да считает себя последним всех: то и удобно понесете брата вашего немощи, и отразите стрелы врагии, пуцаемые на вас, и сокрушите сети, коими он тщится опутывать вас; да не будет тщетно поучение ваше в отеческих книгах, и да не похвалимся токмо стяжанием оных, но подвигнемся и на делание, каждый по силе своей, в случившемся приращении. Аще же и случится кому впасти в противоречие друг другу, в зависть или вражду и прочее, умоляю вас, не пребывайте в оном; но, познавши поползновение свое от предварившей гордости, нисходите в глубину смирения и объявлением друг другу, с испрошением прощения, низлагайте страстные действия и умиротворяйтесь. О, мир, мир, богатое даяние Владыки нашего! Ищите его, берегите и насыщайтесь им. Хотя я сам нищ и убог, но вам желаю сего богатства — мира, любви и смирения. Помните завет Господа нашего Иисуса Христа:

¹ 1 Пет. 5, 8.

аще любовь имате между собою, тогда Мои ученицы будете². Потщимся о сем и помолимся Господу удостоить нас сего именованя на деле.

² Ср.: Ин. 13, 35.

Письма ваши... получил, благодарю за оные; но на ответы особенные не взыщите, а примите общий всем ответ. Испрашивая на всех вас Божие благословение, остаюсь смолитвенник ваш и желатель спасения, многогрешный иеромонах Макарий. Достопочтеннейшему нашему отцу архимандриту Моисею, отцу игумену Антонию свидетельствую мое нижайшее почтение и прошу их святых молитв».

От 14 сентября из Севска: «Возлюбленные мои о Христе братья! Слава Богу, что вы здоровы и по возможности мирны. Да утвердит Господь сей великий Его дар между вами. О сем я сердечно радуюсь, а напротив, о противном скорблю. Все мы несовершенны и находимся в подвиге на духовной нашей брани. А как оную побеждать, учат нас отцы святые: самоукорением и смирением, дондеже достигнем врат любви. Все это вы сами довольно знаете. Но я, хотя сам ничтоже благо сотворих, напоминаю вам, хотя вашею пользою и молитвами воздвигнете и меня, грешного, от болезненного греховного одра. Благодарю вас, что приняли мои советы с любовью и каждый по силе своей старался приложить к своему устроению, не скажу — болезням. Благодарю и за уведомление о событиях, в нашей обители бываемых. Все принимаю с любовью, и приятное, и скорбное разделяю с вами, родная нам обитель. Которые пишут и которые не пишут, принимаю всех равно усердие и любовь».

«15 сентября. Утро. Слава Богу, что вы по возможности стараетесь о сохранении мира и любви о Господе. Но чем оные совершаются и укрепляются, вы довольно знаете, — смирением и самоукорением.

Постарайтесь о сем Господа ради, умоляю вас. Собрание смиренных якоже собрание Серафимов, пишет святой Исаак».

От 18 сентября: «Возлюбленные о Христе братья!.. Откровенные ваши сознания показывают мне, что вы, находясь на поприще брани духовной, падаете и восстаете; и выходит мирный результат. Молю Господа, да будет вам подвиг сей к познанию всей немощи и стяжанию смирения, достигая любви, все терпящей и покрывающей. Молитесь и вы за меня ко Господу».

Здесь приведена лишь незначительная часть писем. Но и из этого можно видеть, с каким участием и отеческой любовью при глубоком смирении относился всегда старец к своим скитским собратиям. Во время этого путешествия он неоднократно заболел сильной лихорадкой, и все-таки дела своего не оставлял. Лишь только почувствует облегчение болезни, немедленно переезжает из одного монастыря в другой, заезжает к разным частным лицам, подолгу беседует о яже на пользу души и, совершенно не имея свободного времени, как сам выражался, урывками отвечает на получаемые из своей обители письма, которых переслано было ему в это время немало. Так, получив однажды в две почты сорок два письма, он к одной почте успел приготовить двенадцать ответных.

От этих частых, при плохой осенней дороге, переездов, заболеваний и постоянных с людьми занятий старец уже начал изнемогать и потому 20 сентября писал в скит: «Прошу вас, возлюбленные мои братие, помолиться о мне, грешном. Немало скучаю в путешествии моем и что не скоро еще доеду до своей любезной обители и уютного скита». Был после этого старец в прежней своей

Площанской пустыни, о чем писал: «В Пустыни я был очень ласково и любовно принят как отцом строителем, так и братиею. Спаси их Господь! Все это время был у них в кельях отца строителя... Прошу вас помолиться за меня, да поможет Господь скорее к вам приехать. Остаюсь желатель вашего здравия, мира и спасения и недостойный смолитвенник, иеромонах Макарий». Наконец 10 октября старец имел утешение во время вечернего в скиту правила возвратиться из своего утомительного путешествия, продолжавшегося семь недель. Вскоре по возвращении старца Макария в свой уютный скит, именно 22 октября, посетил Оптин монастырь и скит еще один иерарх — Екатеринославский епископ Леонид, проездом в свою епархию из Костромы. В скиту встречен был всей братией у Святых ворот и прошел в церковь, где, милостиво благословив всех скитян, сказал: «Спасайтесь о Господе и молитесь за нас, преходящих от места на место. Мы иной раз и по недосугу не помолимся; а вы избрали сие единственную целию вашей жизни». Прошел по скиту и зашел в кельи скитоначальника и старца Макария, где благосклонно принял поднесенные ему старцем ложки братского изготовления. Обедал у настоятеля и в тот же день в четыре часа пополудни отбыл в преднамеренный путь.

В том же 1853 году старец Макарий представлен был настоятелем, а затем и епархиальным архиереем Григорием к наперсному кресту. Преосвященный же Орловский Смарагд, присутствовавший в то время в Святейшем Синоде, искренне расположенный к Оптиной обители и старцу, усердно хлопотал об этой награде. Получив известие об этом, старец

*Оптина пустынь.
Святые ворота
Предтеченского скита.
Открытка. Начало
XX века. АОП*

послал к нему смиренно-почтительное письмо следующего содержания:

«Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь и отец! Архипастырские милости и благоволение Вашего Высокопреосвященства, оказанные моей худости, глубоко чувствуемые мною, и ныне простираются надо мною. Вы изволили ходатайствовать в Святейшем Синоде и своею особою действовать о награждении меня наперсным крестом. Чувство моей сердечной благодарности к Вашему Высокопреосвященству не могу достойно выразить на сей хартии; но, при сознании недостойнства моего, осмеливаюсь припасть к святительским стопам Вашим, изливая оную в безмолвном молчании, и просить Ваших архипастырских молитв, да сподобит Господь меня, по принятии на перси моя явственно знамения Креста Господня, всегда памятовать животворящие страдания Его, нас ради претерпенные, и да возжжется пламень любви Его в холодном и убогом моем сердце. Приемлю смелость представить Вашему Высокопреосвященству книгу святого Исаака Сирина от убогого моего усердия. Хотя Вы изволите иметь оную от нашего отца архимандрита, но и я дерзаю испрашивать архипастырской и отеческой милости: благоволите удостоить принятием сего моего приношения. По благоволению и благословению Вашего Высокопреосвященства прошлого года в октябре месяце я был в обителях паствы Вашего Высокопреосвященства и в домах богомольных христиан и благотворителей нашей обители. Везде и всеми принят был с христианскою любовью и радушием. Все это отношу к благословению и молитвам Вашего Высокопреосвященства. И паки изливаю мою

всенижайшую благодарность милостивому моему архипастырю и отцу. Падая земным поклонением к архипастырским Вашим стопам и лобызая святительскую десницу Вашу, испрашивая святых Ваших молитв и архипастырского благословения, с глубочайшим моим высокопочитанием и преданностью имею честь пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца, нижайший сын и послушник, многогрешный иеромонах Макарий».

Что тут выражались старцем искренние чувства глубокого уважения, благодарности и смирения перед владыкой Смарагдом, в этом нет сомнения. Как бы в подтверждение этого в скитской летописи записан следующий факт: «Письмо старца Макария, здесь приведенное, писано было в мае месяце. А 27 июня посетил скит новый калужский гражданский губернатор Булгаков. Он был к старцу весьма внимателен и между прочим говорил, что много слышал о нем хорошего, а теперь и видит, что ему особенно нравится его открытость — открытость, написанная на его лице и выражающаяся в каждом его слове» и т. п.

Ходатайство преосвященного Смарагда в Синоде о награждении старца Макария наперсным крестом, конечно, было уважено, и 27 июня 1854 года получено было из Калужской духовной консистории предписание, чтобы старец к первому числу следующего месяца прибыл в Калугу для возложения на него креста. В этот день он участвовал в сослужении с преосвященным Григорием, который во время Божественной литургии и возложил на старца присланный из Святейшего Синода наперсный крест, а после литургии пригласил его к столу. Обедали они только вдвоем,

и разговор у них велся о ските и правилах скитской жизни. 3 июля перед утреней старец возвратился из Калуги — значит, почти в полночь, так как утреня в Оптиной пустыни начинается раньше двух часов. Вероятно, для того он приехал в такое глухое время, чтобы не было ему от братии торжественной встречи по случаю довольно редкой в те времена награды.

Как старец смотрел на награждение его наперсным крестом, видно из предыдущего благодарственного письма его к преосвященному Смарагду. В том же смиренном духе он писал и к другому близкому лицу: «При поздравлении Вами меня с наградой крестом Вы истину сказали, что должны нас устрашать всякая слава и похвала человеческая. Ибо, по учению святых отцов, „не только приемляй

славу от человек, но даже и слышай шум словес сих с услаждением лишается вечной славы“. Не попусти, Господи, нам увлечься услаждением здешней суетной славы! А святой Иоанн Лествичник считает еще опаснее славы человеческой славу бесовскую, то есть самохваление. Потому-то многие святые отцы более всего побуждают нас к смирению и все наши деяния совокуплять с оным

и такое дают оному преимущество, что *смирение одно может нас спасти, кроме дел* (святого Исаака Слово 46). Но можем ли мы сказать, что стяжали сие сокровище? Если подумаем, что имеем оное, то сие самое являет скудость в оном. А, кажется, всегдашние наши немощи, душевные и телесные, и различные поползновения при обращении и столкновении с братиею и обществом должны

Калуга. Новая площадь и храм святых Жен Мироносиц. Литография. 1848 год. Калужская областная библиотека

нас смирать и всякую самонадеянность умерщвлять. Святой Григорий Синаит в 117-й главе, в конце оной, пишет: *еще человек не будет оставлен и побежден, поработившись всякой страсти и помыслу* и прочее, *не может сокрушиться и иметь себе меньше всех и последнейша и раба всех* и прочее. Я это только представил Вам учение святых отцов; а сам чужд сего и прошу Вас помолиться о мне, грешном, да великое знамение Креста Христова послужит мне не к суетной славе, а к стяжанию любви к Нему всегдашним памятованием Его страданий, по неизреченному Его к нам милосердию и любви; и образ Его глубочайшего смирения да побудит и меня, грешного, к смирению. Царь славы смирил Себя! Как же нам возвышаться, а не смиряться?!»

Так мыслил и чувствовал великий старец при награждении его наперсным крестом. А как смотрели на это духовные его дети, можно видеть из письма к нему Ивана Васильевича Киреевского. 9 июля 1854 года он писал:

«Искренно любимый и уважаемый батюшка! Сейчас прочел я Ваше письмо из Калуги к Н. П. и теперь хочу поздравить Вас с получением наперсного креста. Хотя я и знаю, ни это, ни какое видимое отличие не составляет для Вас ничего существенного и что не такие отличия Вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали их, однако же все почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому, что это будет приятно для всех любящих Вас. Мы всегда видели, как Вы внутри сердца Вашего носите Крест Господень и сострадаете Ему в любви к грешникам. Теперь та святыня, которая внутри любящего сердца Вашего, будет очевидна для всех на груди Вашей — дай Боже, чтоб

на многие, многие и благополучные лета! Дай Боже многие лета за то и благочестивому архиерею Вашему!»

В конце того же 1854 года возвратившийся из Санкт-Петербурга Орловский владыка Смарагд желал лично видеться со старцем Макарием в своей епархии, но старец по уважительным причинам отклонил это желание. Он писал об этом в Севский монастырь своим севским племянницам: «Ныне получил письмо и от матери N. Пишет о своем устроении в келье, как угощала игуменью и сестер. И владыка (Смарагд) ее посетил. Приказал написать ко мне, чтобы я посетил его епархию, был бы в Орле в их монастыре и в Севске. „Да напиши, — говорил он, — что я и сам желаю его видеть; и если он не захочет сам проситься, то я буду писать — просить их владыку, чтобы он его уволил“. Ну как это исполнить? Вы знаете, сколько мне будет подлежать труда при этом проезде? Нельзя оставить, не посетив благодетелей. А каково мое здоровье? Я хотя не лежу, а хожу иногда; а между тем ослабеваю, иногда и очень, хотя и проходит скоро. Это — одна невозможность. Другая — надобно проситься у архиерея; а зачем? Он знает, что я нездоров, а еду болтаться. Поэтому скажет: „Он может опять заниматься должностями“, — о чем он мне уже и говорил, когда я у него был. Сколько ни приятно было мне и вам, чтобы я был у вас, — но сообразите все писанное и посудите — благоразумно ли будет рисковать и здоровьем, и сделать нашему владыке неприятность. Верно, вы не захотите этого»¹.

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 3. Письмо 104. — *Примеч. авт.*

Так высокодуховной жизни старцы оптинские со старцем Макарием в числе их, упрочившие в своей обители старческий путь иноческой жизни, привлекали к ней внимание многих лиц, занимав-

ших высокие иерархические должности, что те при удобном случае удостоивали Оптину пустынь своим посещением. Свои же, калужские архипастыри, Николай и Григорий, бывали в обители уже обычными гостями и приезжали сюда по обязанности.

Кроме этого, старцу Макарию в бытность его в 1852 году в Москве и Троице-Сергиевой лавре пришлось, как выше сказано, лично познакомиться с ректором Московской академии архимандритом Алексием и с цензорами духовной литературы: инспектором той же академии архимандритом Сергием и профессором Феодором Александровичем Голубинским — и войти в ближайшие с ними отношения. Феодор Александрович (как заметил отец Леонид Кавелин) по любви своей к духовному просвещению и по неисчерпаемой доброте своего сердца оказал незабвенные и всегда искренно ценимые старцем Макарием услуги святому делу издания Оптиной пустынью святоотеческих книг. Когда нужно было, он поддерживал это дело, объясняя митрополиту Филарету причины, почему оптинцы не ограничиваются малым количеством издаваемых ими более полезных духовных книг. 2 мая 1853 года Н. П. Киреевская уведомляла старца: «Феодор Александрович Голубинский в бытность у нас (в доме) говорил, что он представляллады жития Симеона Нового Богослова и Григория Синаита. Он оставил их просмотреть у себя и сказал, что их надобно отослать в Синод, ибо святой Симеон Новый Богослов нашу Церковь не признан за святого; причем сказал: „Уж не слишком ли много старцы оптинские хотят издавать?“ Феодор Александрович на сие отвечал: „Они, Ваше Высокопреосвященство, потому спешат, что желают для

общей пользы воспользоваться тем участием, которое Вы изволите принимать в сем деле и без чего, вероятно, ничего не было бы издано“. — „Да, — сказал владыка, — вот я посылал в Синод святого Исаака Сирина — и не вышло ничего“».

Как близко к сердцу принимал Феодор Александрович заботу об издании Оптиной пустынью переводов старца Паисия, Киреевская к батюшке Макарию писала: «Граф Протасов (обер-прокурор Святейшего Синода) говорил, у Троицы бывши, про Феодора Александровича Голубинского, что „дело цензуры отягощает его и слишком для него ничтожно“. Из сего Феодор Александрович заключает, что ему должно оставить комитет, и говорит: „Если я оставлю его чрез полтора или год, то во всяком случае при себе наложу печати (то есть цензурного комитета) на все рукописи Паисия. И сверх того хоть и выйду из цензуры, но этот труд не оставлю и все сам их просмотрю; если же умру, то все уже к выпуску их не будет остановки, потому что печать ко всему приложена будет“».

С какой любовью и почитанием относился Голубинский к самому старцу Макарию, видно из следующего его письма к нему от 19 мая 1854 года, в котором также выражается и его заботливость об оптинских изданиях. Так, Феодор Александрович писал: «Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец Макарий, верный путеводитель ко Господу рабов Его, подвигающихся в безмолвии! Приношу Вам сердечную мою благодарность за дорогое для меня Ваше посещение в прошлом году, за смиренномудрую беседу Вашу, за драгоценный дар Словес преподобного Симеона Нового Богослова и за исполненное христианской

*Протоиерей Феодор
Голубинский. Литография.
1855. ЦАК МПДА*

любви Ваше писание от 24 марта сего года. Простите меня, что так долго оставался пред Вами безответным: это произошло оттого, что я желал услышать мнение просвещенного архипастыря нашего о некоторых переводах блаженного старца Паисия, упоминаемых в письме Вашем. В прошедшем месяце, в начале Фоминой недели, я представлял ему в Москве: жизнеописание преподобного Симеона Нового Богослова, житие святого Григория Синаита, писание святого Григория Паламы к инокине Ксении, Деятелие Нового Завета и еще некоторые послания. Сличением сих писаний святого Григория с подлинником я занялся прежде других, потому что нужно было скорее возвратить греческую рукопись в Патриаршую библиотеку, из которой я брал оную. Высокопреосвященнейший оставил сии переводы у себя для прочтения и в нынешнем месяце (мае) прислал их сюда, с тем чтобы жизнь преподобного Симеона и писания святого Григория Солунского были рассмотрены цензурным комитетом, и первая представлена для окончательного одобрения в Святейший Синод, с исключением немногих выражений, в которых наставник преподобного Симеона признается святым, между тем как он не включен Церковию в число святых; а писания святого Григория Солунского были рассмотрены и пропущены к печатанию в здешней цензуре. Вместе с сими рукописями прислал сюда высокопреосвященнейший митрополит Ваш перевод святого Варсануфия на русский язык и писал, что он ждет от Вас ответа на сделанные им на сей перевод замечания. Когда он получит сей ответ, тогда по приезде в Лавру, которого мы ожидаем на сих днях (после 21 мая), прикажет рассмотреть оный перевод цензурному комитету. Между

тем присланный Вами перевод святого Исаака Сирина рассматривается отцом инспектором академии архимандритом Сергием и был бы окончен в мае, если бы не помешала отцу инспектору болезнь его, которая, впрочем, ныне проходит; так что он надеется в следующем месяце возвратить эту рукопись с надлежащим одобрением. В том же месяце (июне) выйдут из цензуры и писания святого Григория Паламы и святого Максима по вопросу и ответу. Что касается до стихшной книги¹ и жития святого Григория Синаита, то высокопреосвященнейший митрополит находит неудобным напечатать их в настоящее время. При сем долгом поставляю свидетельствовать Вам искреннейшее почтение отца ректора Алексия и отца инспектора Сергия. Мы нередко с признательностию вспоминаем о Вас и о Ваших назидательных беседах. Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать мое давнее душевное почтение его высокопреподобию отцу игумену Моисею и братское усердие и уважение кроткому и любознательному Ивану Андреевичу (Половцеву), спутнику Вашему. Дай ему Господь быть верным спутником Вашим и в Небесное Отечество! Воздохните и о мне, грешном, в молитвах Ваших ко Господу. С сим желанием и усерднейшим почтением и благодарностию имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейший слуга, протоиерей Феодор Голубинский».

Следующее письмо Феодора Александровича к старцу Макарию, написанное в июле того же 1854 года по тому случаю, что старец, послав ему какие-то две книги, в благодарность ему и помощникам его за их труды и хлопоты по изданию оптинских книг вложил в посланные книги несколько ассигнаций, показывает, кроме искренней благо-

¹ Книга, написанная стихами преподобным Симеоном Новым Богословом, потому и называется стихшная; находится в скитской библиотеке в рукописи. — *Примеч. авт.*

дарности и смирения, которыми всегда отличался добродушнейший протоиерей, еще и самое близкое участие его в самом старце относительно средств для дальнейшего издания книг. Вот само письмо:

«Ваше Высокопреподобие, сердечно уважаемый мною батюшка отец Макарий! Приношу Вам хоть позднюю, впрочем усерднейшую, благодарность за две душеполезные Вами присланные книжки и за награждения, в них вложенные. Я только в июне сего года узнал о сих приложениях (30 рублей и 60 рублей серебром); а целый год не знал, потому что они лежали не открыты в неразрезанных книжках; а потому и не извещал Вас так долго. Сотрудники мои, отец ректор ныне Московской семинарии архимандрит Леонид и отец инспектор академии архимандрит Сергей, и я свидетельствуем Вам нижайшую благодарность за эту неожиданную, удивившую нас награду. Вы подлинно так делаете другим добро, чтобы левая рука не ведала, что творит правая, и пускаете из рук деньги, как по ветру, не заботясь о том, пришли ли они по назначению, а полагаетесь на благоустроение Всевышнего Промысла. Пусть они текут и проходят, лишь бы не прилагалось к ним сердце.

Душевно ценю Ваше благое намерение издать на русский язык переложенные некоторые беседы святого Григория Солунского, Вами избранные и указанные. Позвольте спросить Вас, будете ли Вы иметь средства, необходимые для издания их? Вы по такой умеренной цене пускали в продажу прежние книги, Вами изданные, и так много дарили их, что едва ли остается у Вас выручка от их продажи... Я готов, сколько могу, содействовать Вам при исправлении сего перевода; только не знаю, успею ли в продолжение года совершить это дело.

Нижайше прошу Ваших благопоспешных молитв ко Господу, чтобы Он еще потерпел грехам моим и подкрепил много от моей неумеренности ослабевшие мои силы. Простите, достопочтеннейший батюшка! Желаю Вам милости Господней. Ваш усерднейший слуга, недостойный протоиерей Феодор Голубинский».

Между тем дни достойнейшего протоиерея были уже сочтены. В июле он просил батюшку Макария помолиться Господу о продлении его жизни, а в следующем месяце, августе, любящая душа его переселилась в вечность. Об этом вскоре уведомил старца заместитель Феодора Александровича по цензору оптинских изданий вышеупомянутый инспектор Московской академии архимандрит Сергей. Он писал: «Возлюбленный о Господе батюшка отец Макарий! За благое Ваше писание свидетельствую глубочайшую благодарность. Вашими молитвами путешествовал я благополучно. Но теперь иногда немощствую духом ради страха смерти внезапной¹, опасность которой снова обдержит нас, грешных. Помолитесь, батюшка, о преданном Вам послушнике, но немощнейшем из грешников: истинно верую и предаюсь Вашим молитвам... На сих днях пришло известие из Костромы, что 22 августа Феодор Александрович Голубинский там скончался. Под это число ночью он почувствовал озноб; к утру так ослабел, что не мог подниматься с постели; потребовал духовника, исповедался, приобщился; освящен был елеем и в два часа пополудни отошел ко Господу. Буди вечная память доброму и трудолюбивому нашему наставнику! В Кострому он поехал для свидания с родными. Он сын соборного диакона, сорок лет прожил в Лавре и сложил свою любомудрую главу подле праха своих родителей.

¹ Вероятно, холеры. —
Примеч. авт.

В сентябре русский перевод книги святого Варсануфия выйдет из моих рук, если, впрочем, отыщу в квартире покойного Феодора Александровича тетради, оставшиеся по его воле у него, — от 52-го по 100-й вопросы. Глубочайшее мое почтение отцу архимандриту Моисею. Вам преданный архимандрит Сергей. 27 августа 1854 года».

Подробнее писал о последних днях и о кончине протоиерея Феодора Александровича сын его, Димитрий Феодорович Голубинский (бывший после кончины своего родителя профессором в Московской академии), к Ивану Васильевичу Киреевскому. Думается, что небезынтересны будут для читателей подробности эти: «Дражайший папенька Феодор Александрович в последнее время имел сильное желание быть на родине: отправился он со мною 8 августа, останавливался в городах Ростове и Ярославле и 12 августа благополучно прибыл в Кострому. Там он посещал родных и знакомых. 14 августа был за рекою Костромой в Ипатьевской слободе; захотел посмотреть родительский дом, взошел даже и в светелку; припоминал, как благословили его родители в академию. 15 августа он служил литургию с преосвященным Филофеем. Следующие дни он проводил в свидании с родными и знакомыми, посещал места, знакомые ему из детства, щедро благодетельствовал бедным родным; и особенно замечательно то, что он часто служил панихиды и с большим чувством. Во все это время он был довольно здоров и бодр, и даже казалось, что был бодрее обыкновенного. Казалось, что свидание с родными оживило и утешило его. 20 августа и 21-го он прощался с родными и знакомыми, намереваясь 22-го отправиться домой (в Сергиев Посад). И 21-го в нем не заметно было особенной болезни:

он был у всенощной, но только чувствовал некоторую тошноту; впрочем, уснул, как кажется, довольно спокойно. Но 22-го числа рано поутру он почувствовал сильные холерные припадки; а с тем вместе, кажется, с ним произошел и удар: голос у него очень переменялся. Врачебные пособия были уже недействительны. Папенька исповедался и приобщился Святых Таин. Чрез несколько времени после сего язык у него очень связался, так что он с большим трудом выговаривал слова, и потом почти совсем лишился употребления языка; был соборован, и в начале третьего часа папенька скончался. Погребен близ родителей 25 августа. Отпевал преосвященный Филофей. Кажется, у папеньки было какое-то тайное и неопределенное предчувствие близкой кончины. Оно выразилось в следующих стихах, писанных им к одной близкой родственнице-старушке 11 июля, в день ее Ангела:

*Уже мои слабеют силы,
Язык тупеет, ноги хилы.
Я перестал других учить
И в школу по звонку ходить.
Пора и самому учиться,
Как с грешным миром распроститься.
Полвека я наукам посвятил,
На жизненном пиру довольно погостил.
Пора вставать и в путь собирать.
Пора домой! Не век скитаться.
Пусть тою же, как я, тропой
В цветник наук вослед за мной
Походит сын любезный мой...
А я уж плуг повесил свой.
Но пусть мои слабеют силы,
Я чувствую, что до могилы,*

*Пока свет жизни не угас,
Я не забуду сердцем вас».*

По случаю кончины Феодора Александровича от старца Макария последовало архимандриту Сергию ответное, обычно смиренное, письмо, в котором он писал и о своих, близких его сердцу книжных делах: «Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец архимандрит! С чувством сердечного сожаления приняли мы известие об отшедшем от нас достопочтеннейшем отце Феодоре Александровиче Голубинском. Он оставил добрую память о себе, быв наставником многих, приготавливавшихся также быть наставниками и пастырями Христова стада. И ваша академия, вероятно, имеет памятниками многие его ученые труды и занятия и, конечно, почитит память его достойными похвалами для незабвения в будущие роды. Но всего важнее то, что удостоился кончины христианской, мирной, с напутствием всех Таинств, в вере и надежде воскресения и жизни вечной. Это утешительно для оставшихся, любящих и уважающих его, и подает надежду, что удостоится получить милость Божию в вечной жизни. Память его и для нас священна. Он много потрудился в рассматривании представляемых нами рукописей отеческих писаний перевода старца Паисия и дал дозволение к изданию оных, хотя это не собственно служит одним нам пользою, но — еще важнее — и всем чтущим и послушающим сии духовные учения. Сии его действия занимают несколько страниц и в истории нашей обители, которая имеется у нас в рукописи. Мы обязаны молить Господа о упокоении души его в Царствии Небесном при церковном богослужении и при чтении Псалтири¹ вспоминать его имя.

¹ В оптинском скиту издавна установлено денно-нощное чтение Псалтири братьями с поминовением о здравии и упокоении имен их родственников и благодетелей. — *Примеч. авт.*

С получением о сем известия и исполняем поминовение о душе его. Да упокоит Господь душу его в Царствии Небесном!

Благодарение Господу, что Вы благополучно окончили свое путешествие и возвратились в Лавру. Да сохранит Господь здоровье Ваше и избавит от страха болезни, постигшей окрестные места. Молитвами угодника Своего, преподобного отца нашего Сергия, Господь силен сохранить обитель вашу и всех живущих в ней от сей болезни. Какую же принесем Вам благодарность за милостивое Ваше расположение к нам и предприемлемый труд в прочтении русского перевода книги святого Варсануфия! Вы хотите утешить нас окончанием оной в сентябре месяце. Сам Господь воздаст Вам Своею милостию. Многие не только из светских, но и из духовных лиц желают пользоваться оною в русском переводе. Но чтобы не было остановок в случае неотыскания в квартире покойного Федора Александровича тетради от 52–100 вопросов, то мы списали оные с нашей черновой рукописи и на будущей почте постараемся к Вам доставить. Позвольте спросить Вас о рукописи — „Житие преподобного Симеона Нового Богослова“, которую хотели представить из цензуры в Святейший Синод, была ли она представлена и получено ли дозволение о напечатании оной или нет? И где она находится? Отец архимандрит наш свидетельствует Вам свое почтение и приносит благодарность за Ваше ему приветствие. Поручая себя Вашим святым молитвам, с истинным моим высокопочитанием имею честь пребыть Вашего Высокопреподобия нижайший послушник и богомалец, многогрешный иеромонах Макарий. 4 сентября 1854 года».

Житие преподобного Симеона Нового Богослова напечатано было Оптиной пустынью в 1856 году; следовательно, хотя не скоро, а все-таки разрешено было Святейшим Синодом к напечатанию.

Известны и еще два письма отца архимандрита к старцу Макарию по поводу издания книги преподобного аввы Фалассия. Первое, от 9 сентября 1855 года, начинается так: «Возлюбленный и глубокоуважаемый отец Макарий! Спешу поблагодарить Вас за присылку рукописи и препровождаю ее обратно к Вам...» Затем, изложив свои соображения касательно перевода и издания книги, архимандрит прибавляет: «В заключение почитаю долгом сказать, что всякое Ваше письмо, достопочтеннейший батюшка, каким бы оно пером и на какой бумаге ни было написано, с великим утешением и благодарностию к Вам я получаю. Прошу Вас усерднейше, не забываете в молитвах Ваших преданнейшего Вашего слугу, архимандрита Сергия.

P.S. Отцу архимандриту Моисею мое глубочайшее почтение и отцу Ювеналию желание спасения».

Другое письмо, от 24 января 1856 года, начинается так: «Возлюбленный и досточтимый о Господе батюшка! Предаю на Вашу волю: сами ли письменно представите владыке (митрополиту) на разрешение сомнительное в книге место или поручите это сделать мне. У меня нет списка с этого места, а по памяти я не могу написать его. Поэтому надобно, чтобы Вы или снова прислали мне рукопись, или, по крайней мере, список того отделения или беседы о лжи, где рассказан случай» и т. д. Заканчивается же письмо так: «Все сие пишу не с тем, чтобы учить Вас, батюшка, но искренно пред Вами открывая свои мысли.

*Митрополит Сергий
(Ляпидевский),
в описываемый период
архимандрит, ректор
Московской духовной
семинарии. Портрет*

Р.С. Глубочайшую приношу Вам благодарность за благодеяние, какое Вы сделали душе покойного моего родителя, записав имя его в ряду приснопоминаемых в Вашем скиту. Это для меня такая от Вас утешительная награда, которая всегда будет действовать ободрительно на дух мой. Она одна достаточна, чтобы я навсегда остался должником и послушником Вашим и святой Вашей обители. Да воздаст Вам Господь сторицею за все, что Вы воздали мне!»

Все приведенные здесь письма инспектора академии архимандрита (будущего Московского митрополита) Сергия, равно как и учнейшего профессора академии протоиерея Голубинского, показывают их великую веру, любовь и уважение к старцу Макарию. Но кто такой был старец Макарий? Простой иеромонах, смиренный пустынный, считавший себя хуже и ниже всех людей и всякой твари. И, однако, какой был ему почет от этих и прочих знатных знавших его лиц во главе с современным ему Московским митрополитом Филаретом! Поистине говорят рассудительные люди, что слава человеческая подобна тени человека. Если человек за ней бежит, тень от него спешит; если же, наоборот, человек бежит от своей тени, тень за ним гонится. Таково же свойство и славы человеческой¹. И как поразительно верны слова Господа нашего Иисуса Христа: *смирняяся вознесется* (Лк. 14, 11)! Вознесется не только в будущем веке от Прославляющего смиренных, но еще и в этой временной многмятежной жизни, исполненной всякой неправды и беззакония.

¹ Мысль святого Исаака Сирина в Слове 57. —
Примеч. авт.

ГЛАВА 14

Отношение старца Макария к посторонним монастырям — мужским и женским

Далеко-далеко разносилась добрая слава о смиренном оптинском подвижнике, батюшке Макарии, так как духовная его деятельность, или руководство к вечной жизни, как видели мы выше и увидим дальше, не ограничивалась одними иноками Оптиной обители. По временам он лично навещал и другие монастыри, начальствующие которых имели к нему особенное расположение.

Так, из обителей своей Калужской епархии старец посещал иногда общежительные обители: Мещовский Георгиевский монастырь, пока в нем настоятельством игумен Никодим (Демутье), лет шесть проживший в Оптиной пустыни, откуда определен был настоятелем в Мещовск, а затем Малоярославецкий Николаевский монастырь, которым при

жизни старца Макария управляли преемственно настоятели из оптинских братий — игумен Антоний (Путилов) и за ним переведенный из Мещовского монастыря и возведенный в сан архимандрита вышеупомянутый отец Никодим. Но особенно любил старец Пустынь во имя преподобного Тихона, Калужского чудотворца, которая обязана началом своего благоустройства отеческому попечению о ней предместника старца Макария, старца Леонида (в схиме Льва). В последние годы жизни старца Макария настоятелем этой Пустыни назначен был один из преданных его учеников, иеромонах Оптиной пустыни отец Моисей¹. Сердечно утешался старец Макарий внешним и внутренним благоустройством этой обители, простым и отеческим обращением настоятеля с братией, трудолюбием братий, поощряемых к тому примером самого настоятеля и его внимательностью к общим и частным их нуждам. Проживая в этой тихой Пустыни по несколько дней, старец имел обыкновение высказываться так: «Я отдыхаю здесь душою».

¹ Иеромонах Моисей в сане архимандрита скончался в своей Тихоновой пустыни в 1895 году 4 ноября. — *Примеч. авт.*

*Тихонова пустынь.
Трапезная. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

Современные старцу Макарию иноки отдаленных, более общежительных монастырей и пустыней других епархий, а также некоторые из белого духовенства, зная о духовных его дарованиях, приезжали к нему сами пользы ради и советов духовных, другие же, не имея на это времени и возможности, обращались к нему за советами письменно.

Из женских иноческих обителей ближе других к старцу Макарию был монастырь Севский, Орловской епархии, где, как выше сказано, он в течение немалого времени был духовником и где в то время

находились некоторые преданнейшие ему ученицы, и в том числе двоюродная его сестра и две родных племянницы. Об этих своих племянницах старец Макарий прилагал всевозможное попечение. Начиная с 1848 года и по 1860-й, последний год своей жизни он едва ли не каждую почту писал к ним письма², чаще всего с ответами на их вопросы, всегда склоняя их к терпению, самоукорению и смирению, без которых невозможно проводить жизнь в мире и спокойствии душевном и благоугождать Господу, и всегда именовал их нежноотеческим именованием: «Возлюбленные чада о Господе». Одна из них, монахиня Мелания, была болезненная, и старец весьма сочувственно относился к ее слабому здоровью, всегда сожалел о ней, но вместе с тем и склоняя ее к безропотному терпению, которое одно может заменить все произвольные иноческие подвиги. Нередко извещал их о своих личных обстоятельствах, а иногда и о монастырских оптинских. Словом, относился к ним как самый близкий сердобольный и доброжелательный отец. Впрочем, и в судьбах всей Севской обители старец принимал постоянно весьма близкое участие и, хотя изредка, навещал ее для духовного подкрепления и утешения как своих родственниц, так и прочих относившихся к нему сестер обители.

Впоследствии одинаковым расположением старца Макария пользовалась и сопредельная Оптиной пустыни Белевская женская обитель, в особенности с тех пор, как была поставлена настоятельница в ней одна из преданнейших учениц оптинских старцев Леонида и Макария, монахиня Павлина. Казначеей в то же время определена была опытная

*Архимандрит Моисей
(Красильников). Фото-
графия. Конец XIX века.
АОП*

² Таких писем к одним племянницам старца составил впоследствии целый том, том третий к монахиням, на который можно смотреть как на его дневник. — *Примеч. авт.*

в жизни духовной старица монахиня Магдалина (бывшая рясофорная монахиня Анфия), претерпевшая в свое время, по наветам исконного невидимого врага, много великих скорбей за свое духовное отно-

Мещовский Георгиевский монастырь. Фотография. Конец XIX — начало XX века. АОП

шение к помянутым старцам. Мать игумения Павлина не только сама постоянно пользовалась советами старца Макария во всем относившемся к внешнему и внутреннему благоустройству своей обители, но и поощряла к этому всех вверенных ее попечению сестер, имея

на это дозволение и благословение своих тульских владык — преосвященного Димитрия (впоследствии архиепископа Одесского) и преемника его преосвященного Алексия. Плодом же этих духовных отношений белевских инокинь к старцу Макарию было: 1) быстрое процветание обители посредством совершенствования относившихся в жизни духовной и через умножение насельниц ее, привлекавшихся материнской любовью настоятельницы и возможностью иметь на первых же шагах иноческой жизни руководство опытного в жизни духовной старца; и 2) устройство при помощи пожертвований от самих же состоятельных монахинь новых в монастыре зданий для помещения нуждавшихся в помощи. Потому монастырь этот, по преимуществу в то время, справедливо мог назваться как по внешнему, так и по внутреннему благоустройству лучшим из иноческих женских обителей, показывая своим благосостоянием, чего недостает другим, то есть руководства опытных в жизни духовной старцев или стариц, так как это последнее всегда было одним из верных средств к благоустройству монастырей. Для большей наглядности

взаимных отношений между старцем Макарием и его ученицами, белевскими монахинями, предлагаются здесь вниманию благочестивых читателей устные рассказы некоторых из них, лично знавших старца.

Рассказ монахини Павлины (Добычиной)

Приблизительно в 1849–1850 году батюшка Макарий ехал в Воронеж и по пути остановился в городе Мценске Орловской губернии у купца Фомы Никитича Кулешова, которого любил и даже благословлял мценских жителей обращаться к нему за советами, как к старцу. Мне, говорила мать Павлина, было тогда лет четырнадцать. Еще раньше возили меня к батюшке, и потому, когда узнала я о его приезде, пришла к Кулешовым. Когда батюшка меня увидал, то спросил: «Что, Полюша (мирское имя), не отнял у тебя Господь желание в монастырь пойти?» Я раньше не думала идти в монастырь, но на батюшкин вопрос ответила, что желаю пойти. Тогда батюшка перекрестился и сказал: «Слава Богу!» Действительно, спустя немного времени я поступила в монастырь в Белев.

В Белев батюшка ездил, как правило, три раза в год: в январе, мае и августе. Пока у нас в монастыре не было своей гостиницы, он останавливался в городе у протоиерея Глаголева. А когда выстроили при монастыре гостиницу, стал останавливаться в ней. Иногда он любил приехать неожиданно и незаметно пройти в корпус к матушке игуменье с заднего крыльца. Если келейная заметит, то батюшка погрозится, чтобы молчала.

*Малоярославецкий
Николаевский мона-
стырь. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

Проживал он в Белеве дня по три, по четыре, и обязательно, бывало, обойдет кельи всех сестер, ни одной не пропустит. Были и такие монахини, которые не любили его. К таким он всегда шел к первым. Иногда кто-нибудь скажет: «Батюшка! Что ж вы к ним пошли? Ведь они вас не любят». А батюшка ответит: «Потому-то и надо вперед к ним пойти». А те, как батюшка у них побывает, и помирятся.

Радовались сестры приезду батюшки, как Светлому дню. Все, кому было можно, бросят, бывало, свои работы, оденутся по-праздничному и ходят за ним всюду по монастырю. В церкви во время служб батюшка стоял около матушки игуменьи. Идешь, бывало, на клирос, поклонись матушке, а она укажет на батюшку. Примешь от него благословение и стоишь всю утреню легко и радостно. Из церкви батюшка пойдет, бывало, к матушке в корпус рядом с ней, а мы все за ними. Раз, помню, он остановился на крыльце, оперся на костыль и говорит: «Игуменья, игуменья! Веди их в Царство Небесное». — «Да буду ли я-то, батюшка, там?» — сказала она. «Будешь, будешь, — ответил старец. — И их всех за собой веди». В другой раз нас собралось много в чайной у матушки. Батюшка пришел к нам, посмотрел на всех нас и сказал: «Ах, девочки, девочки! Жалко мне вас — будем и мертвым завидовать». Как будто предупреждал, что жизнь чем дальше, тем будет труднее.

Когда мы с матушкой игуменьей приезжали в Оптину, и если, бывало, приедем поздно и батюшку вечером не увидим, то утром, как в монастыре к утрени ударят в колокол, мы и пойдем к скиту. Позвоним у ворот (хибарки тогда еще ни одной не было), выйдет келейник, узнает, что это матушка,

и скажет о сем батюшке, хотя она и не велит, бывало, о сем сказывать. Он выйдет к воротам, благословит нас, а в свое время утром придет к нам на гостиницу чай пить. Иногда придет обедать, пришлет скитского кушанья и благословит матушке все есть, и она кушала без вреда; а дома, по болезненности, кроме ухи, ничего есть не могла. Как лекарство батюшка благословлял ей пить воду из Пафнутьевского колодца¹.

Батюшка держал себя очень просто. За обедом не позволял переменять ему тарелки. Купила я себе раз батюшкин портрет и прошу, чтобы старец им меня благословил, а он и говорит: «На что тебе такого дурака?» — а все-таки благословил. Последнее время, когда мы в Оптиной готовились к причащению Святых Таин, батюшка посылал нас исповедоваться к отцу Пафнутию². Мне очень не хотелось идти к нему. Я и спрашиваю батюшку: говорить ли некоторые грехи, которые я уж раньше ему самому открывала. А он ответил: «Не надо — про одни дожди не говорят трожди». В Белеве последний раз батюшка был незадолго до своей кончины, в августе. Раньше он думал после Белева поехать в Вязьму. Когда же стал уезжать из Белева, келейник говорит ему: «Батюшка! Тарантас плох. Надо починить, прежде чем в Вязьму ехать». А батюшка ответил: «Теперь не только в Вязьму, а и в Белев последний раз приехали». Когда узнали о батюшкиной болезни, поехали мы с матушкой в Оптину; но за день до его кончины пришлось уехать назад. В Белеве ждали владыку, и батюшка сам благословил матушке ехать, сказав: «Только меня ты больше не увидишь». — «Кому Вы нас оставляете,

*Оптина пустынь.
Святой колодец преподобного Пафнутия.
Открытка. Начало
XX века. АОП*

¹ Недалеко, может быть в версте от монастыря, есть колодезь преподобного Пафнутия, на который бывает крестный ход из обители два раза в год, 1 мая, на память преподобного Пафнутия Боровского, и 14 сентября. — *Примеч. авт.*

² Скитоначальник и братский духовник в Оптиной пустыни, впоследствии настоятель Малоярославецкого монастыря и архимандрит. — *Примеч. авт.*

батюшка?» — спросила матушка. «Отцу Амвросию и отцу Илариону», — ответил старец. «А с разными старцами мы не разойдемся по разным дорогам?» — «Нет. Верую Богу, что не разойдетесь».

Незадолго до батюшкиной кончины вышло раз-
решение постричь у нас в мантию сверх штата. Матушка представила к постригу в мантию некоторых монахинь, уже постриженных тайно. Батюшка велел их предупредить, что это вторичное пострижение в церкви вменится им в постриг схимнический. После кончины батюшки, в ночь под сороковой день, я видела его во сне, будто он велел матушке постричь меня в мантию. Потом во второй раз, во сне же, велел назвать меня Павлиною. Вскоре после этих двух снов мне дали подписать какую-то бумагу. Так как мне иногда приходилось подписываться на разных бумагах, то я не обратила внимания на эту бумагу. Вслед за этим опять увидела я во сне батюшку, который сказал мне: «Знаешь ли, что ты подписала? Это тебя к мантии представили». После я узнала, что на самом деле подписала прошение о постриге.

¹ Немытов под руководством оптинских старцев иеросхимонахов Льва и Макария проходил высокую умную молитву. Куркин тоже замечателен был своим благочестием; а кроме того, по молитвам старцев Бог благословил его и временным богатством. Из бедного человека он сделался миллионером. — *Примеч. авт.*

Немытов, очень богатый человек, как передает старец Анатолий (Зерцалов), «предоставил всю заботу о торговых делах сыну, сам обращал все внимание только на очищение души и сердца от страстей» (ОР РГБ. Ф. 214. Опт.-298. Л. 5).

Моя келейная знает один случай, в котором проявился дар предвидения батюшки. Крестьянин села Нарышкина Тульской губернии Андрей Кутепов ездил с дочерью к батюшке при жизни его, чтобы благословиться выдать ее замуж. «Боже, избавь! — сказал батюшка. — Она будет несчастна». Когда же они возвратились домой, мать не захотела исполнить батюшкин совет, выдала дочь свою замуж, но не прошло и года, как молодая женщина и муж ее сошли с ума. Из числа мирских, часто бывавших у батюшки Макария, помню орловского купца Ивана Михайловича Немытова и болховского — Василия Куркина¹.

Рассказ монахини Никандры (Зайцевой)

Мои родные жили недалеко от Оптиной и имели великую веру к оптинским старцам. Поэтому я девочкой часто бывала у батюшки Макария и лет пятнадцати, по его благословению, поступила в монастырь. При поступлении же моем в обитель была в Оптиной одна севская монахиня, которая очень просила батюшку благословить меня к ней жить. Сначала он как будто соглашался, но вдруг решительно отказал, хотя она очень оскорбилась этим отказом, и благословил мне ехать в Белев. После я узнала, что с помянутою севскою монахиною вскоре что-то неладное случилось. Она как бы в прелесть впала и как-то горестно окончила свою жизнь. Сначала батюшка поместил меня в корпус к матушке игуменье. Затем пришлось мне жить в келье, где было много народу. Он пришел однажды и говорит: «Видишь, сколько тут народу? И у тебя в твоей келье столько будет, как сельдей в бочонке». Потом батюшка благословил мне построить свою келью и сам для меня место купил. Вправду приходилось иногда так тесниться в этой моей келье, что вспоминались его слова: как сельди в бочонке будем. Особенно любил старец между сестрами мир. Помню, раз пришел он к нам — а нас вместе жило много, — остановился на пороге и спрашивает: «Мир у вас? Если мир, то пойду; а если нет, не пойду». И только тогда вошел к нам в келью, когда мы уверили его, что у нас мирно.

Забыть не могу батюшкины любовь и внимание, с которыми он относился к нам. Это был не отец, а самая нежная мать. Решительно на все он обращал внимание. Случалось мне после посещения родных моих заезжать прежде в Оптину. Так он сам все

посмотрит: что дали родные и все ли у меня есть, что нужно. Иногда приедешь к нему — скорбишь и жалуешься, что родные забыли. А он скажет: «Бог любит тебя и потому посылает скорби. Родные тут ни при чем. Всё — Бог. Он им не возвещает, вот и не шлют. Тебе нужны деньги? Возьми у меня, сколько надо». А сам вынет из кармана кошелек и подаст мне. Стану отказываться, а он начнет настаивать: «Бери, бери! Ведь мне дают!» Так батюшка утешал, что, бывало, и подумаешь: «Ну что ж, что скорби есть? Зато благодаря им батюшка так утешает».

К немощам нашим в отношении соблюдения постов старец был снисходителен. Когда приходилось нам быть в Оптиной Великим постом, сам, бывало, пошлет к нам в гостиницу келейника и дозволит до часов чаю напиться; требовал только больше смирения и мира между сестрами. Впрочем, поначалу он не благословлял мне чай пить с хлебом, и притом чтобы пить не больше трех чашек, а за лишнюю чашку, если придется выпить, положить пять поклонов. И строго выговаривал мне, когда я однажды, бывши в миру, выпила семь чашек. «Эдак ты на все будешь согласна, когда в миру бываешь», — сказал он.

Ко всяким скорбям и нуждам батюшка был очень отзывчив; старался всячески помочь нуждавшимся; за бедных монахинь сам платил за номер в гостинице.

Батюшка все укорял себя. Придет ко мне, бывало, в келью и скажет: «Вот я твою келью осквернил». Не любил он сладко кушать. Скажет, бывало: «Вы мне кушаний никаких не готовьте, я мужичок, мне щей да каши нужно».

Из книг мне батюшка давал больше читать поучения преподобного аввы Дорофея и святого Иоанна

Лествичника. Мне хотелось прочесть Библию, но он не благословил.

Говорил батюшка, что он больше всех монастырей любит Белевский, а племянницам своим не благословил сюда поступить; потому что в прочих сестрах могла возбудиться ревность, что он своих родных больше их любит.

Раз мне пришлось передать батюшке, что какой-то странник сказал мне что-то особенное, а он и говорит: «Я тебе запрещаю странников принимать. Если примешь в келью странника, все равно что врага, то есть беса, примешь».

Однажды мне очень не хотелось уезжать из Оптиной, так как близок был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы¹, а батюшка говорит: «Надо ехать. А то запоют: *приведутся Царю девы в след Ея*, а ты здесь с мужиками».

¹ Главный храмовый праздник в Оптиной пустыни. — Примеч. авт.

Однажды мой брат собрался поехать в Киев и нашел себе товарища странника, но батюшка решительно не благословил с ним ехать. «Боже, избавь! — сказал он. — Откажись и ступай после один». Брат послушался. И когда потом поехал, то в одном месте увидел, что собралась около чего-то толпа народа. Он подошел посмотреть и увидел, что странник, с которым собирался он ехать, лежит мертвый. Убили ли его, или, быть может, он сам умер, неизвестно. Но, во всяком случае, если бы батюшка не удержал брата, то и брат мог бы пострадать.

Когда батюшка скончался, я думала, что для меня все пропало, и плакала сорок дней почти не переставая. Наконец увидела я батюшку во сне. Он и говорит мне: «Что ты плачешь? Мне хорошо. На мне одежда, как на святом Иоанне Крестителе». И показал мне ее. На нем надето было что-то волосяное,

подобно тому, как изображают святого Иоанна Предтечу Господня.

Через год после батюшкиной кончины вечером под 7 сентября (день кончины старца Макария) мои родные проезжали мимо Оптиной пустыни и видели два огненных столба, которые, как им казалось, поднимались — один над монастырем, а другой над скитом.

Раз мне пришлось на явившегося во сне беса призвать молитвы батюшки Макария. «А! Знает, кого призывать», — сказал он и исчез.

Помню еще такой случай: умирала у нас монахиня, родная мать монахини Магдалины (Сотниковой), совсем уже кончалась. В это время показали ей портрет батюшки. Портреты его тогда только что вышли. Она страшно закричала: «Не покаялась!» И кричала сорок дней, а потом скончалась.

Рассказ монахини Капитолины

Я поступила в монастырь по благословению батюшки Макария. Вместе со мной поступила еще моя родственница. И ей батюшка благословил как можно скорее одеться в монастырскую одежду. Она была больная. Одевшись, очень мало пожила и скончалась.

Мне батюшка дал в руководство на всю жизнь такое наставление: «Живи так: видеть не видала, слышать не слыхала. Люби Бога и начальницу; а с ябедами начальницу не беспокой». Да все учил терпению: «Терпи. За терпение Бог не оставит». Позовет иногда своего келейника и в шутку скажет: «Отец Сергей! Купи Вере (мирское имя) терпения». — «Батюшка! Да я сама куплю», — скажу я. «Нет, ты дорого дашь», — ответит старец.

Первое время по поступлении моем в монастырь я мало занималась по келье черной работой — все берегла руки, чтобы не загубели и чтобы можно было кружева плести, а тетка, у которой я жила, за это сердилась на меня. Вот приехали мы с ней однажды к батюшке. Она и говорит ему, что намерена отослать меня домой, потому что я не работаю. Батюшка взял меня за руку и повел на кухню. Выпачкал свои ручки в саже и затем всю меня вымазал — и лицо, и руки, да так и провел по гостинице. Все на меня смотрят и смеются. С этих пор не стала я жалеть своих рук — все стала сама делать.

Не любил батюшка, если что скажешь про других. Скажет: «Это не твое дело».

Пришлось мне раз поехать с теткой в Троице-Сергиеву лавру. И когда мы оттуда вернулись, батюшка все мне рассказал, что мы там делали.

Батюшку очень любили мценские жители. Помню, когда проездом в Воронеж он остановился в Мценске у Фомы Никитича Кулешова, у дверей дома его собралась такая толпа народа, что батюшку провели чрез заднее крыльцо, посадили в экипаж и проводили в путь, а мы верст пятнадцать гнались за ним следом.

В Белеве батюшка жил дня по три-четыре, а в последний раз пробыл целую неделю и несколько раз повторял: «Надо, девочки, ехать на покой». Ходит он, бывало, по монастырю, а мы за ним — целой толпой. Увидит он матушку игуменню и пошутит: «Игуменья, игуменья! Я с конвоем».

Когда старец был у нас в последний раз, я сказала ему, что сержусь на брата, который перестал

Старец Амвросий.
Портрет. Художник
Сайда (в крещении
Серафима) Афонина.
2010. АОП

мне помогать, не буду писать ему и молиться за него. Батюшка сейчас же приказал мне написать брату письмо и что-то сам приписал ему. Скоро я получила от брата письмо, в котором было написано: «Какого это вы нашли там старца? Он мне свое писание вложил прямо в сердце».

За год до своей кончины батюшка Макарий передал меня батюшке Амвросию: накрыл меня полою, передает ему и говорит: «Вот тебе дуру, дуру!» А батюшка Амвросий тут же занялся со мною и прямо в первый раз рассказал мне всю мою жизнь с семи лет.

Когда матушка игуменья наша спросила умиравшего батюшку Макария, что она теперь будет делать, он ответил ей: «Бог будет помогать. И я буду помогать».

Когда батюшка скончался, матушка игуменья сначала поехала в Оптину одна, а потом прислала благословение ехать всем, кто хочет. Я немного опоздала и пришла, когда уже перенесли батюшку из скита в монастырскую церковь. Личико его было совсем закрыто и зашито, а мы подпороли покрывало и посмотрели. Батюшка лежал, как Ангел Божий. Когда гроб его несли опускать в могилу, сестры и народ теснились около него и старались оторвать что-нибудь от гроба на благословение. Около нас шел за гробом иеромонах Варсонофий¹. Он вынул из кармана ножницы, отпорол немного позумента с бахромой и разрезал нам по кусочку.

¹ Вероятно, иеромонах Варсонофий (Светозаров), в 1851 году перемещенный из скита в Малоярославецкий Николаевский монастырь.

Рассказ монахини Татианы (Ивановой)

Я с детства жила у помещицы Марии Михайловны Кавелиной. Ее имение недалеко было от Оптиной пустыни, и она постоянно ездила к батюшке Макарию, и батюшка каждый год ездил к нам в деревню. Когда он, бывало, приедет, все крестьяне соберутся принять от него благословение. Батюшка выйдет к ним и сядет и, пока благословляет их, говорит им что-либо в назидание, как будто ни к кому не относя своих слов, а между прочим многих в это время обличит.

У нашей помещицы был пчельник — хорошенький тихий уголок. И батюшка любил бывать там. За этим пчельником смотрела моя тетка. И батюшка всегда ей говорил: «Вот тут-то прекрасно! Сиди себе да читай духовные книги. И Таню к этому приучай».

Моя барыня была очень предана батюшке. Но находились люди, которым эта преданность казалась странной. Сын нашего сельского священника, молодой человек, часто насмехался над привязанностью моих господ к старцу, но вдруг заболел горячкой. Больной, он стал сознавать свою вину и раскаиваться. «Не за то ли, — говорил он, — Бог наказывает меня, что я смеялся над старцем?» И вскоре выздоровел. После того он приехал к нам и просил мою барыню: «Марья Михайловна! Вы поедете к старцу, попросите у него за меня прощения; а сам я боюсь к нему ехать». Но барыня уговорила его самого поехать, и он тотчас же поехал. Возвращаясь же, он опять заехал к нам и говорит: «Ну, Марья Михайловна, я не могу вам передать, что я чувствовал, когда увидел батюшку. Лишь только сказал он мне слова два, как все во мне похолодело, а потом загорелось. Я почувствовал, что это

не земной, а небесный человек, и только мог сказать: „Батюшка! Простите меня во всем“. А он говорит: „Бог тебя простит! Ты сам не понимал, что делал“».

Я сама три раза исцелена была батюшкой. С детства я жила с теткой у барыни очень тихо. Меня никуда не пускали. Но один раз, когда я была почти уже взрослая, меня отпустили на вечеринку к моему крестному отцу. Там мне вдруг стало очень тяжело. Я почувствовала, что у меня начали дергаться лицо и руки. Спустя немного и всю меня стало дергать; и потому вскоре отвезли меня домой, где я встречена была барыней и теткой. Я была в жалком положении. С трудом могла говорить. Рот кривился, все лицо было изуродовано, тело дергало. Тетка поехала к батюшке, который, узнав о случив-

шемся со мною, недоволен был тем, что меня отпускали на вечеринку. По его словам, у меня была Виттова болезнь. К доктору не велел обращаться, сказав: «Не надо, вы не понимаете — это не докторская болезнь, и, если будете лечить, вы ее совсем изувечите». Он дал тетке масла из лампы перед иконой Знамения Божией Матери, которая

находится в их скитской церкви, и велел влить его в лампаду перед чудотворной Калужской иконой Божией Матери, которая была у нас дома, и зажечь ее на шесть недель. Каждый вечер велел он давать мне по ложке масла из этой лампы, а утром чтобы я клала по три поклона и пила богоявленную воду; а если не могу поклоны класть, то пусть за меня кладет их тетка. Я стала так делать. Мне сделалось легче, а потом я и совсем выздоровела.

*Оптина пустынь.
Монастырская гостиница и Святые ворота.
Открытка.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

Года через четыре болезнь моя опять вернулась. Меня привезли к батюшке; а он и говорит: «Ты, верно, возгордилась, осуждала людей; вот тебе и попустилось опять заболеть». Я сказала, что не осуждала, а смеялась над другими. «Все равно, — сказал он, — это все то же, вот за это и заболела опять». И в этот раз батюшка лечил меня так же. Болезнь прошла и более не возвращалась. И в первый раз по выздоровлении батюшка благословил свозить меня в Троице-Сергиеву лавру, а во второй раз — в Воронеж и Задонск. А когда тетка моя стала благодарить батюшку, что за его святыми молитвами я выздоровела, он сказал: «Ты мне это не приписывай; это — Божие, не мое. Вот пообещайся съездить к святым угодникам, Господь и поможет». И всегда батюшка очень недоволен бывал, когда я исцеление приписывала ему, даже и оскорблялся. «Это, — скажет, — у тебя вражие, что ты мне не мое прикладываешь. За это Господь накажет; болезнь опять вернется».

В третий раз я простудилась, когда ехала в Оптину. У меня открылась лихорадка, потом как будто горячее состояние. Батюшка не пустил меня из гостиницы домой до следующего дня. Все от меня ушли за батюшкой в другую гостиницу, а я одна сидела у окна. Это было днем. Но мне вдруг стало страшно. Я оглянулась и увидела, что вся комната, где я сидела, наполнилась бесами. Они ехали на конях, рубились. Все стены и все было усеяно ими. Только на стоявшей в комнате иконе, на лике Спасителя, ничего не было. Я пришла в ужас и стала кричать. Позвали тетку, но и при ней я продолжала видеть то же. Тогда пришел батюшка, прочитал псалом *Живый в помощи Вышняго*, окропил меня и все вокруг богоявленной водой и велел тетке

читать надо мною этот псалом до тех пор, пока все исчезнет. Виденное мною, таким образом, стало делаться бледнее и наконец совсем исчезло. Но после я проболела недель шесть горячкой. Батюшка сам удивлялся этому моему видению и говорил, что так бывает с человеком только в предсмертные минуты, но, видно, Господу угодно особенно посетить таким искушением эту девочку.

Батюшка часто обличал меня. Придет, бывало, отведет меня в сторону и прямо скажет, что я сделала и подумала. А иногда захочет испытать — ждет, пока сама скажу. Утаить было нельзя. Сей час скажет, что лгу. А если запрусь, скажет: «Что ж не говоришь? Ты за это болезнию заплатишься». Все мои помыслы — все он знал. Посоветовал как-то мне батюшка воздерживаться понемногу в пище. Приехала я домой, дня два поела поумереннее, а потом и думаю: «Это батюшка так себе сказал, ведь надо же ему что-нибудь говорить», — и стала опять вволю есть. Приехала затем в Оптину, а батюшка меня и обличил — сказал: «Ему делать нечего, он так себе и скажет».

Вообще батюшка был очень ласков, но бывали случаи, когда и очень строго взыскивал. Помню, раз, отправляя меня одну домой, он строго приказал, чтобы я немедленно села на воз и не смела идти пешком. А я заговорила со знакомым мне монахом. Он проводил меня через паром. Сначала я спокойно шла и разговаривала с ним, а потом его навязчивость очень испугала меня, и я едва отвызалась от него и уехала. Когда же мы приехали к батюшке в следующий раз, он пришел к нам в гостиницу, а на меня и не смотрит и ни разу не благословил меня. Когда он стал уходить, я побежала за ним и стала просить у него прощения. Сначала

батюшка сделал вид, что и не знает моей вины. А когда я чистосердечно раскаялась в преступлении его заповеди, он мне сказал: «Помни! Последний раз прощаю, больше прощения тебе не будет. Хочешь ко мне относиться — слушайся! А не хочешь слушаться, лучше не беспокой меня, не ходи ко мне и времени не отнимай».

Один раз барыня моя не послушалась батюшку. День ее Ангела, 22 июля, пришелся в постный день. Батюшка прислал к ней сына ее, скитянина отца Леонида, сказать, чтобы за обедом ничего не было скоромного. У нее в это время гостил какой-то родственник — лицо очень важное, который никогда не ел постной пищи, потому она и велела подавать ему скоромное. Батюшка так этим оскорбился, что она потом едва могла выпросить у него прощения. И никогда она не видала его таким гневным, как в этот раз.

От батюшкиных увещаний люди очень изменялись к лучшему. Моя барыня была очень горячего характера, а потом стала очень кроткая. У нее сын был военный. В полку он вел разгульную, бурную жизнь. Потом приехал в деревню, стал ездить к батюшке и со временем изменился: оставил свои дурные привычки и стал жить как следует. Из полка он вышел в отставку, потому что с ним стали делаться припадки, которые были так сильны, что, бывало, в верхнем этаже дома слышно, как он хрипел внизу. Один из таких припадков случился с ним в Оптиной при батюшке. Батюшка приказал принести из своей кельи пелену, присланную ему из Иерусалима, и накрыл ею больного, который тотчас стал успокаиваться. Припадок наконец совсем прошел и за молитвами батюшки более никогда не повторялся. Выздоровев, Кавелин женился и долго жил.

Однажды бешеный волк в нашей местности искушал несколько крестьян, в том числе и двух мужиков моей барыни. Как раз в это время приехал к нам батюшка. Искушенных крестьян отправляли в больницу, а крестьян моей барыни старец не благословил туда отвозить. Их позвали к батюшке. Он их благословил, окропил их раны святой водой и утешил надеждою на милосердие Божие, так как они очень беспокоились и боялись взбеситься. Затем велел им полагать по три поклона, молиться Царице Небесной и святому Николаю Чудотворцу и пить по утрам богоявленную воду. Они так делали и остались живы и здоровы; а все прочие, отправленные в больницу, умерли.

Приезжали к батюшке раскольники, неправоверующие и от бесед с ним делались правоверными. Только одного помню старообрядца, кажется по суду присланного к батюшке для увещания, который не послушал гласа истины и не изменил своих заблуждений. Батюшка про него сказал, что с ним ничего нельзя сделать.

Из угодников Божиих батюшка чаще всего советовал прибегать к святому Иоанну Крестителю и святому Николаю Чудотворцу, а больше всего к Самой Царице Небесной.

Сам батюшка кушал суровую пищу, но других любил угощать.

Рассказ монахини Алевтины

Помню, один раз я с матерью своей, дожидаясь батюшку Макария, разговорилась о том, что меня, как проходил слух, хотели постричь в рясофор. Только что мы об этом поговорили, смотрим — идет батюшка и, обратившись прямо ко мне, говорит:

«Постригаться собираешься, а смиряться не смиряешься». На меня батюшка ни постов, ни каких-либо особенных правил не налагал, а все требовал от меня смирения.

Еще рассказ: моя родная сестра, Мария Павловна Полунина, страдала припадками беснования. Мать наша приехала с ней в монастырь, и мы с матерью повели ее в Оптину пустынь. Еще перед тем в нашей церкви она сильно беспокоилась, а дорогой все бранила меня, что у меня рука проклятая, на руке же у меня были надеты батюшкины четки. Когда мы пришли в Оптину, то сели дожидаться батюшку на дорожке около скита. Вдруг сестра закричала: «Вон идет седой!» — и забилась. Действительно, из скита вышел батюшка, подошел к нам и каким-то пояском опоясал больную. Она перегнулась назад, как бы переломилась, и как будто оцепенела. Потом, как оправилась, батюшка послал нас на могилку батюшки Леонида. Он всегда прикрывал чем-нибудь свои исцеления. Там мы помолились и взяли песочку с его могилки. Сестра успокоилась. На другой день была у обедни. Батюшка давал ей антидор¹, и она принимала спокойно. После того прежних припадков с ней уже никогда не было.

*Оптина пустынь.
Фотография.
Конец XIX —
начало XX века. АОП*

¹ Антидор — просфора, из которой на проскомидии вынимается Агнец, раздробленная на части.

Рассказ монахини Иустины (Бурцевой)

Раньше я была крепостная господ Загряжских. Со своей барышней, жившей в Зосимовой пустыни и желавшей перейти оттуда в Белевский монастырь, приехали мы в Оптину к батюшке Макарию, которого я видала раньше, так как он проездом в Малоярославецкий монастырь к игумену Антонию

останавливался в имении моих господ. Батюшка пришел к нам в гостиницу, благословил мою барышню и на меня обратил внимание: «Это кто с тобой?» — спросил он барышню. А затем спросил и меня: «Хочешь, девочка, в монастырь?» Когда же занялся с моей госпожой, позвал меня к себе и говорит так ласково: «Ну, говори мне свои грехи, ведь мы с тобой тут двое», — а сам гладит меня по голове. Я рассказала, что у меня было на душе, что мне хотелось поступить в монастырь, но я боялась, что меня не примут по той причине, что раньше мне предлагали в монастырь поступить, а я отказалась. «Бог милостив, — сказал батюшка, — будешь в монастыре». Вскоре он запретил мне носить цветное платье. На другую же девушку, которая была с нами у батюшки, он не обращал внимания и ничего ей не говорил. После того мы обе с этой девушкой поступили в монастырь, но она прожила год и вышла из монастыря, а я осталась. Шесть лет не одевали меня в монастырское платье, потому что я была крепостная племянника моей барышни-монахини, а он меня не отпускал совсем. Я очень скорбела по этой причине, а батюшка всегда мне говорил: «Будешь одета, когда воля будет». Так и случилось. Скоро затем крепостным дали волю, и я оделась.

Иногда батюшка строг бывал к моей монахинь-госпоже, особенно за какие-нибудь барские капризы. Придет, бывало, к нам в номер и будто сильно на нее разгневается, даже ножками на нее затопает. Она расплачется, а он так и уйдет. Обойдет все гостиницы и опять к нам зайдет. Жаль ему станет ее, скажет: «Где тут слезокапка? Все, наверно, плачет». И утешит ее.

Барышня моя была брезглива. Раз при батюшке и зовет меня стереть накапавшее на стол со свечи

сало: «Устюша! Сотри эту гадость». А батюшка и говорит: «Где? Какая гадость? Никакой гадости нет». Собрал на свой палец это сало да и помазал ей лицо.

Рассказ монахини Флавианы

Монахиню мою, у которой я была келейницей, батюшка перевел из Великолуцкого монастыря в Белевский: находил жить там для нее непомерным, потому что близко к ней были ее родные. Она и меня привезла с собою туда же; но я стала очень скучать на новом месте. Ей стало жалко смотреть на меня. Вот она и говорит старцу: «Батюшка! Я хочу Аннушку назад отправить: она все плачет». А батюшка ответил: «А ты с кем поедешь?» Она удивилась этому, так как никуда не собиралась ехать. Но через несколько лет ее назначили игуменьей в другой монастырь. Ей и пришлось со мной ехать. А перед этим батюшка еще раз прямо сказал ей: «Ты игуменья будешь». — «Ну, батюшка, куда таких дураков в игуменьи ставить?» — ответила она на его слова. «Хоть дура, да игуменья», — подтвердил он. Однажды она сказала старцу: «Батюшка! Какая счастливая мать Макария Сомова, что вместе с вами именинница!» — «И ты вместе будешь», — ответил он. Уже после кончины батюшки ее постригли в мантию и назвали Макарией.

Батюшка любил во всем простоту. Вошел он однажды к нам в келью и увидел, что на подушках у нас покрышки с оборочками. Взял да и побросал их на пол. Никогда он не позволял нам ни шерстяного подрясника и ничего цветного сделать.

Очень не любил батюшка, чтобы сестры ходили по кельям. Иногда, бывало, со вздохом скажет: «Ах,

девочки, девочки! Если бы вы знали, какой грех по кельям ходить! Ты пойдешь чашку чая выпить, а там празднословие и осуждение. И за одну чашку сколько греха наберешься!»

Приехал однажды батюшка к нам в монастырь. В это время две монахини поссорились из-за стройки кельи и просили батюшку прийти рассудить их. Когда же он пришел, они стали вперебивку обвинять одна другую. Долго стоял батюшка между ними молча, опершись на свой костыль. Потом вдруг стал живо повертываться то к той, то к другой и скороговоркой говорить: «Ты какова? А ты какова? А ты какова?» Все присутствовавшие тут рассмеялись; тем суд и окончился.

С монашествующими батюшка занимался больше, чем с мирянами, но по смирению очень старался скрывать свои духовные дарования. Если, бывало, спросишь его о чем-нибудь очень прямо, скажет: «Не знаю, не знаю».

Однажды батюшка, отпуская меня из Оптиной перед вечером, очень усталую, пешком, говорит: «Ступай! Там тебе оказия будет — сегодня дома будешь». И правда.

Только немного прошла я дорогой, нагнали меня какие-то добрые люди, посадили и довезли до монастыря.

Помню, одна бесноватая ударила батюшку по щеке, а он подставил ей другую. Она так и упала замертво.

Любвеобильный был старец. Совсем уже был больной перед кончиной, и то все заботился, чем бы утешить сестер. «Пошлите, — скажет келейникам, — что-нибудь на гостиницу: там сестры приехали».

*Преподобный Иларион
(Пономарев), старец
Оптинский. Фотогра-
фия. Середина
XIX века. АОП*

Они и принесут нам или яблок, или еще чего-нибудь.

Про келейника своего, отца Илариона, который впоследствии был скитоначальником и старцем, батюшка говаривал как бы шутя: «Вот этот старец лучше меня проберет вас». Скитскому иеромонаху Исаакию говорил, что он должен быть настоятелем в Оптиной пустыни, а отцу Флавиану — казначеем. Все это в свое время и исполнилось.

Рассказ монахини Анны (Леонтьевой)

Девочкой лет двенадцати была я у старца батюшки Леонида, и он послал меня исповедаться к батюшке Макарию. Пришла я в церковь, где он исповедовал людей; а мать моя, со мной пришедшая, осталась на паперти церковной. Батюшка меня спросил: «Прощалась ли ты со своею матерью?» Я ответила, что нет, да и не знаю, как надо прощаться. «Пойдем, — сказал батюшка, — я покажу тебе как». Повел меня на паперть и заставил три раза матери в ноги поклониться. Очень не хотелось мне кланяться, потому что там много народу было. А батюшка смеется и приговаривает: «У нас нос-то кверху смотрит, а вот мы его и нагнем». Матери же моей сделал выговор, что не учит меня просить перед исповедью прощения, и только тогда стал меня исповедовать.

Помню еще, как я приезжала к батюшке Макарию, когда уже была замужем. Жизнь моя в замужестве так была тяжела, что я готова была лишиться себя жизни, если бы не поддержал меня батюшка. Мать моя уговаривала меня бросить мужа и уехать на жительство к ней, но батюшка и слышать об этом не хотел. «Что ты, старая, придумываешь?» —

говорил он ей. Обратившись же ко мне, сказал: «В чем другом слушайся своей матери, Анна, а в этом не слушайся. Что Бог сочетал, то пусть не разлучает человек. Терпи и помни — не ты первая, не ты последняя. В мире несчастных много. Время исход покажет. А если уйдешь от мужа, лишишься Царствия Небесного». Эти слова его меня ободрили, и я стала терпеливее. Трогательно уговаривал батюшка и мужа моего. Он поставил нас обоих перед Казанской иконой Божией Матери и так говорил ему: «Помни, ты отдашь за нее ответ Богу. Ты в детстве разорял птичьи гнезда. Вот и с ней ты как с таким же беззащитным птенчиком поступил. Исправься! Иначе тебя ждет большое наказание». Муж не исправился и получил, как говорил батюшка, еще здесь наказание: он сослан был в Сибирь. (Оставшаяся жена со временем поступила в монастырь.)

Рассказ монахини Анны (Горбылевой)

Когда дед мой вздумал женить моего отца, он сначала поехал к батюшке Макарию испросить его благословения, какую невесту взять, так как невест находилось много. Батюшка вдруг и говорит ему: «Да ты возьми за него свою куму». Дедушка задумался. Сначала и вспомнить не мог, про какую куму сказал ему старец, а потом припомнил, что года три назад он ездил из Мценска в город Новосиль, дорогой остановился в доме, где был новорожденный ребенок, при крещении коего ему пришлось быть восприимным отцом; а восприимною матерью была тамошняя небольшая девочка. Поехал он в тот дом. Девочка в то время была уж как раз невеста. Посватался. Женил на ней своего сына, и они жили счастливо.

Рассказ монахини Матроны (Косторновой)

Я жила келейницей у монахини Макарии (Сомовой). Приехал однажды батюшка в Белев и пришел к нам обедать. Покушавши, он помолился Богу и говорит: «А теперь надо игуменье поклониться», — и поклонился монахине Макарии в ноги. Смутившись этим поступком старца, она только произнесла: «Батюшка! Что Вы делаете?» А он опять говорит: «Нет, нет, игуменье надо поклониться». Вечером в тот же день батюшка позвал ее пойти с ним к матушке игуменье, настоятельнице обители, надел на нее свою камилавку, а в руки дал костыль свой да так и повел. Привел и говорит: «Игуменья! Я к тебе игуменью Макарию привел». Года через два после этого мать Макарию поставили игуменьей в Каширский монастырь.

Рассказ монахини Марии (Добровольской)

Пред поступлением в монастырь приехала я в Оптину пустынь к батюшке Макарию. Увидала меня тут одна севская монахиня и стала звать к себе в келейницы. Пришел к ней в гостиницу батюшка. Она и просит у него благословения взять меня к себе и рассказывает, что и как она для меня сделает, а батюшка на все только говорит: «Изрядно!» Потом, обратившись ко мне, сказал: «Поезжай, поживи до весны». Я поехала с этой монахиней в Севский монастырь, но меня там не приняли в число сестер, потому что она привезла меня без благословения игуменьи. И потому весной мне на самом деле пришлось вернуться к батюшке, и он поместил меня в Белевский монастырь.

Бывши как-то раз в Оптиной пустыни, я с другой монахиней остановилась поговорить с одним иеромонахом. В это время проехал мимо нас батюшка в гостиницу. Мы поклонились ему и пошли вслед за ним. Я и говорю своей спутнице, что, верно, батюшке не понравилось, что мы стояли и разговаривали. «Он, наверно, ничего не видел», — ответила она. Подходим к гостинице, а батюшка выходит из экипажа. Стали мы помогать ему взойти на лестницу; а он и говорит: «Да, да, девочки, ведите меня, а то я слеп, ничего не вижу».

¹ Подругой.

Пред кончиной батюшки Макария, когда по прибытии в Оптину мы с товаркой¹ узнали, что он опасно болен, пошли было с ним проститься, но немного опоздали. Подходим к скиту, а наша матушка игуменья, уже побывавшая у старца, встречает нас на дороге и говорит, что батюшка изнемог и не принимает больше. Мы поскорбели, но делать нечего, повернулись и пошли в гостиницу. Вдруг слышим, нас зовут назад; потому что прозорливый батюшка, хотя ему и не докладывали о нас, сам велел нас позвать к нему. Мы пришли и простились с ним.

После кончины батюшки в день его Ангела мне приснилось следующее: увидела я здание необыкновенной красоты; когда вошла я внутрь, увидела там множество окон, на которых стояли цветы, и много столов, покрытых белыми скатертями. За ними сидели старцы такого благолепного вида, что я смутилась, что вошла сюда, и подумала: хоть бы кого-нибудь знакомого здесь увидеть. И вот вижу, пятым от меня сидит батюшка и смотрит на меня. Я ему очень обрадовалась. Потом старцы встали из-за стола. А батюшка подошел ко мне и спросил: «Хорошо у нас?» — «Так хорошо, что и высказать не могу», — ответила я. «Ну, пойдем, —

сказал он, — я тебе еще покажу». И повел меня в прекрасные сады, где протекали ручейки. Опять батюшка спросил: «Хорошо ли тут?» Когда же я похвалила, он сказал: «Терпи! И тебя Бог не оставит». У меня была в то время скорбь, и я, пока мы с ним ходили, все собиралась высказать ему. А он и говорит: «Я всю твою душевную скорбь знаю» — и дал мне из одного ручейка выпить воды. Мне стало так хорошо, что я во сне от радости закричала: «Батюшка!» — и проснулась.

У меня была сестра, которая, по благословению старцев, в миру старалась жить по-монашески. Место ее жительства было недалеко от Оптиной пустыни, и монахи оптинские, которым по делам приходилось проезжать чрез эту местность, всегда останавливались отдыхать и ночевать в ее доме. Часто они привозили ей в благодарность или святую просфору, или еще что-нибудь на благословение; а один монах привез как-то сестре портрет батюшки Макария, но позабыл его отдать ей да так и уехал. В следующую за тем ночь сестра увидела во сне, будто батюшка едет через их город; а к ней не заехал. Она этим очень огорчилась, а батюшка говорит: «Я сейчас здесь только проездом, а на возвратном пути заеду к тебе». Через некоторое время монах, забывший отдать сестре портрет, возвращаясь в Оптину, завез его сестре. И она чтит его как чудотворный, потому что в скорбях своих получала от него утешение.

*Оптина пустынь.
Фотография.
Конец XIX —
начало XX века. АОП*

Рассказ монахини Иустины (Попошиной)

Шли мы в Оптину и разговаривали дорогой, что, кажется, мы на руках бы унесли батюшку, если бы монахи нам его отдали. Приходим к батюшке, а он и говорит: «Еще берется на руках меня понести». В последний год своей жизни батюшка приехал к нам в Белевский монастырь с батюшкой отцом Амвросием и пошел по монастырю. За ним шел и батюшка Амвросий. Подбегает в это время к батюшке Макарию одна сестра и со слезами говорит, что отец хочет насильно взять ее из монастыря и выдать замуж, что уже и жениха для нее нашел. Сначала батюшка Макарий все молчал, а потом промолвил: «К Амвросию обращайся». Батюшка Амвросий видит, что она все плачет, а батюшка Макарий ничего ей не говорит, утвердительно сказал: «Не возьмет!» Так и случилось. Пробовал отец взять ее из монастыря, однако не удалось.

Рассказ монахини Клеопатры

Я поступила в монастырь без всяких средств, так что мне казалось невозможным иметь когда-либо свою келью. Когда же стала проситься в монастырь еще моя сестра, я стала говорить батюшке Макарию, не благословит ли он ей поступить в какой-либо общежительный монастырь; а то что мы, обе такие бедные, будем делать в своекоштном¹ монастыре. Но батюшка не благословил, сказав, что у нас будет своя келья, что сестра нужна будет игуменье. Стал он сам пробовать ее голос, она запела дискантом, а он хвалит, что у нее хороший бас. В нашей обители в то время были певчие с такими хорошими головами, что я подумала на батюшкины слова: вряд ли

¹ Своекоштный монастырь — монастырь, живущий по идиоритмическому (не общежительному) уставу, где монахи могут владеть личной собственностью.

в моей сестре будут нуждаться. Однако ее приняли в нашу обитель и определили ей клиросное послушание. Через несколько лет ее голос перешел в бас, и в ней стали очень нуждаться на клиросе, потому что некоторые из певчих с хорошими голосами перешли в другой монастырь. За молитвами батюшки Господь послал нам и свою келью.

Когда батюшка в последний раз приезжал к нам в монастырь, мы с сестрой стали проситься у него поехать на родину. Меня он отпустил, а ее ни за что не хотел отпустить, хотя она очень просилась. Я уехала, а батюшка без меня скончался. Сестра в то время и нужна была здесь, потому что певчие наши ездили в Оптину на похороны батюшки.

Рассказ монахини Рафаилы

Когда батюшка Макарий стал ослабевать в силах, он благословил нас исповедоваться у духовника отца Паисия; но потом почему-то запретил ходить к нему и у него исповедоваться. Между тем в бытность нашу в Оптиной пустыни отец Паисий сам пришел к нам в номер, и мы постеснялись не принять его. Вдруг на гостиный двор приехал батюшка; мы выбежали его встретить, а он сказал, что придет в наш номер. Хотя мы не звали отца Паисия, однако были непокойны, что, вопреки заповеди старца не иметь с ним общения, отец Паисий был у нас в номере, и потому мы предложили батюшке заняться с нами где-нибудь внизу, тем более что номер наш был в третьем этаже и взойти туда батюшке было затруднительно. Но батюшка сказал, что он все-таки туда пойдет, и в одну минуту был уже наверху. Отворил дверь нашего номера, посмотрел на отца Паисия, молча затворил ее

и ушел от нас. И это было наказанием за нарушение заповеди старца.

После приведенных здесь нескольких устных рассказов белевских монахинь о старце Макарии следует сказать несколько слов о Борисовской Тихвинской женской пустыни в Курской епархии. Эта обитель издавна имела в себе немало учениц первого приснопамятного оптинского старца, Леонида, которые вместе с тем были и ученицами старца Макария. Обитель эту, по словам оптинского старожилы игумена Марка, старец Макарий в отношении жизни духовной ставил выше других женских обителей, так как в его время там жили и подвизались замечательные по жизни старицы. Из них в особенности известны были две схимницы — Алимпия (Сукачева) и Лаврентия (Ускова), обе из дворян-помещиц. Между прочими сестрами этой Пустыни известна была еще схимница Анатолия, тоже из помещиц, в миру Параскева Феодотовна Трунова, которая нередко приезжала в Оптину пустынь к старцу Макарию и рассказывала следующие замечательные случаи.

«Приехала я однажды в Оптину, — так она рассказывала, — и по обычаю остановилась в монастырской гостинице. Увидела из окна своего номера, что на гостиничном дворе появился батюшка Макарий, и бросилась впопыхах принять от него благословение, забыв при этом и запереть свой номер, где лежало несколько моих денег для путевых расходов. Увидев меня, прозорливый старец тотчас сделал мне замечание: „А что же номер бросила распертым? Иди, иди, запри. У нас тут не всегда бывает благополучно“. Отошедши от старца, я остановилась было на несколько минут еще издали

посмотреть на него, но он погрозился на меня пальцем, чтобы я шла в свое место, что, конечно, я и исполнила.

В другой раз, приехавши в Оптину, я вместе со своими спутницами-монахинями и с одной мирской девицей пришла в скит к батюшке Макарию. Он ласково принял нас и угостил чаем. Поблагодарив старца за угощение, мы отправились в гостиницу. Дорогой не понимавшая старца и монашеской жизни мирянка с самодовольством говорила: „Ах! Как батюшка был нам рад! Как мы его утешили!“ И так всю дорогу проахала. Но лишь только мы успели войти в свой номер, как тотчас же вошел к нам старец и повел обличительную речь: „Я пришел поблагодарить вас. Как вы меня утешили! Как я вам был рад!“ Сконфузившись от этих слов, мы в оправдание себя стали указывать на мирскую, что это она так говорила. Но батюшка продолжал свое обличение: „Так вот потому-то я и пришел поблагодарить вас, что вы меня уж очень утешили, и я был очень рад вам“.

Еще случай. Шла однажды я в своем монастыре по дорожке мимо сада. На дороге валялось яблоко. Помысл смущал меня поднять яблоко и съесть. Но, одумавшись, я сочла это за искушение, потому подняла яблоко и бросила в сад. Чрез несколько времени, приехавши в Оптину, я пришла к батюшке, который встретил меня такими словами: „А яблочко-то бросила в сад“. Я уже и забыла об этом. „Какое, батюшка, яблочко?“ — спросила я. „А мимо сада-то шла, помнишь? На дороге валялось яблочко, а ты взяла его и бросила в сад“. Тут уже и мне этот случай пришел на память.

Скончалась моя сестра замужняя. Когда донесли о сем батюшке Макарию, он велел жившей со мною

в монастыре другой моей родной старшей сестре возвратиться к вдовому зятю, чтобы заведовать хозяйственными домашними делами, сказав при сем, что она все-таки окончит жизнь свою в монастыре. Мне же старец благословил одну маленькую сиротку, племянницу Дашу, взять с собою в монастырь — что я и исполнила. А сестра моя монахиня, проживши в миру у зятя семнадцать лет, по предречению старца Макария, опять возвратилась в Борисовскую пустынь, где, прожив еще лет двенадцать, скончалась.

Через несколько лет после смерти вышеупомянутой сестры моей мирянки тяжело заболел и муж ее. По этому случаю я вызвана была домой. В это самое время батюшка Макарий проездом на возврат-

ном пути из Киева в Оптину был в Курске. А так как Курск от нашего местожительства находился всего в пятидесяти верстах, то я, с согласия нашего больного зятя, решилась поехать к старцу в Курск, дабы спросить у него, лечиться ли зятю или положиться на волю Божию. Старец ответил: „Чего там лечиться! Поспешай-ко поскорее домой, а то не застанешь его в живых“. При этом батюшка велел мне взять к себе в монастырь еще другую сиротку,

сестру Даши, которая была немного старше ее. Когда же я стала со скорбью отказываться: „На что мне их, батюшка? Что я с ними буду делать?“ — старец сказал: „Вот ты не желала ходить за детьми, а Господь хочет, чтобы ты за ними походила“. С тем я и возвратилась домой к зятю, который на третий день по моем возвращении и скончался

Курск. Коренная пустынь. Церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник». Фотография В. Машукова. 1900

с христианским напутствием. По воле старца и другая сиротка взята была мною в монастырь. А вскоре после этого и остальные две, тоже маленькие, сестры попали в одно стадо.

Упомянутая пятилетняя Даша страдала в монастыре сильной лихорадкой и расстройством желудка. Часто с ней случалась рвота, в особенности после того, как иногда, бывало, покушает жареной рыбы. Вот приехал однажды к нам в монастырь батюшка Макарий и посетил нашу келью. Ему доложили про лихорадку Даши. „А вот мы ее увезем“, — сказал он и посадил больную девочку с собою обедать. Ему заметили было хозяева: „Зачем, батюшка, сажаете с собою девчонку?“ Но он настоял на своем и приказал девочке кушать уху из одной с ним тарелки. Потом подали жареного карася. Старец разрезал его вдоль пополам и одну половину отложил себе, а другую приказал есть девочке. Та кушает и плачет, будучи уверена, что после этого удовольствия у нее откроется сильная рвота. Старец же, несмотря на ее слезы, понудил ее съесть всю отложенную ей половину карася. Девочка послушалась. Затем батюшка, распростившись с нами, отправился восвояси, а Даша оказалась совершенно здоровою. Ни лихорадка, ни рвота с нею больше уже не повторялись».

Нелишне еще сказать о том, как старец Макарий ценил святое послушание. Матушка Анатолия долгое время несла в обители послушание ризничей. Когда же силы ее стали ослабевать, она, будучи в Оптиной, объяснила батюшке Макарию, что намерена отказаться от своего послушания. «А ты не знаешь, — возразил старец, — как высока цена святого послушания? Тут шаг (при этом он для большей выразительности шагнул), а там (указывая

на небо) рубль. Тут другой шаг, а там другой рубль». Последние слова произнесены были старцем с теми же знаками выразительности. После этого мать Анатолия оставила свое намерение и до самой кончины несла благое иго своего послушания.

Кроме помянутых женских обителей духовным руководством и наставлениями старца Макария пользовались также некоторые внимательные к себе сестры монастырей: 1) Великолуцкого, игуменьей которого была мать Палладия, одна из преданнейших учениц старца Макария; 2) Вяземского Аркадиевского, в котором настоятельницей была также одна из учениц старца, мать Аркадия; 3) Казанского монастыря игуменья Досифея, бывшая ученица еще старца Леонида; 4) Курского монастыря игуменья Алевтина и некоторые из сестер этой обители; 5) Серпуховского; 6) Калужского; 7) Елецкого; 8) Брянского; 9) Осташковского; 10) Золотоношского; 11) Смоленского; 12) Тульского; 13) Каширского; 14) Зосимовой пустыни; 15) Белевского; 16) Орловского; 17) Бородинского и некоторых московских монастырей. Инокини эти по временам специально приезжали в Оптину пустынь для свидания со старцем Макарием, чтобы, подкрепясь духовно устными его советами и наставлениями, продолжать потом пользоваться его назидательными письмами.

ГЛАВА 15

Отношение старца Макария к мирским посетителям

Стою же святой любовью и с таким же искренним благожеланием, как к монашествующим, относился старец батюшка Макарий и к мирским посетителям, искавшим от него пользы духовной.

Между такими посетителями немало было по своему уму, образованию и положению в свете особ очень важных. Так, нередко посещал старца Макария благочестивый граф Александр Петрович Толстой, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, и служивший при нем чиновником особых поручений Константин Карлович Зедергольм (впоследствии иеромонах оптинского скита Климент); сенатор Петр Иванович Саломон с семейством; известный писатель-философ Иван Васильевич Киреевский, который направил к старцу Макарию другого известного писателя, Николая Васильевича

¹ Скончался в 1900 году 31 марта. — *Примеч. авт.*

Гоголя. В первый свой приезд в Оптину пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожила, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея¹, прожил в монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором проживал Гоголь. Также достоверно известно, что батюшка Макарий с христианской точки зрения не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. Во время пребывания этого почтенного гостя в Оптиной пустыни предложено было ему, между прочим, конечно с благосло-

вления старца Макария, прочитать книгу святого Иоанна Лествичника. Прочитав, Гоголь высказался о ней так: «Какая глубокая психология!» Слышно было, что по возвращении его из Оптиной в Москву душевное его настроение совершенно изменилось. Он уже не только перестал писать в смехотворном тоне, но и сожалел о том, что прежде им было написано, и даже выражал желание, если бы можно было, уничтожить все свои светские литературные произведения. Но за такой поворот Гоголя в его воззрении на жизнь умные миролюбцы провозгласили его тронувшимся в уме. А так как привлек его к старцу Макарию Иван Васильевич Киреевский, то и к Киреевскому те же умные люди отнеслись неблагоприятно. После этого Гоголь еще раза два

Портрет Андрея Николаевича Муравьева.
Художник П. З. Захаров.
1838

приезжал в Оптину к батюшке Макарию и во время своего пребывания в монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту.

В 1851 году 8 сентября посетил Оптину пустынь известный своим благочестием духовный литератор Андрей Николаевич Муравьев и пробыл в обители около двух суток, посетил и скит.

Кроме этих особ посещало Оптину и старца Макария весьма много людей всех сословий: дворян, купцов, мещан и крестьян обоего пола — и во всякое время. Но особенно велико было в обители стечение народа в посты, и преимущественно в Успенский пост, когда духовники едва успевали исповедовать приходивших на исповедь и каждодневно в монастыре причащалось по несколько сот человек. Сам старец, как выше упомянуто, не исповедовал, а только принимал приходивших к нему для откровения помыслов и получения от него нужных советов. Мужчин принимал он в своей келье во всякое время с раннего утра до позднего вечера, а к женщинам выходил за ворота. В последние годы своей жизни принимал их во внешней келье, которая со временем пристроена была для этой цели к его корпусу, с выходом наружу. Келья эта всегда называлась, как и теперь называется, хибаркой.

В отношении к посетителям старец не имел лицеприятия. Посещали его и родственники из мирян и монашествующих, но к ним относился он точно так, как к прочим посетителям. Всех же принимал любвеобильный старец, как выше сказано, с великой любовью и родственным участием, всех выслушивал поистине с изумительным терпением и кротостью, по возможности стараясь удовлетворить

*Николай Васильевич
Гоголь. Рисунок
Э. А. Дмитриева-
Мамонова. 1852*

¹ То есть деятельно,
учил делом.

все их нужды. И это — каждый день, и притом не один год, а в течение более двадцати лет деячил¹, указывая всем правый путь ко спасению, чтобы таким образом, незримо для его смиренной души, и над ним исполнилось обетование Божие: *а иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19).

Но если старец так участливо относился к своим посетителям, то посетители поистине благоговели перед ним, и в особенности простой народ. Трогательная картина представлялась глазам наблюдателя, когда смиренный и благостный старец проходил по дорожке из скита на гостиницу. «Батюшка, родной! — так вопияла, например, больная крестьянка. — Столько-то годов я больна, рук ни к чему не могу приложить; а наше дело деревенское, работы много; помоги ты мне Христа ради!» И, обнимая ноги старца, она обливала их слезами, не отступая от него, подобно жене хананейской. Что же отвечал ей смиренный старец, на которого в эту минуту обращались сотни взоров сопровождавших его посетителей? «Что ты делаешь, матушка? — говорил он. — Господь с тобой! Встань Бога ради, встань. Я человек грешный, ничего не знаю, ничего не могу. На это есть доктора, а я что?» — «Батюшка ты мой! — продолжала вопить больная, не отступая от старца. — Не отойду от тебя. Помолись за меня, грешную. Бог услышит тебя. Прикажи вынести масла аль водицы святой. Ты вот помог же такой-то. Не отринь и меня, грешную». Старец отзывает ее в сторону, преподает духовное наставление, благословляет, а затем, если он еще не отошел далеко от своей кельи, приказывает келейнику дать ей святой воды или масла из лампы, неугасимо теплившейся перед келейной его Владимирской иконой

Божией Матери. И благотворно всегда действовал этот елей по милости Того, Кто вложил в сердце болящей обратиться с такой живой верой к смиренному рабу Его.

Или так рассказывал вышеупомянутый скитский иеромонах Леонид (Кавелин): «Возвращался я однажды из монастыря в скит. На дороге и спрашивает меня старая деревенская женщина, прошедшая верст триста с больною дочерью: „Батюшка, отец духовный! Как бы мне увидеть отца Макария-то? Бога ради скажи ему, родненький. Вот с самой ранней обедни жду не дождусь его“. Старец, как известно было, ходил по гостиницам часов с двух пополудни. „Да на что он тебе, матушка?“ — спросил я ее. „Дочка больна, батюшка ты мой, — отвечала она. — Вот третий годок, как замуж отдала на сторону. Бог благословил: муж хорош попался, любит, бережет — нечего Бога гневить, — а вот сохнет да вянет невесть отчего. И лекарям-то пробовали показывали, и на богомолье ходили — не дает Бог способу... Не поможет ли чем кормилец, батюшка Макар-то? Наши летось были у него. Что ж? Кто пошел с горем, вернулся с радостью, больные оздоровели. Ступай, говорят мне, Степанида. Он сердобольный такой — всякого принимает, всякому рад помочь. Вот я и поплелась, кормилец мой, с дочкой-то своей. Скажи ему, родненький, о нас, сделай такую милость“. — „Да ты бы, — говорю, — на гостинице подождала“. — „Ох, отец мой, — отвечала со скорбию старушка, — там народу-то пропасть, с утра с самого ждут. Боюсь, не пробьешься. Иные дня по три ждут“. И точно, некоторые жили в гостинице не только по три дня, а и по целым неделям,

Граф Александр Петрович Толстой, обер-прокурор Святейшего Синода. Середина XIX века

ожидаю возможности побеседовать со старцем несколько часов».

Несомненно известно, что все, с верою принимавшие и исполнявшие советы старца, который имел благодатный дар духовного рассуждения, получали через него не только душевную пользу, но и здравие телесное и благопоспешество в житейских делах. Примеров тому в свое время было великое множество, некоторые из них уже приведены были выше, а о некоторых сказано будет дальше.

Были, впрочем, и такие посетители, которые претыкались о камень неверия и уходили от старца, не воспользовавшись его советами. Иные же приходили к нему, предварительно составив о нем своеобразное высокое понятие. Мудрствуя земная¹, воображали, например, что старец — человек с обширными научными познаниями и что стоило лишь только представиться ему, как можно услышать поток речей из уст его. Разумеется, что, составив о нем такое представление, оставались совсем не удовлетворенными, увидев перед собой простого смиренного старца, который

не только не забрасывал приходивших к нему словами, но иногда и с действительно нуждающимися и скорбящими, страдая занятием духа, едва был в силах вести краткий разговор. Были и такие, которые приходили к старцу из одного любопытства и во время беседы с ним больше походили на явив-

шихся поучать его самого, нежели желавших услышать от него что-либо полезное. Старец, посвятивший себя всецело служению ближним и не желая никого оскорбить, и их принимал, хотя иногда

¹ Аллюзия на слова Апостола: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 2).

*Оптина пустынь.
Дорога к монастырю.
Открытка. Конец XIX —
начало XX века. АОП*

и жаловался своим близким ученикам, что такие посетители лишь отнимают у него дорогое время, ему не принадлежащее. «Батюшка! — заметили ему однажды по уходе такого господина. — Он, кажется, более поучал вас?» — «Что ж, — ответил смиренный старец, — спасибо ему. Он лучше вас понял меня. Чему доброму можно научиться от меня, грешного? А он многое знает — все знает». Случалось, что кто-либо из таких любопытствующих, не понимая, зачем посещали старца люди верующие, начинал оспаривать сказанное им в ответ вопрошающему. Тогда, кроме редких и особых случаев (то есть если речь шла не о предметах веры), старец тотчас же прекращал или, вернее сказать, сокращал беседу, говоря: «Как знаете, Вы, конечно, знаете это лучше меня, я человек неученый». И затем или вовсе умолкал, или продолжал беседу уже о каких-либо посторонних предметах, что он шутя называл как в устной беседе, так и в письменной — «трынь-брынь».

Вообще смирennemудрый старец, не любя прекословия и так называемого умничания в относившихся к нему духовно, одинаково и сам не любил вступать в споры ни с кем и ни о чем, а в особенности с людьми образованными и учеными, но противомудрствующими учению Святой Церкви, основываясь на слове апостольском: *мы такового обычая не имамы* (1 Кор. 11, 16) и на слове отеческом: *в споре нет смиренномудрия*.

Впрочем, многие из таких, как потом сами признавались, не успев или не умея воспользоваться духовной мудростью старца, воспользовались одним видением его, ибо, как уже замечено было выше, всех он привлекал к себе любовью, как магнит железо, весь исполнен был благодати, весь разлит в милости.

Но надобно было слышать, с каким воодушевлением, сердечной теплотой и сердоболием вел он беседу с искренно вопрошавшими его о болезнях душевных или скорбях своих. Видя искренность и действительную нужду обращающихся к нему за помощью, старец забывал все: и свои немощные телесные силы, и необходимый отдых, и письма, требовавшие ответа, и даже пищу. И хотя нередко выходил из такой беседы изнемогший до крайности, едва переводя дыхание, но был весел, говоря на замечание учеников своих, что он вовсе не щадит себя: «Что делать? Жаль бедного. Если бы вы знали, сколько у него скорбей! А душа-то смягчена ими, и есть искреннее желание попасть на путь истинный».

Приходивших же к старцу Макарию посетителей, после краткого их пребывания в обители, чтобы принять от него благословение в обратный путь, имел он обыкновение, особенно бедных, снабжать знаками своего отеческого внимания — крестиками, образками, поясками, несколькими порциями скитского хлеба на дорогу и т. п.

Случалось не раз приближенным к старцу монахам, по его благословению, выносить эти вещицы за ворота скита и возвращаться с полными слез глазами, видя веру, с какой принимались эти видимые знаки отеческой любви и внимания благостного старца.

Для окружавших батюшку Макария очень заметно было, что Промысл Божий, направляя к нему истинно нуждавшихся в его духовной помощи, указывал им и на ближайшие средства получить действительную помощь от мудрого старца. Иные же, напротив, и по несколько раз посещая его, не знали, как получить от него пользу

духовную; тогда как средство к этому было самое простое. Надобно было сперва отбросить более чем неуместные в душевных нуждах мысли «боюсь старца беспокоить, не знаю, как приступить к нему» и т. п.; а потом прямо объявить ему, что, дескать, я желаю с вами поговорить о своих душевных нуждах, но, видя, что у вас так мало свободного времени, прошу назначить час, когда вы можете принять и выслушать меня. Нельзя при этом не заметить, что затруднения к полезной беседе со старцем несравненно реже встречались с людьми среднего сословия и простонародьем, а чаще с людьми так называемыми великосветскими или, по-нынешнему, — интеллигентными. Первые, будучи водимы простой верой, всегда доходили до старца со своими нуждами даже и при большом стечении народа, с изумительным терпением выжидая его по целым часам или на крыльце его кельи, или на дорожке, ведущей из скита в гостиницу, или в самой гостинице. Увидев старца, они кланялись смиренному рабу Божьему до лица земли и, видя его отеческую любовь и участливость, прямо, без оговорок раскрывали перед ним свои сердечные раны или скорби, прося совета и вразумления, и, по данной старцу благодати Божией, отходили от него исцеленными и утешенными, славя Бога и Его благого и верного раба.

Не любил старец странников и странниц, представлявших из себя юродивых или блаженных, которые неясными намеками предрекали некоторым их будущее и тем вводили их только в смущение, не доставляя существенной душевной пользы. Только один современный старцу блаженный, некий Василий Петрович Брагузин¹, пользовался его любовью и даже уважением, так как был

¹ Об этом блаженном упоминается в жизнеописании оптинского старца Леониды, в схиме Льва. — *Примеч. авт.*

поистине раб Божий. Он иногда посещал Оптину пустынь и был в духовном общении со всеми оптинскими духовными старцами.

Приходили к старцу Макарию, а нередко и присылались высшим духовным начальством для увещания раскольники. Всех их принимал старец с обычным смирением, но только в прения с ними не вступал, а отсылал их для этого к своему келейнику отцу Илариону, который, живя в миру в городе Балашове Саратовской губернии среди раскольников, хорошо знаком был с расколом и часто вступал с ними в прения. Старец же только указывал отцу Илариону места из творений святых отцов, служащие к опровержению расколических заблуждений. Вследствие этого раскольники, познав истину правой веры, обращались к православию.

О разумных мерах борьбы с раскольниками старец Макарий писал к одному лицу следующее: «Желая поверить суждение некоторых лиц и собственное, ты спрашиваешь моего мнения, как лучше поступать с нашими раскольниками: строгими ли мерами или снисходительными? Мне кажется, что строгие меры не принесут пользы, но более их ожесточат, равно и очень слабыми и снисходительными нельзя обратить их в недра Православной Церкви; а надобно держаться середины и употреблять нужные, благоразумные и сильные меры к убеждению. В случае же сопротивления и буйства не на всех простирать строгость, а на главных их учителей и наставников. Вопрос: кто же будет их убеждать? Приходским священникам неудобно, занятым своими должностями, и не всякий может иметь дар и способность к убеждению. Кажется бы, надобно избрать особых людей на сие дело, вроде миссии, с прикомандированием им чиновника, чтобы

раскольники не могли жаловаться на притеснение и принуждение. Со стороны же правительства опасно то, что иногда неблагонамеренными чиновниками, под видом веротерпимости, может быть покровительство и защита. Это может принести большой вред. Преосвященный Иаков Саратовский действовал на раскольников снисхождением и любовью — но и сильным убеждением так удачно, что при Божией помощи многие тысячи их обратились от раскола к Церкви».

Мысль старца Макария, что для убеждения раскольников в истинности Православия нужны особые священники-миссионеры, через несколько лет после его кончины осуществилась на деле. Теперь в Калужской епархии есть особые священники, хорошо знакомые с расколом, они и ездят по селам, в которых живут раскольники, для их убеждения.

Навещали иногда старца Макария и последователи западных христианских религий. Ко всем им относился он снисходительно, с желанием обращения их к Православию. Заметим, кстати, что как на главный нравственный недуг современного старцу общества указывал он на упадок веры и равнодушие к уставам Святой Православной Церкви.

Был случай, едва ли не единственный, когда старец с большой строгостью отнесся к посетившему его армянину. Пришел тот к старцу, как и все посетители, просить у него совета. Был он богатый и хорошо образованный. Старец, по обычаю, принял его ласково, сел рядом с ним на диван и начал разговаривать весело и приветливо поначалу о делах обычных. Но когда при разговоре большой важности гость спросил: «Могу ли я?...» — старец,

Некрополь Оптиной пустыни. Памятник на могиле И. В. Киреевского. Позади памятник на могиле старца Льва и часовня на могиле старца Макария. Фотография. Конец XIX — начало XX века. РГАЛИ

обратив на него взор недоумения, спросил: «Да кто же Вы?» Тот ответил: «Я армянин». Как от удара молнии, отскочил старец от посетителя шага на три или на четыре. Затем, мгновенно остановившись и строго устремив на пришельца очи, он, как бы испуганный, торопливо и с гневом заговорил: «Зачем же ты пришел ко мне? Что тебе от меня нужно? Вон, вон! Я православный и с армянами общения не имею». И непрощенный гость тотчас был выпровожен. Неизвестно, что за причина была такого недружелюбного обращения старца Макария с армянином. Может быть, потому он так поступил, что все приходившие к нему инославные христиане заранее объявляли — кто они, а этот, может быть даже с каким-либо лукавым помыслом, не сделал этого, чем и ввел старца в заблуждение, возбуждив в его сердце чувство огорчения и праведного негодования.

Вообще же, как замечено выше, старец любовно обращался с инославными христианами. При всем том запрещал поминать умерших из них в православных храмах. Так, например, писал он к одной особе: «Немцев лютеран и католиков, умерших в их вере, нельзя поминать на проскомидии. Они не имели в живых общения с Церковью нашею: то как же по смерти мы посмеем их присоединять к Церкви? Правила воспрещают поминать еретиков»¹.

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 4. Письмо 189. — *Примеч. авт.*

ГЛАВА 16

О письмах старца Макария

Неоднократно выше приходилось приводить выдержки из писем великого нашего старца батюшки Макария. Скажем здесь о них несколько слов. Известно, что вскоре по переходе его из Площанской пустыни в оптинский скит он по воле высшего духовного начальства определен был духовником всего оптинского братства. Затем, немного спустя, возложена была на него обязанность скитоначальника, а по кончине старца Льва он был и главным в обители старцем. Среди многотрудных занятий по всем этим обязанностям старец Макарий с каждой почтой получал немало писем от обращающихся к нему за духовными советами и решением своих недоумений, сверх присылаемых из разных мест в немалом количестве с оказией¹. И с 1834 по 1841 год писал он ответы от лица своего духовного отца и сотаинника старца Леонида,

¹ Все оставшиеся без ответов письма в предсмертной болезни старца, согласно его воле, были сожжены в его присутствии. — *Примеч. авт.*

а потом, когда старец Леонид в 1841 году скончался, в течение последующих девятнадцати лет своей жизни продолжал писать уже от своего лица или диктовал ответы, приличные каждому вопрошавшему к укреплению и утешению его в скорбях. Большую часть ответов на вопросы, требовавшие духовного рассуждения, старец писал сам. Ученики же его помогали ему только в таких письмах, которые по содержанию своему требовали ответов маловажных и кратких, равно как и ответы на письма не духовного содержания — поздравительные или просто с благодарностью кому-либо за любовь и усердие. Это делалось так: сперва старец прочитывал полученные письма, отлагая в сторону те, которые по важности содержания подлежали его

личному ответу, а другие отдавал помогавшему ему в письмоводстве ученику, тут же сказывая вкратце, что нужно ответить на каждое письмо. Определенного времени для писем, как выше видно было, у старца не было. Они всегда почти писались, так сказать, урывками, потому что часто приходившие к нему посетители то и дело отрывали его от письменных занятий. Только два раза в неделю, в дни отхода почты по утрам, старец прекращал на несколько часов прием посторонних посетителей и до отправки писем усиливал свою деятельность: писал сам, прочитывал написанное помогавшим

ему ученикам, исправлял, подписывал, сказывал адреса и сам запечатывал.

В течение последних девятнадцати лет жизни старца помогали ему в письменных трудах в разное время попеременно из скитских братьев: иеромонах Амвросий — впоследствии старец, иеросхимонах;

*Преподобный Амвросий,
старец Оптинский.
Фотография. 14 марта
1886 года. АОП*

иеромонах Гавриил — впоследствии иеросхимонах, по благословению Калужского епископа Григория установивший порядок во вновь устроенной Белокопытской женской общине, там и скончавшийся¹; рясофорные монахи Иоанн, Лев и Павел — впоследствии Ювеналий, Леонид и Платон, о которых говорилось выше; и, наконец, послушник Андрей Иванович Глушков — впоследствии иеродиакон Антоний, тоже вышеупомянутый.

Значение писем старца Макария весьма велико. Они заключают в себе полное наставление к шествию по пути спасения, утешение в скорбях и решение недоумений на самые разнообразные духовные вопросы иночествующих и мирян всех сословий, обоих полов и разных возрастов, будучи вместе с тем проникнуты глубоким смирением самого писателя. Таким образом, это — дорогая сокровищница духовных советов, ясно свидетельствующая о духовных дарованиях почившего в Бозе старца, поясняющая его внутреннюю жизнь. Можно утвердительно сказать, что одними этими письмами старец Макарий оставил по себе вечную память.

По выходе в свет первых двух томов писем старца Макария, когда хорошо знавший его игумен Антоний (Бочков)² получил из Оптиной пустыни в дар по экземпляру их, он, письменно изъявляя оптинцам благодарность за полученный им подарок, написал о них такой отзыв: «Письма отца Макария едва ли может оценить мир по достоинству: Духа истины мир не может приять (ср.: Ин. 14, 17). Учение твердое, основанное на адаманте отеческих правил, — вот что особенно поражает в письмах, исполненных притом глубочайшего смирения. Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и нощию можно поверять

¹ Иеросхимонах Гавриил (Спасский; † 1871).

² Бывший настоятель Черемнецкого монастыря Петроградской епархии, начавший иноческую жизнь в Оптиной пустыни при старцах Леониде и Макарии. — *Примеч. авт.*

Игумен Антоний (Бочков; † 1872) заболел тифом, исполняя требы во время эпидемии в Москве; погребен в Николо-Угрешском монастыре.

жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца правды. Глубочайшая осторожность в советах, с твердостью и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошавших, к их устройению, ко времени и их обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца — все это, утаенное от мира, сокровище мудрости и опытности так и бросается в глаза, приобывшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схоластика: редко выставляет он себя учителем, а только благим советником, который, однако ж, знает всю цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях. Уважение к слову правды не колеблется он явить где должно и опереться на него крепко. И сколько жертв принесено было ближним в этой переписке, которые увенчались его страдальческою кончиною!

Премного вас благодарю за этот драгоценный подарок. Еще одно скажу о смирении блаженного старца: он всегда отклонял и отвергал похвалы и ласкательства учившихся у него. А от этого упоительного дыма у многих учителей закруживались головы. Между отцами нашего времени отец Леонид и отец Макарий достигли возможной высоты не подвигами и постами, а наукою послушания и человеколюбия. Простите, что моими неискренними похвалами я немногое приношу памяти этого преподобного отца. Драгоценные строки его, верно, доселе обливаются слезами многих учившихся у него. 19 января 1864 года»¹.

¹ Из «Калужских епархиальных ведомостей», 1864 год, № 2. — *Примеч. авт.*

В подтверждение такого лестного отзыва игумена Антония о письмах старца Макария приведем здесь несколько выдержек из писем последнего. Вот некоторые советы и наставления старца, в которых нуждались и теперь нуждаются истинные ревнители благочестия, пекущиеся о спасении душ своих. Так, например, писал смиренный старец к одной ищущей спасения особе:

«Ты желаешь научиться от меня жизни духовной, чтобы иметь писанными строками, как проходить чин жительство, и оными наставляться. Доброе твоё желание и намерение искать спасения. Но, с моей стороны, нетрудно написать; но опасно дать ответ людям учащу, а самому ничтоже благотворящу. Наставник наш и учитель есть Сам Господь наш Иисус Христос. Он даровал нам спасительные и животворящие заповеди, вводящие в живот вечный, и сказал вопрошавшему Его юноше: *что сотворю, да живот вечный наследую?* — *Заповеди веси: сия сотвори и живот вечный наследуши* (ср.: Мк. 10: 17, 19). И святые отцы, получившие спасение, получили оное исполнением заповедей Божиих; и нам оставили пример своего жительства. Движимые Святым Духом, предали учение свое в пользу нам, слушающим и прочитающим. А какие именно заповеди надобно исполнять хотящему спастись? Главные две: любовь к Богу и любовь к ближнему. *В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят*, сказал Господь (Мф. 22, 40). Подробно же и особенно заповеди оные изъяснены в Святом Евангелии, а большая часть в пятой, шестой и седьмой главах евангелиста Матфея. При исполнении заповедей Божиих надобно иметь и смирение, о коем также заповедано: *аще и вся повеленная*

Игумен Антоний
(Бочков). Фрагмент
групповой фотографии.
1860-е годы

сотворите, глаголите, яко раби неключими есмь, яко еже должны бехом сотворити, сотворихом (Лк. 17, 10). И в другом месте заповедает Господь: научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11, 29). Вот какое к нам милосердие Божие! Деланием заповедей Его получаем спокойствие. И какая великая премудрость Божия! На всякую страсть, находящуюся в нас, есть заповедь, не только действие оной возбраняющая, но и до конца искоряющая. Итак, поучайся в слове Божиим; внимай и старайся исполнять, прося помощи Божией. Ибо Он сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

*Иеросхимонах Гавриил
(Спасский). Фотография.
Середина XIX века.
АОП*

Читай и словеса отеческие: святого Иоанна Лествичника, святого аввы Дорофея, как наиболее нам приличные. Они научают нас: для чего мы оставляем мир и приходим в монастырь и как должны обучаться борению противу страстей, побеждать их и искоренять; при побеждении же от страстей — как восставать и приносить покаяние, а паче всего учат смирению. Оно непадательно и всех страстей губительно. Как гордость есть предварительница падений и низвергает имущего ее в глубину адову; так, напротив, смирение восстанавливает и возводит из глубины греховной и возвышает имущего сие сокровище.

И прочие святые отцы поучают нас, каждый по данному ему от Святого Духа просвещению разума. Пройдя сами опытом жизнь духовную, они учат об отвержении себя и своей воли, о страхе Божиим, о послушании, о терпении, о воздержании, о смирении, о любви, о покаянии. И вообще весь лик прекрасных добродетелей обрящем во святом их учении и како подвизаться о приобретении оных.

Святой Исаак Сирин пишет о смирении, что смирение и одно спасает, кроме дел (Слово 46). Святой Иоанн Лествичник пишет в 5-й Степени о покаянии, на первой странице оной Степени: что есть покаяние и в чем оно состоит. Вот это и приличествует к твоему вопросу о сем; а к концу книги совокупляет покаяние со смиренномудрием. Святой Исаак Сирин в Слове 7-м премудро отводит от отчаяния и возводит к покаянию. От многих малое собрал для тебя к памяти и руководству в жительстве твоём. Когда пойдешь путем правды, то и больше сих обрящешь и уразумеешь. Встретишь и скорби; но оные неминуемы на пути спасения. Ищи избытия и утешения в оных во смирении. Но одними словами не научишься, а надобно делом проходить; и тут познаешь свою немощь, смиряешься; а во смирении нашем помянет нас Господь и избавит от враг наших и спасет нас. Чего тебе усердно желаю и молю Господа о сем. Ты вопрошаешь о чине жительства. Слово святого Симеона Нового Богослова ясно показывает оное; и святой Исаак Сирин в Слове 9-м»¹.

А вот и еще письмо к другой особе приснопамятного старца Макария, в котором говорится о борьбе истинных христиан с духами злобы и о несокрушимом против них оружии — смирении — и о том, как его достигать: «Упомянули Вы в своем писании, что Бог не требует более от человека, как исполнения обязанностей звания, в котором он рожден, которые, по разумению Вашему, стараетесь исполнить без укору совести. Как сей пункт немаловажен, то и о нем надобно получше рассудить. Обязанность сия состоит в исполнении заповедей Божиих по обету, данному нами в крещении, в каком бы кто звании ни был. Но нам в исполнении оных предложит сопротивление от врага рода человеческого —

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 1. Письмо 105. — Примеч. авт.

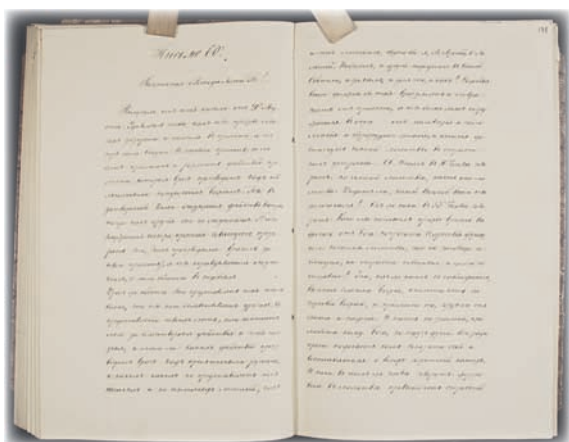
дьявола, о чем пишут святые апостолы. Святой Петр: *супостат ваш дьявол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити. Ему же противитесь тверди верою* (1 Пет. 5, 8–9). Святой Павел: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Видите, какую мы имеем невидимую войну! Он всегда старается бороться род христианский противными действиями заповедям Божиим чрез наши страсти. К сему служат главные его оружия — страсти: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие. Побеждены быв сими или одною из них, и прочим страстем даем свободный вход действовать в сердцах наших. Из Вашего же разума видно, что Вы о сей брани, или сопротивлении, имеете несовершенное понятие и не столько осторожности; а только старание Ваше, без укора совести, исполнять свою обязанность. Но и в сию не проникли как должно, в чем она состоит. Ежели бы Вы исполнили и весь долг свой без укору совести, а лучше — без смирения, то никакой нет пользы. У сопротивника нашего два средства, которыми он доводит людей до прогневания Бога: первое — ввергнуть в пороки; а второе — когда не успеет сего сделать, то — в гордость, то есть в мнение о себе, что мы исполняем волю Божию, и с сим подходит весьма тонко — не вдруг ослепляет гордостью, „но убеждает вменять, что они делают добродетель, и повергает в сердце их семя радостного мнения; от него же, заченшися, воспитывается внутренний фарисей, который, день ото дня умножающееся и возрастающее, предает таковых совершенной гордыне и прелести, за которую попускается от Бога преданным быть во власть сатанинскую“. Сие рассуждение одного богодухновенного мужа

и великого старца Молдавского¹. Пишет и святой Иоанн Лествичник, что иногда и все пороки отходят от человека, оставляя один — гордость, который в состоянии заменить и дополнить прочие (Степень 26, глава 62). В таковой-то брани, или войне духовной, нужно непременно оружие, против которого не может устоять сила вражия. Какое же это оружие? Святое смирение. Как же достигнуть его? Разные способы есть к приобретению его.

Первое — исполнение заповедей Божиих, в числе коих и сие есть: *блажени нищие духом, яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3). *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). И: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

Второе — познание своих немощей. Пишет святой Исаак Сирий в Слове 61-м: „Блажен человек, познаваяй свою немощь, занеже сие познание бывает ему основание и корень и начало всякия благостыни. Однако никтоже может ощутить немощь свою, аще не будет попущен мало искушен быти утомляющими тело и душу. И праведник, не познаваяй своей немощи, на острии бритвы имать вещи (то есть находится в опасности), и никакоже отступил есть падения, ниже от тлетворного льва, глаголю же беса гордыни“. И паки: „Не познаваяй немощи своя оскудевает от смирения; оскудеваяй же от сего скуден есть и от совершенства: и оскудеваяй от сего присно пристрашен

¹ См. «Житие старца Паисия Величковского». Издание Оптиной пустыни. С. 134. — *Примеч. авт.*

Список письма старца
Макария из библиотеки
Оптиной пустыни.
ОР РГБ

есть (находится в страхе)“. В Слове 58-м: „Еже неким случаем греха поползатися, явительно есть естественныя немощи, занеже для пользы попустил Бог души приемательной быти страстей: усмотре бо не вышшу сих оную уставляти прежде второго пакибытия (воскресения). Еже приемательной быти оной страстей (то есть побеждаться страстями) полезно есть к убоданию (к укорению) совести: а еже пребыти в сих (в страстях), безстыдно есть и безсрамно (отвратительно, ненавистно)“¹.

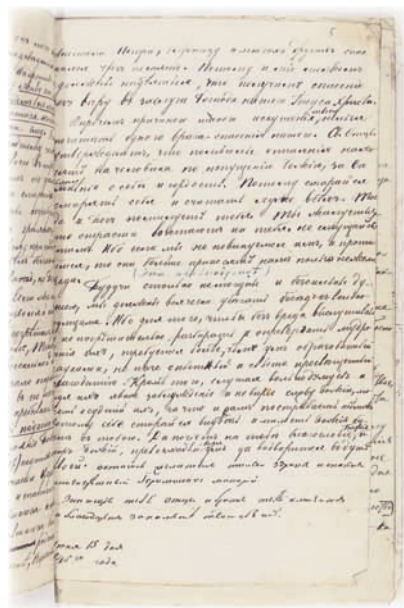
¹ «Поползнуться на что-либо греховное — обнаруживает человеческую немощь, потому что Бог на пользу душе попустил, чтобы она была доступна страстям. Ибо Он не усмотрел полезным поставить ее выше страстей прежде пакибытия. И душе быть доступною страстям — полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях — дерзко и безстыдно» (цит. по изданию Троице-Сергиевой лавры, 1911).

Третье — память прежних наших грехов сокрушает сердце и смиряет душу. Четвертое: „От послушания рождается смирение, — пишет святой Иоанн Лествичник в 4-й Степени, — от смирения — рассуждение, от рассуждения — рассмотрение, от сего — прозрение“. И святой Кассиан в слове к Леонтину игумену: „Истинное рассуждение не приходит, аще не от истинного смирения, которое снискивается, да не точию еже творим, но и еже помышляем, открываем отцем, и да ни в чем же своему помыслу веруем, но и во всем словесем старец да последуем, и она быти добро веруем, еже они искусят“ (Слово о рассуждении. Славянское Добротолюбие. Часть 4). Пятое — смотрительное от Промысла Божия попущение впадать в страсти, дабы более восчувствовать свою гнусность, смирить себя и иметь в помысле, что есть худший всех тварей. О чем святой Григорий Синаит в 117-й главе пишет: „Аще человек не будет оставлен и побежден, и не от дел отнюдь помощи обретая, ни от Бога, ни от инаго кого, яко мало и не в отчаяние прийти искушаемому во всех: не может сокрушиться и имети себя меньша всех, и последнейша и раба всех, и самых бесов неключимейша, яко мучима и побеждаема. И сие есть смотрительное Промысла наказательное смирение,

чрез которое и высокое от Бога дается“. Еще служит к приобретению смирения всегдашнее самоукорение.

Видите из сего рассуждения, что весьма опасно проходить путь добродетелей без смирения самонадеянно. Есть многие примеры, как древних, так и нынешних времен, впадших в прелесть от сего. От чего да избавит нас Господь Своим милосердием. И при скудном моем понятии, чем больше рассматривать Ваше душевное устройство, тем больше открывается находившейся там гордости — что подтверждается и собственным Вашим сознанием. Сколь же та пагубна и ослепительна, имеее много доказательств от писания святых отцов и от своего опыта. Но как Вы признаете себя одержимую сим недугом, и хотя ослепление столь велико, что вместо полезного лекарства принимаете вредящие и более расстроивающие язвы пластыри: однако ж благое Ваше произволение подает надежду, что при помощи Божией получите исцеление сему недугу; в чем и не должно отчаиваться.

Я считаю вредоносными для Вас сии действия: испытание разума Писаний, для нас сокровенных и неведомых. Ибо прежде времени познание оных вредит нам; и прежде делания первых познать второе не полезно; а чрез труды и исполнение заповедей, удобопонимаемых нами, откроет Бог и прочее, нами недоразумеваемое. А ежели прежде времени узнать весь разум Писаний, то, возгордившись, ум пренебрежет о деянии и все потеряет. Что скоро и без труда приобретается, то скоро теряется и пропадает. Не хотеть убедиться, что необходима для нас борьба со страстями, а еще считать сие угнетением человечества — явная гордость и богоборство, — дерзаем износить суд на Самого Бога. Когда

Черновик письма старца
Макария с его личной
подписью. ОР РГБ

не борют нас страсти, тогда удобно приходим в гордость, не видя никак за собою пороков. И стремление вскорости победить страсти есть безумие, от гордости происходящее. Требование награды по долгу, за свои заслуги и за борьбу со страстями, а не по милосердию Божию — ожидание гнуснее фарисейской гордости. Подвиги против страстей тогда только тягостны бывают, когда гордо и самонадеянно проходим оные; а когда смиренно, призывая Божию помощь и исправления оной приписывая, то они бывают удобоносимы. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть, — сказал Господь (Мф. 11, 30). Проходя духовную жизнь и побеждаемы быв страстями, не должны малодушествовать, но более укрепляться в вере. Воин на войне тогда бывает искусен, то есть приходит в познание воинской науки, когда много раз и ошибки делает, и ранен бывает; но первое его вразумляет, а за второе награды получает. Однако не с одного разу может научиться воинской науке. Кольми паче духовная жизнь требует научения и многого времени. Так же и художеству кто хочет научиться, не вдруг делается художником, но многократно портит делаемую штуку, и паки поправляет, и требует наставляющего. Духовного же ли художества хотим в мгновение научиться, да еще самоменно и самочинно? Это невозможно! Когда самые поползновения наши смущают нас и до малодушия доводят: то сие есть знак гордости. Да они-то и суть наказание за гордость.

Уединение — самое пагубное средство для Вашего устроения. Оно подает вину к гордости и неискусных погубляет. Святой Иоанн Лествичник пишет:

„Недугующие мнением и лукавством ниже да видят след безмолвия“. Но так как Вы познали теперь сами вред вышеописанных действий, то и я уверен, что Вы от них будете всемерно отвращаться и не допускать входить им в сердце Ваше; а место оных займет все то, что уничтожает гордость, а приносит смирение. К тому же смиренное сознание своих немощей пред Богом невольно возбуждает прошение Его помощи и надеяние на себя, — и убедитесь в том, в чем не могли убедиться... Рассмотрите повнимательнее сие мое писание, сообразите со своим устроением и с чувствами. Я желал, при помощи Божией, предложить Вам приличное и нужное к теперешнему Вашему положению. Вникните сами в Божественное Писание и в учение святых отец, прося Божией помощи на все дела Ваши и начинания, да подаст Он Вам истинный разум, веру и смирение, и укрепит в пути добродетели и в духовной брани, и сподобит обрести настоящий путь, ведущий ко спасению, и успокоиться на оном»¹.

Предостерегая от мнения о себе при молитве или от гордости, от чего люди впадают в прелесть вражью, старец Макарий так писал к иному лицу: «Какого ты ищешь извещения о надежде спасения? При твоем устроении это дерзостно. Пожалуй, получишь мнимое извещение от прелести вражией и после обезумишься. Сего (извещения) сподоблялись великие угодники Божии прежде смерти или незадолго пред исходом. Но кто они были и какое имели глубокое смирение?! Святой Феогност пишет: „Проси дати тебе извещение, но не прежде смерти: еже есть смиреннейше“. А мы не имеем смирения. Если бы дано нам было извещение, то вознеслись бы и глубоко пали. Нам должно иметь веру, смирение и надежду на милосердие Божие и не отчаиваться

¹ Собрание писем старца Макария. Ч. 4. Письмо 1. — Примеч. авт.

до конца, а всегда пребывать в покаянии, болезновании сердца и во смирении; избегать же двух крайностей — излишней надежды и отчаяния, а иметь себя под всю тварю. О прочих же твоих неисправностях приноси всегдашнее покаяние и проси Бога подать тебе помощь. Оттого мы и падаем, что не имеем смирения. Ибо, по слову святого Иоанна Лествичника, где совершалось падение, там предварила гордость. О падении же надобно разуметь всякого рода: в помыслах, словах, нерадении и лениности».

Еще о молитве и прелести к тому же лицу: «Ты упоминаешь, что при возведении ума к Богу ощущаешь недолжное движение. И это потому, что ты, полна страстей, дерзаешь на сие возведение ума к Богу. Не случилось бы так, как последовало со вшедшим в чертог брачный в скверных одеждах и изверженным оттуда. Нам сроднее и приличнее иметь сердце сокрушенно и смиренно, которого Бог не уничтожит, и следовать мытареву покаянию».

Еще о молитве к иному лицу: «Ты упоминаешь, что не имеешь чистой молитвы, а парение помыслов. Цену дать нашей молитве есть не наше дело, а Испытующего сердца и утробы и Дающего молитву молящемуся. Молись, но смиренно; к чему и невольно понуждает нас парение помыслов. Понуждать себя надобно не к одной молитве, по слову святого Макария, но и ко всякой добродетели. Ты находишь в себе грех к смерти леность; а гнев и ярость не в том же ли ряду стоят?» Предложим здесь далее и иные советы приснопамятного старца Макария на некоторые часто бывающие случаи.

Так, писал он о скорбях или неприятностях, бывающих от других: «От послушания отказываться

тебе не советую, а случающиеся при оном неприятности с самоукорением и смирением переносить. Те, которые мнятся тебе быть враждебными, суть твои благодетели. Они смотрением Божиим показывают тебе твое внутреннее устройство, чтобы ты исцелилась от страстей твоих. И старайся не иметь к ним залогственного немирства¹. Но когда оное явится в тебе, тотчас самоукорением и покаянием исторгай оное и молись за них². А если оставишь все, думая уединением исцелиться, то ошибешься. Оно только умножит в тебе сомнение. Старайся удерживать себя в сообществе от празднословия и суесловия, но в случае поползновения скорей запирай себя, приноси покаяние и смиряйся». Еще: «Многи скорби праведным и многи раны грешному, — Святой Дух усты Давидовы глаголет³. Кто же без скорби из нас? От нищего и до носящего диадиму не найдешь здесь совершенно мира и спокойствия. И все оное Господь посылает каждому в свое время и по мере потребности для него, чтобы здешним скорбным путем привести нас в Царствие Небесное. Скорбями очищаются грехи, предотвращаются от грехов и испытывается вера наша. Кто ж похвалится не иметь греха? А потому мы и есмы должницы Богу. Люди же, нас оскорбляющие, не сами собою делают, а попусцием Божиим; и потому они суть орудие Божие... Что ты пишешь о действиях против тебя сестер, желающих тебя очернить, — пусть будет правда: они делают неправду; а между тем неправда их соделывает в нас Божию правду. Понимаешь ли это? И Давид не велел убивать Семеня, хулившего его, а сказал: оставьте Семеня кляти Давида; Бог велел ему кляти Давида⁴. И ты так поступай, говоря себе: „Бог велел им оскорблять меня, чтобы грехи мои простить“.

¹ То есть отсутствие мира к обличителям — причина, мешающая понять свое греховное устройство.

² По наставлению подобного аввы Дорофея, молиться за ненавидящих и обидящих нас должно так: *Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего, брата моего или сестру (имярек), и его или ее ради святых молитв помилуй и меня, грешного или грешную. — Примеч. авт.*

³ Пс. 33, 20; 31, 10.

⁴ Ср.: 2 Цар. 16, 5–10.

Ты говоришь, что находишься в безотрадном состоянии духа. Но если будешь так делать, как учат святые отцы, то получишь и утешение. И старайся видеть себя хуже всех. Эта азбука для нас очень нужна и полезна. Кратко скажу: когда виним себя, то скорби избавляемся; а если виним других, то умножаются и продолжаются».

О хульных помыслах: «Пишешь, что, как легкое облако, находит неверие о Боге и о будущем. Этот помысл причисляется святым Димитрием к хульным помыслам. Ибо в них наша воля не соглашается, а только враг наводит на помысл неверия. Человек этого не хочет и не виноват; а думает, что виноват, смущается и сим больше веселит врага и дает ему повод к приступу. А когда будешь презирать это и не считать за грех, то и он постыдится и отыдет. В этом подает ему повод и осуждение других. Испытание Нифонта было другого рода к увенчанию его¹, а это иное».

¹ См. Житие святителя Нифонта, епископа Кипрского (IV век). Память 23 декабря / 5 января. Святитель несколько лет боролся с помыслами неверия.

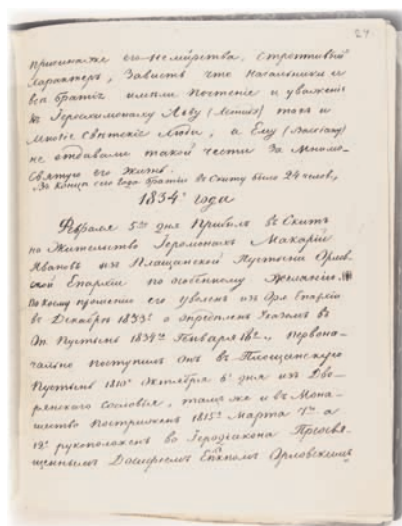
Доказательство истинности православной веры: «Доказательство правой нашей веры мы видим на многих вещах и действиях: после исповеди получаем успокоение совести — отчего это? А не исповедая — чувство мучения — отчего? Видим мощи святых угодников и бываемые от них чудеса. Кем содеваются от чудотворных икон чудотворения? Кто производит сие? Все это действует Бог, давший нам Слово Свое к познанию Его в воплощении и искуплении нас от заблуждений. Кто для тебя услаждал чтение, когда читала святого Варсануфия книгу? Бог! Весь мир исполнен чудес Божиих. Дивны дела Твои, Господи! *Вся премудростию сотворил еси*²».

² Пс. 103, 24.

О мире душевном и смущении: «Видишь сама: где что делаем с покорностью воле Божией, там и мир ощущаем; а где мир, там и Бог. Господь наш

Иисус Христос сказал Своим ученикам: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Вот чей мир! А что тобою написано в начале письма, то сама ты сознаешь, что написала бред расстроенной души, то есть смущенной, а где смущение, там есть действие вражие. Это должно быть тебе вперед уроком — не вдавать себя в подобные смутительные мысли, еже есть Вавилон, куда отводит враг плененную им душу, подобно Навуходоносору, уведшему иудейский народ из Иерусалима в Вавилон и там их угнетавшему порабощением разного рода.

О покаянии и причащении Святых Христовых Таин: «Желаешь поговеть и неосужденно причаститься Святых Христовых Таин. Самое нужнейшее к оным приуготовление — оставлять ближним согрешения их, по слову Господню: *аще оставляете ближним согрешения их, и Отец ваш Небесный отпустит вам согрешения ваши; аще ли не оставляете им согрешения их, то ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших*³; и иметь мытарево смирение. Так бывает истинное покаяние! И во смирении нашем помянет нас Господь и пошлет Свою помощь в делах наших, при нашем благом произволении. На вопрос твой об исповеди подробно скажу: святые отцы не советуют грехов чувственности изъяснять подробно, чтобы памяти подробности не осквернять чувств; а сказать просто образ греха. А прочие грехи, наводящие стыд самолюбию, должно прояснять подробнее, с обвинением себя. Когда же ты получишь после исповеди успокоение совести, то должна видеть в сем милость Божию, призревшую на твое покаяние. А ненавидяй добра диавол наводит смущение, что „не так сказала“ и прочее. Отражай оно

Фрагмент летописи
скиита Оптиной
пустыни за 1834 год
с упоминанием о прибы-
тии старца Макария.
ОР РГБ

³ Ср.: Мф. 6, 14–15.

надеждою на милосердие Божие. При исповеди надобно пояснять все свои грехи, кроме разве когда забудешь, а не поверхностно говорить; ибо не исповедаемый грех и не разрешается; разве что по забвению не изъяснишь. После исповеди надобно блюсти себя от греховных действий. Но если и случится на кого оскорбиться или зазреть кого: в этом, примирясь с оскорбившим, быть спокойным; а за зазрение — самую себя зазреть и укорять, дабы не беспокоить старца. А если прилучится удобный случай видеть его, то, по мере греха и чувству совести, можно сказать ему оный вкратце. Писать можно грехи свои, соображаясь с нашею исповедию; ибо мы в течение времени, после исповеди, много согрешаем и забываем. Главное в исповеди — надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит. И ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя; за содеянное нами приносить перед Богом покаяние — что и читаем в третьей молитве на сон грядущим. Ты просишь дать тебе епитимию, но поколебалась моим молчанием. Какую ж дам тебе епитимию? Надобно, чтобы она была противоположна грехам. Ты пустословишь, осуждаешь, желаешь наказания той особе. Вот тебе епитимия: оставь сии твои действия; уклонись от зла и сотвори благо. А касательно дел, то не наше дело входить в суд. Кто что сеет, то и пожнет. Надобно желать всем покаяния и в разум истинный прийти»¹.

¹ Выдержки заимствованы из первой части писем старца Макария к монахиням. — *Примеч. авт.*

Еще писал старец об исповеди к иному лицу: «Говоришь, несть такого греха, егоже не сотвориш. Это слово совсем неприлично. Есть грехов много таких, которых ты не сотворил: церковь не окрал, не зажигал, бунтов не делал, смертоубийства не сотворил... и много найдется таких грехов, которых

ты не делал. На что же на себя так клеветать? Пользы никакой нет; а надобно болезновать сердцем о тех, которые мы соделали, хотя и каялись; но все считать надобно себя грешным и иметь сокрушение сердца. А сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19). Да и в настоящее время мы должны видеть свои грехи, по слову Петра Дамаскина: „яко песок морской“; и это есть начало просвещения души и знак здравия ее; и вкратце, душа бывает сокрушенна и сердце смиренно, и меньше всех вменяет себя в истинну, и не дерзает кого уничижить или осудить».

О причащении Святых Таин одной монахине старец писал: «Когда приступаешь к Божественной Трапезе и ощущаешь умиление и слезы, то, конечно, это есть посещение Божие. Потому-то надобно приступать со страхом, верою и любовью и опасаться принимать помыслы тщеславия, и отвергать боязнь, что будет в это время страстное движение. От самого сего страха оно и может случиться. Однако и на это есть покаяние со смирением. Когда в нас есть залог самосознания и смирения, то не можем пострадать ничего подобного, а когда с наблюдением (Лк. 17, 20)² ищем в себе чего-то высокого, утешительного и увлекаемся тщеславием, то отъежится утешение и умиление, а освящение не отъежится. *Верую бо ходим, а не видим* (2 Кор. 5, 7). Ты сама понимаешь, что за тщеславие и заносчивость ума и гордость во всяком случае лишаемся душевного утешения. Но и оно не всегда нам полезно; и на место оного является искушение и духовный крест, обуздывающие наше мнение. Прочти у святого Исаака Слова 78-е и 79-е».

При оценке писем старца Макария не предполагалось делать подробный обзор их, а было желание

² *Не придет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20).

показать, как многосодержательны, преназидательны и притом проникнуты глубоким смирением эти писания великого старца. И таких писем напечатано шесть томов, заключающих в себе более двух тысяч исполненных мудрости духовной писаний, исключая три приложения в конце книги к монахам. При всем том и доселе остается еще немало собственноручных писем старца Макария ненапечатанных, хранящихся в скитской библиотеке. Таковы, например, письма к Константину Карловичу Зедергольму (впоследствии скитскому иеромонаху Клименту). Лучшую оценку писем старца Макария дает известный святитель, Вышенский Затворник, покойный епископ Феофан. Так, он писал к одному лицу: «Пишете, что Вы читаете все письма оптинского старца Макария. Благословенные книжки его! Глубокий веет от них дух смирения и навевает его на всякого читающего. Перечитывайте чаще. Не мешает выписки делать, чтоб в случае нужды подогреть дух смирения, всех духов самонужнейший»¹.

¹ Собрание писем епископа Феофана. Вып. 4. М., 1899. С. 211. — *Примеч. авт.*

ГЛАВА 17

Отношения старца Макария и господина Д. Л. с семейством¹

Не менее назидательны были и устные беседы богомудрого старца батюшки Макария. Для примера, кроме вышеприведенных бесед, предлагается здесь боголюбивым читателям рассказ господина Д. Л., в котором предварительно говорится и о том, как Промысл Божий направил этого раба Божия с его супругою к богомудрому старцу. Рассказ предлагается в подлиннике. Заглавие его: «Воспоминания о старце Оптиной пустыни иеросхимонахе Макарии»².

Вот само повествование: «Пусть извинят меня, — пишет Д. Л., — если начало рассказа моего покажется кому-либо несколько далеким от дела. Я не могу не начать его так. Мне нужно показать, что послужило мне поводом к знакомству с одним из великих старцев Руси православной, который впоследствии

¹ Вероятно, Дмитрий Васильевич Ладыженский, помещик Чернского уезда Орловской губернии.

² Заимствован из «Домашней беседы», издававшейся Виктором Ипатьевичем Аскоченским. 1862. Вып. 12. 24 марта. — *Примеч. авт.*

стал моим наставником в деятельности христианской, моим отцом духовным, усердным молитвенником пред Богом, у Престола Коего предстоит он ныне в венце праведника... Итак, несколько слов о самом себе. Я — русский помещик, и, по милости Божией, женат. Оба мы получили современное, по-тогдашнему, образование. Но, воспитанный покойною моею матерью, я уберег в душе моей искру страха Божия; и ни студенческая жизнь, ни гусарская служба, ни столичные развлечения не погасили ее во мне. Правда, подобно другим, и я редко посещал храмы Божии, забывал утренние и вечерние молитвы, любил театры и разные другие общественные увеселения; но бывали минуты, когда в душе моей неотразимыми упреками заговаривала совесть, и я с глубоким вздохом сокрушения о моем окаянстве обращал мысль мою к Тому, Кто сказал: *не хочу смерти грешника, но еже обратится... и живу быти ему*¹.

¹ *Не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему (Иез. 33, 11).*

Однажды случилось мне проехаться по делам своим в разные места. Это было в сырую и пасмурную осень. Грязь была невылазная. К тому же и положение дел моих не слишком радовало меня. Естественно, поэтому я был в самом дурном расположении духа. Жена, встретив меня на пороге моего дома, сказала, что к нам собралось несколько знакомых. Не до них мне было, но делать нечего, я переоделся и вышел в залу. Поздоровавшись с гостями и усевшись вокруг шипящего самовара, мы повели разговоры о сене, о гречихе и других предметах, „вызывающих на размышление“. Беседа наша час от часу становилась шумнее: посыпались анекдоты и рассказы про разные деревенские случаи. Вдруг докладывают, что в прихожей дожидается какой-то монах. После нескольких секунд колебания решено

было принять неожиданного гостя. Вошел инок и, помолясь перед иконами, объявил, что он иеродиакон Оптиной пустыни К.² После обычных приветствий он объяснил причину своего приезда, что, дескать, послан от обители для сбора dobroхотных подаяний на нужды монастырские. Было уже поздно. Я и жена предложили ему переночевать у нас. Монах согласился. Затем мы стали продолжать прерванную беседу и скоро вошли в обычную колею толков и пересудов. Нас немножко стесняло присутствие монаха, и потому мы старались вести речь больше на французском языке. Монах молчал. Чувствуя неловкость нашего положения, мы пробовали как-нибудь втянуть в общий разговор и гостя. Как там оно случилось, не помню, но только речь наша коснулась вопросов религиозных. Поднялись сначала легкие, а потом более серьезные споры. Монах все молчал. Наконец, когда я, чтобы прекратить неуместную полемику, заговорил несколько в тоне поучительном, гость прервал свое молчание. Частию из любопытства, частию из учтивости, все наше общество перестало спорить и внимательно прислушивалось к скромной и простой речи инока. Довольно говорил он. Откланявшись затем, он вышел от нас в отведенную ему комнату. Мы тоже недолго оставались вместе. Через час каждый из нас отправился на покой с думами далеко не теми, какие были у всех нас при начале вечера.

На другой день инок, получив от нас посильное приношение, уехал. К завтраку мы собрались, как и вчера, целым обществом; но уже не тот был

² Автор воспоминаний, скорее всего, перепутал или специально изменил имя или сан. При жизни старца Льва в обители не было ни одного иеродиакона или монаха с именем на букву «К», ходившего по сборам. Вероятно, это был иеродиакон Иерофей (Иванов; † 1848) либо рясофорный монах Климент (Щелкунов; † 1851).

Оптина пустынь.
Фотография. Начало
XX века. АОП

у нас разговор — все как-то не вязалось, не клеилось. Пробужденная совесть простым, но сильным словом инока не давала покоя. Что прежде казалось нам пустым и ничего не значащим, то теперь получило для нас смысл и выпукло стало пред открывшиеся наши очи внутренние. По крайней мере, я так чувствовал. До борьбы с грехом было еще далеко, но сознание своей порочности уже явилось. Образ жизни пошел по-прежнему, но спокойствие духа уже было нарушено.

На следующий год опять посетил нас тот же отец К. Мы обрадовались ему, как давно знакомому, и упросили пробыть у нас целый день. Мы и не заметили, как прошел этот прекрасный для нас день. Так много было сладостного в беседе человека, напитанного духовною мудростью опытных под-

вижников жизни духовной! Очень естественно, что мне и жене моей захотелось побывать в Оптиной пустыни и познакомиться с тамошними подвижниками, особенно со старцами — иеромонахом Леонидом (в схиме Львом) и иеромонахом Макарием, о котором отец К. рассказывал нам много интересного. Впрочем, проект наш на этот раз остался только проектом. Уже на другой год мы с женою исполнили наше сердечное желание и прибыли в Оптину пустынь, помнится в конце сентября. Остановившись в монастырской гостинице, мы послали за нашим знакомым отцом К. Он не замед-

Оптина пустынь. Кладбищенская церковь Всех Святых. Фотография. Начало XX века. АОП

лил явиться и, повидавшись с нами, пошел и привел с собою отца Макария. Первая наша встреча со старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказы отца К., мы думали встретить подвижника с особен-

ным выражением в лице, с особенными приемами. Оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же еще косноязычный. Я положительно был разочарован. Но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей своей душою. Отговев и приобщившись Святых Таин, мы воротились в деревню; а чрез несколько времени выехали в Петербург.

Это была пора или, как говорят, сезон общественных увеселений. Спектакли, балы, маскарады, вечера не давали отдыха великосветским людям. Не каждый день, но, однако ж, и мы посещали театры, бывали на балах. Только странное дело! Как-то беспокойна уже была совесть; и звон колокола, благовестившего ко всенощной, пробуждал в душе чувство, похожее на стыд и угрызение, когда уже порешено нами было ехать в балет или оперу. Нарушение поста тоже перестало казаться нам делом неважным. Мы начинали понимать, что живем не так, как того требует Православная Церковь. Перед встревоженными взорами души неотразимо стоял старец со своим спокойным взором, со своею умоляющею речью...

В следующую осень мы опять посетили Оптиную пустынь. Отец Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно расспрашивал нас о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, отец Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили

мы каждое слово подвижника и по уходе его, соревнуя друг с другом, записали чудную речь старца Божия: „Всякий человек, — говорил отец Макарий, — создан для того, чтобы, живя, славить Бога. Создан он хорошим, но по времени, увлекаемый страстями телесными, ниспадает в состояние греховное. Однако никогда не поздно всякому грешнику возвратить себе первобытное состояние. Покаяние и старание исполнять заповеди Божии — вот вернейший путь к милосердному Господу для каждого. Христианину обязательно ежечасно обращаться к Богу и полагать начало исправления духовного своего бытия. Никто не должен смущаться своим греховным состоянием. Несть человек, иже поживет и не согрешит¹. И чем греховнее человек, тем сильнее будет помощь Божия для возведения его из тины греховной. Но помощь Божия бывает тогда лишь, когда грешник с сокрушением сердца кается, имеет произволение исправиться и, не видя в себе столько сил душевных, чтобы самому собою отторгнуться от дел греховных, ищет помощи Божией. Тут-то часто бывает видимое милосердие Господа, не хотящего смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему². Но ни в каком случае не должно ни на минуту отлагать начало своего исправления; и ежели голос совести возбуждает в нас чувство утрызения или раскаяния, то должно усердно молить Ангела Хранителя жизни человеческой, да сохранит он нас от тлетворных падений и да поможет нам работати Господеви со страхом и трепетом³“.

Как, однако ж, вяло слово человеческое, когда оно укладывается в размеренные строчки и обусловленные знаки, прозванные буквами! Доселе чутся сердцем та невыразимая сладость, та непобедимая

¹ 2 Пар. 6, 36.

² Ср. молитву 8-ю, ко Господу нашему Иисусу Христу, из последования молитв на сон грядущим. Ср. также: Иез. 33, 11.

³ *Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

сила речей отца Макария, которыми он тогда потряс все существо наше... Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии. В груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали, и сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах! Отец Макарий утешал нас словами Священного Писания и писаний отеческих. И, Боже! как много было в речах его этой врачующей елейности! Какая чудная заря не вечернего дня Христова поднималась тогда из-за туч наших грешных душ!.. Отец Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Мы сами видели, как встречали его на дворе гостиницы. Ему кланялись в ноги, теснились, чтобы принять благословение, и крестились от радости, получив его.

Во все время приготовления нашего к исповеди и Святому Причащению старец ежедневно навещал нас и назидал духовно. Мы раскрывали перед ним все наши помышления. Как-то раз зашла у нас речь о постах. Признаться, я боялся сказать ему о своей виновности в этом отношении, опасаясь услышать строгий выговор за нарушение постановлений Церкви. Вышло совсем не так. Отец Макарий кротко заметил нам, что это дурно, нехорошо, что в Церкви на то и существуют разные постановления, чтобы мы, как дети ее, соблюдали их со всею строгостию, что они обязательны для всякого, невзирая ни на какие условия обыденной жизни. И все это говорил он так мягко и ласково, что у меня явилась смелость спросить его: „А можно ли в случаях нужды, например в дороге, в гостях, вообще где неудобно найти постную пищу, разрешать

на скромную?“ Отец Макарий, улыбнувшись, отвечал мне на это: „Могу ли я, иеромонах, разрешать то, что запретила Церковь? Нет, я бы попросил Вас, хоть из любви ко мне, начать соблюдение постов“. Мы решились послушаться. Сначала трудненько было, а после привыкли, и теперь, благодаря Бога, не чувствуем в этом никакой тягости.

Разговаривая с отцом Макарием, я как-то сказал ему, что, живя и вращаясь в свете, случается, что вдруг, ни с того ни с сего понравится какая-нибудь девица. Слово за слово, и привяжешься к ней, да так, что после находишь необходимым из опасения ревности скрывать это от жены. Даже на молитве и в храме Божиим все думаешь о ней да о ней. Конечно, с течением времени эта привязанность сама собой проходит и забывается; а все-таки... „Да, — со вздохом сказал отец Макарий, — вам, людям светским, такая ветреность кажется пустою, незначащею; а между тем в ней кроется страшное зло, влекущее за собою бездну бед и напастей и окрадывающее Вашу духовную сокровищницу. Спаситель прямо говорит: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем*¹. Видите: Вы только взглянули с вожделением, а грех уже совершен и заповедь Господня нарушена. А с житейской-то точки зрения сколько горьких скорбей влекут за собою подобные пристрастия! Вот Вы теперь, как я вижу, живете счастливо и спокойно в вашем семейном быту: любите жену, и она Вас любит, откровенны с нею; Вы имеете в ней друга, который искренно участвует в Ваших скорбях и радостях. А лишь только в сердце Ваше проникнет помысл об измене, искушитель тотчас схватится за него и повлечет Вас с такою силою, что трудно уже будет остановиться

¹ Мф. 5, 28.

и воротиться к священному вашему долгу. До падения тут уже недалеко, а совершилось оно — все тогда расстроилось! В жене Вашей, если она верна Вам, Вы будете иметь скорее врага, чем друга; вместо любви Вы начнете питать к ней ненависть, вместо утешения Вы будете видеть в ней помеху удовлетворению вашей грубой нечеловеческой страсти. Вы и не заметите, как станете беззаконным врагом Вашей законной супруги. Что за горькая будущность такой жизни! Но это еще здесь; а что там, за гробом?.. Страшно, страшно грешнику *впасти в руке Бога живаго*².

² Евр. 10, 31.

„Научите же, батюшка, — сказал я, — как сохраниться от страстных увлечений вообще и от соблазняющих помыслов дома, на молитве и даже в церкви?“

„Начало всех этих искушений, — отвечал старец, — есть гордость. Вообразит себе человек, что он живет благочестиво, нисколько не рассуждая о своей греховности да иногда еще и осуждая других. Вот Господь и попустит действовать на него козням врага. Будьте внимательны к своему образу жизни. Поверяйте Вашу совесть, и Вы всякий раз невольно будете приходить к тому убеждению, что Вы еще ни одной заповеди не исполнили, как следует христианину. Рассуждая таким образом, Вы ясно увидите ваши немощи душевные, которые влекут за собою и плотские падения. Чтобы избавиться от этих падений, должно приобрести смирение. Что же касается до греховных помыслов в церкви и дома на молитве, то этим смущаться не должно; ибо это исходит не от Вас,

*Оптина пустынь.
Открытка.
Конец XIX — начало
XX века*

а от врага. Вы же старайтесь не коснеть в этих помыслах, а скорее обращайтесь к Богу с молитвою: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного“. Вот Вам пример. Когда родители идут с маленькими своими детьми гулять, то обыкновенно детей пускают вперед, чтобы не выпускать их из виду. Вдруг откуда-нибудь из-за угла выбежит собака и бросится на детей. Что они делают? Сейчас же бросаются к родителям с криком: „Папа! Мама!“ Они с детскою простотою, с чистой верой ожидают помощи от родителей. Так и Вы на пути Вашей временной жизни, ежели искуситель наш диавол и начнет кознодействие, не смущайтесь и отнюдь не помышляйте обороняться своими собственными средствами, но с детскою простотою спешите к Отцу Небесному с воплем: „Господи! Я создание Твое; помилуй меня!“ Наконец, скажу Вам и то, — прибавил старец, — что, по моему разумению, трудно сохраниться от соблазнов, живя в больших городах. Как устоять человеку, еще слабому в деле духовного делания, против искушений современного света! Заметьте, что настоящее светское общество состоит частью из людей иноверных, частью из христиан хоть и православных, но, по слабости их, так увлеченных обычаями света, что они православны лишь по имени, а в сущности далеко уклонились от истинного Православия. Трудно бороться со страстями, но несравненно труднее устоять против постоянных соблазнов. Наконец, роскошь, следование за модой, самые потребности жизненные — все это так дорого, что какого хотите состояния мало для удовлетворения всем требованиям света. Вот Вы сами говорите, что Ваши денежные дела в расстройстве; а как поживете подольше в деревне, средства-то Ваши

и поправляются. Да это ли одно? Душа человеческая, как существо бессмертное, не может оставаться в одном и том же положении: она или улучшается, или ухудшается. Очень немудрено, что при тихой деревенской жизни, конечно при помощи Божией, и духовное Ваше устройство должно хоть сколько-нибудь улучшаться“.

И много говорил мудрый старец такого, что глубоко запало в душу, жаждавшую слова правды. Никогда в жизни моей не ощущал я такого улаждительного спокойствия, как в эти незабвенные минуты беседования с благодатным подвижником. Все помыслы стремились к одному твердому намерению положить начало жить, как следует православному христианину. Слова старца, как роса небесная, ложились на иссохшую землю сердца; и чулось, как внутрь его начинало прозябать зерно сладкого упования, что и для меня не закрыт путь спасения, путь к блаженной жизни, что и я могу быть христианином не по одному названию. Все мои житейские планы получили другое направление. Я намеревался совсем покинуть зимние поездки в города, потому что после этих собеседований и мне, и жене моей решительно опротивела городская шумная жизнь. Мы как будто в первый раз увидели логичность той простой истины, что гораздо будет разумнее привести свои дела в порядок вдаль от света и вместо того, чем прожиться, например в Петербурге, иногда пополам с нуждою, жить бедно и даже со всеми удобствами в деревне.

В таком настроении чувств и мыслей воротился я домой, усердно занялся хозяйством и стал жить, по возможности следуя советам отца Макария. Наступила Филипповка¹. Я стал строго держать пост. Но увы! Плоть, похотствующая на дух, скоро

¹ То есть Рождественский пост, иногда называемый Филипповым, так как начинается в день памяти святого апостола Филиппа.

взбунтовалась против святого постановления Церкви. Сначала колебание, потом разные думы и размышления, наконец даже досада на старца Божия, возмутившего, как мне казалось, спокойствие моей совести, решительно расстроили меня.

Оптина пустынь. Храм святой Марии Египетской. Открытка. Начало XX века. АОП

В таком раздраженном состоянии духа я как-то резко сказал жене, что мне надоело жить в деревне, что, собравшись с деньгами, я положил ехать в Петербург, куда действительно звали меня родные. Жена выслушала меня спокойно, но потом мало-помалу принялась отсоветовать мне поездку. Она умоляла меня хоть на этот раз послушаться отца

Макария, но я таки настоял на своем и сказал решительно, что едем в Петербург в первых числах декабря. Оставалось дней пять до отъезда. Мне что-то не понравилось. Вообразив себе, что это от постной пищи, я приказал готовить себе скоромную. Но в первую же ночь после нарушения заповеди, когда все в доме утомилось, оставшись один, я почувствовал какое-то беспокойство, похожее на угрызение совести. Самовольное разрешение на скоромную пищу, а главное — ропот на отца Макария и преслушание любвеобильного его совета преследовали меня неотразимо. Я не спал почти всю ночь. Утром я рассказал об этом жене. Она снова начала упрашивать меня отложить поездку, но опасение показаться бесхарактерным не позволило мне согласиться на ее представления. Кончилось тем, что после долгих споров мы положили послать нарочного в Оптину пустынь с письмом к отцу Макарию и просить его благословения на поездку в Петербург, объяснив и причину тому. Я принялся

писать, но странно! Вместо того чтобы приступить прямо к делу, я, по какому-то неудержимому чувству своей виновности, писал вовсе не то, что думал писать, принимаясь за перо. Вот что написал я:

„Долго думал я, как начать письмо мое к Вам, благодетель и покровитель души моей, батюшка отец Макарий! Случалось мне красно выражаться в сочинениях светских; но недоумею выразить того, что чувствую в настоящую минуту. Умоляю Вас принять и обратить внимание на мое послание. Виноват перед Вами, виноват перед Господом. Простите ради милости христианской. Свежо сохраняются в памяти моей Ваши благие советы; но увы! — почти ничего из них не исполнено. Очень горько мне, и крайне смущает меня, что не исполнил я Ваших приказаний. Я со страхом решаюсь писать Вам; но письмо мое состоит из верного описания моих греховных действий и помышлений. Я по делам моим решился ехать в Петербург без Вашего благословения. Я сетовал на Вас, что Вы не советуете поездки в столицы. Наперед прошу Вас простить меня, как наигрешнейшего сына Церкви. Сознаюсь Вам, я и теперь боялся писать о неисполнении советов Ваших; даже тяготился ими, помышляя так: ведь я не монах и не могу оставить мира! Наконец, и теперь не оставляет меня мысль, что Вы воспретили мне поездки в столицы и мирские увеселения. Все описанное сильно тревожит мою грешную душу; но более всего боюсь что-либо утаить от Вас. Усерднейше прошу почтить меня ответом. Жена моя и проч.“

Письмо было наскоро переписано и отправлено. Когда нарочный уехал, я стал перечитывать брүльон (чернетку)¹ и пришел в необыкновенное смущение. Мне сделалось так досадно и на себя, и на жену, и на отца Макария, что я готов был послать в погоню

¹ Brouillon (фр.) — черновик.

за нарочным и воротить его; и послал-таки, но посланный вернулся ни с чем. Я просто был вне себя от досады и тогда только успокоился, когда получил от отца Макария ответное письмо. Вот оно: „Достопочтеннейший о Господе! В письме Вашем сознаете Вы в некоторых случаях неисполнение должного, называя оные моими приказаниями. Но что я значу? И могу ли что кому приказывать? Да без вопроса не могу ни к кому и ни о чем советовать. А кто о чем вопрошает меня, я, молясь тогда, призываю Бога в помощь, что, кому и как должно говорить, но не приказывать, а давать совет, согласно с заповедьми Божиими и постановлениями Церкви. За неисполнение одного я не могу требовать отчета или взыскания, ибо я не от себя советую; а всякий должен поверять совесть, в чем согрешил пред Богом, и приносить покаяние с намерением положить начало исправлению. Вы боялись мне сознаться, помышляя, что Вы не монахи и не можете оставить мира и что я воспрещаю Вам поездки в столицы и мирские увеселения. Это как же? Какое право я имею воспрещать Вам? Но должен сказать не как монаху, а как христианину учение святого апостола: аще кто хочет быти друг миру, враг Божий бывает¹. И паки: *не любите мира, ни яже в мире, аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем, яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть*². Видите, что есть мир, которого дружба поставляет во вражду с Богом, — не люди, но страсти, которым мы подвергаемся из подражания миру и свету. Не подумайте, что, написав Вам это, воспрещаю Вам обращаться с миром, но я только предлагаю Вам учение апостолов в предосторожность. Вы имеете самовластие,

¹ *Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает (Иак. 4, 4).*

² 1 Ин. 2, 15–16.

разум и закон. Могу ли я понудить самовластие, разум, рассуждение и волю? А Вы можете избирать — что хотите, благое или сопротивное“.

Прочитав несколько раз письмо старца, я не знал, что предпринять. Но когда мысли мои пришли в нормальное состояние, взволнованный дух успокоился, тогда я взвесил на весах моего разума истины, предложенные отцом Макарием. Какая логически верная правда, что суетная дружба с миром поставляет нас во вражду с Богом! Очень ясно, что не люди, а страсти наши, которым мы так легко подвергаемся из подражания свету, беспрестанно увлекают нас к падению. Кто из нас, поверив свою совесть, не сознается, что если не совсем невозможно, то очень трудно удержаться от подражания светским, не совсем-то православным обычаям! Возможно ли сохранить чувство целомудрия в обольстительно-изящном балете? Явится ли сокрушение духа после крикливой оперы или смирение после потешного водевиля? Соображая все это, я чувствовал, как сердце мое сжималось какою-то тягостною т́угою; во взволнованной душе поднимался вопрос о смертном часе. Ужас объял меня, и я чаях только *Бога, спасающего мя от мало-душия и бури*³. Вспомнились мне в эти минуты слова старца о детях, гуляющих под призором родителей, и, смущенный духом, я думал с детскою простотою обратиться к Богу с испрошением Его помощи. Но где же взять простоты-то детской? Она чужда растленному человеческому сердцу; она подавлена кичливым разумом и безмерным самолюбием. Делать было нечего, приходилось обратиться за помощью к смиренной мудрости старца Божия. Мы так и сделали: вместо поездки в Петербург отправились в Оптину пустынь.

³ Пс. 54, 9.

С каким-то замиранием сердца въехал я на двор монастырской гостиницы. Было около трех часов пополудни. Лишь только отвели нам квартиру, вошел к нам отец Макарий, бывший в ту пору в гостинице. Благословив и приветствовав нас, он сказал шутливым тоном: „Видите, какой я страшный! Вы за сто верст и то меня боитесь. А я, ежели правду сказать, радуюсь и благодарю Бога за вас. Ведь вы не меня боитесь, а вас пугает, что живете-то нехорошо. Не смущайтесь, однако же, этим. Господь вам поможет. Полагайте начало вашего исправления. Имейте только произволение благое, а уж Господь устроит ваше спасение. А ежели я не искусен и не сумел научить вас так, чтобы вы не смущались, то в этом простите Бога ради и не посетуйте на меня. Ведь я тоже человек, такой же грешник, как и все люди, даже грешнее многих, очень многих. Ежели и вы что-нибудь помыслили или сказали обо мне что-либо худое, то забудьте и не думайте об этом. Мы — христиане. Каждый из нас обязан, прощая друг друга, понести немощь братскую, по словам Апостола: *друг друга тяготы носите, да тако исполните закон Христов*¹. Успокойтесь, прошу вас, и будьте мирны“. Поговорив еще немного, отец Макарий ушел. Оставшись один, я подумал: что за чудеса такие! Несколько недель душа моя была в непрерывном волнении. Мысли беспрестанно менялись и порождали в сердце то злобу, то досаду, тоску, беспокойство; и вдруг после его ласковых, исполненных христианской любви слов вся эта буря духовная миновалась... Неужели это от воображения? Отчего ж, однако, никто другой никогда не производил на меня такого влияния, как этот простой монах? Ведь это же не сказка, что я назад тому сряду несколько недель был нездоров

¹ Гал. 6, 2.

душою, почти ни одной ночи не спал покойно; и вот теперь чувствую, как будто на свет родился. Нет, поневоле придешь к тому убеждению, что тут есть Божественная благодать, всегда немощная врачующая, что она уврачевала меня при молитвенной помощи старца, что вместе с ним явилась ко мне всесильная помощь Божия и изгнала из души моей скорбь, замирание сердца заменила какою-то тишиною, пролила во все существо мое легкость, мир и спокойствие. Нет, старец Божий, сказал я решительно, теперь уж не отстану от тебя и, насколько сил моих хватит, буду исполнять все твои советы!

В течение нескольких дней, проведенных нами в Оптиной пустыни, вот что преимущественно сохранилось в моей памяти. Когда у нас зашла речь о последнем письме старца, по которому я и приехал в обитель, отец Макарий сказал: „Помните, я писал Вам, что Вы имеете самовластие, разум и закон. Рассудите здраво: Вам дана воля жить, как Вы хотите; дан всем нам закон, как обязаны мы жить; и, наконец, — разум, чтобы понять закон и видеть, как управляем мы нашею волею. Сообразны ли с уложениями закона по воле нашей творимые дела? Что преобладает нами — твердое ли намерение исполнять заповеди или лукавый и вместе с тем заманчивый соблазн житейских наслаждений? Кто в состоянии устоять сам собою против искушений вражиих? Кто, плывя по житейскому морю, не знает бурных напастей на зыбких волнах? А между тем каждому из нас надо стремиться к тихому пристанищу, возводящему от тли ко Господу, Который призывает всех труждающихся

*Оптина пустынь,
Владимирский храм.
Фотография. Конец
XIX века. АОП*

¹ *Страшно еже впасти
в руки Бога живаго*
(Евр. 10, 31).

и обремененных, обещая упокоить их. Помните, что все мы здесь временны, и никому неизвестно, когда предстанем пред Господа славы. Но ведайте, что в чем нас застанут, в том и судить будут. И ежели мы наше самовластие употребим во зло и разумную волю нашу не покорим закону, повторяю — страшно будет грешнику впасть в руки Бога живаго¹! Не подумайте, чтобы я Вам предлагал убежать общения со светом или чуждаться знакомства с добрыми и хорошими людьми. Нет. Всякий человек должен жить там, где Господь определил ему жить. Вы — человек светский, Вы — член вашего общества. Не чуждайтесь же его, но старайтесь жить благочестиво, никого не осуждая, всякого любя, во всех житейских столкновениях укоряйте себя, стараясь извинять другого. Если же кто Вас чем оскорбил, то помышляйте, что это попущено Богом, дабы испытать несколько Ваше христианское терпение. Поминайте чаще величие Божие и свое убогое ничтожество. Будьте внимательны к своему деланию и не допускайте в себе мысли о вашем достоинстве, подобно фарисею, но почаще повторяйте молитву мытаря; читайте книги старческие, выпишите себе духовные журналы. Это будет занимать Вас и утверждать в духовном делании².

² Но можно ли сказать это о духовных журналах нынешнего времени? Святитель Феофан, Затворник Вышенский, еще в 1876 году так писал в одном письме: «Что делалось с нашею духовною ученостию? Все крадут у немцев. Хоть бы перedelывали... а то нередко целиком... и не моргнут, а режут нелепости протестантские» (Душеполезное чтение. 1910. Февраль. С. 212). — *Примеч. авт.*

Когда я обжился в деревне и познакомился ближе с соседями, прошел слух, что меня хотят назначить на службу по выборам. Крепко не хотелось мне закабалить себя на несколько лет, не предвидя в этом ничего, кроме стеснения в жизни и лишения себя свободы. Увидавшись с отцом Макарием, я обратился к нему с вопросом, как он мне посоветует поступить в этом случае. „Не должно искать или просить, — отвечал он, — чтобы Вас избрали в какую бы то ни было долж-

ность; но ни в каком случае не должно и отказываться. Ибо не совсем добросовестно уклоняться от служения обществу, тем более что ежели жребий служения падет на Вас, то это, конечно, не без Промысла Божия, которому каждый из нас со смирением и любовью должен покоряться. Наконец, ежели никто из благонамеренных и способных людей не захочет служить, то поневоле место его займет какой-нибудь малознающий или, того еще хуже, человек с малыми средствами к жизни, который иногда будет не в силах устоять против искушений денежных, могущих встретиться на службе. Вами же выбранный человек начнет брать взятки, судить пристрастно; а Вы приметесь его бранить, осуждать да сердиться на него, а кто виноват? Вы сами; потому что ленитесь служить, тогда как имеете все средства к тому, чтобы удержаться от каких бы то ни было незаконных доходов. Ведь Вас не соблазнит мшелоимство³? — спросил он, устремив на меня свои добрые, в душу проникающие очи. — Не правда ли?“ — „Конечно, — отвечал я, — лично для меня это не опасно. Бывши в военной и гражданской службе, я никогда не имел никаких доходов; убежден и теперь, что никогда и впредь иметь их не буду“. — „Ой, как Вы нехорошо говорите! — почти со гневом перебил меня старец. — Какие у Вас горделивые мысли! Как можно так самонадеянно говорить?! Неужели Вы не знаете примеров, что бывали люди, о коих общественное мнение говорило, что они, в строгом смысле слова, честны, и не ошибочно было это мнение. Они действительно были безукоризненно честны, но когда доверили их распоряжению большие суммы, тут-то лукавый и попутал их. Горделивое самолюбие сказалось: страстная привязанность к житейским

³ Мшелоимство — корыстолюбие, страсть к вещам, наградам.

наслаждениям искусила их слабые души. Конечно, не без труда и не без угрызения совести решились они поклониться тельцу златому как средству для удовлетворения своих страстей, и пали они оттого, что их честность основана была на одном лишь самолюбии. Они были самонадеянно честны и при том боялись только света, не помышляя о будущей жизни и ответственности пред всеправедным Судиею живых и мертвых. Вам же советую о своих намерениях рассуждать без самонадеянности, но со смирением. Понятно, что Вас не соблазнят сто рублей или тысяча, положим, даже больше этого, потому что по Вашему состоянию подобная сумма не так еще важна. А ежели бы представился Вам случай приобрести миллион, несколько миллионов, и приобрести их с надеждою, авось не узнают; что бы Вы сделали? Я Вам на это отвечаю так: ежели обратитесь ко Господу, то Он поможет и сохранит от постыдного падения; а ежели понадеетесь на себя, то весьма немудрено, что впадете в преступление; от чего да сохранит вас Господь Бог и Царица Небесная!“

Раз как-то сказал я отцу Макарию, что ко мне заехал монах со сбором для монастыря, что он держал себя неприлично своему званию и манеры его для меня были неприятны, что я рассердился и с трудом удержался, чтобы не высказать ему этого. Отец Макарий задумался и потом сказал: „Попал к Вам в гости наш брат монах и держал себя неприлично своему званию. Жалко его. А все-таки это случилось не без Промысла Божия, путеводящего всех нас. Почем Вы знаете — может быть, Промысл завел его к Вам для того, чтобы испытать, насколько у Вас христианской любви и снисхождения к падшему во искушение человеку? Подумайте хорошенько,

Ваше ли дело осуждать его? Конечно нет. Ваша обязанность — странного принять, успокоить его да по силе возможности подать ему. Знаете ли, что ежели Вы пришедшего к Вам примете во имя праведника, то и мзду праведнику примете? Ежели монаха, носящего на себе чин ангельский, достодолжно примете, то и за это мзды не лишитесь. А что монах чин свой носит несправедливо, в том за него ответственность не будете. Да притом Вы видите только, как он погрешает, а известно ли Вам, как он кается? Быть может, его раскаянию и Ангелы Божии радуются“.

Бывая в Оптиной пустыни, я познакомился с одним из духовных детей отца Макария. Знакомцу моему случилось по делам своим заехать в нашу сторону. Верстах в тридцати от моего имения он сильно захворал. Узнав об этом, я тотчас же навестил его, принял на себя все хлопоты по делам его, ухаживал за ним, как нянька, словом — употреблял все средства, чтоб быть ему полезным. Больной трудно поправлялся и, по приговору медиков, едва ли должен был встать с болезненного одра, но, к общему удивлению, он выздоровел и, приехав ко мне, вместо благодарности наговорил и наделал мне кучу неприятностей. Я страшно рассердился и если не наговорил ему дерзостей, то только из приличия и из опасения не наделать какого-нибудь скандала. Увидавшись после этого с отцом Макарием, я рассказал ему все, что случилось, и горько жаловался на моего знакомого, не стесняясь нимало в излиянии моего гнева. Отец Макарий все слушал да молчал. Мне стало досадно; замолчал и я. „Действительно, — сказал отец Макарий с обыкновенною ему скромностию, — этот человек немного неосторожен, даже неучтив иногда, но что же мне с ним делать? Видите, каковы у меня духовные дети!

Я иногда тоже бываю немирен к нему и даже часто браню его. Что ж? И меня иногда не слушается. Сколько раз выговаривал я ему за то, что он без толку ездит и каждый год или испортит, или совсем загонит несколько лошадей. Ведь это тоже нехорошо, говорю ему, а он противоречит. Погодите. Вот как он ко мне приедет, я поговорю с ним, и, ежели Господь поможет, вы помиритесь. А Вам теперь советую умирить Ваш гнев да поговорить. Это дело будет полезней для души Вашей“.

Я начал говеть. А чрез несколько дней приехал в обитель и оскорбивший меня оптинский мой знакомец. Когда я пришел к отцу Макарию принять от него прощение и благословение к исповеди, старец сказал: „Да ведь Вы еще не мирны к такому-то? Как же Вы приступите к Таинству Покаяния и Причащения, не примирившись со всеми? Я прошу Вас, докажите мне на деле, что у Вас есть желание приобрести смирение: смиритесь и попросите прощения

у оскорбившего Вас“. Трудно было совладать с оскорбленным самолюбием. Я несколько минут колебался; но потом увидел, что делать было нечего, надо было покориться старцу. Впервые в жизни пошел я просить прощения у человека, оскорбившего меня. Но когда я вошел к нему и поклонился, он так смутился, что мне стало жалко его. Мы обнялись

и поцеловались лобзанием мира. С необыкновенною радостью в сердце я воротился к батюшке. „Спаси Вас Господи за Ваше ко мне послушание! — сказал старец, когда я поведал ему все, бывшее между нами. — Вот теперь идите исповедоваться. Бог Вас благословит!“

Скит Оптиной пустыни. Келья старца Макария. Фотография. Конец XIX — начало XX века

По принятии Святых Таин я еще несколько дней оставался в Пустыни и при разговоре с отцом Макарием сказал как-то: „Отчего Вы, батюшка, в ту пору, как я жаловался на такого-то, не укорили меня, а напротив, даже сами осуждали его, принимая мою сторону?“ — „Да, — отвечал старец, — я согрешил в этом, что осудил брата моего. Но что ж мне было делать-то? Если бы я начал тогда укорять Вас, очень немудрено, что Вы и против меня стали бы немирствовать. Ведь огонь маслом не тушат. Когда человек немирен, то противоречие только раздражает его. Должно дать место гневу. А когда бурное состояние позатихнет и мир начнет водворяться в душе его, тогда можно и совет предложить, который гораздо вернее подействует и примется с большею любовью. И Вам советую в подобных случаях быть осторожным. Человека, в гневе сущего, не укоряйте, не обличайте и не спорьте с ним; а лучше оставьте его в покое. Будьте только внимательны к самим себе, чтобы не впасть в немирствие; и когда чувствуете, что сердце Ваше раздражается, то поминайте мысленно молитву Иисусову и старайтесь положить хранение устом своим“.

В течение нескольких лет знакомства моего с Оптиной пустынью и руководства отца Макария я незаметно начитался и наслушался многого от Священного Писания и от старческих книг. Свойственное человеку самолюбие родило во мне охоту в обществе разнородных людей вести религиозные разговоры, иногда вступать в споры с желанием поставить на своем. Когда я встречал сопротивление, то раздражался и выходил из себя. Однажды я рассказал об этом отцу Макарию; и вот что отвечал он мне на это: „Ежели Вам случится

сойтись с людьми единомышленными, то отчего ж не говорить о религии? Этот разговор несравненно лучше и приличнее для христианина, чем какое-нибудь празднословие и пустословие. Почему не послушать духовно разумную речь благомыслящего человека; или отчего не передать того, что Вы сами знаете? Но если возникнет спор, то гораздо разумнее избегать его, по учению Апостола, воспрещающего словопрение, потому что оно служит не на потребу, а на разорение слышащих. В этом случае лучше прекратить разговор, но и то разумно, со смиренномудрием, или переменив предмет рассуждения, или постепенно выйти из него, но не замолчать разом, как бы внезапно. Ибо такое молчание легко может в спорящих породить такую мысль, что Вы пренебрегаете их образом мыслей или что Вы не хотите с ними говорить, считая их недостойными Вашего разговора. Во всяком случае, должно стараться всякого человека умиротворять, а не вовлекать в страсть гневную. Ведайте и то, что для противоречащего поучение бесполезно, ибо поучается лишь тот, кто желает и ищет поучения“. Много бы и еще можно поведать назидательных речей и уроков в Бозе почившего старца Макария; но довольно и этих, чтобы видеть всю духовную мудрость и опытность человека Божия.

Постараюсь еще, насколько сумею, очертить общий характер его наставнической деятельности. Что ни предлагал бы он, всегда ставил в главизне своих советов смирение. Из этой добродетели выводил он все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения,

беспредельное и всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божии, стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в год говеть и приобщаться Святых Таин; соблюдать все четыре поста, а также среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов; а ежели время позволяет, то главу из Евангелия и Посланий апостольских; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живущих и в главе сей молитвы с благоговением молиться о государе императоре и о всем царствующем доме. Если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить — то укорять себя в этом, приносить чистосердечное раскаяние с твердым намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие; так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе. Вот сущность уроков, которые преподавал отец Макарий всякому жаждавшему от него назидания и поучения!¹

Отличительною чертою характера отца Макария была невыразимая любовь к ближнему. Когда он слышал о каком-нибудь несчастье или скорби ближнего, или о каком-либо греховном падении,

¹ Препопанные здесь старцем наставления касательно молитвенных правил, без сомнения, относятся только к людям мирским; а у монашествующих, кроме общих христианских обязанностей, свои, более продолжительные, правила. — *Примеч. авт.*

или о семейной ссоре и т.п., то как ни старался старец скрывать свои чувства, но всякому видно было, что он соскорбит скорбящим и всею душою соболезнует о них. Какою чистою любовью радовался он, когда с кем бы то ни было случалось что-либо, достойное духовной радости! Один знакомый мне господин около двадцати лет жил врозь с женою. Ненависть между супругами была взаимная, но вследствие увещаний старца они сошлись и живут теперь так, как приведи Бог каждому жить. С каким восторгом батюшка рассказывал нам об этом, относя, разумеется, успех дела не к себе, а к Богу, не хотящему смерти грешника, и искренно воздавая хвалу Ему!

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности. Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумство, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость эмансипированной барыни, бесхитростный рассказ простолюдина и хитросплетенную фразу ученого мудреца. Ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного душевного спокойствия. Все было покорено им в себе глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания. Не цветисты были поучения его, но в них слышался дух, чувствовалась теплота, размягчалось самое ожестелое сердце. Накануне кончины отца Макария, 6 сентября, я с семейством моим удостоился принять от него последнее благословение. Благодетель наш благословил нас иконами. И вот последние, чуть слышно произнесенные слова его к нам: „Помните Бога и смертный час; храните мир и любовь между собою и ко всем“».

ГЛАВА 18

Чудодейственный рассказ схимонахини Шамординской Амвросиевской женской пустыни Иулии (Гурьевой) о старце Макарии, а также о другом замечательном оптинском подвижнике — страдальце иеродиаконе Мефодии

Наряду с рассказом господина Д. Л. помещается здесь другой интересный и тоже подлинный рассказ шамординской схимницы матушки Иулии (Гурьевой), скончавшейся в первом десятилетии XX века, собственноручно записанный ею, о старце батюшке Макарии и иеродиаконе Мефодии¹. Подлинная рукопись озаглавлена так: «Из моих детских воспоминаний об оптинском старце батюшке отце Макарии».

«Навсегда, — говорит схимница, — остался у меня в памяти светлый образ покойного старца батюшки Макария. Когда я его узнала, мне было

¹ Иеродиакон Мефодий (Склямовский; † 1862). Из польских шляхтичей. Монастырский регент, уставщик, письмоводитель. В параличе находился двадцать четыре года; погребен около Казанской церкви.

всего четырнадцать лет от роду. Попала я в Оптину по особенному случаю, со своими давно уже теперь покойными родителями. Это было в год начавшейся страшной Крымской кампании, когда за недостатком офицеров покойным государем Николаем Павловичем издан был указ: всех окончивших курс в классических гимназиях и пригодных к военной службе гимназистов выпускать в полки прямо офицерами. Для этого назначены были и экзамены раньше времени. Кончились они у нас в Калужской гимназии в феврале. Мой старший брат был один из назначенных к производству как отлично кончивший курс гимназии, притом атлетического сложения, несмотря на то что имел только шестнадцать с половиной лет. Таково было и его собственное непреодолимое желание быть военным. Все наши предки старших в роде сыновей отдавали в военную службу. Так и мои родители старшего сына с детства предназначали быть военным; а меньший брат должен был оставаться при родителях. Но Бог судил иначе. Окончив экзамены, брат мой представлен был, по просьбе моего отца, в драгунский полк, где уже давно служил отцов племянник, наш двоюродный брат Д.К., которому мой отец хотел поручить юного офицера. Но вот мой брат на радостях, катаясь на масленице, сильно простудился и слег в постель. Не быв прежде никогда больным и не привыкши лежать, он долго не поддавался недугу и тем обманывал себя и свою мать, страстно его любившую и ходившую за ним. Между тем болезнь была серьезная — воспаление легких, которая от несвоевременного медицинского пособия обратилась в скоротечную чахотку. Через две недели дни его уже были сочтены. Болезнь шла быстро в юном организме. Через месяц он уже был

покойник и лежал на столе, именно в тот день, когда пришла бумага о принятии его в драгунский полк. Горе отца невозможно было описать; а про мать и сказать трудно. Сын этот ее был первенец, которого она так любила, что при нем как будто у нее других детей и не существовало. Правду сказать, что покойный брат мой по своему характеру и стоил этой любви. Никакое баловство матери не могло испортить этого простого, доброго мальчика. Умер он с замечательным присутствием духа, с христианским полным напутствием, которого сам пожелал. Испросив у всех в доме прощения и примирившись со всеми, чувствуя сам приближение смерти, последнюю ночь уговорил свою мать пойти отдохнуть, говоря, что ему очень хорошо, и без нее мирно отошел ко Господу. Утром никто не решался сказать ей о смерти сына. Но она сама взошла к нему и лишь только увидела бездыханное его тело, как тотчас же лишилась рассудка. Она неистово хохотала, плясала, рвала на себе одежду, волосы, силилась поднимать покойника, открывала ему глаза, при панихидах ломала свечи, бросала их в образа и Бог знает что говорила; даже хула вырывалась у нее на Господа. После того как совершили над покойником установленный Святой Церковью чин погребения, перевезли тело его в наше родовое имение. По совету докторов решили и мать перевезти в деревню, дабы отдалить ее из города и того дома, где скончался мой брат, думая, что на его могиле будет ей легче. Но не так вышло. В деревне она нисколько не пришла в себя; а сделалось с нею еще труднее. Лишенная сна, она тайком уходила ночью на могилу, когда мы, истомленные уходом за нею днем и обманутые ее мнимым спокойствием, засыпали, разрывала руками мерзлую землю,

надеясь, должно быть, откопать покойного. Не раз мы находили ее там, лежавшую на могиле, застывшую, и приводили домой. Так продолжалось до июня месяца. В июне, до начатия полевых работ, мы имели обыкновение ездить погостить к моему дяде, родному брату отца, имение которого было в восьми верстах от Оптиной пустыни. Но странно: несмотря на близость обители от имения дяди, родители мои никогда туда не заезжали. В этот раз мой отец, за болезнью матери, не хотел ехать к дяде гостить, а вызвал его к себе. Дядя приехал и, увидев мою мать в ненормальном состоянии, стал уговаривать отца моего непременно повезти ее в Оптину пустынь, где часто сам говел постами, к батюшке отцу Макарию, как старцу святой жизни, — что и было моим отцом исполнено. Мы всей семьей поехали, взяв с собою одну нашу соседку, немолодую уже девушку, очень богомольную, желавшую после смерти ее матери поступить в монастырь и жаждавшую увидеть блаженного старца, о котором давно шла большая слава. Прибыли мы в Пустынь утром и остановились в деревянной гостинице. Узнали, что старец перед вечерней имеет обыкновение приходить в гостиницу к тем, кому требуется его духовная помощь, и что также выходит он иногда из скитских ворот и тут же подле скита занимается с народом, преимущественно с женским полом, которому вход в скит издавна запрещен. Таким образом, мы пошли навстречу старцу, а с нами и много народу пошло из номеров. Мать моя шла машинально с нами, понунив голову, как бы не сознавая, куда ее ведут и что вокруг нее делается. Так довели мы ее до того места, где боковая дорожка выходит на главную дорожку, ведущую из монастыря в скит. Тут пришлось нам

остановиться; потому что сам старец приближался уже к нам со множеством сопровождавшего его народа. С ним были и монашествующие, и миряне обоего пола. Старец шел в гостиницу. Батюшка остановился и, окинув глазами всю нашу толпу, быстро мимо всех подошел к моей матери и резко, как-то торопливо спросил ее: „Что с тобой?“ Она, сверх нашего ожидания, подняв на него глаза, сказала, заплакав: „Я лишилась сына“. — „Ну, что ж? — сказал старец все тем же тоном. — Каких лет?“ На ее ответ — шестнадцати с половиною лет — он весело проговорил: „Отрок давно уже во святых“. Эти же самые слова старца Макария пришлось мне слышать про моего брата с лишком через тридцать лет и от батюшки Амвросия, которому, рассказывая свою жизнь, я случайно упомянула и о том, как наяву приходил мой брат ко мне в девятый день после своей смерти, чтобы утешить меня в скорби по нем. Но продолжаю свой главный рассказ: затем батюшка Макарий обернулся к моему отцу и, спросив, в каком номере мы остановились, пристально взглянул на меня, стоявшую за отцом, и так же торопливо и резко, строго спросил: „Ты романы читаешь?“ Я покраснела до корня волос и ответила: „Нет“. Только перед отъездом в Оптину, утачив у отца ключ от его библиотеки, я вытащила какой-то старинный роман, украдкой прочла его от доски до доски и назад положила ему. Оттого так сильно и покраснела я пред испытующим взглядом старца. „Смотри, — продолжал он, погрозившись на меня пальцем, как на ребенка, — ты романы не читай, тебе это не полезно“. Тут же со мной

*Оптина пустынь.
Дорога к монастырю
от дальней гостиницы.
Открытка. Конец XIX —
начало XX века. АОП*

стояла какая-то московская барышня лет семнадцати, как видно было, очень бойкая и светская особа. Она сказала: „А я вот, батюшка, всегда читаю романы“ — и хотела что-то добавить. Но старец, прервав ее, сказал: „Я без тебя знаю, что ты читаешь, тебя и не спрашиваю, а вот той говорю не читать“. „А вот, — сказал мой отец, — и мой меньшой сын“, — указывая на стоявшего с нами мальчика. Тогда этому моему брату всего было девять лет. Он был толстенький мальчик, белый, розовый, особенно полны были у него щеки. Батюшка Макарий ухватился за них и, слегка тряся его, приговаривал: „А ты смотри, молодой человек, не женись без благословения маменьки“. И всегда в последую-

щие разы, встречая моего брата, батюшка повторял ему одно и то же. Конечно, тогда казалось это странным. Мой брат был еще ребенок. Но через шестнадцать лет после того нам с матерью пришлось вспомнить слова старца батюшки Макария. Мой брат двадцати пяти лет женился, не по желанию и благословению матери, на девушке, хотя и образованной, но не из своей среды, и был с нею несчастлив — что как бы и сократило его век.

Встреченный нами на дорожке старец пошел с нами на гостиницу. Взяв мою мать за руку, он увел ее в наш номер, где и остался беседовать с нею наедине. Так он делал в продолжение недели, или во все время нашего

пребывания в Оптиной, ежедневно приходя к нам. В конце недели он заставил всех нас говеть, назначив духовником отца Паисия, тогдашнего монастырского духовника.

Из бесед старца, к сожалению, у меня почти ничего не осталось в памяти. Я еще была так молода,

*Скит. Фотография
Н. Гольдберга. 1887*

да и мало интересовало меня это. Притом он больше оставался один с моею матерью, которой нужна была его духовная помощь. Следствием чего было то, что она, пробыв подле него с неделю или, может быть, дней десять, выехала из Оптиной совсем здоровой. Ее безутешное, отчаянное горе обратилось в тихую грусть. Приехав домой, она стала заниматься понемногу своими семейными делами. Старец дал ей правило читать Псалтирь (растолковав, что это за книга), Евангелие по несколько и Апостол. Велел соблюдать посты: понедельник, среду и пятницу и все, конечно, четыре поста главных, которые тоже у нас, кажется, не соблюдались, разве Великий.

Затем, вероятно рассказывая старцу про себя, мои родители упомянули, что в нашем имении был большой каменный храм, который по какому-то неудовольствию с духовенством был закрыт и более сорока лет стоял запертый; а приход, вероятно тогда же, причислен был к соседнему селу. Много было чрез это неудобств и греха. Помещик соседнего села, куда приписали наш приход, был лютеранин и не обращал никакого внимания на православный храм, который был тесен, сыр и холоден. Не давали даже дров для отопления его. Народ нашего села, можно сказать, почти был без церкви; да и ходить в другое село было далеко. Наш же упраздненный храм стоял в центре прихода и был просторный; но от него оставались одни стены. Иконостасы двух алтарей разрушились, образа от сырости облупились, и очень мало их оставалось; престолы упали. Столько лет храм был заперт, и никто туда не входил. Утварь церковная вся перевезена была в тот храм, куда приписаны были прихожане нашего села; а утварь была редкая

для сельской церкви: напрестольный крест с тридцатью или более частицами святых мощей; Евангелие, жалованное царем Алексеем Михайловичем, в царствование которого и был освящен наш храм. Вот батюшка Макарий и посоветовал моим родителям хлопотать пред епархиальным архиереем сначала о возобновлении упраздненного храма, а потом и о переводе своего прихода. Так они и исполнили. По его благословию всю часть наследства моего покойного брата употребили они на храм, устроив в нем новый придел во имя Ангела брата. По молитвам старца все это им удалось. Вскоре по освящении храма отец мой скончался замечательной кончиной, а мать до самой своей смерти заботилась о храме и поддерживала его. В то же время она исполняла и все назначенные ей старцем правила, была большая постница и богомольная. Но я зашла несколько вперед.

После первого нашего посещения Оптиной пустыни мы еще два года кряду ездили в эту обитель Петровками готовиться к принятию Святых Христовых Таин. В последний наш приезд отец мой, идя к утрени после проливного дождя, поскользнулся с лестницы крыльца гостиницы, которая тогда была круче, чем теперь, и не закрыта фонарем, и ударился сильно правым боком о перила, что и было началом его предсмертной болезни; а через год он умер от рака, образовавшегося от ушиба. Наш отъезд в этот раз из Оптиной, по случаю ушиба отца, несколько замедлился. Замедлению этому как я, так и опять сопровождавшая нас богомольная барышня, наша соседка, были очень рады. С первого раза Оптина пустынь сделала на меня глубокое впечатление. Что-то, как давно забытое или спавшее во мне, проснулось. Я тянулась ко всем

оптинским службам, полюбила своего кроткого духовного отца Паисия, который научил меня, как молиться, креститься. Затем, окруженная монашенками, которые тогда подолгу живали около старца и к которым я бегала, имела я удобство видеть у них старца Макария, который с гостиницы часто заходил к ним. Не помню, были ли они белевские или севские, но стояли они в Шаховском корпусе и работали тогда одежду на престол в скит. Они меня полюбили и ласкали; много говорили о монашеской жизни, предлагая и мне избрать эту жизнь, и даже решились сказать об этом моей матери. На что она ответила: „Не знаю, как отец; а я бы с радостью отдала ее в монастырь“. Мне тогда было шестнадцать лет. Произведенное на меня монастырем впечатление не прошло у меня и после проведенной мною зимы в Москве у моего другого дяди, брата матери, который старался меня возить, куда только можно было по моим юным годам, и веселить. Не решаясь сама спросить старца батюшку Макария насчет своей судьбы по своей крайней застенчивости, я решилась предложить ему мысленный вопрос. Дело было так: пришел батюшка к нам в номер и стал что-то рассказывать моим родителям. Знаю только одно, что рассказ был не подходящий к моим мыслям. Я пристально устремила на него свои полудетские глаза с вопросом: идти ли мне в монастырь. Думала я с верой, что если старец действительно прозорлив, как говорили, то и на мой мысленный вопрос ответит, что мне надо. По вере и было мне. Старец вдруг обернулся в мою сторону; проведя глазами вокруг моей головы, он торопливо и довольно громко сказал: „Мы еще сначала выйдем замуж, да и за того, за кого не ожидаем“. Затем и продолжал свой рассказ. Никто, кроме меня,

и не заметил вставленных им слов. Мне же они попали прямо в сердце и все перевернули во мне. „Ну, уж этого, — подумалось мне, — никогда не будет; не любя, я не пойду замуж; как это так?“ И я, смущенная, вышла из комнаты.

В этот раз, как бы в подтверждение старцевых слов, моя знакомая барышня, приезжавшая с нами в Пустынь, случайно узнала, что в оптинской больнице, которая тогда находилась при Владимирской

церкви, лежит много лет разбитый параличом иеродиакон Мефодий. В народе говорили, что он хорошей жизни и предсказывает. Одни передавали, что во время службы с ним сделался паралич и он остановился на словах „Господи, помилуй!“. Другие же говорили, что это был его обет: кроме слов „Господи, помилуй“ ничего не говорить. Моя знакомая неотступно стала меня тащить к нему в больницу. Народ ходил к нему во множестве в полдень. И так как это было единственное время, когда пускали к нему, то от множества народа около него бывало тесно. Я — признаюсь в своей глупости — ужасно боялась таких. Да еще кто-то успел напугать меня наружным

его видом. А больше всего я боялась, что он скажет мне вперед что-нибудь такое страшное. Но отделаться от своей знакомой я не могла. Она резонно доказывала мне мою глупость и почти насильно притащила меня в больницу. Налево, как взойдешь, был коридор, и крайняя келья была его. Когда мы вошли, народ стоял и в коридоре, и в его келье. Протиснуться сквозь толпу было трудно; но мы все-таки прошли. Я же подумала в себе: если я его увижу издалека и он покажется мне страшным — то уйду, и собралась было бежать. Не успела я это

*Оптина пустынь.
Больница. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

подумать, как раздался хохот больного, и он приподнялся с войлока, на котором лежал на полу. В его келье не было ни койки, ни даже скамейки, он тогда лежал на полу уже двадцать шесть лет. Плаксивым голосом закричал отец Мефодий: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“ — и, показав правой рукой, чтобы раздвинулась толпа, громко смеясь, показывал пальцем здоровой правой руки на меня. Другая рука и нога были у него парализованы. Это продолжалось до той поры, пока меня, рабу Божию, чуть не силком подвели к нему. Я, перепугавшись, опустилась перед ним на колена. Он правой рукой обнял мою голову и, смеясь, поцеловал в лоб. Затем, говоря: „Господи, помилуй!“ — выслав всю толпу народа вон и велел запереть дверь, оставив меня с моей знакомой подле себя. Весело смеясь, он приказал подать себе стоявший у него на окне букет роз. И когда моя знакомая подала их ему, он выдернул несколько белых роз, сунул их мне в руку, и, взяв мою руку и моей знакомой, прикрыл их, не помню, или полой халатика своего, или манатейкой, и, поя: „Господи, помилуй!“ — обвел наши руки три раза. Ясно было, что он указывал мне на венчание. Затем он, весело смеясь, показывал мне, что я буду счастлива в семейной жизни. Трудно передать, почему я его понимала. Потом он, сделав серьезный вид, показывал мне одну привычку моего мужа, когда он, бывало, задумается, и которая тогда только бросилась мне в глаза, когда я близко его узнала. Невольно мне вспоминался тогда уже умерший отец Мефодий. После того болящий весь как-то преобразился. Лицо его сделалось серьезно-благоговейно. Взглянув на образ Спасителя, стоявший в углу его кельи, — единственное ее украшение, — он как-то строго, не то молитвенно указал мне на Спасителя

и, предавшись весь молитве, снял с руки своей четки и надел их на мою левую руку, поя совсем уже другим тоном: „Господи, помилуй!“. Я поняла, что под конец моей жизни случится со мной что-то иное, и я должна буду кончить монастырем. Наконец, хлопнув меня рукой по голове, он опять с серьезным выражением лица взял четки свои назад и, указав на дверь, тотчас отпустил нас. Мы же, поцеловав в первый и последний раз его ручку, ушли. Больше я его не видала, равно как и батюшку отца Макария.

В ту же осень неожиданно к нашим соседям вернулся с Кавказа служивший там их брат, сильно расхворавшись лихорадкой. Он находился там во все время Крымской кампании и был в деле. Война уже оканчивалась, и ему беспрепятственно выдан был отпуск. Познакомившись по близости с нами, он вскоре сделался любимцем и другом моего отца, который был уже сильно болен и доживал свой последний год жизни. Гость наш был вдвое старше меня по летам и вполне серьезный человек. Потому мне и в голову не приходило, чтобы его выбор пал на меня. Его постоянное присутствие в нашем доме я приписывала дружбе с ним моего отца, и ничего насчет себя не приходило мне в голову. За десять дней до своей смерти отец сам выдал весь секрет. Вследствие его болезни мы с матерью по целым ночам около него не спали, сидя при нем по очереди. И вышло так: сидела я над ним вечер; затем разбудила мать и, посадив ее, тут же при них и заснула. Отец ночью окликнул меня, но я со сна тотчас не ответила. Слышу, он говорит матери: „Я забылся сейчас и вижу во сне: пришел ко мне святой угодник Божий Николай. (Замечательно, что храм, возобновленный моими родителями, был во имя Николая Чудотворца, и образ его чудотворный там.) Угодник

говорит мне: „Я тебе приготовил дом узенький и длинный; через десять дней я тебя возьму“. Я бы умер спокойно, — продолжал отец, — если бы она (назвал меня) вышла за того-то; я бы, говорю, спокойно умер, оставив ее и всю семью на его попечение“. Я замерла на месте и молчала.

Ровно через десять дней после своего сновидения отец мой скончался. Часа за три до смерти он, благословив всех нас, плакавших, повторил мне свою просьбу и пожелал, чтобы я дала ему в этом обещание. Я согласилась положиться на волю Божию, если она на это будет. Через восемь месяцев после кончины отца я уже была замужем. Мать моя, родные мои и родные его — все единодушно были рады этому браку. Таким образом, свершилась надо мной воля Божия, и исполнилось предсказание оптинского старца батюшки Макария¹: я вышла замуж за кого и не ожидала. Через много после того лет я спросила об этом уже другого оптинского старца, батюшку Амвросия: „Почему это так вышло? У меня ведь, как мне казалось, было призвание к монастырю; а старец (Макарий) указал на замужество“. — „Нет, нет, — ответил мне серьезно батюшка Амвросий, — ты была нужна в миру“.

Года через два или три после смерти отца мать моя ездила в Оптину к батюшке Макарию со своей невесткой, женой ее брата. Это было уже незадолго до кончины старца. Ездила же с матерью эта моя тетка просить его совета и благословения на развод ее дочери с мужем и на выход ее в замужество за другого. Старец серьезно сказал, приведя текст из Евангелия от Марка: *аще жена пустит мужа и посягнет за иного, прелюбы творит* (Мк. 10, 12). И в другом месте — от Матфея: *иже пущеницу поймет, прелюбодействует* (Мф. 5, 32). И добавил:

¹ А вместе и отца Мефодия. — *Примеч. авт.*

„Если же не послушаешь и выйдешь замуж за другого, последует большое наказание — счастья не будет; нет на это моего благословения“. Но моя двоюродная сестра не послушалась, развелась с мужем и вышла за другого. Года через два после сего она лишилась рассудка. И хотя не была она в доме умалишенных, так как у нее был известный пункт умопомешательства и огромные средства к жизни и потому муж ее содержал ее дома, но все-таки видно было в этом для них обоих великое Божие наказание. И только лет через семнадцать Господь взял страдальцу к Себе из сей временной жизни».

ГЛАВА 19

**Чудесные действия благодати Божией
по молитвам старца Макария, во избавление
обращавшихся к нему с верою за помощью
от недугов душевных и телесных, и Божии
наказания за непочитание старца,
прославлявшегося Самим Господом**

Следующие рассказы покойного скитоначальника Оптиной пустыни иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), вначале жившего в монастыре во время старчества отца Макария, будут пополнением описанных выше чудес Божиих, совершавшихся в свое время смиренным старцем, подвижником, истинным рабом Божиим.

Имея от Господа дар исцелять болезни душевные и телесные, сам старец всевозможно заботился о том, чтобы не подать людям повода считать его человеком святым и приписывать его молитвам исцеление от той или другой болезни. Когда приводили к нему разного рода больных и бесноватых,

он, не придавая себе никакого значения, посылал их в церковь отслужить молебен какому-либо святому, сам оставаясь, таким образом, как бы в стороне. Между тем просившие его молитвенной помощи получали ее, выздоравливали и отходили от него с великой благодарностью.

В иное время, как сказано было выше, старец давал страждущим разными, не всегда понятными болезнями освященный елей от неугасимой лампы, горевшей в его келье перед особенно чтимой им Владимирской иконой Божией Матери, единой Свидетельницы сокровенных подвигов верного раба Ее, или воды святой. И рассказы об исцелениях от этого простого действия были многочисленны. Передаваясь от одних другим, они умножали и число посетителей старца. Во всех же случаях старец всячески старался укрывать присущую ему благодать исцелений.

Вот несколько примеров.

Монахиня Брянского женского монастыря Макария (бывшая Аполлинария) начала подвизаться по своему разумению, самочинно, и впала в бесовскую прелесть. Однако, по милости Божией, она еще могла, хотя отчасти, видеть свое душевное повреждение. И потому, когда услышала о святости и мудрости старца Макария, решила искать его помощи и для этого прибыла в Оптину пустынь. Остановившись в гостинице, она пошла в скит. Но на полдороге среди леса вдруг явился перед нею бес в ужаснейшем и отвратительнейшем виде, чего она и в воображении своем представить не могла. Изрыгая хулы на старца и на шедшую монахиню, он с яростью говорил ей: «Ты куда идешь? К безумному старцу? Воротись. Или я сейчас же удавлю

*Старец Анатолий
(Зерцалов). Фотогра-
фия. Конец XIX века.
АОП*

тебя вот на этом дереве». Монахиня от ужаса оцепенела. Однако ж, призвав в помощь имя Божие, она пересилила страх свой и быстро побежала в скит. Но когда вышел к ней старец, она упала перед ним без чувств. Желая скрыть от посторонних людей истинную причину припадка пришедшей монахини, старец обратился к своему келейнику: «Иларион, Иларион! Воды, воды! Холодной воды!» — и начал ее опрыскивать, показывая вид, что с ней случилась обычная дурнота. Когда же она пришла в чувство, старец начал ее расспрашивать о ее жизни и подвигах. Но услышав, что она оставила чтение отеческих книг и даже Священного Писания, а упражняется в молитве Иисусовой, он велел ей тут же при себе прочитать одну кафизму из Псалтири. Напрасно усиливалась получившая хорошее образование монахиня сделать то, что легко делали недоучки. Смущение и страх совершенно сбивали ее с толку, и она оставила Псалтирь, отозвавшись решительною невозможностью читать. Тут мать Макария уже окончательно убедилась в своем повреждении и просила старца не оставлять руководство ею в жизни духовной. По приезде же в свой монастырь она сочла долгом письменно благодарить старца за его милости и попечение о ней и, наряду с прочим, написала следующее: «Когда я в первый раз увидела Вас, какой-то блестящий и жгучий луч поразил глаза мои, и я упала наземь без чувств». Так вот что было истинной причиной упомянутого выше припадка монахини Макарии. Но когда помогавший старцу в письмоводстве иеромонах Гавриил, прочитывая для него ее письмо, прочитал и эти строки, старец, обращая это в шутку, повторил несколько раз скороговоркою: «Ишь ты, баба дура! Поверь, поверь ей! Ишь, какую чухь несет!» Между прочим, не сразу

мать Макария избавилась от прелести; и по этой причине долгое время велась у нее со старцем переписка. В конце концов она совершенно выздоровела и душевно благодарила своего духовного врача за исцеление.

Другая мать Макария, Домогацкая, монахиня Севского монастыря, рассказывала следующее: «Съехалось нас однажды в Оптину на богомолье с разных сторон много. Между нами случилась какая-то странница, которую я несколько раз видала, но все поодаль батюшки. Заметив, что она сторонится старца, я однажды сказала ей: „Что ты вместе с нами не подходишь к батюшке под благословение?“ Она созналась, что ее что-то не допускает к старцу и она страшится его, хотя и не желала бы этого. Получив такой ответ, я при первом же свидании со старцем сказала ему об этом. Он тут же подзвал ее к себе, обласкал и затем сказал: „Мы с тобой после еще увидимся и поговорим“. На другой день после ранней обедни мы опять пришли к старцу, и странница с нами. Была Пасха. Батюшка повел

всех нас в скитскую церковь. Тут было несколько монахинь и светских дам, которых привел иеродиакон Исаия¹. Старец показывал нам ризницу и некоторые достопримечательности, а странница в это время сидела в Предтеченской церкви на лавочке возле печки, слева при входе. После того батюшка повел нас из церкви. Но лишь только поравнялся он с си-

девшей около печи странницу, она в то же мгновение ударилась об пол и начала самым ужасным образом метаться и кричать: „Вот тебе напал на своего! Вот тебе напал-то! Осьмнадцать лет меня никто

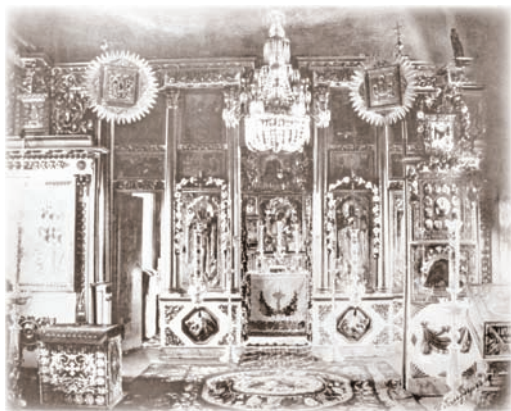
¹ Монастырский сборщик, имевший много знакомых; впоследствии иеромонах, скончавшийся в 1883 году, приняв перед кончиной постриг в схиму. — *Примеч. авт.*

Иеросхимонах Исаия (Лунев), в Оптиной пустыни с 1842 года, с 1875 по 1882 год настоятель Лихвинского Покровского Доброго монастыря, затем вернулся в родную обитель; погребен с южной стороны Введенского собора.

*Оптина пустынь.
Трапезная. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

не видал. Осьмнадцать лет я жил спокойно — никто не знал меня. А теперь напал на своего! Напал!.. Беда нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий!“ Уклоняясь от беснующейся, батюшка с поспешностью обращается к нам: „Теперь в трапезу! В трапезу! Тут все осмотрели“. И с этими словами он вышел из церкви. Мы все пошли за ним в трапезу. Потянулась за нами и странница. Когда же при осмотре трапезы случилось батюшке опять проходить мимо бесноватой, она опять ударилась об пол с прежними странными припадками, говоря: „Горе нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий! Нет нам места от тебя, Макарий!“ Старец, опять повернувшись, предлагает нам: „Не угодно ли теперь посмотреть и подвал под трапезой?“ И тотчас спустился с нами вниз, оставив странницу в жестоком припадке. Когда же при осмотре запасов подошли мы к квасным бочкам, батюшка предложил желающим откусать скитского квасу. Тут пришла некоторым из нас мысль попросить старца, чтобы он благословил стакан квасу, дабы им напоить бесноватую. Мы твердо были уверены, что старец может исцелить ее, но уклоняется от этого единственно по смирению. Теперь мы вздумали воспользоваться хотя таким благословением, веруя, что и этого достаточно будет для исцеления страждущей. Шепнули об этом общем нашем желании отцу Исаии. Он налил стакан квасу и поднес его к батюшке, прося его благословения. Уразумев, для чего отец Исаия просил благословить квас, старец просто сказал: „Хорошо; напойте ее“. Но отец Исаия опять попросил: „Нет, батюшка, Вы благословите квас“.

*Храм святого Иоанна
Предтечи. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

Старец ответил: „Все равно; ведь я благословил; отнесите ей“. Отец Исаия продолжал настаивать на своем. Тут и мы приложили общую просьбу. Тогда батюшка, как бы против воли, перекрестил квас, и его тотчас понесли к страдальце. Увидев это, она с еще большим беспокойством и ожесточением начала метаться и стиснула зубы. С трудом разняли их и насильно влили ей в рот квасу. Страдальца тут же опомнилась, успокоилась и, оправившись, стала совершенно здоровою. Дня три после того видала я ее. Она уже не боялась старца, а напротив, изыскивала случая видеть его и получить от него благословение и наставление. После она мне созналась: „Во всю мою жизнь я не чувствовала такого жестокого терзания от припадка, как при свидании со старцем в скитской церкви и трапезе; я едва осталась жива; зато теперь уже не чувствую ни малейшего признака прежнего мучительного состояния духа ни в присутствии старца, ни без него; и так хорошо я никогда себя не чувствовала“. Действительно, никто из нас уже не видал в ней ничего похожего на прежнюю ее болезнь. Она была спокойна в духе и здорова».

Алексей Васильевич Говоров, сын помещика Ливенского уезда Орловской губернии, в бытность свою в Оптиной пустыни 16 сентября 1863 года, в келье старца Амвросия, рассказывал о себе следующее: «Издавна я подвержен был пьянству в сильнейшей степени. Бывало, как придет время запить, никакая сила не в состоянии удержать меня от этой слабости. Этим я совершенно расстроил и свое состояние, и семейство. Люди советовали жене моей обратиться к некоторым лицам в надежде получить от них исцеление недуга моего, но дело почему-то не ладилось. Посоветовали мне наконец

побывать в Оптиной у отца Макария. Вот мы с женой и отправились. По приезде же, когда мы объяснили старцу о моей немощи, он только шутя ударил слегка три раза по моей голове рукою и затем велел готовиться к причащению Святых Таин. Но когда я стал подходить к Святым Тайнам, меня всего так начало ломать, что я сам не в силах был подойти. Самого ломает и трясет, а злой помысл-то и твердит: „Зачем идешь? Что, тебе поможет причащение? Все это пустяки. Оставь! Ступай прочь!“ И какая-то невидимая сила как будто отталкивала меня. Однако жена уговорами и силою помогла мне подойти к Святым Дарам. Тотчас же после причащения почувствовал я облегчение, которое со временем все более и более усиливалось во мне. Когда же наконец я совсем успокоился, во мне родилось такое отвращение ко всем спиртным напиткам, что я и запаха их не мог терпеть. И вот уже шесть лет я ни меду, ни пива, ни шампанского не могу даже отведать. Не могу есть хлеба, если он поставлен был на винных или пивных дрожжах». К сему Говоров прибавил: «По кончине отца Макария, при вести о сем, мы очень восскорбели, и в особенности жена моя. Ночью он и является ей во сне, точь-в-точь как она видала его живым, в той же одежде, только видом гораздо светлее, и говорит: „Не скорби! Продолжайте ездить в Оптину. Вы и от праха моего получите то же, что получали от меня живого. Я все тот же!“ Когда же мы недоумевали, ехать ли и как ехать, старец опять явился во сне и говорит: „Что же вы не едете в Оптину? Я сказал, что я тот же, и вы получите

*Дом близ Оптиной
пустыни, где проживал
К. Н. Леонтьев. Фото-
графия. Начало
XX века. ОР РГБ*

такую же пользу от праха моего, как и от меня живого“. И мы более не смели сомневаться».

Дочь орловского помещика Матвеева, Наталья, одиннадцати лет от роду, отличавшаяся особенным благочестивым настроем, получила исцеление во время сна по молитвам старца Макария от неизлечимой болезни, называемой Виттова пляска¹. Родители отроковицы знали старца, приезжали иногда к нему, хотя далеко не понимали его так, как узнали после. Вот как они рассказывали об исцелении своей дочери: «Наташа страдала около двух лет. Мы перепробовали всех окружающих врачей, возили ее в Москву и долго там прожили, много средств употребляли, но ничего не помогало. Получив наконец от лучших московских докторов окончательное решение о невозможности излечения, мы отправились назад. И мать с больной Наташей поехала прямо домой, а я (отец) в Оптину, чтобы испросить у старца Макария совета — что делать с больной дочерью. Он посоветовал мне поехать с нею на богомолье в Воронеж к мощам святителя Митрофана, а оттуда заехать в Задонск к святителю Тихону. С таким решением я возвратился домой, где жене моей уже натолковали о каком-то бывшем в Орле магнетизере. Жене хотелось испытать это средство, а я настаивал исполнить совет старца. При таком взаимном разногласии решили мы опять спросить его о сем, но он опять дал нам прежний совет. Тогда уже мы окончательно вознамерились исполнить его в точности. И в ту же ночь совершилось с больной нашей дочерью чудо. Кому известна Виттова пляска, тот знает, как тяжело болеть и как жалко смотреть на страдающую этой беспокойной болезнью. Больная непрестанно день и ночь то вздергивала членами, то поднимала и опускала

¹ Болезнь нервной системы.

их, то перекидывала. Ни сна не было, ни бодрствования. И потому для нее была отдельная комната и неотлучно находившиеся при ней две девушки-сиделки. Когда мы решились ехать в Воронеж, Наташа почувствовала себя спокойнее. Настала ночь, и больная, к удивлению находившихся при ней девушек, заснула спокойно. Заметив это, одна из сиделок сказала подруге: „Барышня крепко заснула, теперь можно и нам обеим уснуть“. Но все-таки, желая удостовериться, действительно ли больная спит, они поднесли к лицу ее горевшую свечу. В это самое время Наташа поднимается, свешивает с постели ножки и протягивает правую ручку, как бы желая что-то принять. Девушки, думая, что она требует их помощи, взяли ее за ручку и спрашивают: „Что вам угодно, барышня?“ А та взаимно их спрашивает: „Где же батюшка Макарий?“ Они отвечают, что никого здесь, кроме них, не было. Наташа утвердительно говорит: „Как не было? Сейчас был вот здесь батюшка отец Макарий и сказал мне: вставай, Наташа, и приезжай ко мне в Оптину. И я протянула к нему руку, чтобы он благословил меня“. Изумленные девушки не знали, что и подумать. Между тем больная слезла с постели и начала без всякой посторонней помощи ходить по комнате. Обрадованные этим, девушки-сиделки забыли уже и о сне в ожидании нашего пробуждения. Проснувшись в пять часов утра, и мы с женой увидели такое чудо, какого не смели и ожидать. После такого радостного события принуждены мы были опять утруждать старца вопросом: „Куда же нам теперь ехать?“ Он опять ответил: „К святым Митрофану и Тихону“. А дочке приказывал — в Оптину. И мы с величайшею радостью исполнили и то и другое. А Наташа получила совершенное

выздоровление и осталась такою же набожною, как и прежде была».

Доживавший в Оптиной пустыни последние годы своей жизни отставной генерал-майор Андрей Андреевич Петровский¹, духовный сын покойного старца Макария, будучи в мае 1862 года в келье старца Амвросия, поведал о себе следующее: «Когда я перешел, — говорил он, — на постоянное жительство из ваших гостиниц в монастырь (это было около 1859 года), напала на меня такая душевная тягота, что я потерял аппетит, ночи проводил без сна, читать ничего не мог, а о молитве и говорить нечего. Помыслы день ото дня более и более внушали смущенной душе моей, что у меня потеряна надежда к спасению, что я живу в монастыре сам не зная для чего, что в моих преклонных летах болезни, немощи и скорби съедят меня. Я не знал, что мне делать и к кому обратиться, когда уж и молиться не мог. Изнемогши духом и телом, я наконец из глубины сердца возопил: „Господи! За молитвы отца моего духовного, старца Макария, помози мне“. И что же? Не успел я проговорить эти слова, как случилось со мною то, что как будто невидимая рука в один миг сняла с меня всю тяжесть. Я обновился духом и в ту же минуту решился при первом свидании со старцем батюшкой Макарием объяснить ему это обстоятельство. Заметить должно, что старец если когда заходил ко мне, то всегда это бывало после ранней обедни, когда я приберусь и займусь с часок каким-либо делом. Но на этот раз, то есть на другой же день после рассказанного мною обстоятельства, он пришел ко мне, застав меня еще в постели. Едва я успел кое-как принять его, как он сверх всякого моего ожидания и прежнего обыкновения спросил о здоровье,

¹ Андрей Андреевич Петровский († 1867), помещик Воронежской губернии, генерал-майор. С восемнадцати лет на воинской службе, участник восьмидесяти пяти сражений, в том числе при Бородине, награжден орденами: Святого Георгия IV степени, Святого Владимира III степени, Святой Анны III степени и другими. В 1840 году вышел в отставку с поста директора Новгородского кадетского корпуса. В 1858 году приехал в Оптину. Незадолго до кончины пострижен в монашество с прежним именем. Погребен за алтарем Казанской церкви.

повернулся и тотчас ушел, оставив меня в недоумении и не дав объяснить причину скорого моего выздоровления, в чем он всегда принимал живое участие. Этим я, однако, не удовлетворился, пошел к нему на исповедь и объяснил причину моего выздоровления. Старец все как-то уклонялся положительно выразуметь смысл моих слов. Но когда я сказал ему ясно и определенно, что получил исцеление именно чрез призвание его имени, он только заметил: „Можно и это делать; святые отцы не запрещают, но только как можно реже“.

Еще рассказывал генерал Петровский: «Долгое время не мог я найти себе по сердцу книги для чтения. Хотя и читал святых отцов, но все это не вполне соответствовало моему желанию. Назначая мне для чтения то ту, то другую книгу, старец всегда приговаривал: „Есть у меня книга, уж та верно Вам понравится, но подождите“. Действительно, приносит он мне однажды рукописную книгу, озаглавленную „Ставрофилия“², и говорит: „Ну, вот Вам и обещанная книга. Эта будет Вам по сердцу. Бог благословит Вам читать и списывать ее до самой смерти“. Когда я стал ее читать, оторваться не мог. Во всю мою жизнь ни одна книга из всех возможных назидательных книг не нравилась мне столько, как „Ставрофилия“. Так полно она удовлетворяла всем тонкостям моего желания. Вот уже четвертый год, несмотря на немощи моего восьмидесятилетнего возраста и слабость глаз, постоянно копирую ее, списываю восьмой экземпляр. И вообразить не могу, чтобы дело это когда-нибудь мне показалось тяжелым. И надеюсь, за молитвами старца, продолжить это занятие до самой смерти без опасения наскучить

Архимандрит
Леонид (Кавелин).
Фотография

² Так были озаглавлены прежние рукописные экземпляры этой книги. Когда же Оптиная пустынь, тщательно обработав ее, собралась ее напечатать, цензор слово «Ставрофилия» заменил словом «Ставрофила». Так должно быть, говорил он, по свойству русского языка. — Примеч. авт.

им». Списываемые экземпляры генерал рассылал своим мирским родственникам.

Следующие за этим рассказы переданы вышеупомянутым иеромонахом, впоследствии архимандритом, Леонидом: «Многие из нас, — писал он в свое время, — помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в скит, поносила старца, говоря между прочим: „Скоро ли умрет этот Макарий? Он измутил весь мир. Ох! Горе мне“ и т. п. Привлеченная к старцу по вере ее мужа, женщина эта, несколько лет страдавшая беснованием, после употребления данного ей старцем освященного елея выздоровела совершенно. Впоследствии она разрешилась от бремени ребенком, который кричал без умолку непрерывно. Когда же принесли его к старцу, который осенил его во имя Божие благословением, младенец успокоился, и денно-нощные, ужасавшие его родителей вопли с тех пор, по милости Божией, прекратились.

Был и еще замечательный случай. Один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования. Родные его обратились за помощью к искуснейшим докторам. Те долго лечили больного дома; наконец послали его за границу к водам; но облегчения не было. Признаки беснования были очевидны, ибо припадки болезни совпадали с днями нарочитых церковных праздников; а конвульсии усиливались от прикосновения священных предметов: святого креста, Евангелия, богоявленской воды. В заключение всего больной не в состоянии был добровольно приступить к таинствам Покаяния и Причащения Святых Таин. Несмотря на это, родные его боялись или не хотели назвать болезнь страдальца своим именем. Видя беспомощное состояние больного, один из близких

к нему людей из сострадания взял на себя труд свозить его в Оптину пустынь с намерением попросить совета у старца Макария, которого он знал лично, что делать с непонятной болезнью приятеля. Успел ли он уговорить больного или привез его в монастырь, употребив для этого какую-либо хитрость, неизвестно. Только по приезде, остановившись в гостинице, он тотчас послал просить к себе в номер старца, не упоминая о приехавшем с ним приятеле и приятелю ничего не говоря о сем. Несмотря на это, больной в то же самое время начал обнаруживать сильное беспокойство — признак приближавшегося припадка и говорил: „Макарий идет, Макарий идет!“ Старец действительно пришел, но едва вошел в занимаемые гостями покои, как больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова, и, прежде чем успели удержать его, заушил¹ старца. Доблестный воин Христов, зная, кто управлял в этом деле рукою несчастного, употребил против него сильнейшее оружие. По заповеди Христовой быстро подставил ему другую ланиту, произнося слова Евангелия: *аще ты кто ударишь в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39). Опаленный смирением, бес тотчас же оставил страдальца, больной упал без чувств к ногам смиренного старца и пролежал долгое время в совершенном оцепенении; потом встал здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был лишь орудием».

¹ Ударил по щеке (церк.-слав.).

Кроме описанных здесь и подобных им случаев благодатных исцелений по молитвам старца батюшки Макария, были и другие, так сказать, наказательно-вразумительные случаи, когда некоторые за непочитание старца подвергались наказанию

Божью, а вследствие раскаяния получали от премилосердного Господа помилование.

Так, один купец, не раз приезжавший к старцу за советами по поводу своих торговых дел, не исполнив старческого наставления, клонившегося к примирению с Богом его совести, и видя увеличивающееся расстройство своего состояния, приехал опять попросить у старца совета, что ему предпринять. Приезд свой купец приурочил к одному из двенадцатых праздников, когда число посетителей обители и всегда значительно увеличивается, а при жизни старца Макария увеличивалось особенно. Старец едва успевал удовлетворять духовные нужды обращавшихся к нему с разными вопросами, давая на них краткие ответы. Прошло три дня, а старцу не было возможности заняться с упомянутым купцом. Наскучив ожиданием, тот стал роптать, дав место презорливым¹ мыслям: «Уеду, — думал он. — Да и в самом деле, чего я жду? Такой же человек, как и все мы, грешные. Целый день в народе. Добро бы затворник какой был...» и т. п. Сложившись с такими мыслями, коими враг очевидно хотел отвлечь его от принятия душеполезного старческого совета, он пришел в монастырскую церковь к ранней обедне. Борьба помыслов продолжалась и тут. Вдруг почувствовал он, как сам после рассказывал, головокружение. Относя это к тому, что был

тепло одет, купец снял с себя шубу. Но вот ему представилось, что церковь колеблется, своды ее рушатся и грозят своим падением задавить его. Позабыв о шубе и без шапки, несмотря на бывший сильный мороз, купец стремительно выбегает из церкви и бежит без оглядки в скит. Дорогой ему

¹ Презрительным
(церк.-слав.).

*Оптина пустынь.
Введенский собор. Фото-
графия. Конец XIX века.
АОП*

кажется, что растущие по обеим ее сторонам вековые деревья валятся на него. И потому он бежал с громким криком, как будто преследуемый свирепым зверем. Было рано. Упомянутый выше скитянин отец Леонид (Кавелин) читал в это время Псалтирь по благодетелям и братиям, живым и усопшим. Слыша необыкновенные и учащенные крики, он остановился на той мысли, что, вероятно, это один из бесноватых, которых иногда насильно приводили к старцу сострадательные родные. После уже он узнал о случившемся от келейников старца Макария. Вбежав на крыльцо старцевой кельи, купец упал на колени пред запертою изнутри дверью. В это время читались для старца келейниками его положенные Святой Церковью часы. На доносившийся с крыльца крик вышел один из келейников, отец Иларион. Увидев бледного и трепещущего всеми членами человека и по возможности успокоив его, он спросил: «Что вам угодно?» — «Батюшку, батюшку отца Макария, Бога ради!» — проговорил он, задыхаясь от усталости и испуга. Недоумевая, что случилось с ним, отец Иларион доложил старцу, который и вышел навстречу пришедшему. Увидев старца, купец упал ему в ноги и, обливаясь слезами, говорил: «Простите, батюшка, простите! Бога ради, простите! Я подумал, что Вы такой же грешный человек, как и мы». — «Да Ваше мнение и правильно, — говорил, успокаивая его, смиренный старец, — я не только такой же грешный человек, но еще и хуже всех грешников, по слову: *от нихже первый есмь аз*²». Успокоенный любовью старца и получив от него благословение и разрешение своих недоумений, купец оставил его келью утешенный и в совершенно здоровом состоянии. После этого он остался в обители

² 1 Тим. 1, 15.

еще на некоторое время, говел, причастился Святых Христовых Таин и уехал, славя Бога и смиренного раба Божия, научась явным наказанием не уничижать смиренных, о нихже благоволит Господь, сказавший: *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет и очи Господни на праведныя и уши Его в молитву их* (Пс. 33: 19, 16).

Еще наказательно-вразумительный случай, записанный иеросхимонахом Анатолием (Зерцаловым). Белобережской общежительной пустыни некий послушник Адриан по поступлении в эту обитель начал проходить путь жизни подвижнической хотя усердно, но самочинно. Ищущий же погибели душ христианских лукавый враг внушил ему мысль ради спасения души своей принимать к себе странников и успокаивать их. Около семи лет подвизался так Адриан в своей обители. В это время в Оптиной пустыни старчествовал описываемый здесь высокой духовной жизни старец Макарий. Как истинный пастырь, собственным опытом изведавший пользу старческого пути, он всячески оберегал врученное ему стадо Христово, отлучая тех вновь поступивших послушников, которые не хотели следовать этим путем. Другие же из них и сами оставляли Оптину пустынь и переходили в иные монастыри или обращались в праздношатающихся странников. Послушник Адриан вместе с другими странниками принимал и этих оптинских выходцев, которые говорили о старце Макарии много клеветнического. Таким образом Адриан хотя старца никогда не видал, но составил о нем понятие самое невыгодное. Старец представлялся ему человеком нрава жестокого, самовольно и пристрастно распоряжавшимся братьями. За год до кончины старца Макария Адриан вместе с другими пятью послушниками

представлен был своим настоятелем к постригу в рясофор. Но в то время как он подписался к пострижению, видит ночью во сне, что входит к нему в келью их настоятель и за ним неизвестный старец в мантии, камилавке и с двумя крестами на шее. Когда они подошли к Адриану, неизвестный старец, обратившись к настоятелю, говорит: «Вы представили в числе других к рясофору и Адриана; а я Вам говорю, что Адриан недостойн сего. Другие пусть будут пострижены; а его должно оставить — он недостойн». Настоятель будто стал оправдывать его, объясняя старцу, что Адриан давно живет в обители, что исправен в послушаниях и вообще хорошо ведет себя. Но старец уже с гневом опять начал говорить настоятелю: «Я Вам говорю, что он живет дурно, он недостойн жить в обители, его должно изгнать, он сделает вот то-то, и еще... и... и если Вы не выгоните его, то стены его выгонят». Настоятель будто после этого поклонился старцу и вышел. Адриан в то же время проснулся и видит, что подле него уже в действительности стоит виденный им во сне старец. При виде неожиданного посетителя послушник вспыхнул от гнева, вскочил с кровати и, сжав правую руку в кулак, спросил: «Кто ты такой, что пришел возмущать против меня настоятеля?» Незнакомец ответил: «Я старец, настоятель оптинского скита Макарий». При последнем слове, припомнив все прежде о нем слышанное от странников худое, Адриан еще большим закипел гневом. «Что же тебе нужно? — вскрикнул он. — Из своего монастыря ты

Белобережская Николаевская пустынь. Троицкий собор. Фотография В. Машукова. 1898

¹ Мф. 5, 9.

всех разогнал и пришел еще чужую обитель возмущать? *Блажени миротворицы*¹. А ты у себя всех разогнал и отсюда выгонять хочешь?» — «Я прогнал из своей обители, — ответил старец, — таких же негодных и недостойных, как ты. Ты недостойн пострижения. Ты сделаешь вот то-то, и еще... и... Тебя непременно должно изгнать из обители. Если настоятель тебя не выгонит, то камни выгонят тебя. Три года ты будешь всеми гоним и нигде не найдешь покоя». Слова эти довели Адриана до крайней степени гнева. Он обругал старца и со словами «Вот Бог, а вот тебе порог» с яростью устремился на него. Но явившийся старец стал невидим. На другой день после этого Адриан почувствовал в душе беспокойство. На него восстали некоторые из старших братьев. И сколько настоятель ни защищал Адриана, они принудили его выйти вон из обители.

Оставив Белобережскую пустынь, Адриан действительно в продолжение трех лет нигде не мог найти себе покоя или пристанища. В некоторых монастырях он и желал было остаться, и даже получал на это от настоятелей соизволение, но вдруг с какой-либо другой стороны встречал препятствие, и желание его оставалось безуспешным. Иногда дело об определении Адриана в монастырь доходило до утверждения архиерея, но владыка, никогда не выдавший и ничего о нем не знавший, сверх всякого чаяния отказывал настоятелю в просьбе о его определении. В продолжение этого трехлетнего странствования Адриан, по предсказанию являвшегося ему старца Макария, действительно сделал что-то, по-видимому, укоризненное, и еще... и... Между прочим, он так был ожесточен против старца, что после полутора лет своего бродяжничества, проходя в город Козельск, нарочно миновал

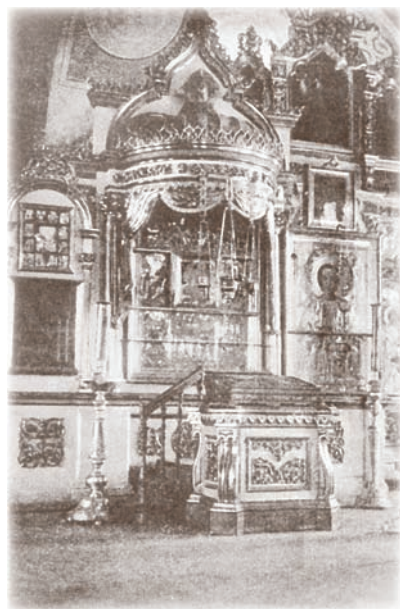
Оптину пустынь, отвернув даже лицо свое от монастыря. Но когда стало к концу приходить роковое трехлетие, сердце Адриана начало смягчаться. И он в мае 1862 года, вопреки своему намеренному пути, сделал крюк двести верст, чтобы только побывать в Оптиной пустыни. Когда он прибыл в эту обитель, уже почти два года минуло с тех пор, как старец Макарий скончался. Тогда он обратился за советом к преемнику покойного, старцу Амвросию: что ему предпринять и как быть и жить. Старец Амвросий посоветовал ему предварительно сходить на могилу старца Макария и испросить у него прощения. Исполнив этот совет, Адриан возвратился к старцу Амвросию и объявил ему, что после поклонения могиле почившего сердце его успокоилось и как бы подсказало ему, что он прощен. Еще месяц оставался до окончания назначенной старцем Макарием виновному трехлетней епитимии по изгнании его из своей обители, но по совету старца Амвросия он уже отправился прямо на жительство в свое прежнее место — Белобережскую пустынь.

Здесь приведены примеры скорой помощи Божией нуждавшимся в ней по молитвам старца Макария, в свое время общеизвестные. А сколько было еще таких, которые остались известными только Единому Господу и тем людям, которые обращались к старцу за помощью! Сколько можно было ежедневно насчитать исцеленных душевно! Одни уходили от него утешенными в скорбях, другие возбуждены были им от греховного оцепенения, иные разрешены от уз отчаяния и тому подобного. *Прославляющая* Мя прослаблю, — сказал Господь (1 Цар. 2, 30). Слова эти вполне можно отнести к описываемому здесь блаженной памяти старцу Макарию. Господу угодно было открыть некоторым,

какой славы сподоблял Он смиренного старца еще при жизни его. Приводятся здесь по этому поводу два записанных иеросхимонахом Анатолием замечательных случая.

Один благочестивый посетитель Оптиной пустыни рассказывал следующее: «Еще до знакомства моего с Оптиной раз представилось мне в сонном видении внутреннее устройство ее храма, сооруженного в честь святой Казанской иконы Божией Матери, точно в таком виде, как оно было в действительности¹. Стоял я будто среди церкви во время какого-то торжественного богослужения. Царские врата были отворены, и в алтаре по обе стороны святого престола стояли в два ряда иеромонахи в полном священническом облачении. Чинное их стояние и благоговение мне очень понравилось, и я утешался, глядя на них. Только один из стоявших в алтаре иеромонахов показался мне исключением из этого сонма смиренных иноков, и он, признаться, немножко смущал меня. Но вот слышу, какой-то голос говорит мне: „Не соблазняйся и этим монахом. Он так держит себя от простоты, и ты напрасно им соблазняешься. А вот, если хочешь, посмотри вон там (при этом как бы кто-то указывал мне на придельный алтарь с южной стороны), вон там есть мудреная простота. Вон там уж есть что посмотреть“. С этими словами будто кто-то взял

*Оптина пустынь.
Казанский храм.
В киоте — чудотворная
Казанская икона Божией
Матери. Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. АОП*

меня за руку и повел в южный алтарь во имя Воздвижения Креста Господня. Вошедши туда, я увидел стоявшего на южной стороне святого престола по виду смиренного, но очень святолепного старца. „Вот это мудреная простота!“ — сказал мне тот же голос. Впоследствии, когда Бог привел

мне побывать в Оптиной пустыни и в самой Казанской церкви, я чрезвычайно удивился тому, что, никогда прежде не бывая в этой обители, увидел все здесь совершенно мне знакомым. В особенности же поразил меня вид никогда прежде не виданного мною старца Макария, совершенно сходный с тем, который года два тому назад представлялся мне в сонном видении».

Старец Макарий, когда приходил в монастырь к обедне, действительно в Казанском храме всегда становился на том месте, где видел его в сонном видении упомянутый здесь богомолец.

А вот еще случай прославления Господом Богом смиренного старца Макария, когда он еще был жив. Вышеупомянутая Севского монастыря монахиня Макария (Домогацкая) 27 мая 1862 года в присутствии многих лиц в хибарке старца Амвросия рассказала следующее: «Это было, — говорила она, — еще при жизни батюшки Макария. В июне или июле 1860 года нашего монастыря послушница Елисавета вместе с другими двумя монахинями приехала в Оптину к батюшке Макарию. Все они по обычаю поместились в монастырской гостинице, определенной собственно для приезжих монахинь. Нелишне заметить здесь, что послушница Елисавета в особенности замечательна была простотою нрава и множеством понесенных ею скорбей по причине бедности после мирской жизни в довольстве. Из окон келий остановившихся в них монахинь был вид на гостинный двор и на дорожку, пролегавшую через лес из скита на гостиницу. В один день, около восьми часов утра, сидела Елисавета в одной из этих келий и смотрела в окно на скитскую дорожку и вдруг услышала доносившиеся оттуда звуки удивительно приятного пения. Смотрит: идет старец Макарий,

и по сторонам его двенадцать мужей, которые одеты были в белые одежды, а сверху имели схимы. На головах у них были схимнические куколи, также белые и блестящие. Какое-то странное внутреннее чувство подсказало ей, что это были святые апостолы. Двое из них вели старца под руки, а некоторые шли впереди и несли подсвечники с зажженными свечами. Между тем простодушная послушница не придала этому видению особенного значения. Ей вообразилось, что, вероятно, в Оптиной пустыни установился обычай с такою торжественностью носить Святые Дары для приобщения больных; а в гостинице в то время была больная. Должно быть, Елисавета в самозабвении и не подумала о том, что видела святых апостолов. Старец действительно в конце ранней обедни приходил из скита в гостиницу, но только, кроме Елисаветы, никто не видел сопровождавших его мужей. Когда же послушница эта пошла в церковь к поздней обедне, она случайно встретила на гостином дворе возвращавшегося в скит старца. Приняв от него по обычаю благословение, она пошла с ним по одной дорожке, а другие, сопровождавшие старца, шли позади. Прошедши несколько шагов, старец, обратившись к ней, спросил: „А кого ты, Лиза, нынче видела?“ Послушница и вообразить не могла, чтобы старец знал о виденном ею, но, опомнившись и все еще хорошо не понимая смысл старцева вопроса, ответила: „Я видела, батюшка, апостолов“. — „А кого они вели?“ — продолжал старец спрашивать с улыбкою. Пораженная таким неожиданным открытием ее тайны — так как до этого никто об этом не знал, — Елисавета вскрикнула: „Ах, батюшка, да ведь вели-то они Вас!“ При этом старец строго запретил ей открывать это кому бы то ни было до самой его кончины».

Видению этому мы верим несомненно, как действительному событию. Ибо если Сам Господь, Царь Небесный, был в Свое время среди учеников Своих яко служай, когда умывал ноги их на Тайной Вечере, подав через это им образ глубочайшего Своего смирения и вместе с тем вложив в стопы их Свою Божественную силу, чтобы они непреткновенно могли идти в мир с проповедью евангельской, то ничего нет дивного в том, если и ближайшие ученики Господа святые апостолы по примеру своего Учителя Бога своими мощными молитвами, как бы руками, поддерживали и подкрепляли верного раба Божия старца Макария, ведя его к определенной Промыслом Божиим цели, то есть к продолжению трудов апостольских, чтобы таким образом целить многообразные недуги в людях и светом учения Христова просвещать омраченные грехами души.

ГЛАВА 20

Старец Макарий уклоняется от настоятельской должности и архимандритского сана и слагает с себя некоторые обязанности. Его любовь к вере и Церкви Православной и ревность по вере и благочестию. Благодарное письмо за это к нему от Московского митрополита Филарета. Следит старец за духовной литературой и с великим участием относится к отечественным событиям. Скорби старца в последние годы его жизни и разрешение недоумений по этому случаю

Стечение народа в Оптиной пустыни при старце Макарии было очень велико. Но оно со временем все более и более увеличивалось. Особенно во множестве посещали Оптину пустынь имевшие вообще расположение к этой обители и лично к старцу Макарию отличавшиеся своим благочестием жители городов Болхова и Мценска Орловской губернии. Известный бывший настоятель

Болховского монастыря, соименный старцу Макарию (ревностный сибирский миссионер между инородцами), архимандрит Макарий (Глухарев)¹ указывал даже многим на оптинского старца Макария как на своего преемника в их Болховском монастыре. Вследствие этого после кончины этого приснопамятного архимандрита, последовавшей в 1847 году, депутация болховских граждан прибыла в Оптину пустынь, с тем чтобы просить старца Макария дать свое согласие на занятие в сане архимандрита настоятельской должности в Болховском монастыре, именуемом также Оптинским², а игумена Моисея — чтобы отпустил его к ним. Но смиренный старец решительно отказался от этой чести. Узнав же, что об этом уже сделано без его согласия представление высшему духовному начальству, он поспешил отклонить его через некоторых благодетелей обители при посредстве одной высшей духовной особы.

Между тем телесные силы старца батюшки Макария с течением времени все более и более ослабевали, а трудов ему все более и более прибавлялось. Часто усталый, измученный долгим общением с народом, едва переводя дыхание, не имея сил не только говорить, но и произнести внятно одно слово, возвращался он из монастырской гостиницы в скит со своего ежедневного подвига. С грустью смотрели близкие к нему иноки на такое его изнеможение и нередко пробовали упрашивать его побережь себя ради них и многих других, которым дорога была его жизнь. Просили, по крайней мере, сократить переписку, видимо истощавшую его силы еще больше устной беседы. «Что же мне делать? — отвечал любвеобильный старец. — Не писать вовсе нельзя; а отвечать одним и обижать молчанием других — я этого не в силах». Иногда старец, казалось,

¹ Преподобный Макарий Алтайский. Память 18/31 мая.

² По древнему народному преданию, как Оптина Козельская пустынь, так и Болховский Оптин монастырь основаны одним бывшим разбойником, Оптою, который, по рассказам оптинского старожилы иеросхимонаха Иова, скончавшегося во второй половине XIX века, пострижен был в схиму с именем Макария и скончался и погребен в Козельской Оптиной пустыни. — *Примеч. авт.*

как бы падал духом под тяжестью своего креста, но это лишь казалось. Ибо благодать Божия, немощных врачующая и укрепляющая, всегда была присуща его духу, подавая крепость ослабевавшим его телесным силам. В самом деле, принимая в соображение вообще слабое здоровье старца, его ежедневные, почти непрерывные труды, нередко посещавшие его болезни и преклонные лета, — нельзя было не сознаться, что только сила Божия могла подкреплять изможденную плоть его для перенесения столь великих и многообразных трудов.

Не раз, однако, чувствуя крайнее изнеможение и упадок сил телесных, старец и сам решался прекратить вовсе умножавшуюся ежегодно свою духовно-назидательную переписку, но по примеру своего духовного вождя и учителя старца Льва и, конечно, не без тайного извещения воли Божией, побеждаемый силой и горячностью любви к страждущим различными душевными и телесными болезнями, видя притом умножение недугов общественных, более же всего по смирению, не посмел сам сойти с определенного ему Богом креста, на который возвела его та же хриstopодражательная любовь, пока не испустил он на нем свой дух.

Кроме того, при умножавшемся год от году числе посетителей для старца все ощутительнее и ощутительнее становилось лишение уединения. «Молва, молва, — писал он к своим севским родственникам, — и ежедневная молва. Когда опомнюсь? Когда избавлюсь от помрачения и войду в себя? Не знаю. Пожалейте меня и помолитесь, чтобы я избавился от обольщения и себя, и других. Только и знаю, что толкусь да молвлю, и всякий день на гостиную сколько раз схожу; и не видно исходу. Одни уезжают, а другие наезжают; а я, грешный, везде поспел. Горе,

да и только! Душа гладна без пищи; читать времени мало; да и то: какое чтение в смятении? Ну, что делать? Надо потерпеть; а кто знает, когда позовут в вечность? Лета, слабость, все сближает к тому; а я нерадею. Господи, помилуй и спаси, по неизреченному милосердию Твоему!» Особенно же чувствовалось старцем лишение уединения, когда благоприятные обстоятельства указали время приступить к изданию книжных трудов блаженной памяти старца Паисия Величковского. Неоднократно батюшка Макарий высказывал это своим близким ученикам и знакомым. Однажды, еще в 1847 году, будучи в доме господ Киреевских в их имении — селе Долбине, старец и им сказал об этом. Это подало Ивану Васильевичу мысль построить для старца уединенный домик в их владениях¹. После отъезда батюшки Макария в обитель Иван Васильевич немедленно сообщил эту мысль своей супруге, а она рассказала об этом старцу и просила его согласия на это. Старцу так приятно было это предложение, что он сам тогда же приехал благодарить за него радушных долбинских владельцев. В то же время избрано было им и место для домика, в глубине березовой рощи, в версте от господской усадьбы. Строительство домика окончено было весной 1848 года, и старец приглашен был хозяевами на его освящение. Войдя в него в первый раз с келейником своим отцом Иларионом, старец пропел: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...» — и опять благодарил хозяев за их усердие. С тех пор он, испросив дозволения духовного начальства, иногда посещал устроенный для него домик, проводя в нем каждый раз по несколько дней с кем-либо из своих учеников для ничем

*Старец Макарий.
Литография. Середина
XIX века. ОР РГБ*

¹ Построенный господами Киреевскими домик по кончине старца Макария с согласия владельцев перевезен был на дачу Белевского женского монастыря и поставлен там на память о старце. — *Примеч. авт.*

не развлекаемого занятия — приготовления к изданию святоотеческих книг.

Но этого малого успокоения для слабеющего телесными силами старца Макария было недостаточно. Желая устранить от себя хозяйственные хлопоты, сопряженные со званием начальника скита, чтобы иметь больше свободы для занятий духовных, старец неоднократно просил настоятеля обители игумена Моисея сложить с него начальническое бремя, но по просьбе его и братий отсрочивал свое намерение. Наконец в 1852 году старец возобновил прежнее свое прошение. Но так как игумену известно было, что в скором времени он должен быть почтен саном архимандрита, то старец и на этот раз получил от него такой ответ: «Уж погодите, вот, слышно, нам шапку хотят дать, так уж повремените». Шапка действительно в скором времени игумену была дана, и в следующем, 1853-м, году старец Макарий передал должность начальника скита скитскому иеромонаху Пафнутию. Это было 30 ноября, в тот самый день, в который четырнадцать лет тому назад он принял над скитом начальство. Собрав скитскую братию в церковь, старец объявил, что он по соизволению настоятеля архимандрита Моисея слагает с себя звание скитоначальника. После совместной молитвы с поминовением на ней поименно о здравии и спасении всех скитских братий старец с земным поклоном испросил у всех прощения. Также и братия прощались со старцем, принимая в то же время благословение у нового начальника.

Подробнее об этом обстоятельстве так писал старец к своим севским родственникам: «Слава Богу! Ныне кончилось 14 лет моему управлению скитом, хотя и недостойн сего именованья, — но помощию

Божиею, заступлением и покровительством Матери Божией и угодника Божия, Крестителя Христова Иоанна, за молитвами отца нашего архимандрита Моисея, и игумена Антония, и всех отцов и братий наших протекло время скоротечно. Хотя во многом и погрешал и братию оскорблял и во многом соблазнял, но любовью их был покрываем; а их послушанием и понуждением себя все дела внешние исполнялись. О душевных же преуспеяниях и немощах знает Сам Бог и коегождо совесть. Спаси их, Господи, и меня молитвами их помилуй! Итак, нынче, после поздней обедни, мы с отцом Пафнутием пошли к отцу архимандриту, я получил благословение на увольнение (по предварительном о сем совещании), а он — на вступление в управление. Зашли к отцу Антонию; получили и его благословение, потом в нашем храме, вкупе с собравшеюся братиею, отслужили Божией Матери с акафистом молебен и святому Иоанну Предтече¹, и после краткой беседы, приличной к сему, я просил у них прощения, благодарил за их любовь и послушание и поручил их новому начальнику, прося, чтобы имели и к нему послушание и любовь. И теперь, благодарение Господу, чувствую некоторое успокоение. А вы поздравьте меня с сим давно желанным моим расположением к оставлению сего, хотя малого, начальства».

Скитский летописец по этому поводу сделал такое замечание: «Перемена сия (передача начальства над скитом), разумеется, лишь внешняя. Но все-таки мысль, что батюшка слабеет, понемногу слагает с себя бремена, чтобы легче шествовать к своему Отечеству (Небесному), для нас тяжела, и невольно слеза катится из глаз, а сердце леденеет от мысли о разлуке с отцом и благодетелем».

¹ Во имя этого святого основан оптинский скит. — *Примеч. авт.*

Правда, что перемена эта была только внешняя; потому что порядок жизни духовной в скиту, как и вообще во всей обители, вследствие этой перемены нисколько не изменился. Новый начальник заботился больше о внешних порядках и потребностях скита, нисколько не выходя из послушания блаженному старцу, который обращался с ним как с одним из скитских братий, даже и осыпал его иногда за что-либо укоризнами. Такова была сила благодати Божией, действовавшая в старце Макарии! Она невольно покоряла сердца и начальственных лиц.

По заведенному в скиту порядку начальник скита утверждается и в должности братского духовника всей обители. Так было и с отцом Пафнутием. Он обыкновенно исповедовал братию и некоторых мирян. Может быть, с того же времени, а может быть, и еще раньше старец Макарий оставил и духовническую должность: то есть уже никого не исповедовал, а только старчествовал, то есть

Скит Оптиной пустыни. Келья скито-начальника.

Конец XIX — начало XX века. АОП

принимал от приходивших к нему откровение помыслов и преподавал советы и наставления, как противостоять жестокой и неотдышной брани от находящих бесовских худых помыслов и как удобнее жить по заповедям Божиим, изложенным в Святом Евангелии, уча тому словом и делом, главнее же всего —

примером собственной смиренной жизни. Все же внимание и старание старца главным образом обращено было к искоренению в относившихся к нему гордости и происходящего от нее злопомнения и к насаждению в душах их смирения. Так, например, писал он к своей севской племяннице

монахине Мелании: «Вини себя и за то, что не имеешь любви к М. П., ибо Господь повелел и врагов любить. Любовь и смирение, кроме всех дел, спасут нас. Духовная война мудрена. Враг хитер и силен. А кто вооружится на него смирением, против того и минуты постоять не может. Но смирение стяжать — много труда и внимания нужно. Ибо враг противится сему и наводит все противное оному. А сколько пагубно злопомнение, читай у святого Иоанна Лествичника и аввы Дорофея и Зосимы». И во всех почти письмах проводятся старцем Макарием эти мысли. Потому и собрание всех его писем поистине можно назвать учением о терпении, самоукорении, смирении и любви.

Сам же старец все эти добродетели показывал в себе на деле. Его любовь, можно сказать, обнимала весь род христианский и в особенности близкое его сердцу дорогое отечество. Как ревнитель единой истинной православной веры Христовой, он радовался благотворному влиянию ее на сердца православных. «Слава Богу! — писал он к своим в Севск. — Православная наша вера одушевляет и утешает сердца наши. Хотя и скудны мы делами, но не отпадаем надежды на милосердие Божие; и будем вопить к Нему, да спасет нас имиже вестъ судьбами!» Или в другом письме: «Благодарение Господу, что вы проходите время святого поста мирно и спокойно. Господь утешает вас при слушании церковного богослужения, которое Церковь так премудро расположила и устроила, наставляема Духом Святым». Напротив, старец очень скорбел об усиливавшемся еще в его время распространении различных религиозных заблуждений и нравственной порче вообще среди русского общества. Например, так писал он к вышеназванным

родственницам: «В настоящее время мы читаем „Об отношениях римской церкви к другим церквам“ Авдия Востокова. И как горько видеть все проделки папы и его воинства — иезуитов и пропаганды! Сколько он делал ухищрений в достижении главенства пап и непогрешимости их и во многих нововведениях догматических в церкви, по отпадении от Греческой Церкви! А наша Церковь стоит в чистоте учения Христова и апостольского и Святых Вселенских Соборов. А они внесли ереси. И наша Церковь считает их еретиками. А они до сих пор усиливаются распространять свои еретические учения в нашу любезную и православную Россию. И многие из аристократов уже увлеклись их учением, перешед в католицизм, и стараются собратий своих туда же увлекать. Допущена была веротерпимость; а ныне уже и проповедь возникает их ложного еретического учения». О предстоявшем браке одной из родственниц старца с католиком он писал: «К. пишут и радуются о предложении, сделанном М. католиком. Но я этому не радуюсь. А если совершится (брак) без присоединения его к нашей Церкви — то сильно скорблю. Я написал им, что нет моего благословения. Они так равнодушны к своей религии, — пишут, что „мало разницы“, и не понимают, что может произойти от различия веры и в супружестве, и в воспитании детей. Одно то, что приступают к Чаше Христовой разномысленно, и другие многие догматы уже разъединяют их союз дружбы и единомыслия. А чтобы он после обратился, это сомнительно. Напротив, у них мысль на Западе и во всех их, чтобы и всю Россию окатоличить. И уже к этому многие приступают; и из наших, принявших их веру, князя Гагарин и Голицын пишут брошюры и высылают в Россию...

Какая же тут надежда на счастливую судьбу? Разве только одно холодное равнодушие к вере подаст ложный и мнимый покой. Я этого не желаю». А после совершения брака вопреки воле старца он писал: «Как же не больно для меня видеть в членах моего родства смешение с еретиками! Я на них не сержусь, но болю о них; а писать к ним не хочу. Пустое и тщетное пустословие! Они не послушались, соединились с еретиками; и теперь не слушают о присоединении их к нашей Церкви».

О католической пропаганде и об опасности от нее православию в России старец и еще писал: «Какое везде смятение и восстание на нашу Православную Церковь! Не помню, писал ли я к вам: вышла недавно книжка — 158 страниц мелкой печати, осьмушкой, напечатана в Париже, сочиненная каким-то нашим князем Голицыным. Силится доказывать от наших книг о главенстве папы и о прочих догматах, что западная латинская — истинная, а Православная Греческая Церковь — отступила. Призывает Российскую Церковь к соединению с западною и с папою. И все это натяжно и ложно. Право, горько и скорбно сердцу было читать такое нападение на Церковь — и от кого же? От своих чад. Конечно, не всякий поверит, а паче из утвержденных в вере; но равнодушные к вере, а паче еще хромлющие аристократы, верно, ядом сим напоятся и уклонятся туда. А между тем книг, верно, уже выпущено не малое количество по России. Всякий, едучи из-за границы, привезет эту книгу как драгоценность. Вот как наша Церковь страдает! Овцы взяли или берут на себя самочинную обязанность учения и не хотят слушать пастырей Церкви, прелазят инуде в ограду и распудят овцы. Но, Господи, не предаждь нас до конца, имени Твоего ради,

но утверди Церковь Твою Православную на неподвижном камени заповедей Твоих и учении Святых Вселенских Соборов, в согласии с Греческою Церковью, от коей мы и веру приняли».

Еще: «Ко мне пишет один ревностный наблюдатель: в Америке составилось какое-то общество под именем мормонов, особенное христианство. Многоженство позволено, и отличаются трудолюбием. Целая провинция собралась, до полумиллиона. Начальнику их будто бы ангел дал новую библию, или Златую книгу. В ней всякая смесь христианских догматов и отступление от истины. В Германии проповедуется явно полухристианство, подобное древнему арианству. Страшно сказать: Божество и чудеса Спасителя нашего Господа Иисуса Христа не признаются. И это лжеучение распространяют самые пасторы лютеранские посредством печатных книг. Оно вкрадывается повсюду. В Европе теперь большая часть юношества образованного не верит ничему, кроме своего ума. Папа старается всех привести в католицизм; и один наш князь и иезуит Гагарин издал брошюру: может ли быть Россия окатоличена? Вот в каком бедствии находится наша Церковь и всяк правоверующий, а особенно юное поколение! Но идол нашего времени — неслыханная роскошь — заставляет всех желать и искать богатства. Железные дороги, телеграфы, купечество всемирное! Благородство осмеяно. Все это к чему ведет? Бог знает. Ныне сделались модными слова: допотопное, всемирное... К чему эти слова клонятся? Разумей да разумеет!.. Не должны ли мы сближаться друг с другом любовью и смирением? Да не постигнет нас неготовых час смертный, а горшее оно — ослепление помраченное, разливающееся по вселенной! Как нам

не благодарить Господа, что удостоил нас отлучиться от мира и сохраниться в православной вере! При частом столкновении с людьми противомудрствующими долго ли поколебаться уму и увлечься в их мнения? Что нередко случается со многими. Итак, будем благодарить Господа сердцем и усты и делами благими — миром, любовью и смирением».

Еще в том же духе и смысле писал старец к неизвестному лицу: «Что делается в мире, до нас еще меньше доходит. Но подобные, описанные Вами случаи до глубины потрясают душу. Говорю это собственно не о себе, но вообще о братиях наших, подвизающихся и еще могущих подвергнуться прелести врага, ищущего поглотити всякого, не внимающего и предающегося суете мира и чувственности. И враг столько дерзок, что ополчается на мать нашу, Святую Соборную и Апостольскую Православную Кафолическую Церковь; различными средствами старается поколебать ее то папизмом, то лютеранизмом, то вольнодумством. Но Церковь наша пока еще хранит благодать Божию, и *врата адава не одолеют ей* (Мф. 16, 18). Бедствия претерпевает; но, по слову святого апостола, *подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлены бывают в вас* (1 Кор. 11, 19). Будем бодрствовать и стоять на твердом камени веры нашей Православной Церкви. Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим!»

В другом письме к тому же лицу писал старец так: «Изъясняете замечания Ваши о нашем времени, находящемся в движении и волнении: чего-то ищут доброго и нового. Но как оно ищут? И где хотят

*Оптина пустынь.
Цветник (оранжерея)
в Предтеченском скиту.
Фотография. Середина
XIX века. АОП*

найти? Цивилизация и прогресс! А на православную религию не обращают внимания. А на оной-то основывается все наше блаженство, и временное, и вечное. Умные, ученые, образованные люди хотят верить по-своему, а не как учит нас Православная Церковь. Учение Церкви непогрешимо, хотя в исполнителях оно и найдутся погрешающие. Но часть не есть целое; а насмешники над погрешающими обращают язык свой на всю Церковь; а в Церкви все наше благо и спасение. Таинства церковные суть проводники в Царство Небесное; служители оным и совершители — духовенство, на которое так нагло и ядовито нападают образованные умники и заражают немощных, а паче напояют сим ядом юношество...» и далее.

Еще в одном письме: «Что делать? Нынче темная сила крепко вооружается против света истины, и разум силится взять верх над верою и противляется Церкви; но, по слову Господню, *врата адова не одолеют ей* (Мф. 16, 18). Хотя и многие увлекаются в сети лукавнующих, а паче жалкое юное поколение напояется горьким ядом мнений противных, которые еще пагубный яд свой распространяют и в простонародии чрез вредные брошюры, пускаемые в народ для чтения вместо нравоучительных и нравственных наставлений. Жаль бедную любезную нашу матушку Россию, если, по слову Вашему, жатва эта скоро поспеет под серп! Если же это неминуемо должно быть, то верующим надо молиться милосердному Господу, да отвратит праведный гнев Свой от нас... и не дай, Господи, нам дождать и видеть несчастные случаи, если они будут у нас. Благотельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет православную веру; деньги

к себе перетягивают. Не могу ничего судить право. Вижу только, что мы больны душевно и не видим этого».

Об успехе же католической пропаганды между православными старец писал так: «О преимуществе пропаганды римской церкви пред православною и благотворительных оной заведений должно заметить, что как причиною отпадения ее от православия было властолюбие и другие человеческие цели и расчеты, то и все ее действия расстроены тем же недугом и теми же видами; и нет в них предприятий чистых по Бозе и по совести, как в Церкви Православной. Оттого-то действия последней скромны и негромки. Загляни в историю времен Фотия, патриарха греческого, который обратил Болгарию в христианство, и увидишь, что тогда делали паписты и для чего. И доселе продолжается то же. Паписты не заботятся обращать турок в христианство, а стараются совращать православных греков и болгар с истинного пути. Действия их всегда основывались и основываются большею частью на лжи и происках». И в других письмах писал старец о том же предмете с великой скорбью. Все это писано было в пятидесятых годах XIX века.

Вследствие такой ревности по вере и благочестию старец Макарий удостоился получить от Московского митрополита Филарета следующее писание: «Преподобный отец Макарий! Приветствую Вас и отца настоятеля Вашей обители; и всему братству Вашему мир и благословение Божие и непреткновенное, под осенением благодати Божией, течение по пути спасения и совершенства! Благословенна сострадательная скорбь Ваша о восстании на Православную Церковь людей, иже

*Митрополит
Московский Филарет
(Дроздов). Портрет.
XIX век. ОР РГБ*

от нас изыдоша, но не беша от нас (1 Ин. 2, 19). Молитесь, да Господь непобедимою Своей помощью охранит ее и утешит и нас, смиренных, утешит о ней и с нею. Православная Церковь, всегда воинствующая на земли, многие веки в отечестве нашем покровительствуемая, ныне, по грехам нашим, приближается к тому, чтобы вновь явиться гонимой.

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию.

Прошу молитв Ваших о моем недостоинстве и немощи, пребывая с искреннею, яже о Господе, к Вам любовью. Филарет, м. Московский. Мая 11, 1859. Посылаю Вам обличение на одно из восстаний против Православной Церкви».

При всех своих почти непрерывных многотрудных занятиях и ослабевающих силах телесных старец Макарий находил время и возможность следить за духовной литературой. Он получал все в его время издававшиеся духовные журналы и периодические издания, как то: творения святых отцов, «Христианское» и «Воскресное чтения», «Православный собеседник», «Православное обозрение», «Странник», «Духовную» и «Домашнюю беседы». Из четырех последних предпочитал «Духовную беседу» и «Домашнюю». Кроме того, интересовался вновь издававшимися книгами духовного содержания и при случае делал о них свой отзыв. Так, прочитав «Письма о христианской жизни» известного епископа Феофана, Затворника Вышенского, вскоре по выходе их из печати, старец писал о них одному лицу: «Книжку „Письма о христианской жизни“ я знаю и ожидаю скоро оной присылки. Я ее прочитал, но еще не всю. Книга очень хороша; но о молитве в некоторых местах очень

¹ «Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части, переходит к сей второй, привлекаемый ее сладостью, не говорю уже — своею леностию, постигает гнев Божий» (Святой Исаак Сирий. Слово 2. С. 13).

² «Говорят: что от Бога, то приходит само собою, а ты и не почувствуешь. Это правда, но только если место чисто, а не осквернено. Если же нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор на солнечный шар, чтобы не утратить тебе и малого луча, то есть простой веры, и смирения, и сердечного исповедания, и малых посильных дел, и не быть тебе извергнутым» (Святой Исаак Сирий. С. 13–14).

смело сказано, как то: в сердце иметь ум и что это всякий может делать, искать в себе теплоту и прочее. Неопытные примутся за это и ничего не найдут, смутятся; а мало-мало кто ощутит, увлечется и впадет в прелесть. Святые отцы говорят, что на это требуется много времени, подвига, труда и наставника непрелестного и что в чистую молитву един от тысячи токмо достигает, а еже по оной един от тьмы. Это слова святого Исаака Сирина. Он же пишет в Слове 2-м: кто прежде совершенного обучения в первой части деяния приступает ко второй — видения, которое состоит в духовном поучении и молитве, на того гнев Божий находит¹; там увидите почему, и далее: „яже Божия, — глаголет, — сама от себе приходит, тебе не ощущающему. Ей, но аще место будет чисто, а не скверно. Аще ли зеница очесе души твоя чиста несть, да не посмеешь воззрети на округ солнца, да не лишишия и самая тоя малая зари, яже есть простая вера и смирение, и исповедание сердечное, и малая дела, яже по силе твоей, и отвержен будеши“² и прочее. Молитва умная есть высшая всех деяний, по слову святого Григория Синаита. И „кто безстудне и дерзостне хотяй к Богу внити, и исповедати Его чисте, и стяжати Его в себе нудясь, удобь умерщвляем есть сицевый от самех бесов, аще попустится“³ и далее (святого Григория Синаита „Наставление безмолвствующим“, глава 7 „О прелести“). И пишут святые отцы: „Кто проходит молитву и воздержание, на тех сильно и яростно нападают бесы; и если мы не имеем на них оружия — смирения, то удобно низлагают“. Ныне много издано книг о сем деянии. „Добротолюбие“ и другие отеческие книги Вам известны; но надобно

*Святитель Феофан,
Затворник Вышенский
Фотография. Конец
XIX века*

³ «Но бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено будет сие» (Добротолюбие. Т. V. С. 217).

¹ Архимандрит Феодосий (Маслов; † 1802), настоятель Софрониевой Молчанской пустыни Курской епархии.

² «Мирским людям, без послушания пребывающим, аще бы точию от единого чтения таковых книг понудилися на сию молитву, страшно есть... Молитва сия художество от художеств от святых нарицается; и кто может ее без художника, сиречь без искусного наставника, научиться?... Молитва сия во иноцех только» (цит. по изд.: Житие Паисия Величковского. М., 1892. С. 216).

проходить оное с наставником, а не самочинно. Старец Паисий в письме к софрониевскому старцу Феодосию¹ пишет, что он об издании отеческих книг и радостию, и страхом одержим, а почему? Прочтите сами в житии старца Паисия к архимандриту Феодосию письмо на странице 265 первого издания². У нас есть написанная статья в предостережение от самочинного делания сего; но времени нет исправить, а хотелось бы и издать. Не думайте, чтоб я осуждал книжку оную. Я нахожу в других материях очень преполезной и исполненной истины. А как Вы просили моего мнения, то я и сказал откровенно — что нашел. Надобно попроче: молитвою Иисусовою нужно молиться всем и отгонять помыслы; но не искать ничего, кроме помилования. А Господь, давая молитву молящемуся, даст и умную молитву, по слову Петра Дамаскина. А то у врага много подсад, и подвижников обольщает под видом истины ложными действиями. Впрочем, искренно желаю, чтобы во всем принесла пользу сия книжка. Спаси, Господи, написавшего оную».

Каждое крупное событие отечественное вызвало глубокое сочувствие в отзывчивой душе старца Макария. Известная неудачная Севастопольская кампания в пятидесятых годах прошлого века приковывала к себе его внимание. Несмотря на свои постоянные недосуги и немощи телесные, во время осады Севастополя он просил прочитывать себе известия о ходе ее из «Московских ведомостей» и при каждой радостной вести или подающей надежду на успех радовался как дитя и славил Бога; а при вести о неудаче скорбел и тужил молитвенно. 1854 года 16 октября старец так писал к одному близкому лицу: «Война сатаны против Креста продолжается, и чем кончится, одному Господу известно.

Конечно, нам это наказание за грехи наши, однако с милостию и покровом Божиим. Аще не бы была Его защита и покров, что бы могли они сделать с такою сильною армадою и полчищем католицизма, протестантства, исламизма, при таком нечаянном и неожиданном нападении?! Право и истинно слово Господне. Если бы мы исполняли волю Его, то (исполнялось бы): *поженет един тысящи и два двигателя тьмы* (Втор. 32, 30)... Надобно нам молиться Господу и умиловать Его покаянием и благим житием. Да сохранит Господь Православную нашу Церковь и чад ее, братьев наших, подпавших мусульманскому игу и мнимохристианскому тиранству. Они, бедные, теперь без защиты. Вся Европа обрушилась на нас и на них. Один Бог наш помощник и покровитель; и Он да будет нам во спасение. Воззовем к Нему в скорбях сих, и услышит нас. Он силен и ныне коня и всадника ввергнуть не в Черное, а в Черное море, и избавить людей Своих от горькой работы умного фараона, и тристаты³ его сокупленные уничтожить. Но что наше умствование? Мы должны повергаться пред величеством славы Его в бездну смирения и ожидать, да будет воля Его на нас».

Тому же лицу старец еще писал: «О делах Европы и войне нынешнего времени рассуждать я не могу и со своей стороны не смею делать больших заключений, кроме того, что война эта есть перст Божий и бич, наказующий нас, уклонившихся от правого пути и идущих строптивым, широким и простран-ным, отводящим в пагубу. Многие положившие живот свой на брани, верно, получают оставление грехов, и многие увенчаются нетленными венцами славы небесной; а оставшиеся ближние их, да и все вообще, страдая о сем сердцем и терпя во многом

³ Ср.: Исх. 15: 1, 4.
Тристаты — в Египте: три
воина, управлявшие воен-
ной колесницей.

нужду, невольно оставят роскошь и утвердятся в вере. Судьбы Божии для нас непостижимы, и Ему Единому ведома будущая вся, как прошедшее и настоящее. Буди воля Его святая на нас; но мы должны молиться, да милостив будет к нам, грешным, и помилует мир».

Смиренно предаваясь в волю Божию при неблагоприятных для России известиях о войне, старец по обычаю своему переносился мыслью к брани духовной. Так, он писал к своим севским родным: «Я знаю, что вы находитесь в борьбе, и сильная война — не меньше Севастопольской. Но там оружие: медь, железо, сталь, свинец, чугун, порох, огонь, хитрость и сила человеческая; а у нас оружие другого рода: вера, упование на Бога, самоукорение, смирение, терпение, молитва и всеобъемлющая любовь. Оставляя сие оружие, впадаем в руки сопротивных, и они сокрушают душевные наши кости, повергают и томят в узах смущения и злопомнения. А тут мучители: зависть, рвение, поречение благого и весь злой собор страстей — без милости мучат. Надобно же нам не оставлять спасительных оружий и оными низлагать сопротивных, научаясь брани на практике».

Но вот скоро одно за другим последовали горестные отечественные события. В самый разгар войны, 18 февраля 1855 года, скончался государь император Николай Павлович. Неожиданная весть о его кончине вызвала у старца обильные слезы. Причем он, как передавал в свое время один современный ему монах-старик, высказал такую мысль, что император Николай держал Россию в железных руках и этим сдерживал пагубное своеволие своих подданных, а что ожидавшаяся после него свобода, всегда приводившая и приводящая людей к необузданному

своеволию, должна принести России православной великий вред. Теперь мы и видим это на самом деле. Впрочем, скорбь свою о потере государя старец растворял утешительным размышлением о его христианской кончине. Так, писал он в 1855 году своим родным в Севске: «24 февраля. На сих днях прочитал манифест нового государя Александра II. Нельзя было без слез читать о кончине государя Николая I. И в такую великую эпоху для России! Сохрани, Господи, нашу православную веру и Святую Русь от нашествия иноплемennых и от злого их умысла... смирить (то есть унижить) Россию. Будем молить Господа помочь нашему новому императору и христоробивому воинству. Час смертный близ есть, а мы не готовы. Как предстанем пред суд Божий? Вот люди умирают; и много знатных лиц в короткое время не стало. А над всеми и отец великого семейства — целой России, император наш, Николай Павлович, благоговейно отошел ко Господу, исполнив долг христианина — Исповеди и Причастия Пречистых Таин Христовых; пребыл в полной памяти до самой смерти. Давал наставления наследнику и семейству, потом попросил у наследника крест с распятием; благоговейно поцеловал несколько раз и, сказав: „Буди воля Твоя, Господи!“ — скончался. При велией скорби о лишении отца отечества утешительно слышать о такой его христианской кончине, подающей надежду, что в вечности удостоится блаженства. О чем Святая Церковь и все мы молим Господа, да упокоит душу его в Царствии Небесном!»

Вскоре затем дошло до старца другое горестное известие — о взятии неприятелями Севастополя.

*Портрет императора
Николая I. Художник
Е. И. Ботман.
Государственный музей
имени А. С. Пушкина*

Услышав об этом, старец зарыдал, как любящий отец, потерявший единокровного сына. Упав на колени перед образом Богоматери, он долго молился перед Нею без слов.

В первых числах мая 1857 года старец Макарий в сопровождении отца Леонида (Кавелина) посетил Малоярославецкий монастырь по просьбе его настоятеля, архимандрита Никодима, и на обратном пути через Калугу был у преосвященного Григория, который в это время возложил на старца установленный для священнослужителей за минувшую войну бронзовый на Владимирской ленте крест. Таким образом, старец к концу временной жизни своей украшен был двумя крестами — золотым наперсным и бронзовым. Сопровождавший старца отец Леонид (он же и скитский летописец) в летописи сделал следующее замечание: «По своему благоволению батюшка навестил в Хлюстинской богадельне моего больного брата. Причем один больной, лихвинский мещанин, который как временно (по словам надзирателя) приходит в ярость и бешенство и потому при нашем приходе лежал привязан к стене, увидя батюшку, возопил: „Преподобне отче Макарие! Моли Бога о нас“. Был ли то дух пытливый, действовавший в отроковице, ходившей за апостолами (Деян. 16, 17–18), или сей больной — юрод Христа ради, не знаю. Сообщаю лишь для памяти факт. Никто не предувещивал о нашем прибытии, и имя батюшки не было произносимо во время его там пребывания. Возвратились домой (в скит) благополучно в три часа. Много народу ожидало батюшку на гостинице; а крест на него возложен был как бы прообразом крестов духовных, которые ожидали его по возвращении и ведомы лишь Богу и приближенным».

Но какие ожидали старца духовные кресты, или, попросту сказать, скорби, об этом читатели узнают дальше. А теперь посмотрим, как относился старец к ожидавшим Россию преобразованиям — освобождению крепостных крестьян и грамотности среди простого народа. Так, он писал: «В освобождении собратий наших крестьян, или просто христиан, от крепостного состояния мы должны видеть отеческий Промысл Божий, умилосердившийся над ними. А многие из владельцев охотно сроднились с сею мыслию и ожидают переворота, не смущаясь за лишение многих доходов, а некоторые, также немалое число, скорбят, помышляя, что не будут иметь средств к привычной роскошной жизни, которыми они пользовались от трудов тысячи рук людей, кои сами лишались нередко чрез то нужного пропитания. Роскошь, конечно, умалится, которую можно назвать оружием дьявола к гибели душ человеческих. Но что будет со свободными и как они воспользуются оною свободою — это еще нам неизвестно. Вы правильно рассуждаете, что может быть то и то... Но вот что неизвестно: какой принесет плод эта грамотность, вводимая в простонародие. Мы теперь уже видим в казенных поселянах, которые научились грамоте: побудет кто из них писцом и окажется неспособным или по какому-либо случаю лишится места — то он уже не пахарь, и отец не имеет надежды на подпору своей старости. На это возражают: если все будут грамотными, то этого не может быть. Ну, хорошо. Они научатся грамоте, а что будут читать? Повесть, пустяк, книжечка: „Смех“, „Пустозвон“ и подобных. Какое они могут иметь влияние на нравственность? Что будет тогда — увидим. Да будет воля Господня на всех нас!» Или еще:

«Сердце обливается кровию при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве России, нашей матушке. Куда она мчится? Чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое. Оно обманывает себя в своей надежде. Юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настает то время, по предречению отеческому: „Спасаяй да спасет свою душу!“»

Интересен и весьма назидателен взгляд старца Макария на современное ему монашество — что весьма приложимо и к нашему времени. Так писал он 5 июля 1860 года, незадолго до своей кончины, к одному иерарху: «При взгляде на нынешний образ жизни монашества — как мы далеко уклонились от того пути, который нам показан в отеческих учениях, — сердце болезнует! И вместо того чтобы искать доброго бисера, сокровенного на селе сердец наших, довольствуемся одною внешностию. А чтобы подвизаться на страсти, мали и редцы обретаются; и чрез слабости наши бываем соблазн миру, вместо того чтобы быть свет миру. Вы изволите замечать, что охота к чтению отеческих книг начала истребляться в монахах. Вот это и служит причиною к расслаблению, так как нет побуждения к деятельной иноческой жизни. Может быть, и есть из новоприходящих, что имеют ревность и желание спастися; но, видя примеры слабости, прежде осуждают их, потом и сами поработаются оным, не имея верного окормления и отвержения своей воли и разума, — что могло бы привести их к смирению

как сильному оружию на все вражьи сети. Немудрено, что и в религиозных журналах нынешнего времени проявляется что-то такое невыгодное о жизни монашества. А о других литературных изданиях нечего и говорить! И все это разливается по всему христианскому миру, который не смотрит на свои слабости, а зорко взирает на монашеские и малые недостатки. Впрочем, мы не должны обвинять судящих нас, но находить в себе вины, смиряться, приносить покаяние; и Господь силен спасти и извести изо рва оногo, виденного преподобным Пахомием, скорбьми, напастьми и болезнями. Хотя и горестно смотреть на наши слабости; но многие, приходящие в обитель, обретают защиту от стрел вражиих, коим могли подвергаться в мирской жизни. Только, сколько мог я заметить, бесполезно и опасно слишком юных принимать (в монастырь); ибо они более подвергаются влиянию слабой стороны и, навывкнув худому, не скоро могут прийти к истинному пути, так что ни к монастырю, ни к миру не бывают способны. На сих днях мне случилось слышать сравнительный пример иноческой и мирской жизни. Один странник безногий ползком обошел многие монастыри и на вопрос одного монаха, как он находит монастырскую жизнь в сравнении с мирскою, отвечал: „Не все равные обители; но думаю так: луг когда огорожен, то и трава на нем растет хорошо; а вне ограды бывает потоптана и поедена“. Простой, но разительный пример! Еще ободряет нас писанное Иоанном Карпафийским к индийским инокам утешительное слово¹. Надобно молить Господа, да сохранит иноческий чин в нашем любезном отечестве и подаст силу и крепость к побеждению видимых и невидимых врагов христианству и монашеству»².

¹ Блаженного Иоанна Карпафского Слово подвижническое и весьма утешительное к инокам, находившимся в Индии. В славянском «Добротолубии». Издается Оптиной пустынью на русском языке особым листком. — *Примеч. авт.*

² Собрание писем старца Макария. Письма к монахам. Письмо 2. — *Примеч. авт.*

*Преподобный Моисей
(Путилов). Литография.
Середина XIX века.
ОР РГБ*

Но какие же у смиренного старца Макария, всегда мирного в духе молитвенника, были скорби, или кресты духовные? Писал он однажды к своим севским родным: «У меня скорбей нет; скорби — мои грехи». Однако к концу жизни посетили старца и скорби. Они состояли в том, что между ним и настоятелем монастыря, архимандритом Моисеем, всегда жившими в мире и обоюдной искренней любви, произошел некий разлад, который, впрочем, как сейчас увидим, происходил не от сердечной нерасположенности друг к другу, а от разных взглядов на дела. Так, например, настоятель любил производить в монастыре постройки, по-видимому даже излишние, а для этого по необходимости сводил монастырский лес и вводил обитель в долги, которых и без того было много. Старец же Макарий, наоборот, как выше было сказано, по любви к природе желал лес сберечь, и не затевать лишних построек, и не увеличивать без особенной нужды монастырского долга. Передавалось об этом и самому настоятелю; а он только, бывало, скажет: «Да, уж не человек создан для дерева, а дерево для человека» — и затем продолжал свое дело. Время, однако, оправдало предприятия архимандрита Моисея. Все кажущиеся излишними его постройки впоследствии оказались годными и нужными, и долги обители вскоре после его кончины были уплачены одним благодетелем, имевшим большое расположение к архимандриту Моисею и к брату его игумену Антонию и вообще ко всей Оптиной обители. Заметим, кроме этого, что, производя, казалось бы, ненужные постройки, архимандрит мог быть еще и в таком убеждении: если он,

заслуженный и всеми уважаемый настоятель, ради монастырских построек сведет некую часть леса, то все это ему будет прощено и высшим начальством, и своим братством или, по крайней мере, не будет для него остановок в деле; преемнику же его, новому настоятелю, пришлось бы по этому поводу понести немалые скорби: ему совсем бы могли запретить сводить лес, несмотря на крайнюю в том нужду, или, по крайней мере, дело это могло бы сильно тормозиться.

Еще: архимандрит Моисей, отчасти по недостаткам бедной в то время Оптиной пустыни, отчасти же, вероятно, и по склонности к подвижнической жизни, хотел между братьями искоренить чаепитие. Придет, бывало, к нему какой-либо брат попросить чайку — настоятель встретит его такими словами: «Тебе чаю?» — «Да, — скажет, — пожалуйста, батюшка». Ответит: «Чаю воскресения мертвых» — и не даст. И начнет увещевать брата, говоря, что травка эта, именуемая чаем, привозится из страны иноземной, от народа языческого, и потому небезгрешно христианам, в особенности монахам, употреблять ее. Старец же Макарий, видя среди людей ослабление нравов, не сочувствовал в этом настоятелю и, напротив, говорил, что вследствие более и более укореняющейся в людях привычки пить чай искоренить между монахами чаепитие уже невозможно, да и спасение вовсе не в том состоит, чтобы не пить чаю. Но настоятель продолжал действовать по-своему.

Затем старец Макарий усиливался обратить внимание настоятеля на более важное упущение по обители, именно: что при отправлении служб церковных певчие монахи спешно стали петь и свободно стали держать себя на клиросах, отчего,

по замечанию старца, терялось благоговение к церковным службам. Но должно заметить, что, во-первых, пение все-таки было не очень спешное, а во-вторых, архимандрит Моисей был уже в преклонных летах — и стар, и слаб. Выстаивать ежедневно и без протяжного пения долгие оптинские службы для утружденных ног его, как можно думать, было обременительно. А кроме того, как трудно было ему управляться с певчими, можно заключать из того, что, по его же словам, при обращении с певчими, да и с прочими братьями во время своего долгого настоятельства он очень много потерпел скорбей. Потому, вероятно, теперь уже он не столько обращался к виновным со словом назидания, сколько тайно молился о вразумлении их на полезное, как и всегда это было у него в обычае, оберегая в то же время себя от расстройства душевного.

Таким образом, всегда и во всех делах безусловно покорный старцу Макарию и по смирению своему принимавший его советы как бы из уст Самого Бога, архимандрит Моисей теперь стал действовать совершенно вразрез старческим советам, так что батюшка Макарий, всегда и всех склонявший к миру и боголюбезному послушанию и никак не ожидавший такого от добрейшего настоятеля своего, до того огорчен был его поступками, что в присутствии близкого своего ученика и преемника по старчеству, иеромонаха Амвросия, с туюю сердечною сказал: «Эх! Должно быть, за грехи мои Господь наказывает меня». Все же это, как выше сказано, показывает, что разлад между старцем Макарием и архимандритом Моисеем не имел существенной важности, так как не основывался на недоброжелательстве их друг к другу.

Подтверждается это и тем, что, как далее увидим, по кончине старца Макария настоятель воздал почившему заслуженную им великую почесть при искренней сердечной скорби о потере этого великого духовного вождя и светильника.

ГЛАВА 21

Последние годы и обстоятельства жизни старца отца Макария, его предсмертные страдальческие дни и блаженная кончина

Жизнь старца батюшки Макария близилась к концу, и здоровье его все более и более ослабевало. На поздравительное письмо севских родственников в ноябре 1859 года он отвечал: «Благодарю вас за поздравление меня со днями моих рождения и Ангела. Да, уж 71-й год. Долго ли будет пришельствие, неизвестно. А как явиться пред Богом, не знаю. Буди воля Господня над нами! Вы скорбите о моем нездоровье, но оно изменчиво. Нельзя сказать, чтобы я лежал; но иногда бодрствую и хожу, а иногда уж и никуда не гожусь. Слава Богу о всем! Да душа-то больше тела. Тело поболит, да и тем кончится; а душевная-то болезнь простирается в вечность. Избави нас, Господи, от сей болезни и даруй исцеление!»

За два года до своей кончины, именно в 1858 году, старец Макарий принял пострижение в великий ангельский образ — схиму. Мысль об этом в первый раз выражена была старцем при получении известия о кончине Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова), основателя оптинского скита, постриженного перед кончиной в схиму с именем Феодосия, который скончался 21 декабря 1857 года. К нему старец имел великую любовь и благоговение, как писал он вскоре после кончины святителя своим севским родным: «Думаю, уже вы слышали о кончине достоблаженного митрополита Киевского Филарета 21-го числа декабря. Жаль, что Церковь лишилась такого иерарха; но, видно, пришло время почтить ему от трудов своих и получить награду за оные. Молитвами его да помилует нас Господь!»

Впрочем, хотя старец о своем здоровье писал: «...иногда уже никуда не гоюсь», однако до самой своей предсмертной болезни был на ногах и даже летом 1860 года, незадолго до своей кончины, имел возможность съездить в Калугу, в Калужский Лаврентьев монастырь — место летнего пребывания калужских владык, чтобы проститься с отъезжавшим в Санкт-Петербург для присутствования в Святейшем Синоде уважаемым архипастырем своим Григорием. Там, в ожидании, пока владыка окончит прием просителей, старец пошел пройтись по монастырскому саду. Остановившись против виденного им сельца Железники, бывшего имения его родителя, Николая Михайловича Иванова, он указывал сопровождавшим его место, где стоял их дом и окружавшие его службы, и рассказывал сохранившиеся в памяти его

Калужский Лаврентьев монастырь. Фотография. Конец XIX — начало XX века. АОП

впечатления детства. Потом на монастырском кладбище отыскал при помощи одного штатного служителя поросшую травой могилу иеромонаха Павла, бывшего настоятеля Площанской пустыни, который некогда постригал его в монахи, и с чувством

умиления поклонился его могиле, сказав: «Добрый был старец!» Затем, помолчав, примолвил: «Вот и нам всем предлежит путь, одному ранее, другому позже, а мне уж и пора...» То был его намек на близкую свою кончину. Между тем, окончив прием посетителей, Преосвященный пригласил старца с другими немногими

к столу и во время трапезы был весьма милостив и внимателен к батюшке, ласкал его и сам клал кушанье на его тарелку. Наконец, распростившись с милостивым владыкой, старец в тот же день отъехал сначала в Тихонову пустынь и, пробыв там двое суток, возвратился в свой скит.

Был и еще замечательный случай, указывавший на близость кончины старца Макария. За год перед этим (одна) очень близкая к нему помещица, благочестивая старушка Мария Михайловна Кавелина, подверглась сильной болезни, так что была на краю гроба. Между прочим по своей вере к старцу она просила его помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее жизни ради свидания с любимым своим сыном, оптинским иеромонахом, который был тогда в отлучке из обители. Старец сказал ей утвердительно: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе». Слова старца подтвердились. Бывшая в опасности умереть — выздоровела, но после того говорила близким: «Бойтесь моей смерти, с нею связана жизнь старца, вот что он сказал мне». Это предсказание

Преподобные Антоний, Моисей и старец Макарий. Литография по рисунку П. Ф. Бореля. Конец 1850-х — начало 1860-х годов. АОП

старца, вместе с другими вышеприведенными намеками на близкую его кончину, показывает, что ему было тайное от Господа извещение о времени его отшествия из этого мира. Кроме того, он часто говорил ученикам своим: «Пора, пора домой!» Но они не обращали на эти его слова особенного внимания, может быть отчасти потому, что мысль о смерти как одно из духовных деланий никогда не оставляла его. Некоторые же из братьев обратили внимание на следующее неожиданное обстоятельство. Внутри скита на юго-восточной стороне росли три вековые сосны — две от одного корня, а третья немного поодаль. Старец настоятельно сберег их от посещения, которому при разведении на этом месте сада подверглись другие росшие с ними деревья. Скитяне всегда между собою переговаривали так: «Эти три сосны — символ союза наших старцев; две от одного корня — напоминают родных братьев: отца архимандрита Моисея и отца игумена Антония, а стоящая поодаль — нашего батюшку отца Макария». Когда же летом без всякой видимой причины эта последняя сосна внезапно засохла, вид ее наводил на скитян невольную грусть, причину которой каждый угадывал, но не хотел высказать, боясь быть предвестником общей скорби. Когда же старец заболел, братия уже открыто стали сообщать друг другу, на какие мысли их невольно наводил вид этого засохшего дерева, которое, будучи сперва обязано старцу сохранением от посещения руками человеческими, засохла потом по воле своего Творца, сделалось предвестником кончины своего благодетеля, старца Макария.

Теперь будем следить за состоянием здоровья старца по дням. 23 августа 1860 года вышеупомянутая старушка Кавелина скончалась. В здоровье

старца в этот день, кроме обычной по временам слабости сил телесных, ничего особенного не замечалось. Он даже настолько был бодр, что мог пойти в монастырскую гостиницу, где находилась умиравшая старушка, и присутствовать при блаженной ее кончине. Она скончалась, сидя в креслах, через четверть часа после принятия Святых Христовых Таин, сказав бывшему при ней своему духовнику: «Такой радости и сладости, какую я теперь ощущаю, нельзя выразить никакими словами». Проследившись при этом, старец назвал эту тихую, наподобие угасавшей свечи, кончину «преподобнической», примолвив: «Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную».

25 августа батюшка Макарий имел возможность выйти в облачении вместе с другими на погребение старушки. Вечером того же дня, накануне празднования Сретения чудотворной Владимирской иконы Божией Матери, старец, который особенно чтит эту икону, как и его предместник, старец и вместе духовный друг и спостник иеросхимонах Леонид, по обычаю своему, как и в прежние годы, отправил в честь ее в своей келье с несколькими близкими своими учениками всенощное бдение и отошел ко сну в здоровом состоянии духа и тела, преподав им предварительно обычное благословение. Ученики разошлись с миром по своим кельям, не имея, по-видимому, никаких причин ожидать той скорби, которую породил наступивший день.

Двадцать шестого числа, на самый праздник, в пятницу, собираясь к обедне, старец вдруг почувствовал припадки болезни мочезадержания и ее последствия, на которую, впрочем, жаловался иногда и прежде. В обители в это время случился городской белевский врач господин Базелев, который, будучи

приглашен к больному, тотчас оказал ему первоначальную помощь, но, к сожалению, не мог остаться на некоторое время при старце для наблюдения за действием данного лекарства. К вечеру того же дня, когда больной стал чувствовать себя хуже, он благословил находившегося при нем иеромонаха Леонида (Кавелина) согласно последнему предложению съездить в находящееся близ Оптиной пустыни имение князя Д. А. Оболенского и пригласить домашнего его врача, но, к крайнему прискорбию, иеромонах не застал его у князя: врач уехал несколько дней тому назад на свою родину. На обратном пути через город Козельск, заехав к козельскому городскому врачу господину Б-ву, отец Леонид получил у него необходимые советы, которые по возвращении его в обитель и были немедленно приведены в исполнение.

Двадцать седьмого, суббота. Особенного облегчения от лекарственных пособий не виделось. Вечером исповедавшись, старец в следующий день после ранней обедни причастился Святых Христовых Таин и предал себя в волю Божию.

Тридцатого, вторник. В шесть часов утра старец опять причастился в келье Святых Христовых Таин во время ранней обедни. Вслед за этим, по его собственному желанию, совершено было над ним Таинство Елеосвящения, которое совершал игумен Антоний с шестью иеромонахами. Несмотря на то, что по слабости сил старец не мог в это время не только стоять, но и сидеть и потому возлежал на одре, он все-таки сказал, чтобы певчие пели все положенное пение великопостным напевом, и даже сам двукратно голосом напоминал им этот напев. Вслед за Таинством началось трогательное по своей знаменательности прощание больного с братьями.

Старец преподавал всем им прощение, смиренно в то же время испрашивая его у них и себе самому. Хотя он и во все предшествовавшее время болезни был бодр духом, но после совершенного над ним Таинства святого Елеосвящения заметно еще более укрепился духом и телом. С поразительным спокойствием, ясностью ума и твердостью воли он сделал необходимые распоряжения на случай своей кончины до малейших подробностей. Благословлял всех приходивших и, утешая скорбных учеников своих словом и делом, оделял их образками, четками, книгами и тому подобными видимыми знаками своего отеческого к ним благоволения.

Следующий день — 31 августа — был для оптинцев одним из дней надежды. Старец был совершенно покоен духом и беседовал с приходившими к нему. Замечательно только было, что преподавал

он им духовные наставления кратко и выразительно, так что каждый вопрошавший, несмотря на спокойствие старца и возбуждаемую этим в окружавших его надежду, невольно чувствовал, что это наставление последнее, что недалек день и час, когда эти всегда благоглаголивые уста сомкнутся навеки, и потому, выходя из всегда поучительной

кельи старца под влиянием такой мысли, плакался горько. Приближенные ученики его, не обманывая себя относительно положения больного, спешили воспользоваться казавшейся бодростью его сил для испрошения решения вопросов, которые для каждого из внимавших себе могли быть названы вопросами жизни. Например, к кому благословит он относиться духовно после его кончины, как поступить в том или другом предстоявшем случае иноческого

*Преподобный Моисей
Оптинский на смерт-
ном одре. Литография.
Середина XIX века. АОП*

пути. И старец невозбранно, ясно и спокойно удовлетворял сим вопрошениям, конечно и сам сознавая, что дни его уже сочтены перед Господом. На вопрос учеников: «Как нам быть без Вас, батюшка?» — старец указал им в Алфавитном патерике ответ аввы Исаака на точно такой же вопрос его учеников. Там написано: «Сказывали об авве Исааке — когда он был близок к преставлению, собрались к нему старцы и спросили: что мы будем делать без тебя, отче? Он же сказал: вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей, не пребудете на месте сем. И мы также скорбели, когда отходили от нас ко Господу отцы наши; но, соблюдая заповеди Господни и заветования старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы — и спасетесь»¹.

Это предречение старца Макария — «не пребудете на месте сем» — кажется, прежде всего касалось нового скитона начальника, который по своей еще небольшой опытности в жизни духовной имел неосторожность после кончины старца Макария несколько уклониться от его старческих заветов и потому в непродолжительном времени под предлогом повышения по воле высшего начальства выведен был из скита в иной монастырь с возведением его в сан игумена. Выходили, кроме его, из скита со временем и еще некоторые иноки.

1 сентября. Болящий имел утешение видеть в своей келье боголюбивых старцев — настоятеля обители архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу игумена Антония; долго беседовал, особенно с первым; причем они преподали друг другу взаимное прощение и благословение. Проникнутый

¹ Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцев. С. 115. — *Примеч. авт.*

чувством горести о предстоявшей потере, отец архимандрит выражал это чувство многим из посетителей обители смиренными словами: «Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного старца, а у меня духовного друга и мудрого советника». А игумен Антоний, неоднократно и после навещавший старца, лишь плакал и молился, как и многие другие. В монастырских церквях множество спешно прибывших с разных сторон лиц обоего пола и всех сословий, пользовавшихся духовными наставлениями старца, беспрерывно служили молебны и, проливая горячие слезы, усердно молились Господу о его выздоровлении. А в промежутках церковных служб они стояли у скитских ворот, жажда услышать от выходивших из них благую весть о состоянии здоровья старца, готовые поверить всякому слову надежды. В течение всего этого дня братия, как скитские, так и монастырские, невозбранно входили к старцу получать от него благословение и последние наставления.

Сентября второго числа приехали ожидаемые старцем племянницы его, инокини Севского женского монастыря. А после полудня одна из преданных духовных дочерей старца¹ по первому известию о болезни его прибыла из Москвы и привезла ему от митрополита Филарета драгоценный дар — финифтяную Владимирскую икону Божией Матери и не менее драгоценное обещание молиться о нем ко Господу Сил. Другая боголюбивая особа прислала старцу свою семейную святыню — крест с вложенной в него частицей Животворящего Древа Креста Господня. Надо было видеть, с каким умилением и духовным восторгом принял старец обе эти святыни и с каким радостным видом показывал потом посещавшим его дар глубокоуважаемого

¹ Наталья Петровна
Киреевская.

и сердечно чтимого им архипастыря — икону, висевшую на груди его вместе с упомянутым крестом.

3 сентября, после скитской обедни, старец причастился Святых Христовых Таин, которые принесены были ему из церкви.

В следующий день, 4 сентября, чувствуя ослабление сил, старец принимал весьма немногих. Статс-секретарю князю Д. А. Оболенскому, нарочно приехавшему со своим семейством и с графиней Протасовой узнать о его здоровье, выслал из своей образной кельи через иеромонаха Леонида на благословение икону, которую благочестивый князь принял с благоговением, как последнее благословение отходившего из этого мира подвижника. После вечерни, часов в восемь, больной пожелал еще причаститься и принял Святые Тайны уже сидя в креслах. Несмотря на страдальческое свое положение, старец, как духовный воин Христов, до конца жизни не оставлял своего иноческого оружия — молитвы. Тихие восклицания: «Мати Божия! Спаситель мой!» — сопровождали почти каждый болезненный вздох его. Во все время болезни умиравшего ходившие за ним братья вычитывали для него своевременно положенные скитские молитвенные правила, которые он выслушивал с глубоким вниманием и умилением. Также просил близких учеников своих читать некоторые назидательные статьи из творений святых отцов, духовнопомазанное слово которых составляло его ежедневную духовную пищу. Последние из читанных для него статей были: Слово святого Кассиана к Леонтину игумену и главы святого Иоанна Карпафского². Между прочим, старец объявил окружающим его, что лекарства ему наскучили и он более принимать их не будет.

² Статьи эти в славянском «Добротолубии», в 4-й части. — Примеч. авт.

Пользовал старца в продолжение многих лет главным образом окружной врач Иван Львович Плетнер, не православный, а, кажется, или католик, или, может быть, лютеранин. Нужно было подать больному при мочеудержании помощь, на что сам старец сначала не соглашался и, только уступая усиленным просьбам окружавших его близких учеников, не мог с ними не согласиться. Однако действие врача было неудачно. Между тем старец испытывал жесточайшую боль. Впрочем, какого числа это было, положительно сказать нельзя.

5 сентября, понедельник. По совету медика больной перенесен был из своей тесной опочивальни в соседнюю с ней приемную комнату и положен, по собственному его желанию, на полу. Этим, кроме большего простора для прислуживавших и пребывания в более чистом воздухе, старец доставил и утешение братии и посторонним посетителям: они могли хоть через окна наглядеться в последний раз на отходившего от жизни своего любвеобильного отца. В наступившую ночь с понедельника на вторник скончался в монастыре схимник Иларион, старец лет девяноста¹. После утрени по обычаю троекратный в монастыре редкий удар в большой колокол известил братию об отшествии в вечность одного из среды их. Этот унылый и протяжный звон, внезапно раздавшийся среди ночной тишины, тяжело отозвался в сердцах народного множества учеников и учениц старца, наполнявших все монастырские гостиницы. Они думали, что слышат весть о кончине их отца и благодетеля, и, встревоженные этою мыслью, бежали в беспорядке к скитским воротам, которые оказались запертыми. Смятение это, впрочем, продолжалось лишь несколько минут и было успокоено вестью из монастыря, что умер иной старец.

¹ Схимонах Иларион, в монашестве Иоанникий (Родионов; † 06.09.1860).

Шестое число, вторник. С наступлением утра появилось у старца занятие духа — прежняя всегдашняя его болезнь, что уже само по себе составляло худой признак. После поздней обедни он причастился Святых Христовых Таин. Утром того же дня приехали к больному, кроме своего, козельского, еще два медика, привезенные настоятелем Малоярославского Черноострожского Николаевского монастыря архимандритом Никодимом по собственному его усердию к старцу, но уже было поздно. Им выпало на долю, расспросив о ходе болезни, лишь подивиться доблественному терпению духовного воина Христова, который укреплял себя памятью страданий святых мучеников, ограждаясь крестным знамением; принимал самые горькие врачевства, страдал — и молчал или тихо стenal и вместе молился.

К вечеру того же дня больному сделалось значительно хуже, и потому он пожелал вторично приобщиться Святых Таин и приобщился в восемь часов, сидя в креслах, после чего страдания его несколько уменьшились. Около полуночи потребовал он своего духовника и после получасовой беседы с ним, получив его напутственное разрешение, просил прочесть отходную, которую слушал сидя. Затем, по желанию и просьбе больного, прочитаны были с вечера канон и акафист Божией Матери, а во время утрени канон и акафист Сладчайшему Иисусу, причем замечено было, что во время чтения страдания не только уменьшались, но и совершенно прекращались. Больной часто обращал слезящий умильный взор свой то на стоявшую против его ложа на століке икону Спасителя в терновом венце, восклицая: «Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!» — то на особенно чтимую им Владимирскую икону Божией Матери, говоря: «Мати Божия! Помози мне!» — или,

простирая безмолвно руки к Царице неба и земли, молился о скорейшем разрешении от телесных уз. Страдания от занятия духа продолжались всю ночь. Больной при помощи ходивших за ним братьев то подымался, то опять ложился, то просил посадить его в кресла, но в духе был совершенно спокоен и тих, как дитя у груди матери, выражая благодарность за попечение о нем окружавшим его то нежно-отеческим взглядом, то благословением, то безмолвным пожатием руки и слезами. Так наступило утро того дня, в который Господь благоволил поять к Себе душу верного раба Своего.

7 сентября, среда. День предпразднства Рождества Божией Матери, к Которой старец, как и все православные подвижники, питал глубокую сердечную веру, выражая ее постоянно призыванием всесвятого Ее имени, чествованием Богородичных праздников, келейными всенощными бдениями в честь некоторых икон Пресвятой Богородицы и, наконец, неопустительным чрез всю пятидесятилетнюю иноческую жизнь чтением в честь Ее ежедневных канонов и в положенные дни — акафиста. В шесть часов утра в последний раз старец удостоился приобщиться Святых Таин — Тела и Крови Христовых, которые в этот раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. После причащения произнес он троекратно с воздвижением рук горé: «Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш!» И это были последние его слова. Почти через час после этого, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на девятой песне, старец предал свою праведную душу в руке Божии, окруженный сонмом своих близких учеников и других преданных ему особ, проводивших при нем

бессонные ночи при неиссякаемых источниках слез. Кончина старца была мирна и тиха, проста и вместе величественна, как и вся жизнь его, угасшая, словно вечерняя заря светлого дня, оставив в сердцах преданных ему глубокую ночь печали.

Тотчас по кончине старца по обычаю пропет был установленный Святой Церковью канон по исходе души, и тело его честно опрятано было руками близких его учеников; причем, согласно завещанию усопшего, возложена была на него освященная на Гробе Господнем схи́ма, привезенная ему в дар в 1859 году из святого града Иерусалима бывшим и служившим некое время в Иерусалимской миссии иеромонахом Леонидом (Кавелиным). При вести о кончине старца-подвижника кельи его наполнились разного рода людьми, по просьбе которых началось тотчас, одна за другой, непрерывное служение панихид, которое продолжалось как до выноса тела почившего в церковь, так и после выноса. Церковь скитская, бывшая во все время жительства в скиту старца предметом его особого попечения, куда поэтому преимущественно обращалось усердие и всех духовно относившихся к старцу, была убрана с особой заботливостью и тщанием, как в Светлый праздник. Ярко пылали многочисленные свечи, возжигавшиеся приходившими помолиться о упокоении души старца посетителями. Сквозь дым кадильного фимиама виднелся гроб, усердием одного христолюбца обитый бархатом, а усердием прочих духовных детей старца покрытый дорогой парчой. Тотчас после переноса тела в церковь прежде всего совершена была по усопшему соборная панихида игуменом Антонием с шестью иеромонахами. Затем панихиды сменяли одна другую до глубокой ночи. Все теснились к дорожному гробу, чтобы

поклониться святолепно возлежавшему в нем покойнику. Надгробное рыдание сливалось с надгробным пением. Слезы искренней любви орошали дорогие останки дорогого старца. Это был праздник веры, исполнение еще в этой жизни обетования Господня воздать каждому по делам его.

Восьмое число, четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Поздняя обедня была в монастыре, а в скиту — ранняя, после коих панихиды продолжались непрерывно и в скиту, и в монастыре до конца дня.

Девятое число, пятница. Празднование памяти святых Богоотец Иоакима и Анны. В монастыре было бдение (по случаю храмового праздника во имя святой праведной Анны), а в скитской церкви одна лишь ранняя литургия соборная с панихидой. В этот же день, к великому утешению всех скорбевших о кончине старца, получено было письмо Московского митрополита Филарета. Оно было написано святителем, когда еще слух о кончине старца не успел дойти до него, и служило ответом на уведомление о его болезни, полученное владыкой от одной боголюбивой особы. Письмо это для всех почитателей покойного старца было и будет незабвенным памятником великой благосклонности к нему митрополита, который так писал: «Мир Вам от Господа! Что скажет немощный духом, смотря на подвижника, страждущего телом, но не изнемогающего духом? Потерпи Господа, отче, мужайся, и да крепится сердце твое. Но, Господи, аще и не подвизавшихся и прещения достойных милуеши, облегчи подвизавшегося Тебе ради. Если и праведно ему желати разрешитися и с Тобою быти, но и еще пребыти во плоти не благопотребно ли есть многих ради? Призри на сих и еще даруй им его. Обаче

Ты Един веси лучшая и даруеши полезнейшая. Твоя да будет воля, и Тебе слава во веки. Аминь. 7 сентября 1860 года».

Той же почтой получено было письмо лечившего старца медика (вероятно, Плетнера) к одному из скитских отцов. Оно тем замечательнее по своему содержанию потому, что писавший не принадлежал к Православной Церкви. Пораженный крепкодушным терпением мучительных страданий старца, врач писал: «Только теперь могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел; а восемнадцать лет знакомства, кажется, могли открыть глаза. Вот как трудно видеть совершенство; а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека... Представьте себе теперь мое положение: увидеть человека таким, каким он должен быть. Я чувствую себя нездоровым. Так нечаянно увидеть живой образец человека потрясло меня. Ах! Почему прежде Вы не открыли мне глаза? Теперь я страдаю. Сохрани, Господи, нам жизнь отца Макария. Но сердце говорит, да и ум, что такой человек есть жилец другого мира, — мы недостойны иметь его. 6 сентября 1860 года, вторник». Письмо это, как показывает выставленное число, писано было накануне дня кончины старца Макария.

Не упустим без внимания и следующего обстоятельства: бывший управляющий канцелярией Святейшего Синода Петр Иванович Саломон (впоследствии член Государственного Совета, действительный тайный советник) поступил под духовное руководство старца иеросхимонаха Макария года за два до его смерти. Весной 1860 года Петр Иванович по особому поручению правительства

*Митрополит
Московский Филарет
(Дроздов). Художник
Н. Д. Шпревич. 1861.
ЦАК МПДА*

командирован был за границу, в Палестину, где и пробыл все лето. Возвращаясь в начале сентября в Россию, он не мог знать о болезни старца, так как болезнь эта была нечаянная и, можно сказать, скоропостижная, а отъезжая из Оптиной, при прощании со старцем Петр Иванович оставил его с обычным здоровьем, потому и вообразить не мог чего-либо относительно его кончины. «7 сентября утром (день и час кончины старца Макария), — рассказывал Петр Иванович, — когда мы на пароходе по Черному морю приближались к Одессе, я заснул легким сном. И вдруг представилось мне что-то вроде торжественной процессии: проходило мимо меня множество иерархов, и все они были в полном монашеском одеянии. Но хотя они одеты были в мантии, однако чувство сердца говорило мне, что этот бесконечный ряд монахов, проходивших мимо меня чинно, тихо, безмолвно и вместе величественно, был ряд не простых монахов, но что все они были святые иерархи. Между ними увидел я и батюшку отца Макария, также в мантии, и с удивлением подумал: как это в иераршеском сонме святых мужей явился отец Макарий? Видение это так врезалось в моей памяти, что я никак не мог забыть его, хотя и не понимал, как это и почему пустынный иеромонах явился в лике почивших святых иерархов». Сновидение это стало понятно Петру Ивановичу, когда он уже приближался к Оптиной пустыни и находился от нее в тридцати верстах. Тут он с глубокой сердечной скорбью услышал о кончине многолюбимого им батюшки Макария и что она последовала в тот самый час, когда он в тонком сне на пароходе, еще не видя берегов своего отечества, видел старца, куда-то мимо него проходившего в сонме почивших иерархов.

ГЛАВА 22

**Перенесение тела почившего о Господе старца
Макария из скита в монастырь и погребение.
Поминальная трапеза. Сочувственные письма
почитателей старца о потере его**

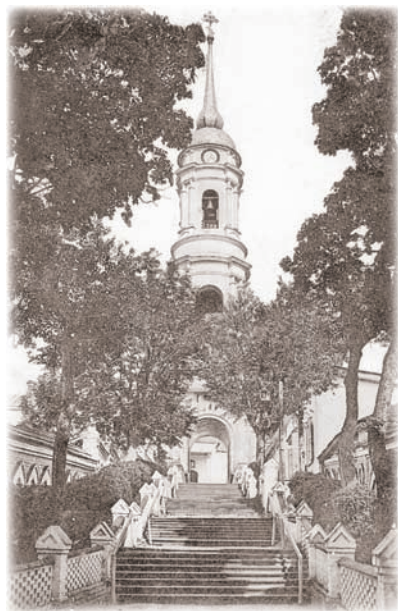
Тело почившего о Господе старца Макария 9 сентября в два часа пополудни перенесено было из скитской церкви в монастырь. Пространство между монастырем и скитом немного больше одной четверти версты. Перед выносом покойного из храма совершена была над гробом его панихида одним из его учеников, настоятелем Калужской Тихоновой пустыни отцом строителем Моисеем¹, соборно, со всеми скитскими иеромонахами. Вся церковь и пространство от нее до Святых ворот скитских занято было народом, прибывшим в Пустынь большей частью издалека, по чувству любви и усердия к памяти своего духовного отца, наставника и благодетеля. Безмолвно, печально,

¹ Иеромонах Моисей (Красильников), впоследствии архимандрит. В Оптиной с 1835 года. В 1858 году переведен в Тихонову пустынь и назначен строителем. Скончался в 1895 году.

обнажив головы, посетители, разместившись по обеим сторонам дорожки, ждали выноса тела. Многие из них тихо плакали, но все в душах своих ощущали, что естественное чувство печали и сожаления об усопшем невольно растворялось чувством упования на милость Божию к нему. Ибо все присутствовавшие знали, что в этом бездыханном теле обитала чистая, любвеобильная, святая душа, что почивший не был скуден духовных дарований и плодов Духа Святого, указанных Апостолом: любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия, веры, кротости и воздержания (Гал. 5, 22–23), что поистине он был *земный Ангел и человек небесный* и, как верный раб своего Владыки Господа, не скрывал вверенных ему талан-

тов, с усердием, до конца дней своих послужив духовной пользе всех желавших и искавших ее.

По выносе тела покойного из храма в последний раз отслужена была здесь обычная, так сказать, прощальная лития, и шествие направилось к предназначенному месту. На пути же от скита до монастыря шесть раз останавливались для пения литий. У восточных монастырских ворот погребальный одр встретил настоятель обители, маститый старец архимандрит Моисей, в облачении, со всеми иеромонахами и братией. С чувством умиления взирая на приближавшееся со стороны скита погребальное шествие в сопровождении более чем тысячи пяти-сот человек, архимандрит сказал окружавшим его: «Это что-то необычайное! Восемьдесят лет живу на свете, а не видал таких светлых похорон. Это более походит на перенесение мощей, нежели

*Оптина пустынь.
Святые ворота.
Открытка. АОП*

на погребение». Здесь также отпета была настоятелем со всем многочисленным собором присутствовавших тут иеромонахов последняя лития, и гроб отнесен был в церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Незадолго перед этим, кстати, церковь эта украшена была стенной живописью с обновлением позолоты особенным усердием преданных старцу Макарию людей и под непосредственным его наблюдением. Гроб по обычаю поставлен был против Царских врат главного престола, и тотчас опять начались беспрерывные панихиды, которые продолжались даже и в то время, когда в главном Введенском соборе отправлялось всеобщее бдение в честь Коневской иконы Божией Матери¹. Вокруг возлежавшего в гробе покойника курился фимиам и ярко горело множество свечей. Но, говоря словами нашего знаменитого церковного витии, сердца молившихся горели яснее свечей: пламень их достигал до неба, а воздух вокруг гроба трепетал от гласа непрестанных молитв и воздыханий, орошался дождем слез, проливаемых от чистой любви и усердия к почившему.

Так наступило 10 сентября, день погребения почившего. Утром в четыре часа совершена была в Казанской церкви ранняя литургия игуменом Антонием соборно; а в половине девятого им же перенесен был гроб с останками старца во Введенский собор. Несмотря на то что в течение трех предшествовавших дней погода стояла теплая, совершенно летняя и гроб до самого опускания в могилу окружен был народом, среди которого была усиленная теплота, он нисколько не издавал мертвенного запаха, что замечено было всеми присутствовавшими. В девять часов началась в соборе поздняя литургия, которую совершал архимандрит Моисей

¹ В Оптиной пустыни издавна введен устав Коневской обители. — *Примеч. авт.*

с шестью иеромонахами. Непосредственно за обедней последовало отпевание усопшего, совершенное также архимандритом Моисеем. С ним в сослужении были: четырнадцать иеромонахов, монастырских и скитских, в том числе и настоятель Калужской Тихоновой пустыни отец строитель Моисей, два протоиерея, козельский и белевский, и четыре сельских священника. Долго затем длилось прощание с дорогим покойником. Всякому желалось отдать последнее целование тому, кто при жизни, по Апостолу, *был всем вся, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9, 22).

По выносе тела из собора тотчас против дверей его по обычаю совершена была лития; затем гроб принесен был к западным дверям Казанского храма, где также отправили литию; далее шествующие направились по южной стороне этой церкви и остановились против главного алтаря ее, еще почтили покойника литией. Наконец гроб принесен был и к уготованной для него могиле, которая находится против южного придельного алтаря Введенского собора, по правую сторону склепа, в котором положено было тело иеромонаха Леонида (в схиме Льва), духовного друга и спостника старца Макария. Вместе они жили и подвизались, вместе и похоронены. Кроме сходства между ними, в духе учения их обоих замечательно, что тот и другой окончили свое жизненное поприще на семьдесят втором году от рождения¹, понесши благое иго Христово в монашестве почти равное число лет (сорок шесть и сорок пять). Отслужив последнюю перед самым преданием тела земле литию, опустили гроб в могилу. Когда же певчие запели: «Зряще мой гроб, поминайте мою любовь», все присутствовавшие прослезились, а многие и рыдали, вспоминая

¹ Старец и настоятель Молдавского Нямецкого монастыря Паисий Величковский также скончался на семьдесят втором году своей многотрудной жизни. — *Примеч. авт.*

любовь старца, обильно изливавшуюся на всех, кто когда-либо относился к нему за советом, решением недоумений, утешением в скорбях. Многие же из здесь стоявших, как дети, лишившиеся любящего отца, теряли в старце духовную опору в своей жизни, ибо Апостол сказал: *аще бо и мнози пестуны имате о Христе, но не мнози отцы* (1 Кор. 4, 15). Да и все ли отцы бывают столь любвеобильны, как был этот незабвенный отец и наставник? Между тем при погребении старца случилось и одно неприятное обстоятельство, которое, впрочем, послужило уроком виновному и было причиной прославления самого старца. Козельский мещанин Дмитрий Никитич Чурилин, уже много лет живший по найму в Оптиной пустыни в числе рабочих по каменной и граборской² части, в день похорон работал в могиле, закладывая свод склепа над гробом покойника. Братия, отправив погребение, по обычаю отправились в трапезу, а мирские посетители, и в особенности духовные дети почившего, преимущественно из монахинь, все еще не отходили от могилы своего нежно любимого отца, и некоторые из них, как обыкновенно бывает при погребении, бросали в могилу горсточку земли. Одна из монахинь, в слезах, не обратив внимания, вместе с землею захватила и камешек и, бросив в могилу, попала Чурилину в голову. Тот, не разбирая правых и виноватых, избрал стоявших около могилы непристойными словами. Монахини, как дождь, хлынули от могилы, а Чурилин в ту же минуту почувствовал боль в руке, как будто ее обожгло. Боль эта с каждым часом стала у него усиливаться, так что он вынужден был оставить свою

*Некрополь Оптиной
пустыни. Часовня
на могиле старца
Макария. Фотография.
1868. ЦАК МПДА*

² Грабор — землекоп.

работу. Приключившуюся таким образом болезнь Чурилин попросту называл «волосатиком». Она ни днем ни ночью ни на минуту не давала ему покоя. Палец на руке гнил, и кость в пальце разъедалась. Через некоторое время она стала как будто раздробленная молотом, и из раны начали вываливаться осколки. Врачебные средства не помогали. Некоторые из братий, как то иеромонах Мелхиседек (скончавшийся в 1870 году), еще в начале его болезни советовали ему обратиться с испрошением прощения в своем проступке к покойному старцу Макарию и помазать больное место елеем из лампы, горевшей на его могиле, в надежде на его молитвенную помощь. Но Чурилин, по неразумию своему, ответил однажды так: «Я же лучше помажу маслом из лампы от чудотворной иконы Казанской, а то что мне поможет отец Макарий?» Может быть, он и исполнил свои слова, но за такой горделивый ответ и презорливое¹ отношение к почившемуся всеми старцу болезнь его не только не уступала, но еще больше усиливалась. Он стал ходить уже с подвязанной рукой; и болезнь длилась уже недель восемь или десять. Братия опять стали ему советовать обратиться за помощью к почившему старцу. И, веря или нет, но уже проученный жестоким уроком неверия, сходил он к могиле старца, несколько раз поклонился перед ней, испрашивая у старца прощения в грехе своем, и лишь только потер свой больной палец землей с могилы покойника, как тут же почувствовал большое облегчение своей нестерпимо острой боли, которая затем постепенно и совершенно утихла, а вскоре Чурилин и совсем выздоровел и опять по-прежнему в Оптиной пустыни работал по найму, хотя с искривленным пальцем.

¹ Пренебрежительное
(церк.-слав.).

Но обратимся к главному повествованию. В память общелюбимого старца батюшки Макария от его почитателей, пожелавших остаться неизвестными, пожертвована была достаточная сумма денег для учреждения трапезы как для братии монастырской, так и для всех присутствовавших при его погребении посетителей, более чем на тысячу человек. Причем не забыты были и нищие братья, которых, кроме названного числа посетителей, было до семисот человек. И они собрались помолиться о упокоении души своего великого благодетеля, который при жизни никогда не забывал указывать на них желавшим подвигами милосердия заслужить блаженство милостивых или загладить многое в рукописании прегрешений своих. Трапеза в память почившего старца была поистине вечера любви, ибо за ней соединились люди всех сословий: иночествующие и миряне, знатные и простые, богатые и убогие, сошедшись в пустынную обитель без зова и приглашения из городов и весей, связанные между собой лишь единением любви и усердия к отошедшему от мира сего подвижнику Христову. Не так ли и при жизни старца, в течение более чем двадцати лет, видели его то в гостинице, то у скитских ворот, окруженного людьми обоих полов, всех сословий и возрастов, жаждавших услышать слово спасения из благолаголивых уст его?

Забота об угощении всех посетителей возложена была на старшего настоятельского келейника, рясофорного монаха Павла², который впоследствии рассказывал следующее: «На мне лежала обязанность смотреть за всею настоятельской келейною и за многими общими монастырскими распоряжениями, а также и на всех гостиницах. Народу всякого звания, пола, возраста и нищих было

² Рясофорный монах Павел (Туленков; † 1872), впоследствии иеросхимонах Порфирий. Переведен в 1863 году в келейники епископу Калужскому и Боровскому Григорию (Миткевичу).

множество. Монастырь битком был набит посетителями; а требовалось, чтобы всякий был угощен и успокоен. Просто голова моя пошла кругом. Тут уж ни сон, ни еда не шли на ум. Помощников требовалось много, и чтобы все они были люди благонадежные и знающие дело; а откуда их взять — не виделось. Однако, утомившись, я все-таки заснул часа на два. Вдруг явился мне во сне покойный батюшка в рясе и камилавке, стал меня благословлять, придерживая несколько мою руку в своей, и говорит: „О чем ты тужишь? Помощников не имеешь? Бог пошлет людей для исполнения; только смирайся“. Проснувшись, я уже был спокойнее духом. И удивительно! Все время этой никогда еще здесь не бывалой суматохи прошло так хорошо, так успокоительно для гостей и для служивших, что и с лучшими официантами того ожидать было трудно. Смотря на все это, нельзя было не видеть, что батюшка сам невидимо везде тут был и распоряжался».

Подобные успокоительные сны были и еще двум инокам: булочнику и гостиннику. В день погребения старца Макария, когда готовился для братии и посетителей обед, старшему булочнику отцу Косме¹ велено было приготовить пироги. По великому усердию к почившему старцу отец Косма всеми силами старался исполнить порученное ему дело как можно тщательнее и так утомился, что, болея всем телом и духом, едва добрался до постели и заснул. Но вот во сне является ему покойный старец и благословляет утомленного труженика. От этого утрудившийся отец Косма вместо утомления и уныния исполнился великой радости.

Гостинник монах Дометий² рассказывал следующее: «В день погребения старца мне было столько

¹ Рясофорный монах Косма (Пожидаев), впоследствии иеродиакон Кирилл († 1872).

² Рясофорный монах Дометий (Лисовский; † 1865).

заботы, хлопот и скорби, что не помню, было ли когда подобное со мною прежде. Болезнование о потере дорогого старца, множество требовавших ухода приезжих, из которых одно издалека приехавшее благородное семейство за недостатком помещения на монастырской гостинице отправилось в город Козельск с крайним на меня огорчением, непрерывная среди народа суета — все это сильно потрясло меня и душевно, и телесно. Освободившись несколько от суеты, уже на другой день после обеда прилег я на кровать в столовой комнате, задремал и вижу во сне, будто подходит ко мне батюшка Макарий. Сначала я его не узнал и подумал: что это за монах? Но потом, взглянув в лицо, воскликнул: „Батюшка! Простите меня, что я так небрежно встречаю Вас в постели; я не ожидал Вас. Простите!“ Батюшка будто говорит: „Ничего, ничего, не беспокойся. Я зашел сюда нарочно навестить моего духовного сына“. Я просил его благословения, и он благословил меня. Когда он стал уходить, я догнал его у двери и еще просил его благословения, и он еще благословил меня. Проснувшись, я во весь этот день, и даже на другой, так был спокоен и такую ощущал в сердце радость, что и пересказать не могу. И думалось мне, что это была, по молитвам старца, особая ко мне милость Божия за понесенные мною труды и скорби».

В день погребения, пока посетители в память боголюбивого старца подкреплялись пищей вещественной, свежая могила его, после завершения свода над гробом, уже засыпалась землей, и едва успели засыпать, над ней снова слышалось

*Некрополь Оптиной
пустыни. Часовни
на могилах старцев
Макария и Амвросия.
Фотография.
Конец XIX — начало
XX века. РГАЛИ*

надгробное пение с его конечным «Вечная память!». Вечная память, повторим и мы, в сердцах наших тебе, наш любвеобильный отец и великий благодетель душ наших! Никаких слез не достанет оплакать эту потерю нашу.

Вскоре по кончине старца составлена была вышеупомянутым скитским иеромонахом Леонидом (Кавелиным) брошюра под заглавием: «Последние дни жизни Оптинского старца иеросхимонаха Макария». Благодаря усердию одной благотворительной особы брошюра эта была отпечатана и прислана в обитель к сороковому дню памяти старца. При помощи этой брошюрки и рассылавшихся в свое время писем весть о кончине старца скоро проникла в самые отдаленные места. Вследствие чего получено было в Оптиной пустыни немало писем, выражавших одно общее чувство — глубокую скорбь о потере дорогого старца. Из них предлагаем здесь вниманию благочестивых читателей три письма, как наиболее замечательные и по верности взгляда на духовные заслуги почившего, и по искренности и силе чувства.

1. Письмо Калужского епископа Григория, находившегося в Санкт-Петербурге по случаю присутствия в Святейшем Синоде, к настоятелю Оптиной пустыни: «Высокопреподобный отец архимандрит Моисей, возлюбленный о Господе брат! Великое лишение судил Господь обители Вашей и благоговейным читателям оной чрез воззвание достопочтенного старца Макария. Но, видно, совершилась свыше предопределенная ему чреда служения на земном поприще. Прискорбно отнятие такого благого сочлена и такого благого сотрудника Вашего; но благословенно распоряжение Господне,

благоволившее призвать его к покою. Жизнь и кончина преставленного дают отрадное упование, что по имени его и жребий его новый блажен. Ибо *блаженны мертвыи, умирающие о Господе* (Апок. 14, 13). А за сим должно надеяться, что и попечение его об обители не совсем прекратилось; только бы насельники оной не уклонялись от пути, по которому шествовал он и старался вести послушных ему. Призывая благословение Господне на Вас и на сотрудников Ваших, обитателей скита и Пустыни, вседушно желаю, да сохранит Вас сила Божия в совершенном благополучии и да благоустроит во спасение труды Ваши; и с искренним уважением, при братской преданности, остаюсь Вашего Высокопреподобия усердным слугою, Григорий, епископ Калужский. 22 сентября 1860 года. Санкт-Петербург».

2. Письмо и. А.¹ к скитскому иеромонаху Леониду (Кавелину): «Вчера, в день кончины блаженного старца нашего Льва (11 октября), получил я от Вас уведомление о кончине батюшки отца Макария. Благодарю за уведомление Ваше Преподобие. Есть Вам о чем печалиться... Отец Макарий мог говорить от избытка горячего своего сердца, опираясь на свою опытность и добросовестность. Это был человек, воистину на благо рожденный. Он был нелицемерным и постоянным послушником и настоятеля, и всей братии, и всякого просящего у него помощи, соучастия и содействия. И болезнь его, конечно, была следствием его неусыпных трудов для ближних; а пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей — ко всякому скорбящему. Душевный слух его сто- рожил каждое слово, касавшееся Святой Церкви

¹ Можно думать: иеромонаха Антония (Бочкова), впоследствии игумена Черемнецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии, начавшего иноческую жизнь в оптинском скиту и бывшего очень близким к оптинским старцам и к обители. — *Примеч. авт.*

и отечества, горячо им любимого. Его радовало все, что прославляло Господа, и с детским веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не престал действовать к нашему спасению. Всякое сомнение в Промысле Божиим и в словах Священного Писания вызывало его на битву, на защиту Православия. Его неутомимые труды и заботы при издании творений святых отцов изумляли меня и даже ставили в какое-то недоумение. Батюшка составляет карту неба и научает нас безбедно плавать по житейскому морю. Но старец забыл, кажется, что корабли наши утлы и обременены грузом греховным. Может быть, это говорила мне моя леность; а он уповал на свою живость и на будущее поколение, ибо верил, что Господь силен и гору двинуть в море, и от камня сотворить чада Аврааму. Он тем более верил этому, что был легок, как птица, истончив тело свое всегдашним постом и бдением. И жизнь его как бы не нуждалась в животной пище, оправдывая слова при искушении (Господа), что *не о хлебе едином жив будет человек*¹. Но для чего это вам говорить? Вы были сами свидетелями его прекрасных дел, из которых многие уже позабыты мною. Но как теперь вижу, как он, бывало, не ходил, а летал, куда позовут его, и разносил своим гостям небесные дары утешения и поучения. По своей доброте и неосуждению (ближних) он не хотел знать, что у него могли быть завистники и лицемерные друзья. Довольно! Не хочу каплями желчи огорчать ту чашу благословений, которая теперь возносится о нем... Благодарю еще раз, честнейший отец Леонид, за ответ Ваш. Без Вас я бы доселе был в неизвестности о кончине батюшки отца

¹ Лк. 4, 4.

Макария. Хотя получил впоследствии два уведомления, но все по слухам. И. А. — Т[ихвин]. 12 октября 1860 года».

3. Письмо иеромонаха Ювеналия (бывшего впоследствии архиепископом Виленским), находившегося в Иерусалимской миссии, вероятно к тому же иеромонаху Леониду (Кавелину): «Глубоко поразило меня письмо Ваше от 10–12 октября. Благодарю Вас за немедленное извещение моего ничтожества; но и до сих пор не могу прийти в себя от скорби о кончине такой неожиданной, внезапной кончине святого отца нашего. Последнее письмо его ко мне было от 23 августа, а 7-го числа сентября и его самого не стало!.. Не могу себе представить скита без батюшки! Какая у вас теперь общая, глубокая, безотрадная скорбь! Кто может заменить незаменимого, полного такую всепокрывающую любовь, таким „горением сердца“ о всякой твари! Упокой, Господи, душу его в Царствии славы Твоей! Подлинно, заслужил он славу небесную презрением земной. И. Ю. Иерусалим. 30 октября 1860 года»².

4. [Ниже публикуем письмо, о котором упоминается в предыдущей сноске. — *Примеч. ред.*] «Премного, от всей души благодарю за присылку брошюры „Последние дни почившего о Господе старца, батюшки отца Макария“. Я прочел ее с душевным умилением, и неоднократно, тотчас после того, как дошла до меня весть о кончине батюшки, и по прочтении брошюры возносил теплые, слезные молитвы к нему о том, чтобы благоволил представительство за меня пред Престолом Всевышнего, которому теперь он предстоит вместе с сонмом Ангелов и святых!

² В прежнем издании жизнеописания старца Макария из сочувственных писем о его кончине почитателей его напечатано было четыре письма, но в теперешнем издании одно письмо опущено. Это потому, что в нем молитвенные слова, обращенные к прославленному Святой Церковью угоднику Божию преподобному Сергию Радонежскому: «Аще толик был еси, святче Божий, на земли, колики ныне на небеси» — применены и к старцу Макарию, хотя подвижнику, но еще не прославленному. Такое применение неправильно. Так смотрел на это в свое время и великий святитель Московский митрополит Филарет, что не подобает тако сему быть. — *Примеч. авт.*

Из сей книжицы видно (известное и прежде нам из других источников), что еще при жизни в блаженном старце просвечивал один из высших даров благодати Божией — прозорливость; это невольно заставляет меня вспомнить и применить к нему слова молитвы преподобному Сергию: „...аще толик был еси, святче Божий, на земли, колик ныне еси на небеси“. Итак, да послужит всем нам, почитавшим и благоговевшим пред батюшкой, утешением та мысль, что мы, по милости и благоснисходительности его к немощам человеческим, приобрели в нем нового теплого за нас ходатая и предстателя пред Господом, Которому, в лице духовных чад и почитателей, он столь ревностно и заботливо служил до конца многотрудной жизни. П. К. Санкт-Петербург, 3 ноября 1860 года».

ГЛАВА 23

Посмертные добродейства старца Макария некоторым из почитателей его через сновидения: исцеления, утешения, ободрения, обличения

Праведницы же во веки живут, — сказал Премудрый (Прем. 5, 15). И мы верим ему несомненно, ибо видим на деле, что отходящие в мир горний, в особенности близкие к нам подвижники Христовы, только телом отлучаются от нас, а духом пребывают с нами. Они являются многим, преимущественно имевшим и имеющим к ним любовь и усердие, и в доказательство истинности своего явления так или иначе благодетельствуют им. Приводим здесь несколько замечательных сновидений после кончины старца Макария некоторых из его почитателей.

Оптинскому монаху Акакию¹ поручено было очень трудное послушание. Он жил верстах в восьми от обители на монастырской даче², известной

¹ Монах этот впоследствии перешел в Коренную пустынь Курской губернии, где получил иеромонашество и был там долгое время духовником, там и скончался. — *Примеч. авт.*

Иеромонах Акакий (Сергеев; † 1891).

² Дача — удаленное монастырское владение.

под названием «Рыбная ловля», где, кроме рыболовства, по реке Жиздре и смежным озерам убиралось в летнее время по лугам много сена и имелось колод до ста пчел. За всем этим поручено было ему смотреть. И так как при обычных хозяйственных заботах отец Акакий и сам наравне с жившими при нем братьями и наемными рабочими нес великие труды, то и нажил себе из-за этого две грыжи, которые от повседневных неизбежных напряжений, а вместе и от долгого стояния на церковных богослужениях, когда он приезжал по праздникам или для говения в монастырь, все более и более увеличивались. Особенно одна, по выражению самого отца Акакия, иногда выходила наружу с кулак, наливаясь, как стекло. Тогда он падал на землю, не помня себя от боли. Болезнь его многим была известна, в особенности старцам — отцу Макарию, отцу Амвросию и отцу Пафнутию, скитона начальнику. В год кончины старца Макария, именно в декабре 1860 года, отец Акакий, намереваясь поготовиться к принятию Святых Таин Христовых, прибыл в монастырь и поселился, как обычно, в келье своего родного брата, монаха Каллиста¹, бывшего в то время помощником пономаря. В первый же день говения отец Акакий хотя чувствовал от грыж сильную боль, однако заставил себя отстоять всю утреню до конца. Но лишь только дождался он отпуста, как в тот же час последовал возглас иеромонаха на заупокойную обедню, которая, по усердию детей покойного старца, служилась в продолжение года по нем исключительно. Литургию эту отцу Акакию из-за дальности места и хозяйственных хлопот еще ни разу не приходилось слушать. Теперь давнее его сердечное желание помолиться за этой литургией о упокоении души своего любимого отца

¹ Монах Каллист (Сергеев), в 1863 году перешел в Курскую Коренную пустынь, где был рукоположен во иеромонаха. Был казначеем. Скончался в начале 1900-х годов.

и с минуты на минуту усиливавшаяся боль поставили его в крайне затруднительное положение. До четырех раз он пытался уйти в келью брата, который отдыхал у себя в ожидании второй ранней литургии как помощник пономаря, но опять и опять оставался в храме Божиим. Наконец невыносимая боль заставила его удалиться в келью, где брат встретил его укором — зачем ушел от батюшкиной обедни. Когда же больной объяснил причину, брат немедленно уступил ему свою постель, а сам лег на лежанку. Долго отец Акакий, болезнующий телом и духом, не мог успокоиться, наконец задремал и увидел знаменательный сон. «Будто я, — после рассказывал он, — у себя на „Рыбной ловле“. И вот пришли ко мне из скита отцы — Флавиан, Ювеналий, Сергей и Андрей (Глушков). Желая их угостить, будто пошел я половить для них рыбки, но на дороге боль от грыжи так крепко схватила меня, что я повалился на землю и от сильного страдания начал по земле валяться. Вдруг вижу, является батюшка отец Макарий, одетый в схиму, и спрашивает меня обычною скороговоркою: „Что ты делаешь? Что у тебя болит?“ А я, лежа на земле кверху животом, ответил: „Да вот, батюшка, пошел для ваших скитских монахов поймать рыбки, чтобы угостить их; а теперь (Вам известна моя болезнь) и дойти-то даже не могу, такая ужасная боль!“ — „Дай-ка я полечу, — сказал явившийся старец, — да только стерпишь ли, я семь раз буду давить. Зато, если не умрешь, грыжи никогда не будет“. — „Попробуйте, батюшка!“ — ответил я ему, лежа на спине. Старец ухватил меня за живот и пальцами своей руки начал давить мне под левое ребро. Каждый раз, надавливая, он считал: раз, два, три и далее до семи. В это время от жесточайшего,

невыносимого страдания я метался туда и сюда, кряхтел и не чаял остаться в живых — едва не вышел из меня дух. Но в то же время я ощутил, что внутренность моя в левом боку как бы приподнялась и окрепла, а в душе почувствовал великую радость и какой-то страх — чего вполне не могу выразить. В благодарном и радостном трепете бросился я к батюшке и, обняв его живот, поцеловал схиму его, а он поцеловал меня в голову. В это время меня обдало как бы теплым паром, и я проснулся. Среди сна вследствие сильных в постели движений от нестерпимой боли я упал на пол, а пришедши в себя, увидел, что я сижу на полу с распростертыми руками, как во сне держал их, обнимая старца. Радость и трепет наполняли мою душу. В это время пришел будильщик звать брата, чтобы шел пономарить на второй ранней обедне. Брат, вставши и увидев меня сидевшим уже на постели, спросил: „Что с тобою?“ Я рассказал ему виденное. „Ну, а что твоя грыжа? — продолжал он спрашивать. — Пощупай“. Ощупываю и отвечаю: „Нет ни боли, ни следа грыжи“. Тут ударили в колокол к обедне, и мы вместе пошли в церковь. По окончании службы, пришедши в келью, брат опять спросил меня: „Что грыжа?“ Я хоть и боялся вполне верить своему исцелению — однако все-таки опять сказал, что нет и следа ее. После обеда, когда нужно было мне съездить на дачу, со стороны брата последовал прежний его вопрос, а от меня был ему прежний мой ответ. И вот, благодаря Бога, до сих пор не чувствую никакой боли, хотя и тружусь по-прежнему. Прежде, когда у меня была грыжа, я с трудом мог поднимать полпуда, а теперь ни подъемы в три и четыре пуда, ни долгое стояние, ни жар и вообще никакие труды

не дают мне и знать, что у меня прежде была грыжа. Спустя около полугода после моего исцеления прибыл ко мне на дачу прежний мой товарищ по послушанию, монах отец Памва¹, живший здесь со мною лет десять и не раз выдавший мои страдания и слыхавший мои стоны. Когда я стал передавать ему рассказ о своем исцелении, он никак не мог сему верить, как я ни убеждал его. Наконец не веривший собеседник решился сам освидетельствовать бывшее мое больное место. Освидетельствовал, поверил — и тут же залился слезами от ужаса и удивления».

Упомянутый в вышеприведенном рассказе монах Каллист, родной брат монаха Акакия, рассказывал, что в сентябре 1861 года у него очень разболелись зубы. «Три дня, — говорил он, — ни на минуту я не имел от них покоя и в это время все ходил. Наконец вижу, что и ходьба не помогает. Дай, думаю, выдерну. Мне и выдернули, но после того боль еще больше усилилась. Ныне (14 сентября) во время вечерни так мои зубы разболелись, что хоть впору умирать. Уткнул я голову в подушку, стало еще хуже. Потом, приподнявшись, увидел в окно — идет мимо моей кельи монах отец Леонид². „Батюшка, — говорю ему, — ради Бога, принеси мне маслица с могилы батюшки Макария, умираю!“ Отец Леонид вскорости принес; и лишь только я выпил этого масла, как тотчас боль прекратилась. Нарочно головой трясу — и боли нисколько не ощущаю».

Монахине Белевского женского Крестовоздвиженского монастыря матери Раисе было замечательное сновидение по следующему случаю. Незадолго до кончины старца Макария богатый помещик Феодор Захарович и супруга его Александра Николаевна (впоследствии в монашестве мать Амвросия)

¹ Монах Памва (Панов; † 1891), впоследствии иеросхимонах, духовник, замечательный подвижник.

² Рясофорный монах Леонид (Мигунов; † 1900), впоследствии иеросхимонах Леонтий, ризничий. В Оптиной с 1852 года.

¹ Схимонах Феодор (Ключарев; 1810–1872), схимонахиня Амвросия (Ключарева; † 1881). Погребены с южной стороны Введенского собора.

Ключаревы, по взаимному согласию и по благословению старца, решились переменить мирскую рассеянную жизнь на монастырскую¹. И Феодор Захарович поступил в оптинский скит под ближайшее духовное руководство старца Макария, а Александра Николаевна в женский монастырь в городе Белеве, отстоящем тоже недалеко от Оптиной пустыни — верстах в сорока, чтобы иметь возможность тоже чаще пользоваться советами и наставлениями старца. И хотя старец Макарий при жизни своей поручил обоим Ключаревых духовному руководству иеросхимонаха Амвросия, который вскоре должен был заместить старца Макария, однако Александра Николаевна, как уже года два относившаяся к старцу Макарию, так привязалась к нему душой, что после его кончины стала очень скорбеть и смущаться. Из-за этого сделалась совершенно больной и ночи проводила без сна. В одну из таких ее тяжелых бессонных ночей монахиня Раиса увидела во сне, будто идет она по монастырскому своему двору и встречает покойного старца Макария, одетого в рясу, в простой монашеской шапке и с палочкой в руках. Шел он куда-то поспешно. Обрадовавшись несказанно этой нечаянной встрече, мать Раиса поклонилась старцу в ноги, прося его благословения. Но старец, благословляя ее, сказал: «Мне теперь некогда, я спешу к Александре Николаевне; она больна; надо ее утешить». После этих слов мать Раиса проснулась в великой радости. Сходила она затем к ранней обедне, а вернувшись из церкви, пошла навесить Александру Николаевну, которая, оказалось, была довольно здорова и покойна духом. Когда же мать Раиса рассказала виденное ею во сне, тогда и Александра Николаевна в свою очередь объявила,

что хотя она не видела во сне старца, да и не могла видеть, потому что от тучи сердечной всю ночь не могла заснуть, но около того времени, как видела во сне старца мать Раиса, она, больная, ощутила облегчение своей душевной болезни и безотчетную сердечную радость, а рассказом матери Раисы была вполне утешена и вскоре совершенно выздоровела.

Известному оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию около 11 ноября 1861 года было такое сновидение. «Сижу я будто, — так поведал старец, — на своей постеле, а против меня, в другой стороне кельи, стоит иеромонах Леонид (Кавелин) с образом Божией Матери в руках; образок был вершка два с половиной. Оба мы, как бы в ожидании чего-то, молчали. Вдруг будто входит к нам батюшка Макарий, кладет пред образом три земных поклона и прикладывается к нему. Затем он быстро начал осматривать передний угол и перебирать бумаги на столе, потом опять положил три поклона и тихо, как будто сторонясь отца Леонида, сказал мне вполголоса: „Благодари Бога!“ Наконец пошел к двери и пред выходом прибавил: „Да белье переменяй“».

Вскоре после этого сновидения старец Амвросий так сильно заболел, что врачи теряли надежду на его выздоровление. Долго врач, пользовавшийся болящего старца Амвросия, усиливался возбудить в нем хоть малейшую испарину, но все было тщетно. Наконец 6 января следующего, 1862-го, года у больного появилась такая сильная испарина, что смогла не только бывшую на нем фланелевую рубашку, но даже и одеяло, и подушку. И в этот день упомянутая выше послушница Белевского женского

*Старец Амвросий.
Фотография. Вторая
половина XIX века. АОП*

монастыря Александра Николаевна Ключарева, теперь уже духовно относившаяся к старцу Амвросию и сердечно расположенная к нему, необычайно ясно увидела сон, который и был ею записан: «Под седьмое число января 1862 года, — так поведала она, — я, угнетаемая тоскою о болезни батюшки отца Амвросия, долго не могла заснуть. Вздремнув около двенадцати часов ночи, вижу, будто встречает меня покойный батюшка (отец Макарий), одетый в белый балахон. Я в невыразимой радости упала ему в ноги и просила благословения. Батюшка, как бы куда-то поспешая, выходит в дверь из моей кельи и говорит с обыною ему живостию: „Надобно благодарить Бога. Благодарите Бога за исцеление“. Когда я стояла в недоумении, не догадываясь, кто именно исцелился, батюшка прибавил твердо и повелительно: „Благодари, что исцелился“. Хотя он и не сказал имени, но я поняла тут — о ком он говорил. После чего начал нас благословлять, и прежде, казалось мне, отца Амвросия, потом меня, а потом и других лиц предстоявших». Александра Николаевна проснулась в великой радости вследствие надежды на скорое выздоровление любимого ею духовного отца и старца Амвросия, который с того дня действительно стал понемногу поправляться и наконец поправился.

Послушница Белевского женского монастыря, бывшая помещица Надежда Егоровна осенью 1861 года, побывав в Оптиной пустыни и отправляясь на свою родину, по вере своей к покойному старцу Макарию взяла песочку с его могилы. Во время ее пребывания в своем имении в октябре месяце одна ее дворовая женщина около двух месяцев страдала сильной зубной болью, в особенности по ночам, и оттого все ночи проводила без

сна. Лечилась она некоторыми домашними средствами, но ничто не помогало. Сострадая больной женщине, Надежда Егоровна думала, чем бы ей помочь. И вдруг ей пришла мысль приложить к щеке болящей привезенного ею из Оптиной пустыни песочку. Призвала она к себе в комнату больную, положила вместе с нею перед святой иконой Царицы Небесной три земных поклона, сначала намазала больную щеку елеем из лампы перед образом, а затем осыпала всю ее песком. Этого же песка дала она больной и выпить в воде. Немедленно после того больная заснула, а на другой день встала совершенно здоровой. Зубная боль к ней уже не возвращалась.

Когда вышеупомянутая дворовая женщина помощью Царицы Небесной по молитвам старца Макария исцелена была от жестокой зубной боли, тогда доложили Надежде Егоровне, что в ее имении еще есть девочка лет пятнадцати, которая сильно страдает жабой в горле. Дали больной выпить в воде немного песочка и приложили его же к горлу — в то же время девочка получила большое облегчение.

Бывшая помещица, а затем послушница Дивеевской общины Нижегородской губернии Мария Васильевна Ананьевская вскоре после кончины старца Макария рассказывала о себе следующее: «В первые дни после кончины батюшки Макария я, при великой грусти о лишении его, подверглась какой-то ужасной болезни, похожей на ту, которую в простонародье называют волосатиками. Боль была неослабная. Ни днем, ни ночью не было мне от нее покоя; и я уже несколько суток провела без сна. Рекомендованные средства не помогали. Бывши в это время в Оптиной пустыни, идущая

однажды из скита и думаю: дай схожу на могилку батюшки Макария и возьму с нее земельки для пальца — авось полегчает. Пришла, взяла сначала из горевшей над его могилой лампы маслица, обмазала им свой больной палец и затем, осыпав его землею с могилы, обвязала и ушла на гостиницу. Тут я и скоро заснула крепким сном, а поутру встала совершенно здоровая».

Одна из сестер Вяземского женского монастыря Смоленской губернии, Евдокия Смирнова, более двух недель страдала сильной рвотой и чувствовала боль и расслабление во всех членах. Обращалась за помощью к доктору, ей ставили мушку, давали лекарства внутрь, но болезнь не уступала. В изнеможении от частой рвоты больная к вечеру на 6 марта (год неизвестен) сказала сестре своей: «Теперь более не пойду к доктору — никакой нет пользы». Перед диваном, где она лежала, на стене между другими изображениями висел портрет покойного старца Макария. Лично она его не знала, но много доброго слышала о нем. С верой и внутренней молитвой к старцу она пристально смотрела на его портрет. В таком положении она незаметно заснула так крепко, что не слышала, как сестра ее входила к ней и выходила. В это время она увидела во сне, будто пришел к ней батюшка Макарий с матерью игуменьей их обители. И старец спрашивает: «Знаешь ли ты, что это за матушка?» Больная отвечает: «Знаю, батюшка, что это наша матушка». Старец: «Так что же ты лежишь?» Больная: «Да мне встать нельзя — у меня рвота сильная». Старец перекрестил уста, грудь больной и всю ее и сказал: «Не будет рвоты, пойдешь, отслужи молебен Успению Божией Матери». Больная: «А у меня и акафист Ей теперь есть». Старец: «И с акафистом отслужи,

а после приди ко мне, я тебе маслица дам». Больная, привыкшая все делать по благословению матери игуменьи, ответила: «Если матушка благословит». Старец: «Благословит. Матушка и сама ко мне придет». С этими словами старец встал и запел: «Воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогих Твоих до конца». Проснувшись, больная уже не ощущала в теле своем боли, и рвота более не повторялась у нее. И весь этот день ей было невыразимо отрадно и легко.

Орловской губернии Малоархангельского уезда сельца Стрелки сын богатого крестьянина Ивана Афанасьевича Дунаева двадцатичетырехлетний юноша Иван в продолжение шести годов был нем и несколько помешан умом. Некоторые близкие к Ивану Афанасьевичу знакомые советовали ему съездить с больным сыном в Оптину пустынь к старцу Макарию, бывшему еще в живых. После неоднократных таких предложений родитель наконец решился повезти сына своего в Оптину. В октябре 1860 года они прибыли в монастырь, но старца в живых не застали: по нем уже оканчивался сорокоуст. Поскорбев немало о своей неудаче, они в свое время пришли в храм Божий отслушать бдение, которое служилось ради памяти покойного старца Макария. И усердие их к почившему старцу вознаграждено было великой милостью Божией: среди бдения немой сын начал говорить и получил прежнюю светлость мыслей. Об этом исцелении стало известно в Оптиной пустыни в 1863 году.

В первой половине февраля 1861 года жена станционного смотрителя вблизи города Орла, Анна Антоновна Зайцева, женщина, по отзыву видевших ее, умная, обстоятельная и благочестивая, приходила в Оптину пустынь для богомолья.

¹ Рясофорный монах
Алексей (Калинкин;
† 1873), впоследствии
схимонах Арефа.

Остановившись в монастырской гостинице, она рассказала бывшему в то время гостиннику, отцу Алексею (Калинкину)¹, о следующем обстоятельстве, побудившем ее к этому путешествию. «Около пяти лет, — говорила она, — я страдала болезнью расслабления во всем теле, так что не могла ходить. К концу 1860 года расслабление мое усилилось, и муж мой советовал мне причаститься Святых Христовых Таин. Я долго не соглашалась; но настойчивость мужа заставила меня уступить его требованию. И вот ночью, накануне напутствования меня Святыми Тайнами, увидела я следующий сон: лежала я будто по обыкновению в постели, и ко мне подходят два старца — впереди мне неизвестный, а за ним не遠деке хорошо мне известный батюшка Макарий. Неизвестный обращается ко мне с такою речью: „Для чего ты к себе требуешь Христа? Ты сама иди к Христу“. Отвечаю: „Как же я пойду, когда я и с постели не могу сойти?“ Неизвестный продолжает: „Сходишь и в Оптину пустынь, да еще пешком. Сходи и помолись там; и получишь исцеление“. — „Отче! — спрашиваю. — Кто же ты? Вот сзади-то тебя батюшка отец Макарий — я его знаю; а ты-то кто такой?“ Он говорит: „Я оптинский иеросхимонах Леонид“². В это время стоявший молча позади старца Леонида отец Макарий говорит печальным голосом: „Вот прежде (то есть при жизни) меня всем угощали; а теперь уж не заботятся обо мне и не думают“. Я как будто вскочила с постели и стала с поспешностью набирать стол. Подав что могла, я просила его покушать. Батюшка подошел к столу, отщипнул двумя перстами несколько крошек хлеба и положил себе в рот. Я стою, кланяюсь и упрашиваю его покушать еще, а он сказал: „Я и это сделал только ради благословения дома“.

² Предместник старца
Макария. — *Примеч. авт.*

Проснувшись, я почувствовала укрепление во всех своих членах и поднялась с постели. Через несколько дней я почувствовала себя настолько здоровою, что, несмотря на зимнее время, решилась идти пешком на богомолье в Оптину пустынь». Пробыв три дня в обители, госпожа Зайцева отправилась в обратный путь. Она была в таком здоровье, что не взяла предлагавшихся ей лошадей до Орла и в зимнюю пору, при сильных еще морозах, отправилась пешком до своего местожительства за 135 верст.

Орловской губернии Дмитровского уезда, прихода села Островского, деревни Лубенца восемнадцатилетняя крестьянка Евдокия Грышаева примерно в середине ноября 1861 года, спустя год после замужества, подверглась страшной болезни. Она вся ослабела, в особенности же у нее совсем отнялись руки, так что она ничего не могла ими делать. Кроме того, в груди у нее чувствовалась тяжесть и тревожное томление, а по временам появлялось сильное болезненное ощущение, которого она объяснить не могла. Месяца через два после этого ей прибавилось еще горе. 7 января 1862 года ночью Евдокия увидела во сне какого-то безобразного мужика, который производил на нее очень неприятное впечатление. Он будто сорвал с нее головной убор, который взял с собой, а некоторые вещи при ней же изрезал в куски и сказал: «Ты теперь от меня не избавишься». Затем исчез. Проснувшись, она рассказала свое видение домашним, которые, поискав, к общему своему удивлению, головного ее убора не нашли, некоторые же вещи оказались изрезанными в куски. С этой ночи безобразный мужик стал являться Евдокии во сне уже нередко, с той же угрозой: «Ты теперь от меня не избавишься». Иногда он уносил ее платки или еще что-либо из головных

ее уборов, а иные вещи — иногда подушку или рубашку — изрезывал на месте. Промучившись так с месяц, больная оставила дом мужа и свекрови и перешла на жительство к родному брату, но и там не нашла себе покоя. Те же сновидения тревожили ее до пятой недели Великого поста. В начале же этой недели однажды кто-то наяву крепко ударил ее в затылок и сказал: «Уж мне неохотно ходить за тобой». Несчастная упала на пол без памяти. Когда же ее подняли, оказалось, что у нее отнялся язык. Целую неделю после того Евдокия оставалась немой и в забытии. Чрез несколько дней после этого случая пришла навестить ее жившая по соседству Анна Евстафьева, которая при жизни старца Макария иногда хаживала к нему. Сочувствуя бедственному положению Грышаевой, Евстафьева советовала ей сходить в Оптину пустынь помолиться Богу, но больная немая при душевном расстройстве ничего ей не отвечала. Вот однажды ночью эта немая увидела во сне (как сама она выражалась) какого-то седенького старичка, который ей сказал: «Иди туда, куда тебя звала старушка помолиться Богу, тебе будет лучше. И я отыщу твои вещи: они лежат в доме твоего мужа, в клети за стрехой (то есть между стропильным бревном и крышей). Только сама за ними не ходи, а пошли кого-нибудь». Старец же до трех раз подтверждал, чтобы шла помолиться Богу, куда звала старушка. И как больная сказала ему: «Пойду» — тотчас разрешился ее язык от онемения и душевное состояние улучшилось. Проснувшись, она уже стала с родными разговаривать, чем немало удивила их. В тот же день Евдокия послала свою сестру в дом мужа поискать вещи, о которых говорил ей в сно-

*Преподобный
Исаакий (Антимонов),
старец Оптинский.
Фотография. Середина
XIX века. ЦАК МПДА*

видении являвшийся старичок. Действительно, нашли в клетки: один платок за стрехой, а четыре платка лежали на сундуке, хотя их прежде никто тут не видал. После того Грышаева со своей свекровью и соседкой старушкой Анной и с некоторыми другими пришла к Святой Пасхе в Оптину пустынь помолиться Богу и поклониться могилке старца Макария, хотя путь был неблизкий — до двухсот верст. Крестьянка эта была уже в полном здравии душевном, но чувствовала еще некоторый остаток слабости в теле.

Старец Макарий при жизни предрекал скитскому иеромонаху Исаакию, что ему не миновать настоятельства в Оптиной пустыни, хотя отец Исаакий вовсе не желал этого. Менее чем через два года после кончины старца предсказание его исполнилось. В 1862 году, после кончины архимандрита Моисея, отец Исаакий действительно был избран и утвержден на настоятельство. Но так как вскоре после кончины старца Макария и настоятеля архимандрита Моисея порядок старчества в Оптиной пустыни по обстоятельствам не мог установиться как должно, то новый настоятель, привыкший в жизни руководствоваться советами старца Макария, при всегдашнем нерасположении начальствовать, находился в великой скорби. Потому, конечно, не без воли Божией скорбевший отец Исаакий чаще других братьев и был утешаем посредством явлений ему старца Макария в сонных видениях. Таких сновидений в продолжение первых сорока дней после кончины старца было у него более десяти. Но так как все они носят характер частных утешений, относившихся собственно к отцу Исаакию, то они здесь и не перечисляются. Для примера приводится только одно. «Стоял я

будто бы с братиею, — так рассказывал отец Исаакий, — в коридоре больничной церкви в ожидании ранней обедни. Неподалеку от меня стоял отец Паисий, иеромонах, готовившийся служить раннюю литургию, и еще кто-то, говоривший с ним. Вдруг в главных дверях храма будто является батюшка Макарий, одетый в мантию, и куда-то идет очень скоро. Удивленный такой нечаянностью, полный до глубины души радости, я воскликнул: „Батюшка идет!“ Отец Паисий тоже с восторгом проговорил: „О! Воскрес!“ Трепеща от радости, я побежал к нему и пал на колени, с тем чтобы получить от него благословение. Он благословил меня несколько раз и затем приветствовал меня по обычаю монашескому — целуя в плечо. Схватив его руку, я крепко держал ее, не выпуская; а он меня еще несколько раз благословил. От избытка радости слезы ручьем лились у меня, и я никак не мог их удержать. Затем вдруг черная монашеская одежда на батюшке изменилась в чистую, белую, и он стал невидим. Проснувшись, я трепетал от избытка радости и душевного утешения».

¹ Рясофорный монах Сергей (Болдырев; † 1873), впоследствии схимонах Серапион.

Оптиной пустыни братский повар монах отец Сергей¹ так рассказывал сон, виденный им в 1862 или 1863 году: «Представилось мне, что я вхожу в небольшую, но светлую комнату, похожую несколько на часовню над могилой батюшки отца Макария. Впереди стояла гробница, но, казалось мне, повыше и обширнее той, которая там стоит. С правой стороны от меня пред гробницею же будто стоит наш новый настоятель, отец строитель Исаакий, очень грустный, и, смотря на гробницу, говорит: „Как мы несчастны, что нет с нами батюшки! Очень бы он был нам теперь нужен“. Я отвечал: „Да, батюшка, я тоже желал бы на него теперь

посмотреть“. После этих моих слов смотрю, будто поверх гробницы лежит покойный батюшка Макарий, как бы живой, и, глядя на меня, говорит: „Пойди, пойди, посмотри! Ты желал меня видеть? Вот я! Пойди сюда!“ При этом явлении отец строитель Исаакий пал пред старцем на колени и, обняв его ноги, облился слезами. А батюшка, глядя на меня, продолжал: „Пойди, пойди сюда!“ Я подошел. А он говорит: „На! Целуй меня! Ты желал меня видеть“. Я не осмеливался поцеловать его, а он повторял: „Целуй, целуй меня! Ты желал“. Я поцеловал. А он продолжал: „Целуй, целуй еще!“ Я еще поцеловал. Старец еще и в третий раз велел мне поцеловать его. Я поцеловал и в третий раз. Наконец, обратившись к отцу строителю, старец начал говорить ему с тоном укора: „О чем ты все скорбишь? Чего тебе хочется? Ведь я с вами, постоянно с вами. Никогда не отхожу от вас. Экой ты! А еще настоятель!“ Отец строитель наш действительно в это время очень скорбел и всеми силами старался было оставить настоятельскую должность. Я же, грешный, много утешенный бывшим мне сновидением, проснулся с чувством радости».

Сновидение оптинского монаха Матфея (Попова)²: «Не очень долго спустя после кончины батюшки Макария, — так говорил он, — приключилась мне чрез одного отца такая напасть, что я не знал, что мне и делать. Нигде не находил я себе утешения — просто хоть ложись да и умирай. Но вот я однажды в свое время заснул и вижу, будто пришел я к батюшке в его келью. Он сидел на диване в белом балахоне. Лицо у него светлое и веселое. Хотел я подойти к нему, чтобы получить благословение,

*Преподобный Исаакий.
Фотография. Лето
1894 года. ЦАК МПДА*

² Рясофорный монах Матфей (Попов), впоследствии иеромонах Макарий. В 1862 году перешел в Курскую Коренную пустынь, оттуда в 1868 году — в Александро-Невскую лавру.

да как-то запутался ногами в постилках и упал к нему прямо в ноги, а на лету-то и обнял его. Затем и говорю: „Простите, батюшка, я запутался в постилках и упал“. Он меня ободрил и спросил: „Зачем пришел?“ Я рассказал ему свое горе. А он меня благословил и сказал: „Ничего, ничего; пройдет; это все пройдет“. Тут я проснулся, а в душе ощутил такую радость, что и выразить нельзя. Куда девалось горе? С того часа и напасть вся прошла».

Один казенный крестьянин Крапивенского уезда Тульской губернии, по имени Петр, имевший жену и детей, при жизни старца Макария коротко знавший его, с давнего времени имел стремление к подвижнической жизни. Одно время он был серьезно намерен оставить жену и детей, чтобы ради спасения душевного проводить жизнь отшельническую. Но вот он увидел во сне покойного старца, который будто явился ему среди оптинского скита, одетый в рясу, а на голове у него была простая монашеская шапка. Подойдя к Петру, старец крепко взял его за руку обеими руками и, держа так, сказал: «Петр! Оставь свое намерение. Корми жену и детей. Это тебе будет полезнее. Да смотри свою гордость!» (то есть чтобы не упускал из виду мнения о себе, что будто он жил благочестивее других). После этого сна день и ночь смущавшие Петра помыслы рассеялись, как дым, и он уже спокойно проводил семейную жизнь.

Помещица города Белева Тульской губернии полковница Кохно, духовная дочь покойного старца Макария, много лет страдавшая хронической болезнью, имела от него заповедь как можно чаще приобщаться Святых Христовых Таин — если бы можно было, то каждый месяц. В конце 1861 года она была особенно нездорова. Телесная всегдашняя болезнь,

хозяйственные неустройства и постоянная душевная скорбь уложили ее в постель. А она не всегда исполняла заповедь старца, то есть причащалась не так часто, как было ей завещано. Впрочем, делала она это не по небрежению к старческой заповеди и не по неуважению к Святым Тайнам, а единственно по недоразумению. Ей представлялось, что для приготовления к причастию Святых Таин по установленному порядку обязательно должно ходить несколько дней в храм Божий ко всем службам церковным. Не имея сил исполнять это, она причащалась реже заповеданного ей старцем. Теперь же, при совершенной невозможности идти в храм Божий, больная хотя изъявила желание приобщиться дома, но все-таки смущалась. Когда же послали за священником и она уже слушала правило ко Святому Причащению, которое читал ей слуга, вдруг видит наяву: входит в ее комнату покойный старец Макарий, подходит неспешно к святым иконам, кладет перед ними три поясных поклона и тотчас удаляется. Нечаянной радостью Кохно до того была поражена, что во время этого видения не могла произнести ни одного слова. Между прочим, это послужило для нее знаком, что вынужденное необходимостью, по-видимому и недостаточное приготовление к причащению Святых Христовых Таин — не зазорно. Недоразумение ее и смущение исчезли, и она с верой и в радости духовной приобщилась.

Один молодой офицер, мало веровавший старцу Макарию, после кончины его видел такой сон. «Пришел будто я, — так рассказывал он, — в храм Божий, где происходило приготовление к архиерейской службе, и увидел, что какой-то благообразный муж машет мне из алтаря и говорит: „Пойди посмотри, где покоится отец Макарий, которому

ты мало верил“. Ввел он меня в алтарь, и я увидел богатую вызолоченную раку, подошел к ней и земно поклонился лежавшему в ней праведнику со слезами раскаяния в своем маловерии. „Вот, — говорил мне тот же муж, указывая на прикрепленный к стене алтаря золоченый лист, — вот тут будет изображение вашего старца. Сегодня будет служить владыка, и будет величание преподобному Макарию. Скажи на клиросе, чтобы читали и пели канон угоднику Божию Макарию“». Об этом писала в обитель родная сестра видевшего сон молодого офицера.

Рассказывал вышеупомянутый монах Дометий: «Как-то я чувствовал себя не в духе и был нездоров. Ложась спать, я очень смущался помыслами и малодушествовал насчет своего слабого здоровья. Заснувши, вижу, будто я стою пред батюшкою Макарием и объясняю ему свои немощи и слабое здоровье. А он, сказав на мои объяснения несколько слов в назидание мне и утешение, прибавил: „А чаек-то внакладку пить надобно оставить. Это не монашеское дело. Надо оставить, надо оставить!“ А я, признаться, привыкши с малолетства к сладкому чаю, и в монастыре все продолжал по немощи пить сладкий чай».

Было и еще немало подобных замечательных сновидений некоторым из почитателей старца Макария; но, дабы не продлить очень слова, ограничимся еще одним, последним сновидением, бывшим орловскому купцу Ивану Михайловичу Немытову, который находился в близком духовном общении с оптинскими старцами Львом и Макарием и по наставлению их проходил высокую умную молитву.

«Снилось мне, — говорил Немытов, — что будто нахожусь в саду необычайной красоты. Все деревья

и листья на них блистали, как бы серебряные. Тут видны были два дома. Из них один, стоявший на правой стороне, был величественный и красоты неопишуемой, и из него слышался такой чудный звон, что я содрогался всеми членами и говорил сам себе: „О, если бы кто сказал мне: чьи это палаты, откуда исходит этот звон!“ Тут я увидел, что из сего чудного дома вышел батюшка отец Макарий в необыкновенной славе. Я очень обрадовался ему, поклонился в ножки и просил: „Батюшка! Простите моему дерзновению, удовлетворите мое любопытство. Мне желательно знать, чей это великолепный дом?“ Батюшка со свойственным ему смирением отвечал: „Божий, Божий“. Я опять поклонился ему и, указывая на другой дом, который много уступал первому в великолепии, спросил: „А этот, другой дом кому принадлежит?“ Батюшка ответил: „Поди, спроси самого хозяина“. Оглянувшись, я увидел, что из этого дома вышел покойный батюшка отец Лев. Я подошел к нему, поклонился до земли и спросил: „Желательно мне, батюшка, знать, почему этот дом менее славен и величествен того дома?“ Батюшка отец Лев ответил мне: „Смирение батюшки отца Макария превзошло труды мои“. Тут я уже узнал, что первый дом — батюшки Макария; и, еще раз поклонившись ему, сказал: „Вот теперь-то я известился, что дом этот принадлежит Вам“. Но батюшка Макарий опять смиренно отвечал: „Богу, Богу так угодно!“ Тем сновидение мое и кончилось».

Более тридцати лет прошло со дня кончины старца батюшки Макария, когда скончался и преемник его, старец Амвросий. Когда же копали для новопреставленного могилу рядом с могилой старца Макария, в это же время от могильного над ним

¹ Гас, или газ (устар.) —
позумент, галун, тесьма.

склепа отвалился кирпич. В образовавшееся отверстие некоторые из монахов вставляли горящую свечу и при свете ее видели гроб старца Макария, нисколько не поврежденный тлением, и даже запаха гнилого не ощущали. В этот раз один монах дерзнул оторвать кусочек гаса¹ от гроба старца и в тот же день понес наказание Божие: он почувствовал боль в кисти своей руки, так что перестал и пальцами владеть. Это продолжалось около трех недель, но когда он отслужил несколько панихид на могиле старца — болезнь прошла.

Конец, и Богу слава и благодарение.

Приложение

**ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ
ОПТИНСКОГО СТАРЦА
ИЕРОСХИМОНАХА
МАКАРИЯ**

**Предостережение читающим духовные
отеческие книги и желающим проходить
умную Иисусову молитву¹**

Поводом к написанию этого предостережения послужили две причины. Первую и главную причину объяснил переводчик отеческих писаний с эллиногреческого на славянский язык, опытный делатель молитвы молдавский старец Паисий Величковский в письме его к старцу Феодосию, архимандриту Софрониевой пустыни, где он пишет так: «Духовно уведомляю Святыню Вашу, что касательно издания, чрез напечатание отеческих книг как на еллиногреческом, так и на славянском языке, объят я радостью и страхом: радостью — потому, что они уже не будут преданы окончательному забвению и ревнители удобнее могут приобретать оные; страхом же, боясь и трепеща, что эти (святые творения. — А.), как и прочие книги, как вещь продаваемая, предлагаемы будут не только монахам,

¹ Публикуется по изд.: Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную молитву Иисусову и о смирении. Из наставлений оптинского старца иеросхимонаха Макария. Троице-Сергиева лавра, 1908. Текст адаптирован для удобства современного читателя. Примечания в тексте принадлежат: А. — схиархимандриту Агапиту; *при. М.* — преподобному Макарию; *свт. Ф.* — святителю Феофану Затворнику.

но и вообще всем православным христианам; и по ним обучившимся самочинно, без наставления опытных, деланию умной молитвы как бы не воспоследовала прелесть; а за прелестью, как причиною, не воспоследовала бы от суетумудрых хула на это святое и пренепорочное дело, засвидетельствованное весьма многими великими святыми отцами».

Представив бывший пример хулы на молитву, старец продолжает: «Итак, как выше я сказал, боюсь и трепещу того, дабы не воспоследовали для самочинников прелести, прелестям же — хулы, хулам же — усумнения в истине учения богоносных наших отцов. Потому богоносные отцы, уча о молитве сей, началом ее и непоколебимым основанием полагают истинное послушание, от которого рождается смирение; смирение же охраняет подвизающегося в ней от всех прелестей, последующих самочинникам. Да и как возможно будет без послушания, по самочинию, которому последует прелесть, без всякого наставления, понуждаться на столь страшное и ужасное дело, то есть на такую молитву, и избежать многообразных прелестей вражиих, с великим ухищрением наводимых на молитву сию и на подвизающихся в ней? Отнюдь невозможно!»¹

¹ Письмо это напечатано в книге: Житие и писания старца Паисия Величковского. 1847. С. 265–267. — *Примеч. схииархим. Агапита.*

² Преподобный Василиск Сибирский (Гаврилов; † 1824). Память 29 декабря / 11 января. Рукопись, о которой идет речь, составлена учеником преподобного Василиска преподобным Зосимой (Верховским; † 1833), память которого 24 октября / 6 ноября.

Другой причиной предостережения послужила одна рукопись неизвестного писателя, в которой объясняются различные молитвенные действия и утешения духовные, каких сподобляем был сибирский старец Василиск². В этой рукописи сочинитель написал безразличное убеждение к прохождению умной и сердечной молитвы, поставляя главной целью в этом делании искание высоких дарований и утешений духовных, что может повести к весьма опасным последствиям в отношении прелести

вражией. Хотя рукопись эта пока находится еще в немногих руках и редким известна, но нельзя умолчать о ней. Она написана убедительно. Доказательства приспособлены из книг отеческих, а опасная сторона по этому предмету умолчана, так что не совершенно знающий учение святых отцов легко увлечься может таким убеждением, и особенно тот, кому не случилось самому видеть или от других слышать о повредившихся душевно через такое делание.

Чтобы яснее увидеть истину, приведем на чреду свидетельства святых и богоносных отцов о том, многим ли доступно умное делание молитвы Иисусовой и правильна ли и безопасна ли цель искать через это делание дарований и утешений духовных. Из учения святых отцов видно, что проходящие делание молитвы Иисусовой правильным и законным образом действительно сподобляются иногда от Господа великих дарований духовных, и откровения таинств, и различных духовных утешений, благодатию Божией промыслительно действуемых в душах смиренных и достойных молитвенников, но достигают этого весьма немногие. Святой Исаак Сирин говорит: «Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты, так из тысячи (проходящих умное делание. — А.) разве один найдется сподобившийся, при великой осторожности, достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство; потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие; сподобились же весьма немногие, а достигший того таинства, которое уже за сею молитвою, едва, по благодати Божией, находится и из рода в род»³.

³ Святой Исаак Сирин.
Слово 16. С. 62.

Из этих слов святого Исаака видно, что если по представляемому убеждению всякий безразлично будет браться за прохождение умной молитвы, имея целью достижение высоких дарований и утешений духовных, то неминуемо должны многие впасть в одну из двух крайностей: или уловлены будут в прелесть вражью ложными ощущениями и обольстительными мечтаниями, или, не получая никакого успеха, будут безрассудно смущаться, потому что высокой «духовной молитвы», по слову святого Исаака Сирина, «сподобляется один из многих тысяч людей»¹.

¹ Святой Исаак Сирин.
Слово 21. С. 104.

Святые и богоносные отцы написали о великих дарованиях духовных не для того, чтобы всякий безрассудно стремился к получению их, но для того, чтобы не имеющие их, слыша о таких высоких дарованиях и откровениях, получаемых достойными, сознавали свою глубокую немощь и великое недостойнство и невольно преклонялись к смирению, которое больше всех деланий и добродетелей нужно для ищущих спасения.

Святой Лествичник пишет: «Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих добродетелях святых отцов, делается более смиренной в мыслях своих» (Степень 26, глава 211). И в другом месте этот святой говорит: «Удивляться трудам святых дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное» (Степень 4, глава 42).

А у святого Исаака Сирина сказано: «Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота, и что такое здравие (души. — *При. М.*), и что такое бесстрастие, и что

видение, то писали не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени; ибо написано, что *не приидет Царствие Божие с соблюдением ожидания* (Лк. 17, 20). И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение. А мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же приходит само собою, если место в сердце будет чисто и не осквернено. Чего же ищем *с соблюдением*, разумею Божии высокие дарования, то отвергнуто Церковию Божиею; и приемшие это стяжали себе гордость и падение. И это не есть признак того, что человек любит Бога, но недуг души. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда и божественный Павел хвалится скорбями и почитает высоким Божиим даром общение в страданиях Христовых² (то есть терпение скорбей и страданий. — *Прп. М.*)»³.

Также и в другом месте говорится у святого Исаака: «Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части (то есть деятельной. — *Прп. М.*) переходит к сей второй (то есть умозрительной. — *Прп. М.*), привлекаемый ее сладостию, не говорю уже — своей лению, постигает гнев (Божий. — *Прп. М.*) за то, что не умертвил прежде *уды свои яже на земли* (Кол. 3, 5), то есть не у врачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной... У кого ум осквернен постыдными страстями и кто поспешает наполнить ум свой мечтательными помыслами, тому заграждаются уста наказанием (то есть он наказанием возбраняется от сего. — *Прп. М.*) за то, что не очистил прежде

² Ср.: 2 Кор. 12, 9; Гал. 6, 14.

³ Святой Исаак Сирин. Слово 55. С. 257.

Рака со святыми мощами преподобных Льва и Макария. Оптиная пустынь. Храм в честь Владимирской иконы Божией Матери. 2000-е годы

¹ Так в русском переводе. А по-славянски: «пото́че прямо лицу своему». Кажется, мысль здесь такая: «устремился по своемумышлению...». — *Примеч. схиархим. Агапита.*

² Святой Исаак Сирин. Слово 2. С. 13–14.

ума скорбями и, не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед¹, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здорово, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и в плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь, по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной. Говорят: „что от Бога, то приходит само собой, а ты и не почувствуешь“. Это правда, но только если место (сердца. — А.) чисто, а не осквернено. Если же нечиста зеница душевного ока твоего, то не дерзай устремлять взор свой на округ солнца (мысленного. — *При. М.*), чтобы не утратить тебе и сего малого луча, то есть простой веры и смирения, и сердеч-

ного исповедания, и малых посильных тебе дел, и не быть извергнутым в единую область духовных существ, которое есть тьма крошечная, то, что вне Бога и есть подобие ада, как низвергнут был тот, кто не устыдился прийти на брак в нечистых одеждах»².

Здесь святой Исаак явно показал, что ищущие в молитве сладостных ощущений духовных с чаянием

и особенно стремящиеся преждевременно к видению и созерцанию духовному впадают в прелесть вражью и в область тьмы и помрачения смысла, будучи оставлены помощью Божией и преданы бесам на поругание за горделивое искание паче меры и достоинства своего.

Преподобные Лев и Макарий Оптинские. Фреска в Казанской церкви Оптиной пустыни

После жалкой повести о прельщенных дьяволом Малпате и Асине святой Исаак говорит: «Не напрасно я сказал здесь это, но — чтобы познать нам поругание от бесов, жаждущих погибели святых, и не вожделевать не вовремя высоты умного жития, а иначе — будем осмеяны лукавым супостатом нашим: ибо и ныне вижу, что юноши, исполненные страстей, безбоязненно суесловят и учат о тайнах бесстрастия. Относительно людей, которые исполнены страстей и входят в исследование об отношениях телесного и бестелесного³ и не отличаются от больных, учащих о здоровье, одним из святых написано: „Блаженный Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не преполюбили страстей, но вожделевали блаженства в созерцании тайн, возможном по очищении, сказал им: солекитесь прежде ветхого человека страстей, и тогда вожделевайте облечься в человека нового, обновляемого познанием тайн по подобию Творца⁴, не вожделевайте того моего и прочих апостолов видения (дарования. — *При. М.*), совершенного благодатию, потому что Бог егоже хощет, милует, а егоже хощет, ожесточает (Рим. 9, 18). Ибо кто противостанет лицу Его или воспротивится воле Его? Бог подает иногда даром; иногда же требует дел и очищения и потом уже посылает дар; а иногда и после дел и очищения не дает здесь, но хранит, чтобы даровать созерцание на своем месте“»⁵.

Святой Григорий Синаит, ревностный учитель умного делания, в главах о безмолвии пишет: «Близ и около новоначальных и самочинных бесы обыкновенно распространяют сети помыслов и пагубных мечтаний и уготовляют рвы падений: так как град их находится еще под властью варваров. И нечего дивиться, если кто из них заблудился, или выступил

³ В славянском: «о словесех телесных и бестелесных». — *Примеч. схииархим. Агапита.*

⁴ Ср.: Кол. 3, 9–10.

⁵ Святой Исаак Сирин. Слово 55. С. 274–275.

из ума, или принял и принимает прелесть... В том, что новоначальные ошибаются и после многих трудов, ничего нет дивного... Память Божия, или умная молитва, выше всех деланий... Но бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие... Господь, милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действованию прежде, чем сделается поношением и посмехом для бесов и плачем для людей... Ибо сильным и совершенным принадлежит бороться всегда с бесами одним и на них непрестанно обращать меч духовный, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17); немощные же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом, отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти (душевной. — *Прп. М.*)»¹.

¹ Добротолюбие. Т. V. С. 217.

У этого святого говорится еще, что не всякого должно и можно учить умному деланию молитвы, как написано у него в пятнадцати главах: «Добре также говорят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют нужды в псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ибо они с Богом соединены и не должны отторгать ум свой от Него и ввергать его в смущение (или в толпу помыслов. — *Свт. Ф.*)... Научить других сему чину не всех возможно. Послушливых² простецов и неграмотных — да, потому что послушание ради смирения ко всякой добродетели способно. Непослушливым же,

² Не по простому обычаю так называемых, но в повиновении находящихся у духовного отца, с отсечением своей воли и разума. — *Примеч. прп. Макария.*

простецы ли они или ученые, не преподается сия наука, чтобы не впали в прелесть; ибо самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть, как говорит святой Исаак. Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вrede, всякого прилучающегося учат своими усилиями держать память Божию (то есть Иисусову молитву. — *Прп. М.*) для того, чтобы ум навыв сей памяти и возлюбил ее, что невозможно, особенно для привыкших жить по своему чину. Ибо, так как ум их нечист по причине нерадения и высокоумудрия и не предочищен слезами, то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву, между тем как гнездящиеся в сердце их нечистые, будучи тревожимы страшным именем (Божиим. — *Свт. Ф.*), скрежещут, желая погубить уязвляющего их»³.

Притом должно знать, что умная молитва немалого требует внимания, подвига и труда. Кто желает в разуме проходить делание сие, тому святой Симеон Новый Богослов предписывает следующее: «После (установления в сердце. — *Свт. Ф.*) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочие дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицом Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским. — *Свт. Ф.*).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

³ Добротолюбие. Т. V.
С. 225.

В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтобы они делали тебе самому.

И в отношении к вещам долг имеешь хранить свою совесть чистою, употребляя их всегда как должно, — именно пищу, питье, одежду.

И, вкратце, сие делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо»¹.

Кто имеет возможность и произволение жить по этому наставлению преподобного Симеона Богослова, тот, без сомнения со смирением и надеждой на помощь Божию, может коснуться обучения деланию сердечной молитвы, употребляя при этом и другие советы святых отцов, то есть растворяя молитву памятью смерти, памятью прежнего жития и воспоминанием согрешений своих по виду (кроме плотских, сих бо памятование вредно. — *Прп. М.*), да всеми способами стяжет и удержит сокрушение духа, и смирение, и плач, «ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу. — *Свт. Ф.*) демонами», говорит преподобный Филофей Синайский². Делатель этот также должен иметь в виду и цель молитвы истинную, а не ту, какую представляет упоминаемый писатель, то есть искание дарований и утешений духовных. Истинно праведные подвижники не искали дарований, но, напротив, некоторые из них молились Богу о том, чтобы отняты были от них и данные уже дарования. «Если же некоторые

¹ Добротолюбие. Т. V. С. 451.

² Там же. Т. III. С. 409.

из них, — говорит святой Исаак Сирин, — и принимали дарования, то принимали по нужде (для пользы других. — А.) или по причине простоты своей»³.

Преподобные Каллист и Игнатий пишут: «Не ищи прежде времени того, что будет в свое время»⁴. И в другом месте эти святые, приводя свидетельство из книги святого Исаака о Божественном в нас явлении и существенном благодатном просвещении, предостерегают неопытных такими словами: «Это Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по слову Господню (ср.: Лк. 17, 21. — А.), эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки... Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тьма есть и лживо представляется светом»⁵.

Какая же истинная цель молитвы? Святой Кассиан Римлянин в послании к Леонтину игумену, говоря о беседе своей с аввой Моисеем, пишет, что преподобный сей целью духовной жизни поставляет чистоту сердца, то есть очищение его от страстей.

Как достигается эта цель?

При помощи хранения заповедей Божьих, и через это когда кто совлечется ветхого человека, то есть от страстей, то сподобляется чистой и духовной молитвы, по сказанному у святого Исаака Сирина: «Сподобляется же ее человек (то есть духовной молитвы. — *При. М.*), когда хранением заповедей Господних, противящихся греху, и внутренне, и наружно совлечется греха. Кто возлюбит эти заповеди и воспользуется ими по чину, для того необходимым

Преподобные Лев, Макарий и Амвросий Оптинские. Фреска во Владимирской церкви Оптиной пустыни

³ Святой Исаак Сирин. Слово 36. С. 154.

⁴ Добротолюбие. Т. V. С. 367.

⁵ Там же. С. 368.

сделается освободиться от многих человеческих дел, то есть совлечься тела и быть вне его, так сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведет жизнь по образу Законоположника (то есть по примеру

Его. — *Прп. М.*) и руководствуется заповедями Его, в том невозможно остаться греху. Потому Господь обетовал в Евангелии сохранившему заповеди сотворить у него обитель¹.

У Макария Египетского в книге «Семь слов» читаем: «Если кто, не имея охоты к молитве, принуждает себя только к молитве, чтобы получить благодатную молитву, а к смиренномудрию, к любви и к соблюдению прочих Господних заповедей не принуждает себя, то иногда, по прошению его, дается ему благодатная молитва, даже отчасти в упокоении и веселии; но нравами уподобляется он тому же, чему и прежде был подобен. Ибо не имеет он кротости, потому что не взыскал ее с трудом и не приуготавливал себя быть кротким; не имеет смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал

себя к этому; не имеет любви ко всем, потому что не имел об этом попечения и не искал этого усиленно в молитвенном прощении. Ибо всякому, кто приневоливает и нудит себя, даже против желания сердца, надобно также принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению, и великодушию, по написанному, с радостью; и таким же образом надобно принуждать себя к уничижению, к тому, чтобы почитать себя худшим и низшим всех» (Слово 1, отд. 13)².

В той же книге и в том же Слове еще сказано, что таковой всегда близок к падению: «Если же кто принуждает себя к молитве, пока не примет дарования

Преподобный Лев
Оптинский. Фрагмент
фрески на стене сводов
Святых ворот
Оптиной пустыни

¹ Святой Исаак Сирин.
Слово 21. С. 105.

² Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. Цитируется по изд.: [Сергиев Посад]: Троице-Сергиева лавра, 1904; Клин, 2004. С. 348.

от Бога, а к этому, то есть к смиренномудрию, к любви, кротости и прочим добродетелям, не приневоливает и не нудит себя в той же мере, то бывает к нему Божия благодать по его молитве и прошению, ибо благ и милостив Бог и просящим у Него дает просимое. Но не приуготовив и не приучив себя к исчисленным выше добродетелям, или утрачивает он благодать, или приемлет и падает, или не преуспевает от высокоумия, потому что не предаёт себя от всего произволения заповедям Господним. Обитель, или упокоение Духа, есть смиренномудрие, любовь, кротость и прочие заповеди Господни» (Слово 1, отд. 14)³.

И еще говорит сей святой: «Если смиренномудрие и любовь, простота и благость не будут в нас тесно соединены с молитвой, то сама молитва, лучше же сказать — личина молитвы, весьма мало может принести нам пользы» (Слово 3, отд. 5)⁴.

Упомянутый писатель⁵, убеждая к прохождению умной молитвы, на вид выставляет душевное устроение и образ жизни лишь только избранных подвижников, уже очистивших себя от страстей, а как вначале совершается духовно борение со страстями посредством молитвы — о том он умалчивает. В надсловии же к книге преподобного Нила Сорского сказано: «Поставь на одной стороне заповеди Христовы, а на другой непрестанную молитву, чтобы оставил нам долги наши. И дай мне слово истинное не преступать ни одной заповеди, то есть не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, добро творить ненавидящим, молиться за твоорящих напасти; также уклоняться сребролюбия, блудных помыслов, печали, тщеславия и презорства⁶ и просто всех грехов и помыслов

³ Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. С. 349.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Имеется в виду преподобный Василиск Сибирский.

⁶ Презириание, пренебрежение, непослушание, строптивость (церк.-слав.).

¹ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского с присовокуплением... М.: Изд-е Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1892. С. 120–121. Цитируемый текст адаптирован для удобства современного читателя.

² Слово к монахам в книге «Восторгнутые класы». — Примеч. схимархим. Агапита. Текст адаптирован.

злых. И с таким предложением приступи к обучению умного делания; и внимай прилежно, сколько раз еще на всякий день, смотря на свое обещание, преступишь заповеди и сколькими грехами, страстями и помыслами злыми уязвишься»¹. Место это, во-первых, показывает, как умное делание должно быть сопряжено с хранением заповедей Божиих, о которых упоминаемый писатель нигде утвердительно не говорит; а лишь повествовательно, в конце послания своего, упоминает мало. Во-вторых, оно показывает, что не вдруг делатель молитвы наслаждается желаемыми плодами, хотя упоминаемый автор и обещает скорый успех в этом.

Из учения святых отцов видно, что обучение умного делания требует многого не только труда и подвига, но и времени. Святой Иоанн Златоуст пишет: «Дело же сие требует не одного или двух дней, но многих лет и времени, потребны подвиг и труд, дондеже изгнан будет враг и вселится Христос»².

У преподобного Исихия и Никифора монашескую хотя представлены многие подробности, как должно вначале проходить обучение умного делания, но не испытавшим еще его преимущественно должно держаться наставления преподобных Каллиста и Игнатия, потому что они в постепенном порядке излагают руководство к прохождению умного делания, поставив впереди многие к тому приготовления. Во-вторых, эти святые говорят, что начало всякого по Бозе делания есть жизнь по заповедям Спасителя и что желающий жить по Бозе должен направляться к исполнению всех заповедей Божиих, особенно же хранить мир с ближними и иметь любовь ко всем. Далее пишут, что прежде всего должно избрать духовного наставника и иметь к нему совершенное повиновение и отсечение перед

ним своей воли. Выставив признаки истинного послушания, они объясняют еще, что делателю этому, при православной вере, надлежит быть исполненным и благих дел, избегать молвы и смущения, печали и попечения, быть молчаливым и безмолвным и за все благодарить Бога, познавать свою немощь и доблестно терпеть искушения, с надеждой на Бога и ожиданием от Него пользы душевной; во время случающихся изменений не отчаиваться, а с верой и терпением ожидать перемены на лучшее и особенно погружаться в глубину смиренномудрия, от души считая себя грешнейшим и непотребнейшим паче всех людей, потому что смирение покрывает многие немощи наши и паче других добродетелей умилоствует о нас Бога. Еще эти преподобные советуют быть осторожным в отношении утешений духовных. Написана ими и глава об утешении Божественном и притворном, где выставлено на вид, как лукавый враг злохитро и тонко старается обольстить ложными утешениями не только неопытных, но и искусных подвижников, преклоняя их в некоторый тончайший сон, чтобы не могли отличить утешения ложного от истинного³. Главный признак прелести в том и состоит, когда человек ложные ощущения радости или утешения врагии примет за благодатные или примет ложный совет за истинный. Поэтому во избежание вреда эти святые советуют в таком случае вопрошать могущего научить не только от Божественного Писания, но и от опытного Божественного просвещения. Если же такового нет, то лучше не принять утешения, а со смирением прибегнуть к Богу, от чистого сердца считая себя недостойным такого достоинства и видения⁴.

*Преподобный Макарий
Оптинский. Фрагмент
фрески на стене сводов
Святых ворот
Оптиной пустыни*

³ Добротолюбие. Т. V. С. 310, 316, 351, 376.

⁴ Там же. С. 368–369.

Хотя апостол Павел в числе других плодов упоминает и о радости (Гал. 5, 22), но должно быть весьма осторожным, чтобы не увлечься ложным ощущением радости, как пишет об этом святой Лествичник, говоря: «Отвергай рукой смирения приходящую радость, как недостойный, да не, обольстившись ею, волка вместо пастыря примешь» (Степень 7, глава 57). Истинная и непрелестная радость, как видно из самого исчисления апостолом плодов духовных, принадлежит к великой мере духовной. Как дары Духа Святого начинаются от меньшего, то есть от страха Божия, и восходят постепенно, так и плоды духовные начинаются не высшими, но низшими, то есть воздержанием во всем и кротостью, которым последуют живая вера, всякое милосердие к ближнему, потом благодать, о которой говорят пророк Аввакум и святой Исаак Сирий: *чисто око еже не видети зла* (Авв. 1, 13; Исаак Сирий. Слово 21). Далее долготерпение в скорбях и искушениях внутренних и внешних и мир от помыслов и всякой страсти. Тот, кто этими добродетелями, названными от апостола плодами, растворяет молитву свою и достиг в свое время радости духовной, тот может наслаждаться ею достойно и праведно, будучи исполнен смирения и любви, которая, по слову апостола, *николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8).

Кстати, скажем о прелести вообще. Святой Григорий Синаит пишет: «Ты же, если добре безмолвствуешь, чая с Богом быть, никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои

не внимают сему опасно и таким образом сами себе причиняют вред. Так же и память о добрых и худых вещах обыкновенно вдруг печатлеет в уме образы их и вводит его в мечтание... Потому внимай, да не поверишь чему-либо, увлекшись тем, хотя бы то было что-нибудь хорошее, прежде вопрошения опытных и полного исследования дела, чтоб не потерпеть вреда, но будь всегда недоволен сим, храни ум бесцветным, безвидным и безобразным. Часто и то, что было послано Богом к испытанию для венца, во вред обращалось многим. Господь наш хочет испытать наше самовластие, куда оно клонится. Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то без вопрошения опытных легко, хотя то и от Бога есть, прельщается или имеет прельститься, как скорый на приятие помыслов... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть, без вопрошения и должного испытания, но паче похваляет его как мудрого... Ибо немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати, потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное»¹.

И у Симеона Нового Богослова сказано: «На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя

¹ Добротолюбие. Т. V. С. 218–219.

¹ Добротолюбие. Т. V. С. 448.

лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?»¹

Этой прелести особенно подвергаются те, которые, не очистив себя от страстей, возводят ум на небо и воображают небесная благая и чины Ангел и прочее, как написано у Симеона Нового Богослова в той же главе выше: «Когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои, и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых и кратко все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой и рассуждает о том, тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией и иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы. — А.). Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается. — А.) бывает, что мало-помалу (молящийся так. — А.) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему; и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это (то есть так думать об этом образе молитвы) есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует»².

² Там же. С. 447–448.

Что значит «не бывает добрым образом»? Святой Симеон в ответ приводит свидетельство из книги святого Лествичника, который уподобляет образы внимания и молитвы лестнице из четырех ступеней и говорит: «Иные укрощают страсти и смиряются; иные поют, то есть молятся устами; иные упражняются в умной молитве, иные восходят в созерцание. Итак, которые, продолжает святой Симеон, берутся

восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним — ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и, наконец, на четвертую... Во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, потому что когда умяются страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную пред Богом, в-третьих, молиться умно и, в-четвертых, восходить в созерцание... Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззреть чувственными очами, когда будет потребно, умными же, душевными, созерцать оное и молиться чисто воистину, как подобает»³.

Все эти свидетельства от учения святых и богоносных отцов выписаны для пользы ближнего и для предостережения неопытных и немощных, чтобы безрассудно и дерзостно не стремились выше меры своей к прохождению умного делания, да не впадут в прелесть вражю и будут поругание бесам и плач в человецех, как сказано выше. Но это написано отнюдь не для того, чтобы удержать и отвратить от этого делания кого-либо, в разуме и по учению святых отцов желающего проходить его. Мы радуемся о тех, которые разумно и достойно могут соединяться с Господом через это блаженное делание; не достигшим же того и нудящимся к прохождению сего делания советуем самим читать с должным вниманием отеческие книги, да познают истину и прелесть и подсады вражии и соблюдут себя от начинаний выше меры своей.

³ Добротолюбие. Т. V. С. 454–455.

¹ Святой Исаак Сирин.
Слово 5. С. 28.

² По-славянски: «люто
есть предати некая высока
новоначальну аще сущу
ему и младенцу возрас-
том».

³ Святой Исаак Сирин.
Слово 74. С. 372.

⁴ Преподобный Петр
Дамаскин. Указ. соч.
Слово 24. С. 310.

Многим прилично и полезно помнить слово святого Исаака Сирина, который советует употреблять образ молитвы согласно с образом своей жизни и соответственно мере душевного устройства, говоря: «Сообразно с житием твоим должна быть и молитва твоя»¹. И в другом месте: «Трудно² что-либо высокое преподавать еще новоначальному и младенцу возрастом (духовным. — *Прп. М.*)»³. Не вотще и апостол заповедует прежде молиться молитвой устной, как написано в Послании к Евреям: *тем убо приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен, исповедующихся имени Его* (Евр. 13, 15).

Также и преподобный Петр Дамаскин учит прежде проходить молитву деятельную, объясняя, что умозрительная даруется после благодатью Божией, не по воле человека, а по воле Божией, когда смогут сердце и ум вместить ее, как сказано у него во второй книге: «Даяй молитву молящемуся (1 Цар. 2, 9), то есть: хорошо молящемуся телесной молитвой дает Бог умную молитву, и тщательно пребывающему в ней (дарует. — *Прп. М.*) — безвидную и необразовидную, (происходящую. — *Прп. М.*) от чистого страха Божия. И опять, хорошо совершающему сию (дарует. — *Прп. М.*) — ведение творений и от него — восхищение ума к богословию и благому действию будущего дарует Бог тому, кто от всего *упраздняется* (Пс. 45, 11) и поучается в сем делом и словом, а не слухом только»⁴.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издательства	5
--------------------------------	---

Житие оптинского старца Макария

Предисловие автора	17
--------------------------	----

ГЛАВА 1. Происхождение Михаила Николаевича Иванова, впоследствии старца иеросхимонаха Мака- рия, и его мирская жизнь	19
---	----

ГЛАВА 2. Вступление Михаила Николаевича в Пло- щанскую Богородицкую пустынь. Современные его поступлению старцы-подвижники и значение старче- ства. Местоположение Площанской пустыни.	31
---	----

ГЛАВА 3. Состояние Площанской пустыни при по- ступлении в нее Михаила Николаевича и его житель- ство под руководством старцев: сначала иеромонаха Ионы, а затем схимонаха Афанасия (Захарова)	40
---	----

ГЛАВА 4. Прибытие в Площанскую пустынь духов- ного старца отца Леонида. Сближение с ним отца Макария. Деятельность сего последнего в Площан- ской пустыни и его переход в оптинский скит	58
--	----

ГЛАВА 5. Взаимные отношения старца Леонида и отца Макария	70
---	----

ГЛАВА 6. Душевные свойства старца Макария, при- обретенные при помощи Божией его трудами и под- вигами, и духовные благодатные дарования, ско- ро доставившие ему большую известность среди людей благомыслящих.	83
--	----

ГЛАВА 7. Природные способности старца Макария, его разумная внешняя обстановка, наружный вид, келья и порядок ежедневных занятий.	108
---	-----

ГЛАВА 8. Внешнее устройство оптинского скита и церковный порядок при старце Макарии.....	122
ГЛАВА 9. Общий взгляд на великое значение старца Макария как старца. Об откровении старцам (в женских монастырях — старицам) помыслов. Взаимные духовные отношения старца Макария и оптинских братий, как скитских, так и монастырских, во главе с настоятелем и благие их последствия.....	140
ГЛАВА 10. Отношения старца Макария, в частности, к некоторым из оптинских братий — скитским и монастырским.....	161
ГЛАВА 11. Старец Макарий — продолжатель литературных трудов молдавского старца Паисия Величковского по изданию в свет святоотеческих писаний.....	187
ГЛАВА 12. Временные отлучки старца Макария из своей обители в Орловскую и Курскую епархии, в Киев и прочие. Посещение Оптиной пустыни наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием. Поездка старца Макария в Москву и Сергиеву лавру. Отношения Московского митрополита Филарета и лаврского наместника архимандрита Антония к старцу Макарию и его к ним. Участие митрополита Филарета в книжных трудах оптинских братий	206
ГЛАВА 13. Отношение некоторых иерархов и соприкосновенных книжным оптинским трудам лиц к старцу Макарию и старца к ним, а также и к своим скитским братьям	249
ГЛАВА 14. Отношение старца Макария к посторонним монастырям — мужским и женским.....	275
ГЛАВА 15. Отношение старца Макария к мирским посетителям	311
ГЛАВА 16. О письмах старца Макария.....	323
ГЛАВА 17. Отношения старца Макария и господина Д. Л. с семейством	343

ГЛАВА 18. Чудодейственный рассказ схимонахини Шамординской Амвросиевской женской пустыни Иулии (Гурьевой) о старце Макарии, а также о другом замечательном оптинском подвижнике — страдальце иеродиаконе Мефодии. 369

ГЛАВА 19. Чудесные действия благодати Божией по молитвам старца Макария, во избавление обращающихся к нему с верою за помощью от недугов душевных и телесных, и Божии наказания за непочитание старца, прославлявшегося Самим Господом 383

ГЛАВА 20. Старец Макарий уклоняется от настоятельской должности и архимандритского сана и слагает с себя некоторые обязанности. Его любовь к вере и Церкви Православной и ревность по вере и благочестию. Благодарное письмо за это к нему от Московского митрополита Филарета. Следит старец за духовной литературой и с великим участием относится к отечественным событиям. Скорби старца в последние годы его жизни и разрешение недоумений по этому случаю. 406

ГЛАВА 21. Последние годы и обстоятельства жизни старца отца Макария, его предсмертные страдальческие дни и блаженная кончина 434

ГЛАВА 22. Перенесение тела почившего о Господе старца Макария из скита в монастырь и погребение. Поминальная трапеза. Сочувственные письма почитателей старца о потере его 451

ГЛАВА 23. Посмертные добродейства старца Макария некоторым из почитателей его через сновидения: исцеления, утешения, ободрения, обличения. 465

Приложение. Из наставлений оптинского старца иеросхимонаха Макария

Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву 489

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)
Житие оптинского старца Макария

Редактор *иеромонах Платон (Рожков)*
Предисловие *монахиня Евфимия (Аксаментова)*
Корректоры *Н. В. Орлова, О. П. Суздальцева*
Верстка *О. Е. Федорова*

В оформлении обложки использован рисунок С. Афоной.

Издатели благодарят Светлану Олеговну Захарченко (канд. филолог. наук, Петрозаводский государственный университет) за ценные замечания, а также братию Площанской пустыни за предоставленные фотографии.

Использованные сокращения:

АОП — архив Оптиной пустыни
ЦАК МПДА — Церковно-археологический кабинет
Московской Православной духовной академии
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской
государственной библиотеки
ИРЛИ — Институт русской литературы

Подписано в печать 21.11.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32. Тираж 3000 экз.
Заказ № 5086/16.

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной пустынь
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиной пустынь
Тел. +7 (484-42) 50-117